

Московский Центр Карнеги

Дмитрий Тренин

ИНТЕГРАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ

Россия как «новый Запад»

Москва
Издательство «Европа»
2006

УДК 327
ББК 63.3-3
Т66

*Рецензент доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН, профессор В. Г. Барановский*

Dmitri Trenin. Integration and Identity: Russia As the 'New West'
Электронная версия: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/books>

Книга подготовлена в рамках программы, осуществляемой некоммерческой неправительственной исследовательской организацией — Московским Центром Карнеги при поддержке Carnegie Corporation of New York, а также посольства Швеции в России.

В книге отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Тренин Д.

Т66 Интеграция и идентичность : Россия как «новый Запад» / Дмитрий Тренин ; Моск. Центр Карнеги. — М. : Изд-во «Европа», 2006. — 404 с.

ISBN 5-9739-0056-8

Книга посвящена оценке возможностей, существующих у России для того, чтобы интегрироваться в группу конкурентоспособных стран, называемых для краткости Западом, выяснению, каковы в этой связи уроки двух десятилетий, прошедших с начала Перестройки, и на каких принципах и в каких формах оптимально развивать отношения России с Западом в течение следующих двадцати лет, к исходу которых она сама имеет шанс приблизиться к тому, чтобы стать «новым Западом».

УДК 327
ББК 63.3-3

ISBN 5-9739-0056-8

© Carnegie Endowment
for International Peace, 2006
© Издательство «Европа»,
оформление, 2006

Предисловие

НАДЕЖДЫ НА ВОЗМОЖНОСТЬ быстрой интеграции России в международное сообщество, существовавшие после крушения коммунизма, быстро исчезли. Уже в более недавнее время, после террористических актов 11 сентября 2001 г., снова возникли ожидания, что стратегическое решение Путина поддержать Соединенные Штаты в их борьбе с терроризмом приведет российское руководство к стратегии интеграции с Западом.

Прошло пять лет, и эти надежды тоже пришлось отбросить. Российские политики и общество в целом весьма далеки от принятия либерально-демократических правил игры, а без этого ни конструктивное стратегическое партнерство, ни полноценная интеграция России в западное сообщество невозможны. Сегодня в общественном мнении Запада гораздо меньше неопределенности в отношении России и гораздо больше пессимизма по поводу ее внутривнутриполитического развития и его влияния на внешнюю политику и политику в области безопасности. Теперь Россию обычно относят не к таким странам, как Польша или даже Украина, а скорее к таким, как Китай.

И хотя интеграция России пока окончательно не вычеркнута из западной повестки дня, она, безусловно, не является приоритетом.

Российское руководство, в свою очередь, вновь обрело уверенность и демонстрирует напор. Оно завершило формирование политического режима по типу царского, обеспечило тем, кто управляет государством, также и контроль над национальной экономикой и ввело ограничения на деятельность только нарождающихся институтов гражданского общества. Оно не преминуло заявить своей целью восстановление России как современной великой державы, используя энергетические ресурсы в качестве символа мирового престижа и политического инструмента. В понимании Кремля Россия должна быть полностью независимой от Америки и Европы в зоне ее влияния на постсоветском пространстве. Внешняя политика Москвы, официально будучи многовекторной, в действительности в возрастающей степени ориентируется на набирающие силу азиатские державы, особенно на Китай. Таким образом, в поиске своей новой идентичности Россия все больше удаляется от Запада.

Казалось бы, таким образом, интеграция (с Западом) и идентичность (России) — слова, вынесенные в название книги Дмитрия Тренина, — это движение по двум дорогам, ведущим в разные стороны. Россия стремится к самоидентификации, связанной именно с тем, что отличает ее от Запада. В мировых СМИ нет недостатка в комментариях и аналитических публикациях, предсказывающих новую «холодную войну» между Россией и Западом, возрастающую изоляцию России или даже возможное согласие Москвы на «руководящую роль» Пекина в новом противостоянии между Востоком и Западом. Дмитрий Тренин, выдающийся специалист в области безопасности, ведущий научный сотрудник Фонда Карнеги за Международный Мир и директор по исследовательским программам Московского Центра Карнеги, представляет нам другую перспективу.

В то время как почти все сторонники интеграции России с Западом и большинство тех, кто критикует ее поведение, концентрируются на политике Кремля, он обращает внимание на другое. По существу он объясняет свою позицию двумя факторами: открытостью России для внешнего мира и развитием российского капитализма. Тренин особо подчеркивает, что Россия, по размерам равная целому континенту, отказывается от самоизоляции и что капитализм по мере своего развития коренным образом, хотя и медленно, преобразует российское общество. Он полагает, что со временем развитие капитализма обусловит потребность в соблюдении законов, а порожденный им средний класс создаст основы демократического государственного устройства. Вместо просвещенного либерального руководства Тренин возлагает надежды на внеличностные экономические факторы (прежде всего — на права собственности) как движущую силу истории.

Время покажет, действительно ли такой взгляд позволяет лучше понять, в каком положении Россия находится сегодня и куда она движется. Подход Тренина во многом опирается на историю. Он приводит многочисленные примеры из прошлого и проводит параллели между разными эпохами, чтобы определить возможные варианты развития событий в будущем. Тренин делает парадоксальный вывод о том, что в результате развития капитализма, следствием которого должен стать либерально-демократический прорыв, Россия имеет реальные шансы стать страной западной (в смысле создания соответствующих институтов), но не европейской (в смысле членства в ЕС). Возможно, этот вывод спорен, но он обеспечивает разрешение дилеммы «интеграция или самоидентификация». То есть Россия формально не интегрируется в западное сообщество, но российские привычки и предпочтения, а также внутривнутриполитические институты постепенно — благодаря экономическому развитию и интересам вовлеченных в него слоев — станут схожими с западными.

Дмитрий Тренин является в первую очередь специалистом по российской внешней и оборонной политике. Его книга «Конец Евразии: Россия между геополитикой и глобализацией», изданная несколько лет назад Фондом Карнеги, признана во всем мире в качестве основополагающего труда, в котором обосновывается необходимость коренной модернизации внешней политики России. Новая книга в известной мере продолжает эту тему, но замыслы автора заметно расширились. В своем стремлении найти убедительные ответы на критически важные вопросы он приглашает читателя в увлекательное путешествие через различные пространства и исторические эпохи. Независимо от того, согласится читатель с Дмитрием Трениным или нет, эта книга безусловно интересна, познавательна и обеспечивает богатую пищу для размышлений.

Мы благодарим за поддержку, которую Корпорация Карнеги в Нью-Йорке, Фонд Старра и Фонд Чарльза Стюарта Мотта предоставили российско-евразийской программе Фонда Карнеги за Международный Мир.

*Джессика Т. Мэтьюз,
президент Фонда Карнеги
за Международный Мир*

*Моим родителям
Валентине Ефремовне
и Виталию Николаевичу*

Благодарность автора

АВТОР, И ТОЛЬКО ОН ОДИН, несет ответственность за содержание текста, который выносит на суд читателей. Тем не менее для того, чтобы текст стал книгой, потребовались помощь, участие и дружеское содействие многих людей. Прежде всего я признателен моим коллегам по фонду Карнеги за Международный Мир, которые поддержали идею написания этой книги: Джессике Мэтьюз, президенту фонда; Полу Баларану и Джорджу Перковичу — исполнительному вице-президенту и вице-президенту по исследованиям соответственно. Эндрю Качинс, директор Московского Центра Карнеги (2003–2005 гг.), взял на себя труд прочитать рукопись и сделал ценные и тонкие замечания. Внимательнейшим читателем и дотошным критиком текста был Бобо Ло, в прошлом приглашенный исследователь Московского Центра Карнеги, а ныне руководитель программы исследования России и Евразии в Королевском институте международных отношений (Чатем-хаус) в Лондоне. Принципиальные вопросы этой работы были предметом многочасовых обсуждений с моими друзьями, руководи-

телями программ Московского Центра Карнеги Лилией Шевцовой и Алексеем Малащенко, а также с человеком, который знает меня дольше всех, за исключением моих родителей, — Андреем Тетеревым. Я глубоко благодарен ведущему российскому ученому, заместителю директора Института мировой экономики и международных отношений, члену-корреспонденту Российской академии наук Владимиру Барановскому за его рецензию на мою рукопись, в которой строгость критики сочеталась с конструктивностью предложений и доброжелательным отношением к автору.

Наталии Бубновой, курирующей публикационную программу в Московском Центре Карнеги, выпала критически важная роль координатора процесса превращения рукописи в книгу, в то время как Наталия Кабанова обеспечивала материальную и договорно-правовую сторону этого процесса. Александр Иоффе не только привел текст в соответствие с общепринятыми нормами, но и неуклонно добивался от автора максимальной ясности изложения и документального подтверждения всех и всяческих ссылок. Наконец — по порядку, но не по важности — огромную гору важнейшей организационно-технической работы сумел сдвинуть мой помощник, координатор программы «Внешняя политика и безопасность» Сергей Псурцев.

Написание книг — занятие, требующее взаимопонимания в семье и постоянной поддержки со стороны домашних. Жена Вера, мой вдохновитель и организатор, была одновременно самым суровым и беспощадным критиком. Особое спасибо я хочу сказать моим уже взрослым сыновьям Петру и Андрею — не только за их готовность обсуждать темы и тексты, предложенные отцом, но главным образом за то, что вопрос об их будущем послужил, наверное, самым серьезным побудительным мотивом этой работы.

Январь 2006 г.

Введение

ПЕРВОНАЧАЛЬНО ЭТА КНИГА была задумана как анализ отношений Российской Федерации с союзом НАТО и его членами после окончания «холодной войны». Уже вскоре, однако, стало ясно, что ограничение исследования собственно международной проблематикой слишком узко и, главное, не способно дать ответ на вопрос о перспективах отношений России и Запада. На этом уровне внешнюю политику России невозможно рассматривать вне контекста внутривнутриполитической борьбы интересов, экономических и социальных сюжетов, ценностных ориентиров. Осмыслить этот контекст — значит сделать большой шаг в осмыслении взаимосвязи внешней политики России, ее отношений с Западом и продолжающихся поисков новой российской идентичности.

Проблема не только российско-западных отношений, но и места России в мире в XXI в. сводится к тому, сумеет ли Россия (и если да, то когда) достичь качественного тождества с Западом. При этом Запад понимается не как географическая данность, тем более раз и навсегда определенная, а как совокупность основных институтов со-

временного общества — частной собственности, конституционного строя, гражданского общества, гарантий прав человека и основных свобод и, наконец, либеральной демократии. Без такой глубокой и всеобъемлющей модернизации Россия однозначно не будет конкурентоспособной страной в глобализирующемся мире.

Критерии сравнения государств постоянно меняются. До Второй мировой войны главным было количество и качество войск и сила флотов, во второй половине XX в. — пресловутый ядерный «мегатоннаж». И то, и другое непосредственно зависело от экономического развития, но в индустриальную эпоху системы мобилизационного типа могли добиваться впечатляющих успехов и в течение длительного времени соперничать с системами, основанными на либеральных принципах. В начавшемся столетии важнейшим качеством государств будет, вероятно, их способность к инновационному развитию. Эта способность, в свою очередь, зависит от характера политических, экономических, социальных и ценностных систем общества на постиндустриальной стадии его развития.

Лишь достижение тождества по этому критерию сделает Российскую Федерацию конкурентоспособной в мире, где соревнование приобрело всеобщий и глобальный характер. Традиционно упоминаемые преимущества России в международной конкурентной борьбе — факторы географического, ресурсного, военного и прочего характера — будут эффективно задействованы лишь при условии приобретения ею равенства в качестве основных систем общества с лидерами современного развития. Только такое равенство в качестве создает основу для равноправия. В противном случае, т. е. если Россия не сумеет стать западной страной в институциональном отношении, традиционные факторы национальной мощи могут обратиться в свою противоположность: потенциал силы обернется реальностью слабости, уязвимости, зависимости.

Итак, Запад, о котором идет речь в этой книге, — не географическое или культурно-цивилизационное поня-

тие. Имеется в виду современное постиндустриальное общество, возникшее на основе модели, впервые появившейся в Европе в XII–XIV вв. и с тех пор постепенно распространяющейся по всему миру. В XXI столетии главным «фронтиром» процесса вестернизации стала Азия, и прежде всего Китай. Американские аналитики сделали важнейший вывод: в ближайшие 15–20 лет процесс глобализации будет все больше связываться не с США, а с такими странами, как Китай и Индия¹.

Соответственно под интеграцией в западное или, точнее, международное общество подразумевается не физическое присоединение к тем или иным международным институтам, а создание *внутри страны* современных институтов, обеспечивающих конкурентоспособность. Иными словами, проблема не в том, закрепится ли Россия «в составе Запада», а в том, закрепятся ли современные институты, технологии, практики внутри России.

С учетом данных пояснений должно быть очевидно, что превращение России в «новый Запад» не означает потерю идентичности, индивидуальности России, ее уподобление США или Европейскому союзу. Напротив, интеграция такого рода представляет собой едва ли не единственный надежный способ укрепить международный статус России. Доказывать, «почему Россия не Америка»², излишне. Хотя, как давно известно, капитализм стремится к созданию однородной среды для своего развития, не признавая при этом никаких границ³, национальная идентичность не исчезает, а сохраняется, несмотря ни на какие политико-экономические и валютные союзы, тем более — военные альянсы. «Пары» США — Канада, Великобритания — Ирландия, бельгийская Фландрия — Нидерланды (или, соответственно, бельгийская Валлония — Франция) убедительно доказывают этот тезис. Список примеров можно продолжать долго.

Проблема, следовательно, не в том, что станет с Россией, если она станет Западом, а в том, что будет, если она этим Западом *не* станет. Остановка и разворот вспять

процесса трансформации вряд ли приведут к тому, что Россия возглавит всемирную альтернативу, станет лидером пяти миллиардов «жертв глобализации» в борьбе против «золотого миллиарда» и развернет ход мировой истории, взяв таким образом реванш за поражение в конце XX в. Это иллюзия. Поднимающиеся страны — Индия и Индонезия, Бразилия и ЮАР и, конечно, Китай — это новая волна вестернизации, не поднятая западным империализмом, а созревшая в местном климате и обладающая в каждом конкретном случае явной «национальной спецификой». Все эти страны — без исключений — будут успешными в той мере, в какой им удастся выстроить у себя дома собственную модель Запада.

Неспособность России реализовать аналогичный проект на своей почве станет двойным поражением — и по отношению к зрелому, и по отношению к молодому Западу. В результате произойдет окончательная маргинализация страны, превращение ее не в смешную и неуклюжую «Азиопу», а во вполне конкретный Евро-Китай.

Для того чтобы справиться со стоящим перед страной вызовом, нужно прежде всего осознать его масштабы, перспективу возможного выигрыша и цену вероятной потери. Необходимо осознать, что «старый добрый» российский традиционализм, сдобренный изоляционизмом и изо всех сил прославляющий державность — это верный путь к загниванию, поражению и катастрофе. Следует хорошо понимать, что и хваленый прагматизм при всех его несомненных, но столь же явно ограниченных достоинствах, а также очевидной беспринципности, не способен быть стратегией политики. Это тактика, в лучшем случае — оперативное искусство. Уровень стратегии требует иного качества мышления и, конечно, новых людей, которым и адресована эта книга.

В ней читатель не найдет описания сценариев распада России. Тема поражения нас не интересует. Нет здесь и академичного, политически выверенного меню возможных вариантов развития с предложением выбрать попра-

вившийся. Задача в другом — оценить, какие возможности существуют у России для того, чтобы интегрироваться в группу конкурентоспособных стран (она называется здесь международным обществом или, для краткости, Западом), каковы в этой связи уроки двух десятилетий, прошедших с начала Перестройки, и на каких принципах и в каких формах оптимально развивать отношения России с Западом в течение следующих двадцати лет, к исходу которых она сама имеет шанс приблизиться к тому, чтобы стать «новым Западом».

Книга состоит из пяти глав. В первой описывается феномен расширяющегося Запада и исследуется связь между международной интеграцией и национальной идентичностью. Во второй анализируются изменения в политической, экономической, социальной и духовной сферах российского общества, в результате которых плотно закрытое советское общество трансформировалось в гораздо более открытое российское. Эти изменения рассматриваются как база для дальнейшей модернизации. В третьей главе дается очерк меняющейся российской идентичности. Изменения конца XX столетия вполне вписываются в исторический континуум, подтверждая склонность и способность российского общества время от времени «переизобретать» свою страну. Четвертая глава, самая большая по объему, посвящена анализу отношений России с Америкой и Европой в конце XX — начале XXI в. Задача этой главы — извлечь уроки из этих отношений на будущее. Пятая, заключительная глава обращена в будущее. Ее цель — наметить пути и определить инструменты развития будущих российско-западных отношений. Наконец, в Заключении излагаются принципы российской внешнеполитической стратегии, понимаемой как максимально эффективное привлечение внешних ресурсов для решения задач внутреннего развития и для достижения страной международной конкурентоспособности.

В смысловом отношении «Интеграция и идентичность» — продолжение книги «Конец Евразии»⁴, в силу

ряда причин не появившейся на русском языке. На уровне подзаголовков двух книг «Россия как новый Запад» является ответом на фактический вопрос «Россия между геополитикой и глобализацией», поставленный в моей предыдущей книге. Итак, выйдя из Евразии, Россия имеет шанс стать «новым Западом». Этот шанс нельзя упустить.

Москва, 1 декабря 2005 г.

¹ Mapping the Global Future: Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. — Washington: Government Printing Office, Dec. 2004.

² Паршев А. П. Почему Россия не Америка. — М.: Крым. Мост; Форум, 2003.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Избр. произв. в 3 т. — Т. 1. — М.: Политиздат, 1983. — С. 106–138.

⁴ Trenin D. The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization. — Moscow: Carnegie Endowment, 2001; Washington, D.C., 2002; Die gestrandete Weltmacht. — Hamburg: Murmann, 2005.

Глава первая

ИНТЕГРАЦИЯ

И ИДЕНТИЧНОСТЬ

В XXI ВЕКЕ

ОКОНЧАНИЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» разрушило «второй мир», в который входили тогдашний Советский Союз и страны социалистического содружества, как они официально именовались. Социалистическая система проиграла соревнование капитализму в том числе по своим собственным меркам: она не сумела добиться *создания более высокой, чем при капитализме, производительности труда*¹, и это в конечном счете имело решающее значение для ее судьбы. Промежуточное положение между развитыми и отсталыми странами, которое последовательно занимали Российская империя, а затем СССР², оказалось уязвимым не только в экономическом, но и в политическом отношении.

За полтора десятилетия, прошедших после 1989 г. (освобождения Восточной Европы), часть социалистических стран — Восточная Германия, Чехия, Венгрия, Словения — сумели в основном завершить переход к политической демократии, рынку, гражданскому обществу. Другие — Польша, Словакия, страны Балтии — далеко продвинулись по этому пути и уже достигли таких рубежей, кото-

рые сделали их транзит необратимым. Третья группа — Румыния, Болгария, Хорватия — в принципе определена с западным вектором своего развития. Четвертая — Сербия и Черногория, Босния и Герцеговина, Македония, Албания — вошла в зону притяжения и политической ответственности Запада (первоначально НАТО, затем, с начала XXI в., — Европейского союза), что создает благоприятные внешние условия для их внутреннего развития.

Несмотря на кризис европейского процесса, наступивший после провала Европейской конституции на референдумах во Франции и Нидерландах в 2005 г., Балканские страны, вероятно, будут поэтапно интегрированы в объединенную Европу. При этом ясно, что степень интеграции отдельных стран (членство в ЕС, статус кандидата или «привилегированного партнера») будет различаться, а характер будущего ЕС еще предстоит определить. Сейчас для нас важно подчеркнуть, что во всех перечисленных случаях внешний фактор — перспектива интеграции в западные институты, НАТО и ЕС — играет роль «лифта», мощного подъемника, обеспечивающего успех внутренних преобразований.

Государства пятой группы — Украина, Белоруссия, Молдавия, страны Южного Кавказа — находятся на исторической развилке. Перспектива стать частью объединенной Европы у них менее реальна, чем у Балканских стран, расположенных внутри территории ЕС³, но потенциально некоторые из этих государств все же могут быть интегрированы в систему Европейского союза и НАТО. Способность западных институтов к пространственной экспансии значительна и еще не исчерпана. Но эта способность, конечно, не беспредельна. Есть черта, за которой успех оборачивается перенапряжением, грозящим успешной структуре развалом. В прошлом это приводило к распаду имперских образований. Судьба Европейского союза во многом зависит от того, удастся ли его стратегам определиться с оптимальными границами объединенной Европы.

Еще раз подчеркнем: «лифт интеграции» в принципе способен помочь некоторым из бывших республик СССР совершить модернизационный рывок. Главной предпосылкой для такого рывка, однако, является способность самих постсоветских обществ преодолеть систему нерасчлененной власти, пораженной едва ли не тотальной коррупцией, приведшей к сращиванию крупного бизнеса и высшей бюрократии, при крайне стесненном, «полупридушенном» положении бизнеса среднего и мелкого и т. д. Если новым элитам новых государств удастся совершить прорыв в вопросе о характере и типе власти, они смогут вывести свои страны на «дорогу в Европу». Без кардинальных внутренних перемен простая геополитическая переориентация тех или иных столиц с Москвы на Брюссель не будет эффективной с точки зрения решения задач модернизации. «Революция роз» в Грузии и «оранжевая революция» на Украине — это далеко не завершившиеся тесты на зрелость для нарождающихся средних классов этих стран и тест на способность мыслить категориями национальных интересов и действовать соответственным образом — для их элит.

Особняком в ряду кандидатов в ЕС стоит Турция⁴, где не только развитие капитализма как таковое, но и давние европейские устремления элит и все более влиятельного среднего класса являются мощным внутренним фактором модернизации. Турцию невозможно «поднять на лифте», но она способна подняться сама, если будет знать, что ее ждут. Брюссель не столько выдает Анкаре авансы, сколько ставит условия, фактически оттягивая принятие Европой окончательного решения «турецкого вопроса». В сущности, выбор у Турции невелик: либо она продолжает курс на модернизацию и европеизацию и в конце концов становится полноправным членом ЕС, либо грандиозный проект, начатый Ататюрком, постепенно рушится и Турция занимает в лучшем случае промежуточное положение между Европой и Большим Ближним Востоком. Поскольку, несмотря на свои исторические традиции, «стыко-

вое» географическое расположение и значительные людские ресурсы, Турция не является самодостаточной страной, такое промежуточное положение может оказаться для нее крайне неустойчивым и даже опасным. Выбор Европы также непросто: либо согласиться на присутствие внутри себя мощного инокультурного начала, либо получить потенциально нестабильного соседа.

Как и Турция, Россия стоит перед дилеммой. Либо ей удастся — причем, в отличие от соседей (включая Турцию), самостоятельно — осилить тяжелый, длительный, болезненный подъем в «первый мир», первоначально хотя бы на его «нижние» этажи⁵, либо она должна будет присоединиться к тому, что еще недавно называлось третьим миром, встать в ряд «обычных стран», все более безнадежно отстающих от группы мировых лидеров⁶. Ясно одно: в условиях глобализации и всеобщей конкуренции ниша «среднего мира», где традиционно — и сравнительно комфортно для ее правящих классов — пребывала Россия⁷, размывается. Есть успешный Запад (т. е. совокупность институтов, обеспечивающих прежде всего современный экономический рост) и все более отстающий от него не-Запад (зона экономической, социальной и политической отсталости). Очевидно, что на постиндустриальном этапе развития ресурсы «особого российского пути» — централизованная нерасчлененная власть, мобилизационная экономика, опирающаяся на огромные природные богатства и значительные людские ресурсы, закрытое неструктурированное общество — совершенно исчерпаны. Собственно говоря, это стало очевидно для многих еще в период Перестройки.

Естественно поэтому, что главным политическим лозунгом отечественных либералов и демократов конца 1980-х — начала 1990-х годов был лозунг интеграции: Россия должна была стать «нормальной» — или, как было принято тогда говорить, «цивилизованной» — страной, частью международного общества (иначе говоря, Запада), полноправным (т. е. одним из ведущих) участником

его важнейших институтов и т. д. Трудности посткоммунистической трансформации, сложный опыт взаимоотношений с Западом как геополитической реальностью уже вскоре, однако, качнули маятник элитных и общественных настроений в другую сторону. Главным лозунгом начала 2000-х годов стал лозунг *идентичности* — самобытности, суверенности, независимости. В сфере внешней политики ориентиром стало подтверждение роли России как великой державы, самостоятельной по отношению к США, Европейскому союзу и Китаю, и единственного, доминирующего центра силы на постсоветском пространстве. Если идеология времен Горбачева и Ельцина была по сути революционной, то идеология путинского периода официально определяла себя как консерватизм⁸.

Экономические реформы, довольно активные в период 2000–2003 гг., затухли. В политической области наметилась застой — причем как сверху, так и снизу. Коррупция приобрела прежде невиданный размах. Федерализм переживает настолько серьезный кризис, что россияне перестают воспринимать свое государство в качестве федеративного. С другой стороны, возвращаются традиционные методы сверхцентрализованного управления, отношения по схеме «власть — общество», подозрительность к внешнему миру (прежде всего к Западу), якобы вечному недоброжелателю России, и т. д.⁹

Тем не менее, несмотря на очевидный ренессанс традиции, речь не может идти ни о «возвращении в СССР», ни о «*реимпериализации* России». Несмотря на многочисленные отступления и искажения, развитие капитализма в стране продолжается, причем быстрыми темпами. Идеологическое противостояние по линии Россия — Запад снято вместе с коммунистической идеологией и в прежнем виде невозстановимо. Существующий разрыв в ценностях имеет историческую, а не идеологическую основу. Что касается империи, то ее век для России завершился. У Москвы нет ни ресурсов, ни причин, ни жела-

ния для восстановления системы патерналистских отношений, у соседей России — готовности превращаться из субъекта политики в ее объект. Понятие «Евразия» сегодня, вероятно, употребляется чаще, чем когда бы то ни было в прошлом, но оно точно перестало быть синонимом российского государства¹⁰.

С другой стороны, период изоляции России *изнутри* закончился. Ее границы стали прозрачными и «пористыми». Десятки тысяч людей пересекают их ежедневно, путешествуя по своим делам, сотни тысяч — виртуально, благодаря Интернету. Распространение последнего является частью государственной политики, наряду с усилиями Москвы добиться облегчения странами ЕС визового режима для россиян. Возрождение традиций обособленности от внешнего мира, таким образом, наталкивается на весьма жесткие пределы, порожденные интересами как правителей, так и простых граждан.

«Эра развитого социализма» в тогда еще советской России закончилась с началом Перестройки, т. е. два десятилетия назад. Что ожидает Россию в перспективе 20–25 лет? Как процесс интеграции России в международное общество будет взаимодействовать с процессом формирования ее новой идентичности? Все, что написано ниже, представляет собой попытку дать ответ на этот вопрос.

Интеграция — от имперской модели к демократической

МИР XXI ВЕКА ЕДИН И ОТКРЫТ. Говоря об интеграции, мы будем проводить различие между входением в *международную систему* (понимаемую как мировая система государств) и входением в *международное общество* (определяемое как наиболее продвинутая в экономическом, социальном, политическом отношении группа государств). В этом смысле мы следуем за британским теоретиком международных отношений

Хедли Буллом¹¹. Международная система (у Х. Булла — international system) охватывает всех участников международных отношений, разделяющих общие принципы международного права. В отличие от ситуации начала XX в., когда участниками системы были в основном страны Европы и Америки, в то время как колониальные народы и «туземные» государства находились за ее пределами, в начале XXI столетия система включает членов ООН¹², т. е. практически весь мир. Есть всего несколько исключений: режимы, укрывающие международных террористов и тем самым противопоставляющие себя человечеству (как афганские талибы); тоталитарные и авторитарные государства, стремящиеся к обладанию ядерным оружием (Северная Корея); режимы, практикующие терроризм на международной арене; непризнанные государства («сепаратистские анклав»). Разумеется, полного согласия среди «системных игроков» в отношении этих международных парий быть не может. Решающая роль здесь принадлежит лидерам системы, которые составляют гораздо более компактное *международное общество* (у Булла — international society).

Членов общества объединяют не только долгосрочные интересы, основывающиеся в наше время на взаимозависимости их экономик и практике тесного и всестороннего общения, но и определенные ценности, соответствующие достигнутому ими уровню развития. Согласно Буллу, греческие полисы составляли общество, а вместе с Персией и Карфагеном — тогдашнюю систему. В Средние века на Западе обществом считался христианский (западнхристианский) мир, центром которого являлась Священная Римская империя, а на Дальнем Востоке — царства китайской Поднебесной. В XIX в. общество охватывало уже почти всю Европу, а также Северную Америку. В то же время ряд государств, с которыми европейцы поддерживали отношения, но «своими» не считали (Оттоманская империя, Китай, Персия, Сиам, латиноамериканские республики и др.), входил в состав систе-

мы. Версальская система включала «общество» победителей и новообразованных государств, возникших на обломках европейских империй, а также группу проигравших — Германию и Турцию, а также (после ее международного признания) советскую Россию.

Вопрос о включении в мировую систему тогда, как и сейчас, находился в руках членов «общества», точнее, его лидеров. Установление в 1924 г. дипломатических отношений между Великобританией (тогда еще номинальным лидером Запада) и Советским Союзом означало формальное включение СССР в мировую систему государств как преемника Российской империи. После этого сигнала началась так называемая полоса признаний СССР¹³. Точно так же реинтеграция Германии в систему произошла в результате достижения согласия между Берлином, Лондоном и Парижем в Локарно в 1925 г.: в следующем году Германия была принята в Лигу Наций.

Вторая мировая война привела к расколу мировой системы на две более или менее структурированные подсистемы государств плюс неструктурированную зону так называемых неприсоединившихся стран. В период «холодной войны» Запад и Восток не только противостояли друг другу, но и — особенно начиная с 1963 г. — активно взаимодействовали. Вначале, с окончания Второй мировой войны в 1945 г. до берлинского кризиса 1961 г., — германский вопрос, затем, от карибского кризиса 1962 г. вплоть до распада СССР в 1991 г., — контроль над ядерными вооружениями являлись организующими институтами *двудеиной* мировой системы. Противостоявшие друг другу стороны оказались вынуждены сотрудничать для предотвращения новой мировой войны, угрожавшей существованию человечества.

Формально говоря, и Запад, и Восток периода «холодной войны» были *параллельными обществами*, хотя и организованными на разных принципах. Теоретически рассуждая, *мир социализма* мог бы развиваться в субъект глобальных международных отношений, способный конку-

рировать с коллективным Западом и, возможно, на каком-то этапе соединиться с ним, создав универсальное общество, сочетающее лучшие черты обоих «полумиров». Теория конвергенции, однако, исходила из идеального представления о социалистической модели и не учитывала экономических, социальных, политических и ценностных реалий «соцлагеря». Переход от индустриальной модели развития к постиндустриальной сделал проблему конвергенции неактуальной даже в сугубо теоретическом плане.

В мировую систему наряду со *свободным миром* и *социалистическим содружеством* входили также коммунистический Китай¹⁴ как сравнительно крупный самостоятельный игрок и большая группа неприсоединившихся государств во главе с Индией, Египтом и Югославией — так называемый третий мир. В начале 1980-х годов Движение неприсоединения включало около ста стран, на которые приходилась почти половина населения мира. В действительности «неприсоединившиеся» страны не играли самостоятельной глобальной роли, склоняясь в ту или иную сторону, а иногда переходя «из рук в руки» (Индонезия, Египет, Сомали и др.), но обычно более или менее удачно балансируя между двумя полюсами. Китай стал «системным игроком» в начале 1970-х годов в результате сближения с США и появления «геополитического треугольника» США — КНР — СССР. В отличие от неприсоединившихся государств нейтральные страны (Австрия, Финляндия, Швеция, Швейцария), являясь во всех отношениях составной частью Запада, не участвовали лишь в его военно-политических организациях.

СССР добивался признания со стороны Запада для своих союзников. В 1950-е годы Советский Союз упорно — в том числе с ущербом для себя — бойкотировал международные форумы, на которых Китай был представлен гоминьдановским правительством на Тайване. По иронии истории, международное признание КНР состоялось в период резкого обострения советско-китайских отноше-

ний. В 1960-е — начале 1970-х годов Москва вела дипломатическую борьбу за международное признание ГДР, увенчавшуюся успехом после подписания Московского договора между СССР и ФРГ и Четырехстороннего соглашения по Берлину. Спустя 20 лет ГДР, вошла в состав ФРГ. В 1970-е годы усилия советской дипломатии были сосредоточены на получении признания политического статус-кво, сложившегося в Центральной и Восточной Европе после Второй мировой войны, что было достигнуто в ходе общеевропейского процесса. Спустя менее чем 15 лет после Хельсинкского акта этот политический статус-кво рухнул. Тем самым, несмотря на непримиримую идеологическую борьбу между двумя подсистемами государств и военно-политическое равновесие между ними, в период «холодной войны» Запад реально рассматривался советским руководством как источник международной легитимности¹⁵.

Социалистическое содружество было высокоцентрализованным образованием. Руководство Коммунистической партии Советского Союза определяло основополагающие идеологические установки, генеральную политическую линию, характер внутренних и внешних экономических связей, общую военную доктрину и т. п. Система межпартийных консультаций, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), Организация Варшавского договора (ОВД) надежно обеспечивали «руководящую и направляющую роль» СССР внутри содружества. Несогласие с этой ролью вело к конфликту, заканчивавшемуся либо сменой «диссидентского» руководства в той или иной стране (как это произошло с Венгрией и Чехословакией), либо исключением этой страны из «содружества» (Югославия, Албания, Китай). Исключение составляли случаи, когда отсутствовала угроза «утраты социалистических завоеваний» (Румыния времен Н. Чаушеску, КНДР Ким Ир Сена). Тогда Москва мирилась с фрондерством своих союзников.

Вместе с тем социалистическая система, как она возникла и функционировала внутри СССР, а затем в рам-

ках соцсодружества, будучи жестко централизованной, не была интегрированным образованием. Эта централизация, изначально навязанная сверху и тщательно оберегаемая, даже в принципе не могла эволюционировать в систему самовоспроизводящихся горизонтальных связей. «Содружество» по существу так и осталось лагерем. Предпринятая в 1990–1991 гг. попытка преобразовать Варшавский договор в политическую организацию¹⁶ опоздала в лучшем случае на два-три десятилетия. В результате стратегически выгодной для СССР «финляндизации» Восточной Европы не произошло.

Распад возглавлявшейся Советским Союзом мировой системы, а затем и самого СССР, наряду с постепенным и добровольным открытием Китая внешнему миру привел к восстановлению формального единства мировой системы — при центральной роли США. К исходу XX в. за пределами системы оставалось всего лишь несколько сравнительно небольших государств и территорий. Одни — по причине самоизоляции (Северная Корея), другие — из-за нарушения международных правил поведения (Ирак при Саддаме Хусейне, Югославия Слободана Милошевича, Ливия до 2003 г.), третьи — как непризнанные государства (Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия, Приднестровье, Турецкая республика Северного Кипра). Пограничное положение в этой связи занимают страны, подозреваемые в стремлении создать собственное ядерное оружие (Иран), и некоторые (но далеко не все!) авторитарные режимы (Александра Лукашенко в Белоруссии, Роберта Мугабе в Зимбабве)¹⁷. В то же время формальное единство является «единством поля» и не означает гомогенности. В известном смысле мир стал более фрагментарным, чем был во второй половине XX в.

Внутреннее «качество» государств, т. е. характер политических режимов, экономических и социальных систем, приобретает решающее значение в определении их места в системе международных отношений. Получить признание со стороны международного общества в каче-

стве «своего» означает приобретение некоего «сертификата соответствия» высшим стандартам и, соответственно, конкурентных преимуществ. Напротив, клеймо «чужого» может означать, что страна становится международным изгоем. Реально решает «общество», т. е. Запад. Оно доминирует в международных организациях — от Международного валютного фонда и Всемирного банка до Совета Европы и НАТО. Его члены связаны взаимными обязательствами и пользуются многочисленными привилегиями членов престижного клуба — от тесных доверительных консультаций между лидерами до безвизового режима поездок для граждан. Общество объявляет и ведет войну (как, например, в 1999 г. на Балканах), применяет санкции (в частности, против Зимбабве в 2002 г.) или бойкотирует иностранного лидера (будь то Мугабе или Лукашенко).

Это общество составляет меньшинство государств мира, но оно наиболее «продвинуто» и активно. *Внутри* общества обеспечен устойчивый мир (зрелые демократии не воюют друг с другом), господствуют нормы права, поддерживаются определенные этические стандарты. Граждане этих стран демонстрируют высокий уровень потребления и развитые потребности. Разумеется, все это не означает единства интересов различных государств — членов общества и тем более единства мнений между ними. В 2003 г. по иракской проблеме возникли острые противоречия между США и Великобританией, с одной стороны, и Францией и Германией — с другой, а также между «старой» и «новой» Европой внутри ЕС. Однако все подобные противоречия и разногласия остаются на уровне правительств и не ведут к полномасштабной конфронтации между странами.

Достигнутый членами общества экономический, политический, социальный прогресс является реальной основой для ощущения не только материального, но и морального превосходства, а также права на лидерство. Это ощущение ведет к возникновению сознания глобальной

ответственности, которое, в свою очередь, в некоторых случаях реализуется через силовое вмешательство в дела менее успешной и хуже организованной части человечества. Согласно спорной, но влиятельной на Западе точке зрения международное общество (представленное, например, НАТО) может выдавать мандат на применение силы в тех случаях, когда (как во время Косовского кризиса) мировая система (в лице Совета Безопасности ООН) не в состоянии это сделать из-за разногласий между ее ведущими членами.

Международное общество декларирует открытость к расширению путем кооптации. В 1993 г. помощник президента США по национальной безопасности Энтони Лейк предложил концепцию расширения демократии, в 2005 г. президент Джордж Буш — доктрину продвижения свободы¹⁸. 1990-е — начало 2000-х годов стали периодом практической экспансии европейских и евроатлантических структур¹⁹. В результате в общество были приняты страны Центральной и Восточной Европы, а некоторые члены Содружества Независимых Государств (СНГ) — Украина, Грузия, Молдавия — стали ориентироваться на НАТО и ЕС. Во всех этих случаях, однако, в состав Запада были приняты страны, являвшиеся частью европейской цивилизации. Их присоединение к обществу шло путем институциональной интеграции, т. е. признания правил игры, сложившейся иерархии государств и т. п.

Гораздо более сложным является вопрос о расширении общества в результате внутреннего развития неевропейских стран без их обязательного вступления в союзы и альянсы с США и ЕС, признания американского лидерства. Япония, Южная Корея и Тайвань исторически развивались в условиях военно-политического союза и гарантий со стороны США, а Гонконг — как колония британской короны. В то же время Малайзия и Сингапур достигают «западного» уровня развития экономики и социальной сферы, оставаясь «восточными» в политиче-

ском отношении. При этом Малайзия проводит откровенно антиамериканский внешнеполитический курс. Особую проблему представляют крупные державы — прежде всего демократическая Индия, демократизирующаяся Бразилия и все более капиталистический Китай. Цивилизационная основа их обществ, политическая самостоятельность и принципиальная неинтегрируемость в институты, подобные старому НАТО и Евросоюзу, являются серьезными вызовами в процессе формирования «нового Запада».

Под интеграцией обычно понимается сближение, взаимопроникновение подобных величин, формирование на этой основе общих пространств: экономических, политических, общественных, ценностных. Политическая интеграция при этом подразумевает не только тесное взаимодействие однотипных государств и обществ, находящихся на сходных стадиях экономического, социального, политического развития, как это имело место в Западной Европе после Второй мировой войны, но и притяжение более «продвинутыми» государствами тех, кто определился с вектором преодоления своего отставания. Двигателем интеграции с обеих сторон — принимающей и вступающей — являются прежде всего элиты, увидевшие необходимость выхода за пределы замкнутых локальных (региональных) пространств.

Непосредственным предшественником современной интеграции был традиционный империализм. На протяжении Нового времени европейские державы создали несколько империй, которые к моменту окончания Первой мировой войны управляли почти третью (32,3%) населения Земли, контролировали свыше двух пятых (42,9%) земной суши²⁰ и безусловно господствовали в Мировом океане. Неумение великих держав регулировать свои разногласия, не прибегая к военной силе, неспособность их элит увидеть уже сформировавшуюся к началу XX в. общность коренных экономических и общественных интересов привели к трагедии «двухфазного» миро-

вого конфликта 1914–1945 гг. Империи Нового времени, однако, были политически и стратегически интегрированными «сверху», но при этом внутренне разнородными и разноуровневыми конструкциями, основанными на силе и подчинении. Чем успешнее проходило развитие их «низших», наиболее отсталых этажей, тем ближе подошли империи в целом к точке распада²¹.

Национализм народов зависимых стран сумел победить традиционный империализм. В 1945 г. членами ООН состояли 50 государств; в 2005 г. — уже 191. Тем не менее увеличение их числа шло параллельно углублению кризиса традиционного национального государства и, соответственно, вестфальского принципа примата государственного суверенитета в международных отношениях. Среди вновь образованных государств широкое распространение получил синдром падающих (или несостоявшихся) государств (failed states). Одновременно произошел «взрыв» связей на негосударственном уровне. Интеграция, таким образом, возвращается, но не на имперском, а на транснациональном уровне. Ведущую роль в ней играют не военные флоты и отряды завоевателей, соревнующиеся, кто раньше поднимет свой национальный флаг над той или иной далекой территорией, а движение капиталов, потоки иммигрантов и распространение информации.

Вопрос о членстве Российской Федерации в мировом обществе был решен в момент распада СССР. Вместе с ядерным оружием Советского Союза Россия при поддержке всех ведущих государств унаследовала место СССР в Совете Безопасности ООН и во всех других международных организациях. В глазах Б. Ельцина, правительства и большинства населения страны Российская Федерация являлась государством — продолжателем СССР. Фактически этот тезис был принят всеми другими странами включая остальные республики бывшего Союза. Сложнее обстояло дело с перспективами интеграции России в международное общество.

К 1991 г., когда «холодная война» окончательно закончилась в связи с исчезновением СССР, Запад вместо сплоченного враждебного лагеря оказался лицом к лицу с множеством его больших и малых осколков, и практически все они являлись источниками реальных или потенциальных угроз, опасностей или рисков. Эта ситуация привела западных лидеров к выработке двойной стратегии — постепенной интеграции бывших союзников СССР и некоторых бывших советских республик в западное общество и одновременного вовлечения России — основного наследника Советского Союза — в систему «особых отношений» с США и Европой. Со своей стороны российское руководство на протяжении 1990-х годов эволюционировало от попыток интеграции на собственных условиях к стремлению реконструировать Россию как *современную великую державу*.

К началу XXI столетия стало совершенно ясно, что Россия всерьез стремится интегрироваться в мировую экономическую систему, но при этом намерена оставаться независимой (как от Запада, так и от Востока) политической и стратегической величиной, претендующей на существенную роль в глобальном управлении международной системой. Одновременно стало очевидно, что западные институты (НАТО, Европейский союз, система формальных военно-политических союзов США) могут включить в число своих членов наряду с Балканами и Турцией также Украину и некоторые другие новые государства бывшего СССР, но при этом Российская Федерация — во всяком случае, на перспективу до 2025 г. — останется за пределами этой системы институтов.

Именно в этом контексте стоит сейчас проблема отношений Россия — Запад. В принципе Россия идет тем же путем капиталистического развития, как и ее непосредственные западные соседи. В то же время у нее иное историческое наследие, чем у Польши или Украины, иное самосознание населения и иные амбиции элит, чем в Турции. Традиции самодержавия и великодержавия —

реальные факторы сегодняшней ситуации, которые не исчезнут и завтра²². Как в таких условиях избежать превращения интеграции в бесперспективную — это надо подчеркнуть — попытку подчинения России Западу? Как выстраивать отношения между географически расширившимся, изменившим свою структуру (от моно- к биполярной) западным обществом и страной, хотя и крупной, но уступающей США и ЕС, коллективному Западу уже сейчас в десятки раз по величине валового внутреннего продукта, сумме военных расходов и многократно — по численности населения?²³

Попытка разобраться в этом вопросе приводит к необходимости исследования соотношения между двумя потребностями России XXI в.: с одной стороны, стремлением утвердить свою обновленную идентичность и, с другой стороны, необходимостью не только экономической, но и более широкой — социальной и политической — интеграции с наиболее продвинутой частью современного мира — международным обществом, проще говоря — Западом.

Прежде чем сосредоточиться на проблеме российско-западных отношений, необходимо разобраться в феномене современного Запада, его генезисе как политического образования. Для целей нашего исследования особенно важно проследить эволюцию «мирового Запада» на протяжении XX в.

Феномен политического Запада

ПЕРВОЙ СОВРЕМЕННОЙ ИНКАРНАЦИЕЙ политического и стратегического Запада²⁴ стала англо-французская Антанта, основанная в 1904 г. Этот союз отличался от других коалиций европейских держав несколькими важными особенностями. Во-первых, Антанта знаменовала «вечный мир», положив конец исторической вражде между двумя великими державами Европы и по-

стоянными соперниками — Англией и Францией. Присоединение России к этому союзу еще более укрепляло дружественные русско-французские отношения и создавало условия для урегулирования русско-английских противоречий на Среднем Востоке и прекращения Большой игры на основе признания сторонами статус-кво²⁵.

Во-вторых, Антанта была первым военно-политическим союзом преимущественно демократических государств, объективно противостоявшим союзу государств авторитарных (хотя, разумеется, это противоречие совсем не являлось причиной Первой мировой войны). Россия здесь стояла особняком: царский режим был гораздо ближе к политическому режиму Османской империи, двуединой австро-венгерской монархии и кайзеровской Германии, чем к парламентским демократиям Англии и Франции. Тем не менее членство России в Антанте объективно усиливало стимулы к расширению представительного правления, учрежденного манифестом Николая II от 17 октября 1905 г.

В-третьих, союз между Антантой и США впервые привел к военному и политическому участию США в делах Европы, сделал США европейской державой, а сам союз — всемирным по охвату. Участие в мировой войне британских доминионов — Канады, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африки — впервые вовлекло эти страны в глобальные политические и стратегические отношения.

В-четвертых, союзники, среди которых тогда еще не было явного гегемона, создали первые коалиционные органы в политической области (Верховный совет Антанты) и в сфере военного командования. Россия вела войну самостоятельно, но координировала свои усилия с союзниками, получала от них помощь и отправляла свои войска (Русский экспедиционный корпус) на Западный фронт.

Наконец, после окончания мировой войны западные союзники сделали заявку на создание первой универсальной структуры управления системой международ-

ных отношений — Лиги Наций (по иронии истории инициатива создания лиги исходила от США, но реализовывать на практике американскую идею, которая не получила поддержки на родине, пришлось Франции и Великобритании). К этому времени, однако, советская Россия оказалась уже за рамками не только Антанты, но и — на время — системы международных отношений вообще.

Запад, который был представлен в 1919 г. в Версале, был, таким образом, одновременно понятием географическим — входившие в него государства располагались к западу от Германии, лидера побежденного блока центральных держав, и политическим — США, Великобритания (с доминионами) и Франция в начале XX в. были государствами с либеральными политическими режимами, эволюционировавшими в направлении все более глубокой и широкой демократии. Первым идеологическим манифестом либеральной демократии стали Четырнадцать пунктов президента США Вудро Вильсона. Эта двойная определенность не означала замкнутости: Устав Лиги Наций (которая была шире, чем инициировавшая ее Антанта) содержал универсалистское послание. Тем не менее членство в лиге (т. е. в мировом сообществе) подразумевало приверженность некоторым нормам международного поведения, отступление от которых могло привести к исключению из организации.

Политическая интеграция Запада в формате «Антанта плюс США» ненадолго пережила победу союзников. Хотя чувство общности трех ведущих западных демократий, скрепленное жертвами и переживаниями мировой войны, сохранилось, политического взаимодействия между ними в мирное время наладить не удалось. Роковой ошибкой западных союзников было исключение побежденного противника, Германии, из послевоенной системы международных отношений и возложение ими на Германию всей полноты моральной и материальной ответственности за войну. Изоляционистская политика США и разногласия между Францией и Англией быстро при-

вели к распаду первой версии политического Запада. Веймарская Германия была принята в Лигу Наций слишком поздно (в 1926 г.), причем равенства с державами-победительницами она так и не получила: репарации продолжали взиматься. Бессилие Лондона и Парижа сохранить Версальскую систему, их отчаянная политика «умиротворения» гитлеровской Германии стали одной из самых позорных страниц истории политического Запада, предостережением на будущее.

Следующая попытка консолидации западных демократий отнюдь не была связана ни с Октябрьской революцией в России, ни с последующим *строительством социализма* в СССР. Военная интервенция США, Англии, Франции, Японии в России и политическое вмешательство этих стран в гражданскую войну на стороне противников большевиков было в целом периферийной военной акцией, имевшей целью не свержение «красных», а скорейший разгром Германии. На вызов международного коммунизма и мировой экономической кризис страны Запада ответили не войной, а политической изоляцией советской России (при ее одновременном дипломатическом признании), созданием так называемого санитарного кордона вдоль ее европейских границ, но главным образом — политикой кооптации рабочих партий и движений внутри западных стран и проведением серии социально-экономических реформ. Это был асимметричный, но эффективный ответ Запада Третьему интернационалу.

Вторая инкарнация Запада стала запоздалым ответом на агрессивную политику Гитлера.

Соглашение об объединении Великобритании и Франции в единое государство в июне 1940 г. стало отчаянным решением, принятым в условиях агонии Франции и разгрома британских экспедиционных сил. Оно не имело последствий. Оставшись в одиночестве, Великобритания продолжала сопротивление, что имело огромное моральное значение для консолидации всех либеральных и де-

мократических сил в самый тяжелый период Второй мировой войны — 1940–1941 гг. Лондон в это время стал местом пребывания эмигрантских правительств оккупированных Германией европейских государств. Лозунг объединения демократий перед лицом тоталитаризма приобрел материальную основу после того, как Великобритания получила поддержку США.

Атлантическая хартия США и Великобритании (август 1941 г.) стала идеологическим и политическим манифестом демократического Запада. С вступлением США в войну против Германии (декабрь 1941 г.) Запад вновь приобрел черты военно-политической коалиции, ядро которой формально состояло из США и Великобритании при фактически ведущей роли Вашингтона. К этому ядру тесно примыкали самоуправляющиеся доминионы Британской империи — Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз. Несмотря на то что к Атлантической хартии вскоре присоединились правительства в изгнании ряда европейских стран, реально Запад времен Второй мировой войны представлял собой в основном общество народов, говоривших на английском языке.

Ранний «англосаксонский» характер этого объединения хорошо просматривается на примере отношения официальных Вашингтона и Лондона к роли Франции в послевоенном устройстве мира. Официальная капитуляция Франции, создание прогерманского правительства Виши, коллаборационизм части французской элиты отражались и на отношении англо-американцев к организации «Свободная Франция», возглавлявшейся генералом де Голлем. Французская 1-я армия вошла в Париж как освободительница в августе 1944 г. фактически вопреки планам союзников. До освобождения Франции Вашингтон и Лондон не признавали права де Голля представлять Францию на международной арене. На союзных конференциях в Потсдаме и Ялте в 1945 г. (т. е. уже после освобождения Франции) французского представителя не было. Тем не менее Франция получила (из бри-

танской доли) зону оккупации в Германии и сектор в Берлине. С этого момента Франция стала полноправным членом послевоенного Запада.

Итак, западное сообщество времен Второй мировой войны включало наиболее близкие, максимально однородные компоненты — США и Великобританию с ее «белыми» доминионами. Тесное ядро этого Запада скрепляла общность языка, этнического и религиозного состава населения, культуры, исторического опыта. При внешнем различии форм правления (британская монархия — американская республика) и политических систем (парламентская демократия в Англии и доминионах — президентская форма правления в США) определяющим было сходство политических режимов: все англоязычные страны уже к первой половине XX в. стали либеральными демократиями.

Огромное значение имело то, что в США именно англоамериканцы стали основой американской нации. Не только в течение колониального периода, но даже вплоть до 1830-х годов Северная Америка (затем США) была преимущественно сообществом англоамериканцев (именно об «англоамериканцах» говорит Алексис де Токвиль). Что касается идеологии «англосаксонства», духовно объединившей США с Великобританией и ее доминионами, то она возникла еще в начале XX в.²⁶ В 1940-е годы понятие «англосаксы» или «англоамериканцы» вошло в международный политический язык²⁷. Две мировые войны на памяти одного поколения, в ходе которых британские и американские военнослужащие сражались бок о бок нередко под единым командованием, создали мощную эмоциональную связь. Стремясь распространить и утвердить представление об общности судьбы 220 млн человек²⁸, Уинстон Черчилль написал многотомную «Историю народов, говорящих на английском языке»²⁹.

К Атлантической хартии наряду с доминионами Британской империи присоединились законные правительства оккупированных нацистами стран Западной, Се-

верной и Центральной Европы — Франции, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Дании, Норвегии, Польши, Чехословакии. Страны Западной и Северной Европы, впоследствии освобожденные войсками западных союзников, обладали двумя особенностями. Географически они были обращены к Атлантике, а политически к моменту германской оккупации являлись либеральными демократиями.

К Атлантической хартии присоединился и Советский Союз, который вскоре стал одним из авторов Устава Организации Объединенных Наций. Проблема взаимоотношений СССР и западных держав в рамках антигитлеровской коалиции и затем в организации послевоенного устройства мира будет рассмотрена в последующих разделах этой главы. Для исследования генезиса Запада достаточно подчеркнуть, что почти сразу после окончания Второй мировой войны политическое, идеологическое и военное противостояние с Советским Союзом стало основой беспрецедентного в истории сплочения и единства Запада.

В 1946 г. У. Черчилль произнес две важные речи — одну в Фултоне (США) о «железном занавесе», другую в Цюрихе об объединении Европы. Несмотря на то что с окончанием Второй мировой войны непосредственные причины, приведшие к возрождению феномена политического Запада, исчезли, это образование не распалось. Урок «проигрыша мира» вслед за победой в Первой мировой войне был усвоен. Западное сообщество впервые приобрело мирную миссию: не только исключить новую агрессию со стороны Германии, но и уравновесить советское военно-политическое присутствие в Европе к востоку от линии Росток — Прага — Триест и не допустить к западу от этого нового водораздела прихода к власти политических союзников и клиентов СССР — местных коммунистических партий. В 1947 г., т. е. еще до формального начала «холодной войны», был создан первый «мирный» Западный союз в составе Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов и Люксембурга.

Таким образом, уже непосредственно после окончания Второй мировой войны западное общество вышло за пределы своего первоначального тесного ядра. Новые политические и военно-стратегические задачи потребовали интеграции (или кооптации) в состав Запада стран и регионов, имевших иные этнические, религиозные и культурные корни, иной исторический опыт, иные политические традиции, чем США и доминионы Британской империи. Запад перестал быть англосаксонским, атлантическим и основанным исключительно на либерально-демократических традициях. Либеральная демократия стала не столько знаком отличия, сколько инструментом консолидации в борьбе с коммунистическим противником. Этот фактор приобрел особую роль с учетом особенностей политической культуры единоличного лидера Запада — Соединенных Штатов Америки.

Америка, по известному выражению Честертона, является «нацией с душой церкви»³⁰. Соответственно, для внешней политики США вопрос о характере политического режима в иностранном государстве всегда имел гораздо большее значение, чем для «секуляризованных» стран Западной Европы. Сама американская Война за независимость позиционировала себя как *революцию*. Как и случившаяся вскоре Французская революция, она оперировала идеологическими, а не только геополитическими понятиями. Английский король Георг III был для восставших колонистов не просто супостатом, а идеологическим противником, «тираном». Индекс свободы, ежегодно публикуемый американской неправительственной организацией «Freedom House», а также многие другие рейтинги государств по различным аспектам их демократического развития являются серьезным ориентиром для американского политического класса, своего рода опередителем «свой — чужой». Американцы убеждены, что их безопасность и процветание непосредственно зависят от того, насколько широко либеральные и демократические ценности распространятся в мире, насколько

глубоко они укоренятся в «проблемных» с точки зрения внешней политики США странах.

К середине 1950-х годов в общество стран Запада были включены бывшие противники США и Великобритании во Второй мировой войне: Западная Германия и Италия в Европе, Япония в Азии³¹. Интеграция бывших противников осуществлялась в условиях их военной оккупации (многосторонней в случае Западной Германии, англо-американской в Италии, американской в Японии), демократизации «сверху» и «извне» их политических систем, реформы экономических отношений, перевоспитания элит и всесторонней (и добровольной) вестернизации обществ. В военно-политическом отношении бывшие противники включались в систему американских союзов (НАТО и японо-американский Договор безопасности) в качестве младших партнеров США, их вооруженные силы жестко ограничивались и ставились под американский и международный контроль. Надо, однако, особо подчеркнуть, что успех интеграции ФРГ, Италии и Японии был обеспечен тем, что основы либерализма в политической системе этих стран были заложены в XIX — первой половине XX в. Нацизм, фашизм и ультраимпериализм были в этом смысле сравнительно кратковременными аберрациями.

Политика западной интеграции была сознательным выбором политической элиты ФРГ во главе с первым канцлером «боннской республики» Конрадом Аденауэром. Урок, который он и правящий класс страны в целом извлекли из опыта двух мировых войн и межвоенного периода, заключался в том, что ради целей выживания, восстановления и последующего развития Германия должна была отказаться от особых немецких национальных интересов, от традиционного представления о себе как о центральной стране в Европе и связанной с этим «политики маятника» между Востоком и Западом и однозначно и безусловно выбрать западный вектор интеграции — т. е. присоединения к победителям в качестве их

младшего союзника и лояльного партнера. Успех политики «западной интеграции» определялся ожесточенностью противостояния на немецкой земле, расколом страны и нации, фактически не оставлявшими места для какой-либо нейтралистской позиции и политики балансирования между полюсами. Западная Германия «ушла на Запад», потому что в условиях «холодной войны» она была лишена шанса на объединение. В то же время К. Аденауэр был носителем старой либеральной традиции в германской политической культуре, которая с разгромом нацизма получила возможность реализовать свой проект создания демократической Германии.

В Италии и Японии, которые, в отличие от Германии, не были разделены на зоны влияния между победителями в войне, важнейшим побудительным мотивом западной ориентации стало стремление правящих элит этих стран гарантированно исключить приход к власти местных коммунистических партий и их союзников с последующим включением в орбиту советского влияния. В этой связи огромную роль сыграл наглядный пример стран Восточной Европы, материкового Китая и Северной Кореи. При всех особенностях и различиях итальянской и японской политических культур лидеры христианских демократов Италии и либеральных демократов Японии стремились к укреплению в своих странах конституционных начал, верховенства закона и в конечном счете демократии.

Итак, логика «внешнего» геополитического противостояния и стремление отразить вызов со стороны «внутреннего противника» заставила элиты западноевропейских стран тесно сотрудничать друг с другом и сплотиться (вместе с Японией) вокруг бесспорного лидера коллективного Запада — США. План Маршалла (1947 г.) и созданная на его основе Организация европейского экономического сотрудничества и развития стали экономической основой всесторонней интеграции. Спустя два года Западный союз проложил дорогу к заключению Северо-

Атлантического договора, который еще через три года конституировался в постоянную организацию (НАТО). Так определился атлантический вектор интеграции. На «параллельном треке» план Шумана и созданные на его основе Европейское объединение угля и стали (ЕОУС, 1952 г.), а затем Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) и «Евратом» (1957 г.) обозначили европейский интеграционный вектор. В условиях «холодной войны» оба вектора были не столько конкурирующими, сколько взаимодополняющими.

Результатом стало формирование к концу 1950-х годов полномасштабного международного (Западного) общества. Наряду с главными институтами Запада — военно-политическим (НАТО), экономико-политическим (ЕЭС) — в состав общества вошли доминионы бывшего Британского Содружества — Австралия и Новая Зеландия, ведущие неевропейские союзники США — Япония и Израиль (хотя формально Израиль американским союзником не являлся), а также нейтральные некоммунистические страны Европы — Австрия, Ирландия, Финляндия, Швейцария и Швеция. Наиболее полно понятие «Запад» в тот период охватывалось членским составом Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Потребности политического и военного противостояния с СССР и международным коммунистическим движением потребовали от США привлечения новых союзников: Греции, Турции, Португалии, позже Испании — в рамках НАТО в Европе, Южной Кореи и Тайваня — в системе американских союзов в Восточной Азии, ряда стран в Юго-Восточной и Западной Азии (Филиппин под эгидой СЕАТО и Ирана и Пакистана в рамках СЕНТО), стран Латинской Америки (под флагом Организации американских государств и Пакта Рио-де-Жанейро). Составляя вместе с ядром Запада пространство так называемого свободного (т. е. некоммунистического) мира, но будучи при этом существенно удаленными от этого ядра вследствие различия в уровнях экономического, социаль-

ного и политического развития, эти страны в дальнейшем пошли различными путями. Греция после 1974 г., Португалия после 1975 г., Испания после 1976 г. и Турция после 1980 г., встав на путь демократического развития, сумели войти в западное общество. Нечто похожее произошло в 1990-е годы в Южной Корее, которая наряду с Японией в результате экономических достижений, социального и политического прогресса стала современной либеральной демократией. Тайвань, хотя он тоже в условиях либеральных свобод и на волне экономического успеха сумел к началу XXI в. превратиться в демократическое общество, остался тем не менее за пределами Запада из-за проблемы его международного положения.

Блоки СЕАТО и СЕНТО в отличие от НАТО оказались ситуативными военно-политическими комбинациями, лишенными социально-политической основы³². Они не привели к расширению международного общества в своих регионах. Возникшие там позднее новые региональные организации — Совет сотрудничества государств Персидского залива (ССГПЗ) и Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в той или иной степени сотрудничают с Западом, но не являются его составной частью. Напротив, в странах Латинской Америки в 1970–1990-е годы были проведены важные экономические и политические реформы, которые приблизили наиболее продвинутые из них к либеральным демократиям западного типа. Мексика в 1993 г. вошла (вместе с США и Канадой) в Северо-Американскую зону свободной торговли (НАФТА). Чили в 2003 г. заключило соглашение о свободной торговле с США. В то же время ведущие страны Южной Америки — Аргентина и Бразилия — остаются политическими и военными союзниками США.

Запад после «холодной войны»

«ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» ОКОНЧИЛАСЬ для Европы и США 9 ноября 1989 г. падением (реально — вскрытием)

Берлинской стены. Наиболее важным после «холодной войны» этапом в формировании Западного общества стало расширение НАТО и Европейского союза с включением в их состав бывших членов «советского блока», Балтийских республик бывшего СССР и некоторых нейтральных государств. Первым шагом на этом пути стало объединение Германии (в форме вхождения ГДР в состав ФРГ, оставшейся в рамках НАТО и ЕЭС) в 1989–1990 гг. Вторым — преобразование ЕЭС в Европейский союз в 1992 г. (Маастрихтский и Амстердамский договоры). Третьим — включение в ЕС прежде нейтральных государств: Австрии, Финляндии и Швеции (1995 г.). Четвертым — расширение НАТО на три страны Центральной Европы (1999 г.). Пятым — двойное расширение НАТО и ЕС (2004 г.). В результате к 2004 г. НАТО включало в свой состав 26 государств, ЕС — 25 (в 1989 г. — соответственно 16 и 12). Численность населения этих двух групп стран выросла до 750 и 450 млн человек.

Бывшие социалистические страны рассматривали присоединение к Западу как свое «возвращение в Европу». Пребывание в советской зоне влияния никогда не было особенно популярным в обществе и среди элит. Запад привлекал свободой и демократией, но еще больше — гораздо более высоким жизненным уровнем. Сразу после 1989 г., когда западные лидеры, занятые проблемой воссоединения Германии³³, еще не думали о расширении своих институтов, элиты Центральной и Восточной Европы сознательно взяли курс на западную интеграцию. Этот курс нашел широкую общественную поддержку. В то время как элиты заботились о геополитике и повышении собственного международного статуса, общество рассматривало прежде всего на рост благосостояния.

Помимо расширения состава западного общества с окончанием «холодной войны» изменилась и его структура. В 1941–1945 гг. США и Британская империя еще формально сотрудничали на равноправной основе (отношения на уровне Рузвельт — Черчилль, в рамках Объе-

диненного комитета начальников штабов), но с окончанием войны ослабление Великобритании не оставило Лондону надежд на большее, чем «особые отношения» с лидером — США. Смена Вашингтоном Лондона в качестве гаранта безопасности Греции и Турции в 1947 г. стала символической точкой отсчета единоличного доминирования США, а Суэцкий кризис 1956 г. окончательно похоронил претензии Великобритании (и Франции) на самостоятельную роль первого плана в рамках коллективного Запада. Несмотря на быстрое восстановление экономической мощи, Германия и Япония на протяжении всего периода «холодной войны» находились в подчиненном положении политических карликов. Доминирование США в структурах и институтах Запада являлось абсолютным и безусловным вплоть до начала 1970-х годов.

Травма вьетнамской войны вызвала кризис внешней политики США и побудила американское руководство позаботиться о подключении ведущих союзников к участию в управлении международным обществом. В 1970–1980-е годы это происходило в рамках концепции трилатерализма — распределения бремени и проведения консультаций между США, странами ЕЭС и Японией при сохранении американского лидерства. Тенденция к формированию более равновесной конструкции была остановлена — практически одновременно — кризисом японской экономической и политической модели и самоликвидацией советского блока. Из ведущей державы Запада США превратились в единственную мировую сверхдержаву.

Параллельно беспрецедентному возвышению США развивалась тенденция к конституированию европейского центра силы в рамках Европейского союза. Признаки грядущего дуализма США — ЕС появились еще в начале 1990-х годов, но тогда европейцы оказались морально и политически не готовы следовать собственным декларациям. Это подтвердили Боснийский и Косовский кризисы. С другой стороны, введение евро в качестве единой европейской валюты, первые шаги на пути фор-

мирования европейской политики в области безопасности и обороны, общей внешней политики и Конституции ЕС (несмотря на отрицательный исход референдумов во Франции и Нидерландах в 2005 г.) обозначили долгосрочные устремления Европы.

Радикальное изменение распределения силы и влияния в мире — прежде всего возвышение азиатских гигантов Китая и Индии, а также подъем таких стран, как Бразилия, Индонезия и ЮАР, — приводит некоторых аналитиков к выводу, что в мире XXI столетия такие понятия, как Восток и Запад, Север и Юг, неприсоединившиеся государства и члены военно-политических альянсов, развитые и развивающиеся страны, устаревают³⁴. Этот вывод не вполне корректен. Содержание и объем перечисленных понятий действительно изменяются, но все они — за исключением исчезнувшего как политическое целое Востока — сохраняют значение, и прежде всего Запад, который, конечно же, также меняется.

Налицо несколько противоречивых тенденций. Во-первых, *феномен расширяющегося Запада*. В широком плане речь идет о глобальном — Восточная Европа, Латинская Америка, ряд стран Азии — распространении институтов либерализма, демократии, рыночной экономики, гражданского общества³⁵. В более узком плане — о расширении институтов коллективного Запада — НАТО, ЕС, системы союзов США. Оба процесса оказались настолько успешны, несмотря на очевидные проблемы, что называть расширяющееся общество западным в географическом и цивилизационном отношении становится все труднее. Можно принять (хотя и с оговорками) тезис о возвращении в Европу (иначе говоря, в лоно западной цивилизации) католических и протестантских стран Центральной Европы и Балтии. Однако большая часть Балкан, страны новой Восточной Европы (прежде всего Украина) и Южного Кавказа (Грузия), которые тяготеют к НАТО и ЕС, Западом в культурном смысле никогда не были. Чем шире круг стран «нового Запада», тем менее

«западным» в культурно-цивилизационном отношении является новое сообщество.

Во-вторых, *феномен разделяющегося Запада*. После кризиса в трансатлантических отношениях 2003 г. вопрос о том, существует ли еще Запад как единое целое, стал задаваться повсеместно. Представляется, однако, что вопрос сформулирован некорректно. Дело не в том, что политического Запада больше нет, а в том, что он перестал быть единым. Атлантический океан уже не только связывает, как в годы «холодной войны», но и разделяет. Это не трагедия, а нормальное состояние, определяющееся различием интересов компонентов современного международного общества. Исторической аберрацией была как раз «холодная война», когда доминировал единственный интерес выживания Запада и его институтов в противостоянии с Советским Союзом и международным коммунизмом. Расширяющийся и при этом разделяющийся Запад, однако, остается целостным, интегрированным обществом. Что же объединяет его членов?

Что делает Запад Западом?

Институты. Современный Запад — это система институтов, обеспечивающих свободу личности, защиту частной собственности, верховенство закона, свободу предпринимательства, политический плюрализм при представительном правлении и ограниченной роли правительства, уважение и защиту прав меньшинств, религиозную свободу и т. п. Любое общество, где действуют эти институты, может считаться западным, где бы оно ни располагалось географически и какими бы культурными и цивилизационными корнями ни питалось.

Ценностные ориентации. Изначально западная общность основывалась на традиционных ценностях западнохристианской (или иудеохристианской) культуры. Развитие демократии и рынка, широкое распространение массовой культуры привели, особенно после европейской «культурной революции» 1968 г., к развитию и частичной

ревизии (в направлении от модерна к постмодерну) этих начальных ценностей. После терактов 11 сентября 2001 г. наметилось, особенно в США, движение в противоположном направлении — к уменьшению толерантности и реставрации более традиционных подходов к таким вопросам, как права человека, гражданские свободы, культурное разнообразие и т. д. Количественное увеличение числа членов международного общества, ведущее к расширению и обогащению его культурно-цивилизационной основы, одновременно требует интернализации новыми национальными обществами базовых ценностей Запада³⁶.

Самосознание. Чувство общности судьбы. Польские, чешские, венгерские элиты на протяжении 1990-х годов проявили огромную волю и настойчивость для того, чтобы их страны были приняты в НАТО и ЕС как «свои». Без их стараний расширение западных институтов на восток вряд ли произошло бы. Национальные элиты Балтийских государств еще с конца 1980-х годов настаивали на полном отделении от СССР и постсоветского пространства. Аналогичным образом Словения еще в 1991 г. отделила себя от Балканского региона и бывшей Югославии как таковой. Турция прикладывает максимум усилий для того, чтобы быть принятой в ЕС. Украина после выборов 2004 г. однозначно закрепила атлантический и европейский векторы своей внешней политики в качестве главных. Президент Румынии Ион Илиеску, выступая в 2004 г. на Европейском экономическом саммите в Варшаве, проводившемся под эгидой Всемирного экономического форума накануне расширения ЕС, заявил, что географический центр Европы находится на Балканах и что «настоящая» Юго-Восточная Европа располагается на Кавказе. Грузинские элиты глубоко убеждены в европейском характере своей страны. Практически все государства старой Восточной Европы и их преемники в той или иной форме выразили стремление присоединиться к ЕС и многие из них — также к НАТО.

Сказанное выше не означает, что через 10–15 лет Украина или Грузия станут членами Евросоюза — в том

числе и из-за процессов внутри ЕС. Гораздо важнее уже выявившаяся западническая ориентация — причем не только элит, но и нарождающихся средних классов этих стран. Членство Киева и Тбилиси в НАТО, представляющееся вполне вероятным уже в пятилетней перспективе, способно закрепить и усилить этот тренд.

В «старых» членах Евросоюза, США и других странах Запада времен «холодной войны» тема общности судьбы подвергается переосмыслению. На западе ЕС, особенно в континентальных странах, дуализм европеизма и атлантизма сменяется явным преобладанием первого. В США под влиянием демографических трендов в долгосрочной перспективе может возобладать «новый американизм», ограничивающий приоритетную сферу интересов Западным полушарием. В Австралии уже давно идет дискуссия о том, с судьбой каких больших общностей связана эта страна-континент — Европы, Америки или Азии.

Внутренний мир. При всех сохраняющихся и отчасти даже углубляющихся различиях интересов стран международного общества война уже с середины XX в. перестала быть средством разрешения противоречий между ними. Формально не все члены сообщества — союзники: Ирландия, Швеция, Австрия, Финляндия, Швейцария не входят в НАТО и не имеют двусторонних военных пактов с США. Иногда даже между союзниками возникают острые разногласия (Франция/Германия — США/Великобритания по поводу войны в Ираке в 2003 г.). Тем не менее война *внутри* современного Запада немислима *ни при каких обстоятельствах*. Сравнение англо-испанских отношений (по поводу Гибралтара), с одной стороны, и англо-аргентинских (по поводу Фолклендских/Мальвинских островов), с другой, является показательным. Угроза войны резко снижается в результате успеха демократизации и практически исчезает в результате институциональной интеграции. Другой пример — сдерживающая роль НАТО в греко-турецких отношениях начиная с 1950-х годов. В принципе можно утверждать, что анало-

гичный уровень уже достигнут в отношениях России и ведущих европейских членов НАТО, а также Японии. Война между Россией и Германией сегодня столь же невероятна, как война между Германией и Францией³⁷.

По контрасту, однако, сохраняется (хотя и в ослабленном виде) конфликтный потенциал, способный привести к вооруженным столкновениям между Россией и некоторыми новыми государствами (например, Грузией). Еще важнее, что, несмотря на окончание «холодной войны», Российская Федерация и Соединенные Штаты фактически продолжают политику взаимного ядерного сдерживания. Ядерные отношения России и США принципиально отличаются от соответствующих отношений США и Франции. Кроме этого, реальная военная доктрина России исходит из того, что отражение воздушно-космического нападения (на которое в обозримой перспективе способны только США) является главной задачей российских Вооруженных сил³⁸. В высказываниях президента Путина, сделанных непосредственно после Беслана, Запад фактически обвиняется в стремлении ослабить Россию, лишить ее статуса ядерной державы, оторвать от нее отдельные территории. Исламский экстремизм и терроризм выступают, по версии Кремля, в качестве инструментов такой политики Запада³⁹. Есть основания полагать, что идея России как осажденной врагами крепости — не только пропагандистский штамп, но и отражение того, как нынешнее российское руководство на самом деле видит окружающий мир.

Демократическая полития. При всех различиях в степени зрелости демократических политических режимов в рамках расширившихся ЕС и НАТО все они развиваются достаточно устойчиво. Существует развитая многопартийность, сменяемость власти обеспечивается благодаря институту свободных и честных выборов. Средства массовой информации свободны от контроля со стороны государства. Разделение властей достигается благодаря различным вариантам системы сдержек и противовесов.

В большинстве случаев роль парламента в политической жизни первостепенна, поскольку исполнительная власть, как правило, опирается на парламентское большинство. В новых западных демократиях президент либо делит властные полномочия с главой правительства (как, например, в Польше), либо является символом единства нации и выполняет представительские функции (как в Эстонии). Постепенно электоральная демократия в этих странах перерастает в демократию участия.

Экономическое благосостояние. Приверженность политической демократии основывается на экономическом фундаменте и системе социальных отношений⁴⁰. Различия в уровнях ВВП на душу населения в рамках расширенного Запада велики. Так, после принятия десяти новых членов в состав ЕС в 2004 г. наиболее крупной из вновь вступивших стран, Польше, чтобы достичь среднего уровня душевых доходов в рамках Союза, потребуется 59 лет, наиболее передовой, Словении, — 31 год, а наиболее отсталой, Румынии, — 80 (Кипру — 21 год, Болгарии — 63)⁴¹. Тем не менее группа стран, составляющих современный Запад, резко выделяется по уровню экономического развития. Есть основания говорить о том, что потребность в демократии появляется у обществ при достижении ими определенного уровня благосостояния, выраженного в ВВП на душу населения. Россия в этом отношении стоит позади Польши, несколько впереди Украины и примерно на одном уровне с Румынией и Болгарией. В то же время для России характерен уровень социального неравенства, обычный для более отсталых стран.

Богатство и характер его распределения, однако, не являются главным критерием при решении вопроса о принадлежности тех или иных стран к международному обществу. Наличие функционирующих демократических институтов является еще более важным фактором. В этой связи богатые нефтью монархии Персидского залива и Бруней не станут полноценной частью этого общества, по-

ка не совершат «демократический транзит». Даже вполне западный по большинству оснований Сингапур демонстрирует очевидный дефицит демократии. Принадлежность к международному обществу, однако, определяется еще несколькими факторами, по которым позиции России далеко отстают от позиций даже близких соседей.

Американское лидерство. В период «холодной войны» фактическая гегемония США в рамках западной «подсистемы» не только признавалась, но рассматривалась как свидетельство готовности и решимости Америки защищать каждого из членов Запада, а также коллективные западные интересы и ценности. Окончание биполярного противостояния привело, с одной стороны, к беспрецедентному росту мощи США, их превращению в единственную сверхдержаву, а с другой — к снятию ограничений для объединения Европы и превращения Европейского союза в более сплоченное сообщество, хотя еще и не в самостоятельный центр силы. ЕС в целом признает американское лидерство — прежде всего в вопросах международной безопасности, но настаивает на консультативном характере этого лидерства.

Таким образом, можно сделать вывод, что границы Запада являются подвижными. Современный Запад — не особая замкнутая культурно-цивилизационная общность, а иное обозначение для складывающейся универсальной цивилизации, основанной на внутренних институтах: ценностях личной свободы, рыночной экономики и политической демократии. «Внешние» институты Запада — НАТО, ЕС — обладают определенной способностью к расширению, но эта способность в принципе ограничена. Принятая в ЕС в начале 2000-х годов политика Нового соседства очертила круг потенциальных кандидатов на членство в Союзе; в рамках программы НАТО «Партнерство во имя мира» осуществляются практические мероприятия по подготовке ее наиболее активных участников к членству в НАТО. Импульс, идущий изнутри стран-кандидатов, подкрепляется убеждением лидеров

Запада, что расширение НАТО и ЕС до определенных пределов — одновременно геополитическая необходимость и новая историческая миссия их объединений. Постепенно складывается понимание того, что в долгосрочной (10–15 лет) перспективе граница максимального расширения Запада (НАТО и/или ЕС) в Европе может практически полностью совпасть с западными рубежами Российской Федерации.

Что определило успех западной интеграции? Прежде всего органичность интеграционных процессов, базирующихся на однотипных институтах, разделяемых ценностях, а также общих политических, экономических и военных интересах. Интеграция в западное сообщество не навязывалась тем или иным странам, а, наоборот, предоставлялась им как награда, которую кандидатам необходимо было заслужить. Евросоюз в 1992 г., НАТО в 1995 г. изложили официальные перечни критериев членства. Несмотря на то что вопрос о принятии конкретных кандидатов в состав обеих организаций и после этого остается политическим, необходимость соответствия базовым требованиям очевидна. Главный импульс при этом исходит не извне — от Запада к потенциальным кандидатам, а от самих этих кандидатов — к Западу. Речь, таким образом, идет больше о вступлении, присоединении, чем о расширении и включении.

Фактически ни в одном случае интеграционные процессы в рамках Запада не сменились дезинтеграционными. С конца 1940-х годов ни одна страна не отпала от общества. Дело было не столько в дисциплине «холодной войны», которая не позволяла союзникам США (например, Италии или Португалии) «менять ориентацию», сколько в эффективности либерально-демократических институтов и привлекательности западного образа жизни. Эта привлекательность в еще более усиленной форме сохраняется по сей день. Тем не менее она не всегда и не везде сопровождается готовностью к соответствующей социально-экономической и политической трансформа-

ции. Одно дело — завидовать так называемому золотому миллиарду, другое — реализовывать национальную стратегию современного экономического роста, сопровождаемая ее политикой последовательной либерализации и демократизации.

Запад и вызов XXI века

НЕСМОТРЯ НА РАСШИРЕНИЕ «внешних» институтов Запада, международное общество XXI в. охватывает небольшую, относительно уменьшающуюся часть человечества. Демографическая динамика действует не в пользу Европы и Японии, и только США сохраняют на перспективу сравнительно высокие темпы прироста населения. Разрыв в уровне доходов и качестве жизни между Западом и остальной частью человечества увеличивается. Глобализация, единое информационное пространство делают эти различия все менее терпимыми. Вызов Западу со стороны Юга — в том числе со стороны выходцев с Юга, постоянно проживающих на Западе, — становится все более серьезным. Международный терроризм в его современном издании — т. е. в качестве оружия исламистского радикализма⁴² — представляет его наиболее крайнее проявление.

Полномасштабное столкновение Севера и Юга означало бы мировую катастрофу, остановку развития, движение вспять. «Новый империализм», предлагаемый рядом авторов⁴³, мог бы быть полезен в конкретных ситуациях, но опыт Ирака демонстрирует стойкое нежелание европейцев идти по пути «реимпериализации» и все более очевидную неспособность США не только распространять демократию, но и обеспечивать послевоенное умиротворение страны. НАТО осуществляет ограниченное присутствие в Афганистане, но не участвует в обеспечении безопасности в Ираке. При этом демонстрационный эффект ЕС, международное значение современного евро-

пейского опыта довольно ограниченны. Что бы ни понимать под «американской империей», мышление американских политиков и их конкретные шаги остаются преимущественно национальными, а не «общеимперскими».

Кроме того, как показывает опыт последних лет, даже нынешний расширенный состав международного общества недостаточен для организации эффективного глобального управления. Для практического решения такой задачи потребовалось бы формирование ядра более широкого мирового сообщества. Наряду с лидерами Запада — США и ЕС, а также Японией, — в состав этого сообщества должны были бы войти ведущие региональные державы: Китай, Индия, Россия, Бразилия, Индонезия, ЮАР, Иран, возможно, Египет как представитель арабского мира. Уже вскоре после 11 сентября 2001 г. проявилась объективная возможность формирования такого сообщества, иначе говоря — превращения временной антитеррористической коалиции в основу для системы международных отношений XXI столетия. При этом политический Запад мог бы стать ядром такой системы — подобно тому, как после Второй мировой войны англосаксонская солидарность стала ядром политического Запада.

Инициатива реформы глобального управления в принципе должна была бы исходить от ядра современной мировой системы — США. После 11 сентября администрация Джорджа Буша-младшего проявила принципиальную готовность модернизировать внешнюю политику Вашингтона. Начался поворот от опоры на структуры времен «холодной войны» к созданию подвижных временных коалиций для решения конкретных проблем. В то же время в американской правящей элите так и не созрела идея о том, какой могла бы быть современная модель глобального управления. К началу второй администрации Буша акцент был сделан на активизации международного общества, а не на формировании ядра мирового сообщества⁴⁴.

В этих условиях возможен сценарий, при котором консолидация мирового сообщества не происходит. Мно-

госторонние западные институты приблизились к пределам расширения. В то же время внутри международного общества с большим трудом идут параллельные процессы формирования Европейского ядра и перестройки трансатлантических отношений. США удерживают первенство, но их лидерство постепенно становится более условным. Проблемы на Большом Ближнем Востоке, в Азии и Африке требуют от Соединенных Штатов все больших усилий и в конце концов принуждают Америку к стратегическому отступлению. Европейцы политически и стратегически отдаляются от США, но при этом политически не консолидируются, а экономически отстают от азиатских конкурентов. Одна из ведущих держав прежнего политического Запада — Япония экономически тяготеет к Восточной Азии, где быстро возвышается Китай. С трудом и большими сложностями в этом регионе постепенно формируется экономическое сообщество, включающее Большой Китай (КНР с Гонконгом плюс Тайвань), Японию и Южную Корею, а также страны АСЕАН. В Южной Азии идет становление самостоятельного центра силы во главе с Индией. Многополярный мир в конце концов становится реальностью, но степень управляемости этого мира и уровень его безопасности серьезно снижаются.

Возникает вопрос о том, возможна ли в начале XXI в. интеграция сравнительно крупных автономных величин в рамках международного общества. Иными словами, возможно ли в результате процесса внутренней модернизации устойчивое сближение культурно не западных стран с США и Европейским союзом — без формального, институционального включения в традиционные западные структуры (НАТО и ЕС), принадлежность к которым традиционно считалась синонимом интеграции? Фактически вопрос ставится о возможности, способах и формах *неинституционализированной интеграции*. От практического ответа на этот вопрос зависит также и будущее место России в системе международных отношений.

Российская идентичность и Запад

ЛЮБОЕ ДВИЖЕНИЕ К ИНТЕГРАЦИИ неизбежно отражается на идентичности интегрируемой страны. Под идентичностью мы будем понимать не столько самобытность той или иной страны и ее народа (это больше относится к области культуры и антропологии), сколько место и роль этой страны среди других и связанные с этим представления. Идентичность тесно связана с государственностью и ее характером, равно как и с позиционированием государства в международной системе, амбициями его элит и самоощущением нации. Страна может утратить идентичность вместе с государственностью (как Польша в 1795–1918 гг.), радикально изменить ее (подобно «второму» и «третьему рейху» в Германии, послевоенным ФРГ и ГДР, сегодняшней объединенной Германии), наконец, самобытные народы могут приобрести идентичность, как это сделали, в частности, республики бывшего СССР, ставшие — большинство из них впервые в современной истории — независимыми государствами.

Во второй половине 1940-х годов безусловное лидерство США признали не только малые страны Европы (Нидерланды, Португалия, Бельгия), но и традиционные великие державы Великобритания и Франция. Всем им, и малым, и великим, пришлось отказаться от вековых традиций, самостоятельности в принятии решений в вопросах войны и мира, от ряда важнейших интересов (например, от сохранения колониальных владений). В случае Западной Германии потребовался отказ нации и ее элиты от самостоятельных (по отношению к новым союзникам) международных интересов вообще. В случае Японии стало необходимым принятие конституции страны из рук американских оккупационных властей. И ФРГ, и Япония отказались от права вести войну или иметь самостоятельные (не интегрированные в систему американских союзов) вооруженные силы. Вооружение бундесве-

ра и японских Сил самообороны было жестко ограничено. В случае стран южной Европы (Португалии, Греции, Испании, Турции) важнейшим условием интеграции стала постепенная глубокая демократизация их политических систем. Страны, вступавшие в ЕС, отказывались от значительной части своего суверенитета начиная с экономической сферы, а впоследствии и в других областях, в пользу наднациональных органов. Тем не менее даже в условиях интеграции каждая страна НАТО и ЕС сохранила свое лицо. Национальная идентичность сохраняется даже тогда, когда параллельно ей возникает и усиливается наднациональная (европейская).

Под этим углом зрения *пример* России конца XX — начала XXI в. представляет теоретический и практический интерес. Столетием раньше Россия достигла высокой степени интеграции с остальной Европой. Не только российские верхи, но и бурно развивавшееся третье сословие ощущали себя и воспринимались в окружающем мире как вполне европейские. За пределами *Европы* (т. е. современной цивилизации) оставалась огромная крестьянская масса, но и в ней происходило быстрое расслоение, открывавшее путь к формированию фермерства⁴⁵. Возможно, Российской империи не хватило как раз тех двадцати лет спокойного развития, о необходимости которых говорил Петр Столыпин⁴⁶, чтобы стать *вполне* европейской, современной страной. Вместо этого после прихода к власти большевиков начался процесс разрыва естественных связей с остальной Европой, с Западом — процесс *закрытия* России. Он шел как внутри страны — через установление тоталитарного режима, так и по ее периметру — через закрытие границ и сведение к минимуму любых контактов с «враждебным окружением».

Россия вынуждена была заплатить огромную цену за коммунистический эксперимент — прежде всего десятками миллионов жизней своих граждан. Распад Советского Союза, означавший не только «уход» краин от Москвы

(или «выход» Москвы из окраин), укладывавшийся в логику «деколонизации», но и расщепление «восточно-славянского ядра» традиционного российского государства, стал несомненной катастрофой⁴⁷. Еще большей катастрофой, притом не только геополитической, стали Октябрьская революция 1917 г., последовавшая за ней Гражданская война и массовые репрессии, продолжавшиеся несколько десятилетий. Советский Союз, однако, не потерпел военного поражения. Коммунистическая система в СССР рухнула под тяжестью собственного веса, а попытки внутренних реформ ускорили ее крах, смягчив при этом его последствия.

Российская Федерация во многом относится к той же категории стран, что и новые или будущие члены НАТО и ЕС. В нынешнем составе евроатлантических институтов есть не только бывшие социалистические страны, но и бывшие республики СССР; не только славянские, но и православные государства, во главе ряда центрально- и восточноевропейских стран — союзниц США долгое время стояли или даже продолжают стоять бывшие видные члены местных компартий, наконец, численность русских меньшинств на «новом Западе» превышает 1 млн человек. Пропасть в уровне благосостояния между жителями Петербурга и Финляндии, конечно, огромна, но разрыв в подушевых доходах между Калининградом и Клайпедой гораздо меньше, а между Краснодарским краем и румынской Констанцей практически отсутствует. Конечно, Россия простирается далеко за географические пределы Европы, но европейский характер зауральской, «азиатской» России не вызывает сомнений. Восточная Россия — это продолжение Восточной Европы, но никак не Восточной Азии⁴⁸.

В этом смысле интересно и показательно сравнение России с Турцией, которая настойчиво добивается вступления в Европейский союз и в долгосрочной перспективе имеет шансы осуществить свои планы. Президент Путин, по просочившейся информации, с упреком спрашивал канцлера ФРГ Шрёдера, почему Европа готова вести переговоры о принятии в свой состав мусуль-

манской Турции, 97% территории которой расположено в Азии, но не приглашает в Союз очевидно европейскую Россию⁴⁹. Обычно европейские политики говорят, что Россия «слишком велика» для Европы. Значение имеют не столько величина, сколько диспропорции. По размерам территории уменьшившаяся Россия больше расширившегося ЕС в четыре раза. По численности населения Россия все еще превосходит ведущую страну ЕС Германию на 75%. В то же время российский ВВП составляет (в долларовом эквиваленте) чуть более 1,5% мирового и менее 10% среднего ВВП по странам ЕС. Российский же ВВП на душу населения, по самым оптимистичным данным, в три раза (в несколько раз) меньше среднеевропейского. Последние две цифры неточны и приблизительны, так как рассчитаны исходя из очень отличающихся друг от друга данных из разных источников. Таким образом, в гипотетическом случае членства в ЕС сравнительно отсталая и бедная, но сохранившая менталитет великой державы Россия располагала бы наибольшей квотой голосов в Европейском парламенте и значительным представительством в исполнительных органах ЕС.

В какой-то степени аналогичные опасения присутствуют и в отношении Турции. Главным отличием России от Турции, однако, является позиция элит двух стран. Турецкая давно сделала выбор в пользу Европы и последовательно движется в этом направлении. Для Турции модернизация означает европеизацию. Иная ситуация в России. Политическая идентичность страны определяется прежде всего характером власти. Авторитарная, безраздельная и бесконтрольная власть является основой того, что российские исследователи Юрий Пивоваров и Андрей Фурсов называли «русской системой». В этом смысле Россия принципиально отличается от стран, вступивших в 2004 г. в ЕС и НАТО, и, наоборот, близка к таким государствам СНГ, как Белоруссия, Казахстан и даже Узбекистан. Сохранение у большинства российского общества (а не только у правящего слоя) традиционных

представлений о характере и функциях власти в России является наиболее серьезным препятствием на пути не только политической, но и экономической и социальной модернизации. Для того чтобы Россия возродилась, абсолютно необходима смена властной модели.

Другой важнейший фактор — это многовековое начиная с середины XVI в. существование России в качестве «державы». Этот термин точнее, чем «империя», передает характер российской власти и Российского государства. В отличие от морских империй Англии, Франции, Голландии и др., но подобно османской Турции Россия практически интегрировала присоединяемые области в то, что иногда называют «Большой Россией». Советский Союз принял попытку решения национального вопроса через всестороннюю интеграцию окраинных республик с историческим ядром государства и формирование на этой основе «новой исторической общности — советского народа». На международной арене СССР осуществлял политику «социалистической интеграции» союзников и являлся центром притяжения стран социалистической ориентации. ЦК КПСС через свой Международный отдел (преемник Коминтерна) направлял деятельность коммунистических и левосоциалистических партий, национальных движений в большинстве стран мира. Стремление российских элит — прямых наследников советских — играть самостоятельную международную роль в европейском, «евроазиатском» (СНГ), а в перспективе и глобальном масштабе вытекает из исторического опыта и вынесенного из него представления о роли России.

Проблема имперского наследия сохраняется и в отношениях с новыми государствами, возникшими на месте бывших республик СССР, и в национально-регионально-религиозной проблематике, существующей в пределах самой Российской Федерации, прежде всего на Северном Кавказе. Трансформация имперского государства и имперской общности в национальное государство потребует и значительного времени, и многих усилий.

Идентичность страны не есть что-то неизменное, данное раз и навсегда. Только в XX в. Россия испытала две резкие смены идентичности (1917 и 1991 гг.) и несколько важных корректировок (середина 1920-х, середина 1940-х, конец 1980-х). «У России, — писал историк Юрий Афанасьев, — было два реализованных ею выбора: самодержавие и социализм; были два грандиозных сооружения на их основе, и оба рухнули»⁵⁰. Российские либералы утверждают, что фактически с конца XX в. Россия стоит перед выбором — либо в Византию, либо в Европу. «Казалось бы, — рассуждает Ю. Афанасьев, — какие могут быть сомнения на сей счет? Какая может быть еще национальная идея реальнее и яснее, чем путь в Европу?»⁵¹. Но российская власть, даже выбрав капитализм, не хочет и не может отказаться от самодержавности, а общество дезориентировано, не организовано, плохо знает, чего хочет. Отсюда — характерная амбивалентность элитного и общественного мнения, межуточность российской внешней политики, оставляющая Россию в «подвешенном состоянии».

В начале 2000-х годов революционный период сменился авторитарной стабилизацией и поиском формулы экономического развития, направляемого государством. Президент Путин с особым упором подчеркивает *независимость* России в международных делах⁵². Идеологи Кремля (заместитель главы президентской администрации Владислав Сурков и др.) говорят о суверенной демократии⁵³. Независимость в глобализованном мире — понятие относительное, но автономный статус и самостоятельная политическая (хотя при этом периферийная и ограниченная) роль России в середине 2000-х годов — это факт. Тем не менее одного «провозглашения независимости» недостаточно для определения места и роли страны в мире. В 1990-е годы заявления о том, что Россия «обречена быть великой державой», звучали как заклинания. Между тем поиск Россией ее постсоветской идентичности на международной арене продолжается. В этом

поиске решающую роль играет позиционирование России по отношению к США и Европейскому союзу.

Одна из серьезнейших проблем российских либеральных реформаторов состоит в их неспособности привлечь на свою сторону такой мощнейший фактор, как российский патриотизм. Взгляд либералов сосредоточен на странах, где их идеалы реализованы и которые они видят в качестве моделей для собственной страны. Начиная с Чаадаева либеральный взгляд на отечественную историю, как правило, категоричен в выводах: история России — это предостережение другим народам. Рассуждая таким образом, либералы не только подрывали свои позиции, но и усиливали позиции оппонентов. Не только консерватизм, но и обскурантизм получали возможность неограниченно использовать бренд «Россия» и, сверх того, обвинять либералов в космополитизме или даже в союродничестве с внешними силами в ущерб отечеству. Между тем западничество — не только составная, но и наиболее прогрессивная часть российской внутри- и внешнеполитической традиции.

Со времен Петра I Россия не только являлась составной частью европейской системы в качестве одной из великих держав, но и периодически совершала «модернизационные рывки», опираясь на опыт Западной Европы. В XVIII–XIX вв. Россия была не только непременным участником системы баланса сил на континенте, предполагавшей постоянные многосторонние коалиции в многочисленных войнах. Ее элита, сознательно ориентируясь на французские, немецкие, английские образцы, направляла развитие страны по западному пути. После разгрома Наполеона император Александр I играл выдающуюся роль на Венском конгрессе (1814–1815 гг.); Россия стала вдохновителем и одним из основателей Священного союза — первой постоянной организации управления международными процессами. Вплоть до Крымской войны (1853–1856 гг.) русский император был практически единоличным гарантом стабильности и легитимного порядка в Центральной и Восточной Европе. Во второй по-

ловине XIX в. Россия вновь была участницей многосторонних дипломатических комбинаций с участием держав Центральной и Западной Европы, пока, наконец, в начале XX в. она не связала свою судьбу с *прото-Западом* — англо-французской Антантой. В то же время, указывает профессор Александр Янов, Россия периодически «выпадала из Европы». «Прорывы», сближавшие страну с Европой, сменялись (во времена Николая I, Александра III, Сталина) периодами «выпадения» из Европы⁵⁴.

Действительно, коалиция между самодержавной Россией и либеральными государствами Запада основывалась на геополитических и экономических расчетах, а не на общих ценностях. Когда Александр III, принимая в Петербурге президента Франции в 1891 г., стоя слушал «Марсельезу», он не проникался не только республиканским, но и конституционалистским духом. Российские либералы — часто англо- и франкофилы — хотя и занимали высокие должности, были в явном меньшинстве при царском дворе, а впоследствии в Государственной думе. У правящих классов России начала XX в. было гораздо больше общих ценностей с прусскими юнкерами, чем с английскими «лавочниками». Тем не менее в это же время в России быстрыми темпами развивался капитализм, а геополитика, стратегия и экономика диктовали Петербургу союзы с демократиями против родственных авторитарных режимов.

Такие «противоестественные» союзы не могли быть легким делом. Уже Первая мировая война продемонстрировала довольно высокую степень фонового недоверия между Россией и ее западными союзниками. Об этом красноречиво свидетельствуют мемуары французского посла в Петрограде Мориса Палеолога и русского министра иностранных дел Сергея Сазонова⁵⁵. Тем не менее, несмотря на колоссальную тяжесть войны, ее многочисленные жертвы и отсутствие в ней ясных и понятных российскому населению целей, царское, а затем временное правительство оставались верными союзническому

долгу. В конце концов война настолько обострила внутренние противоречия в стране, что в ней произошла большевистская революция. Советское правительство вывело Россию из войны, заключило сепаратный мир с Германией, но при этом действовало вне- и антисистемно, рассматривая Россию не столько как государство с определенными интересами, сколько как базу мировой пролетарской революции.

Россия превратилась из политического и военного союзника Запада в его фактического противника, из потенциального победителя в страну, разделившую судьбу побежденных. Запад же, по мнению многих русских эмигрантов, не оценил этой жертвенности и обошелся с ослабевшей Россией вполне прагматично, не оказав действительной помощи силам контрреволюции, признав независимость бывших окраин Российской империи и дополнив большевистскую самоизоляцию внешней изоляцией посредством санитарного кордона. Советская Россия, хоть и получила формальное признание Запада, оставалась вне рамок сообщества государств до середины 1930-х годов и затем опять с 1939 г. до нападения Германии на СССР.

Период, когда советская Россия была государством-изгоем, продолжался сравнительно недолго. Период непризнания Западом власти большевиков длился менее пяти лет — т. е. практически столько, сколько продолжалась Гражданская война, а у советского правительства сохранялись надежды на мировую революцию. Начиная с 1922–1924 гг. Советский Союз был постепенно подключен к мировому *сообществу* государств в форме восстановления дипломатических отношений. В то же время управляемый коммунистами СССР оставался за пределами *общества* «цивилизованных государств». Лишь в 1934 г. он был принят в Лигу Наций, что было прямой реакцией западных держав на решение Гитлера о выходе Германии из Лиги. Аналогичными соображениями руководствовалась и администрация Ф. Рузвельта в США,

признавшая СССР в ноябре 1933 г. Уже в 1935 г. Франция и ее союзник Чехословакия заключили договоры о взаимопомощи с Москвой. Сближение на геополитической основе, однако, продолжалось недолго.

Глубокое недоверие правящих кругов Лондона и Парижа к коммунистическому режиму и к тоталитарной России как к таковой, а также аналогичный подход к «империалистам Англии и Франции» со стороны Кремля сделали невозможным создание действенной системы коллективной безопасности в Европе. Сталин не только рассматривал англо-французскую политику «умиротворения» Гитлера как объективно направленную против Советского Союза (в этой связи особенно интересна аналогия, которую провел Путин между современным Западом и тогдашними «мюнхенцами»⁵⁶), но и сам строил аналогичные расчеты. В то время как на Западе надеялись, что Гитлер повернет на восток, Сталин рассчитывал, что Германия прежде начнет войну на западном фронте. Как и западные руководители, Сталин предполагал, что Германия и ее противники измотают друг друга в затяжной войне.

Несмотря на взаимную неприязнь, как для Запада, так и для СССР гитлеровская Германия была наиболее опасным противником. Тем не менее преобладание тактического маневрирования над стратегическими ходами, неспособность договариваться вопреки убеждениям и готовность принимать желаемое за действительное привели к катастрофе. Западные демократии, ведомые слабыми и недалекими лидерами, несут такую же ответственность за провал летних переговоров 1939 г., как и советский вождь, заключивший пакт с Гитлером. Сталина подвело его «кастовое чутье», почти родственные чувства, которые он питал к соседнему тоталитарному режиму, и, с другой стороны, явное презрение по отношению к либеральной демократии.

Важно отметить, что после Первой мировой войны и революции как «красные», так и многие «белые» русские пришли к сходным выводам о роли и месте России в мире.

Первые (кремлевские вожди) приступили к строительству «социализма в одной, отдельно взятой стране», вторые (Петр Савицкий, Николай Трубецкой и их товарищи в пражском изгнании) разработали теорию «евразийства». И те и другие, хотя и по совершенно разным причинам, отвергали «неверный» Запад и противопоставляли ему «отдельно стоящую» Россию. Но география и экономические потребности страны продолжали толкать ее руководство к действиям наперекор собственным убеждениям. Это вновь в полной мере проявилось в 1939–1941 гг.

У сталинского режима было гораздо больше общего с гитлеровским тоталитаризмом, чем с парламентскими демократиями Западной Европы или с США. Однако именно недолговечный союз с «родственным» диктатором привел к самой страшной катастрофе в отечественной истории, и именно Сталину пришлось лично — и в целом успешно — сотрудничать с лидерами ведущих демократических государств. Более того, Сталин не только «присутствовал при рождении» современного политического Запада, но, действуя прагматически, ассоциировал Советский Союз с ним. СССР присоединился к Атлантической хартии (1942 г.), подписал союзные договоры с Англией (1942 г.) и Францией (1944 г.), стал одним из основателей ООН и соавтором ее Устава (1945 г.). Перед *сталинским* СССР были открыты двери в Международный валютный фонд (МВФ) и Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ), а также перспектива участия в плане Маршалла. Лишь отказ Сталина воспользоваться этими возможностями привел к тому, что СССР в середине 1940-х годов оказался исключенным из системы мировых торгово-экономических институтов.

Мог ли СССР интегрироваться в международное общество уже в 1945 г.? Опыт тесного военно-политического (Большая тройка) и военно-экономического (ленд-лиз) сотрудничества с США и Великобританией в принципе говорил в пользу этого. Совет Безопасности ООН был по-

строен как орган глобального управления на консенсусной паритетной основе между ведущими мировыми державами, в том числе СССР. Со своей стороны, Сталин официально отказался от идеи мировой революции, которой он никогда всерьез не сочувствовал, распустил «отработавший свое» Коминтерн, заменил «Интернационал» новым *государственным* гимном и восстановил — хотя бы и в крайне ограниченных и жестко контролируемых рамках — роль Русской православной церкви. Фактически Сталин реставрировал в России самодержавный строй, многократно усилив степень централизации и концентрации власти и сменив основу ее легитимности.

Что помешало Сталину принять правила игры, которые он лично выработывал вместе с Рузвельтом и Черчиллем? Политические трения с союзниками, неизбежные после победоносного окончания войны в условиях определения основ мирного порядка? Безусловно, это имело место в вопросе о будущем побежденной Германии, восстановленной Польши, по проблемам Ирана, Турции, Греции и Балкан. Сигнал, который Трумэн подал Сталину в Потсдаме в форме сообщения о создании в США «оружия колоссальной разрушительной силы», был интерпретирован последним как возобновление западного давления на СССР. Тем не менее, как представляется, главную роль в возврате к изоляционизму сыграл обоснованный страх Сталина перед последствиями «открытия СССР» внешнему миру для устойчивости того режима, который он создал. Сам факт выхода Красной армии за пределы государственных границ СССР, соприкосновение советских солдатских масс с европейской действительностью, контакты офицеров с иностранцами таили серьезную опасность для прочности режима⁵⁷. Вождь СССР, без сомнения, хорошо понимал это.

«Закручивание гаек» внутри страны началось уже в конце Великой Отечественной и стало первым предвестником «холодной войны». Разумеется, конкретные формы противостояния не были предопределены заранее, но

создание функционирующей системы ООН на основе сотрудничества с западными державами потребовало бы от СССР отказа от основ тоталитарного политического режима, командной экономической системы и революционной по форме, но исключительно консервативной по сути идеологии, легитимировавшей беспредельную власть аппарата Коммунистической партии и ее вождя. Помимо всего этого Сталин, проецировавший опыт европейской истории первой половины XX в. на его вторую половину, скептически оценивал шансы на то, что Европе (и СССР) удастся избежать новой мировой войны⁵⁸.

В 1950–1970-е годы, в период правления Хрущева и Брежнева, сложилась парадигма мирного сосуществования «параллельных миров» — «мира социализма» во главе с СССР и «империализма» во главе с США. Сверхоптимистическая идея Хрущева о «соревновании систем», которое Советский Союз не был в состоянии выиграть, трансформировалась при его преемнике в формулу военно-стратегического паритета, который СССР, хотя и с большим трудом, мог какое-то время поддерживать. Советское руководство было настроено на длительное военно-политическое противостояние с потенциальным противником. Советская глобальная стратегия сочетала поддержание стратегического паритета, укрепление статус-кво на центральном фронте и маневры на флангах. Стратегия США, в свою очередь, включала военное и политическое сдерживание Советского Союза, пресечение его «фланговых маневров» в «третьем мире», оказание экономического и психологического давления на советское общество и союзников СССР.

В силу этих причин включенность СССР в международные экономические, политические, общественные связи была крайне ограниченной и односторонней. СССР — наряду с США — играл ведущую роль в мировой политике и в военной сфере, но из-за автаркического характера советской экономики был слабо интегрирован в мирохозяйственные связи. Политическая система требовала жесточайшей централизации и подробной

регламентации всех контактов с внешним миром. Господствовавшая идеология постулировала, что «мирное сосуществование двух противоположных общественно-экономических систем является специфической формой классовой борьбы». Советская внутренняя и внешняя политика была прямой антитезой интеграции.

Вопрос об интеграции *вместе с Западом* в единое мировое сообщество впервые был поднят во второй половине 1980-х годов, когда начатая Михаилом Горбачевым Перестройка потребовала открытия страны для внешнего мира и в этой связи коренного пересмотра отношений с США и Западной Европой. Одновременно логика «нового политического мышления», как отмечал помощник Горбачева по международным делам Анатолий Черняев⁵⁹, требовала ускорения внутренних преобразований. Постепенно становилось ясно, что для коренного улучшения отношений с Западом Советский Союз должен был кардинально измениться сам. Договоренности в области контроля над вооружениями могли служить лишь целям регулирования враждебности. Более того, любые достижения в этой области, как показал опыт разрядки 1970-х годов, были непрочны без более широких договоренностей, разрушавших основу «холодной войны». Попытки Москвы практиковать одновременно и разрядку, и «классовую борьбу» были обречены на неудачу. Разрядка, по словам Збигнева Бжезинского, занимавшего в 1977–1981 гг. пост помощника президента США по национальной безопасности, была похоронена в африканских песках Огадена⁶⁰. В Москве, в свою очередь, в провале разрядки винили военно-промышленный комплекс США и «наиболее реакционные» круги «американского империализма».

В своем стремлении оживить советскую систему М. Горбачев сознательно проигнорировал «красные линии», завещанные предшественниками. Внутри страны был взят курс на формирование власти с помощью инструмента выборов, а во внешней политике произошел отказ от идеи классовой борьбы, место которой заняли те-

зисы о примате общечеловеческих ценностей и о свободе выбора. В этой связи вехами можно считать выступления М. Горбачева и Э. Шеварднадзе в МИД СССР в июле 1988 г. и речь Горбачева в ООН в декабре 1988 г. В результате в течение 1987–1988 гг. процесс разрядки между СССР и Западом перешел точку возврата к status quo ante. По наблюдениям посла США в Москве в 1987–1991 гг. Джека Мэтлока, уже с декабря 1987 г. Горбачев не рассматривал Америку как враждебную или потенциально враждебную силу⁶¹.

Сразу после распада СССР новое руководство России во главе с Б. Ельциным предприняло попытку интегрировать Российскую Федерацию в западные институты в качестве «великой демократической державы» с особым статусом. К концу 1990-х годов стало ясно, что эта задача на данном этапе практически невыполнима. Вопрос о характере отношений России и Запада, однако, не был снят после этого с повестки дня. Напротив, он остается актуальным для XXI в. так же, как для конца XX, но условия его решения существенно усложнились. Глобализация носит сложный и противоречивый характер. Ее «опорные точки» составляют своего рода мировой архипелаг, внутренне связанный многочисленными нитями контактов, но окруженный при этом локальными морями и совсем местными проливами. Воздействие глобализационных импульсов на ту или иную страну, в том числе на Россию, является сугубо избирательным, и в результате возникает конгломерат новаций и архаики, которые образуют отдельные анклав⁶². Эта картина адекватно описывает ситуацию не только в России или в Азии, но отчасти и в зрелых западных странах — например, в США. Понятие архаики при этом, разумеется, сильно варьируется.

Институциональная интеграция представляет собой двусторонний процесс. Наряду с вопросом о том, хочет ли Россия интегрироваться, встает другой: насколько в интеграции России заинтересованы ведущие страны ны-

нешнего Запада, прежде всего США и Европа? Теперь, когда Россия, как многие считают, «сошла с дистанции», перестала быть соперником США⁶³, нужно ли ее включить в Атлантическую систему, возглавляемую Америкой (конкретно в НАТО⁶⁴), и можно ли это сделать? Приглашение в ЕС Турции и, возможно, Украины снижает порог для эвентуального российского членства в Союзе? На каких условиях лидеры Запада готовы были бы допустить Россию в свое общество? Какие критерии были бы при этом применимы? На какие отступления от общих критериев могла бы Россия рассчитывать? Или же, развернув аргументы о «русской специфике» в противоположном направлении, можно ли ожидать, что России будут предъявлены требования повышенной жесткости?

Политика США в вопросе о целесообразности и возможности институциональной интеграции России колебалась от сдержанности Джорджа Буша-старшего до энтузиазма Билла Клинтона и прагматической практики антитеррористической коалиции Буша-младшего. В принципе, с точки зрения администрации США, Россия может стать «союзником нового типа» в противостоянии международному терроризму, распространению ОМУ и региональной нестабильности. Но и это союзничество, вопреки ожиданиям российского руководства, не закрывает вопроса о характере политического режима и экономической системы в России.

Европейский союз, провозгласивший своей целью воссоединение Европы, не определил пределов своего расширения. Выдвигая концепции «широкой Европы», «нового соседства», «общих пространств», большинство лидеров ЕС исходит из того, что Россия может стать партнером объединенной Европы, возможно, даже «стратегическим» или «привилегированным», но не ее частью.

В обозримой перспективе мир не станет сплошным Западом. Глобализация не приводит и не приведет к сплошной вестернизации. Какой-либо «экспансионистский зуд» и у НАТО, и у ЕС отсутствует. США, разумеется, также закрыты к приему в свой состав новых штатов. Клинто-

новские усилия в отношении России в 1990-е годы были на два порядка слабее, чем у Трумэна в 1940–1950-е годы в отношении Германии, Западной Европы в целом и Японии. Напротив, усилия администрации Дж. Буша-младшего на направлении демократизации нацелены не на то, чтобы сделать Большой Ближний Восток частью Запада, а на то, чтобы повысить общую управляемость мировой системы, возглавляемой США.

Цель России в первой половине XXI в. не только в том, чтобы войти в клуб государств, принимающих решения глобального значения⁶⁵, или закрепиться у внутренней оболочки «первого кольца системы» (т. е. международного общества) и, пытаясь пробиться ближе к центру, сопротивляясь перемещению в кольцо внешнее (мировое сообщество)⁶⁶. Национальным интересам России, в отличие от ее сегодняшней правящей элиты, соответствует качественная внутренняя трансформация политической системы, «застрявшей» где-то в 1913 г., в направлении ее дальнейшей либерализации на основе принципов конституционализма, верховенства права, защиты частной собственности. Укрепление в российском обществе принципов свободы и ответственности приведет к углублению экономических и социальных процессов и, соответственно, к повышению степени международной интегрированности России.

Заключение

НАЧИНАЯ С 1990-Х ГОДОВ Россия уже не «вещь в себе», не «центр полумира», а составная часть глобального сообщества. Зависимость России от внешнего мира во многих областях очевидна. Более того, она нарастает. Задача современной российской политики — оптимально структурировать эти интегративные связи, с тем чтобы они в наибольшей степени отвечали потребностям развития страны. Такая оптимизация неизбежно требует глубокой трансформации основных сфер внутренней рос-

сийской действительности. Интеграция во внешний мир, таким образом, тесно связана с модернизацией страны.

В самом общем плане цели политики интеграции можно сформулировать следующим образом.

В области безопасности:

- устойчивая демилитаризация отношений с другими государствами, прежде всего с крупными державами;
- участие в системе кооперативной безопасности на региональном и глобальном уровнях;
- участие в структурированных международных усилиях по борьбе с терроризмом, предотвращению неконтролируемого распространения оружия массового уничтожения, предупреждению и урегулированию конфликтов, противодействию новым угрозам и вызовам международной безопасности.

В области экономики:

- равноправное участие в мировой торговле и мирохозяйственных связях;
- режим свободной торговли с ведущими экономическими центрами современного мира;
- экономический союз со странами, чья экономика наиболее тесно связана с российской.

В области международной политики:

- участие в принятии решений по важнейшим глобальным и региональным проблемам;
- доверительный характер отношений с ведущими государствами, их объединениями, военно-политическими союзами;
- добрососедские отношения с сопредельными странами.

В гуманитарной области:

- общность основных ценностей современного общества, активное участие в формировании международного общественного мнения;

- беспрепятственный и широкий международный обмен людьми, идеями и т. п.;
- недискриминационное отношение к гражданам России за рубежом.

Эти цели не могут не привлекать. При этом, однако, не только российские либералы, но и все российские патриоты должны уяснить, что для того, чтобы стать современной успешной страной в глобальном мире, частью международного общества, Россия должна будет поделиться частью своего суверенитета во всех перечисленных сферах с международными институтами. «Полный» суверенитет страны и ее высокий статус в мире перестали к началу XXI столетия выступать в единой связке.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М.: Политиздат, 1961.

² *Гайдар Е. Т.* Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории. — М.: Дело, 2005. — С. 35–46.

³ После приема в состав ЕС Болгарии и Румынии.

⁴ Турция, член НАТО с 1952 г., впервые заявила о стремлении присоединиться к Европейскому экономическому сообществу в 1959 г. (т. е. спустя два года после создания ЕЭС). Официальная заявка Анкары последовала в 1963 г. Рассмотрение этой заявки неоднократно откладывалось из-за периодически происходивших в Турции военных переворотов. Интенсивная фаза турецко-европейских отношений началась в 1986 г. Почти двадцать лет спустя, в 2005 г., начались официальные переговоры о вступлении Турции в Европейский союз. В случае их успеха Турция сможет, вероятно, присоединиться к ЕС к 2020 г. — через шесть десятилетий после своего первого заявления о намерении сделать это.

⁵ В известной программной статье «Россия на пороге третьего тысячелетия» (Независимая газ. — 1999. — 30 дек.) тогдашний премьер В. Путин выдвинул цель достичь к 2015 г. подушевого уровня ВВП Португалии 2000 г.

⁶ *Schleifer A., Treisman D.* A Normal Country // Foreign Affairs. — 2004. — May—June. Рус. пер.: Шлейфер А., Трейсман Д. Обычная страна. — М., 2004. — (Раб. материалы / Моск. Центр Карнеги; Вып. 7).

⁷ С начала XIX в. по начало XXI в. российский ВВП на душу населения фактически совпадал со среднемировым. См.: *Гайдар Е.* Указ. соч. — С. 38.

- ⁸ См., например, статьи Вячеслава Никонова в «Российской газете» в декабре 2004 г.
- ⁹ *Шевцова Л.* Откат, или Как Владимир Путин начинает второе президентство. — М., 2005. — (Брифинг / Моск. Центр Карнеги; Вып. 1).
- ¹⁰ Этот аргумент развит в моей книге: *Trenin D.* The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization. — Washington, D.C., 2002. — P. 301–305.
- ¹¹ *Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. — New York: Columbia Univ. Press, 1977.
- ¹² 191 государство по состоянию на 2005 г.
- ¹³ Несмотря на то что дипломатические отношения между Москвой и Берлином были установлены в 1918 г. и восстановлены в 1922 г., а в 1924 г. Рим признал Москву раньше Лондона, решающее значение имел сигнал со стороны лидера. Аналогично широкое международное признание КНР последовало после того, как США в 1971 г. согласились с передачей места Китая в ООН от Тайбэя Пекину.
- ¹⁴ Еще в 1950 г. КНР была признана Скандинавскими странами, Швейцарией, а также Индией, в 1964 г. — Францией, в начале 1970-х годов — странами Западной Европы и Канадой и была принята в ООН; дипломатические отношения с США были установлены в 1979 г.
- ¹⁵ Нечто подобное произошло и с военно-стратегическим паритетом. Согласие США на ведение переговоров с СССР по стратегическим вооружениям и подписание соответствующих соглашений в 1972 г. рассматривалось советским руководством как признание равенства статуса со стороны США.
- ¹⁶ Подробнее об этом см.: *Квицинский Ю. А.* Время и случай: Заметки профессионала. — М.: ОЛМА-пресс, 1999.
- ¹⁷ Но не Туркменбашы в Туркмении, Ислама Каримова в Узбекистане и др.: интересы ведущих государств имеют решающее значение в определении изгоев.
- ¹⁸ The Washington Post. — 2005. — Jan. 21.
- ¹⁹ *Mandelbaum M.* The Ideas That Changed the World: Peace, Democracy, and Free Markets in the Twenty-first Century. — New York: Public Affairs, 2002.
- ²⁰ Советская историческая энциклопедия. — Т. 7. — М.: Сов. энциклопедия, 1965. — С. 527.
- ²¹ *Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals from the Sixteenth Century to the Present. — London: Pimlico, 2003. — С. 63–66.
- ²² Russia's Engagement With the West: Transformation and Integration in the Twenty-First Century / Ed. by A. J. Motyl, B. A. Ruble and L. Shevtsova. — Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2005. — P. 3.
- ²³ The Military Balance 2004–2005 / IISS. — London: Oxford Univ. Press, 2004.
- ²⁴ Поскольку под Западом в этой книге понимается определенный целостный набор либеральных и демократических институтов, говорить о Западе как о международном феномене до середины XIX столетия не имеет смысла. Тогдашний Запад охватывал Великобританию, Нидерланды, Швейцарию, северные штаты США, которые не были объединены какими-либо прочными связями.

- ²⁵ См., например: *Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia.* — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 2001.
- ²⁶ *Huntington S. P. Who Are We? The Challenges to America's National Identity.* — New York: Simon and Schuster, 2004. — P. 48–49, 57.
- ²⁷ Вплоть до создания военной организации НАТО в начале 1950-х годов в СССР было принято говорить об «англо-американском империализме» как о силе, представлявшей «поджигателей войны» и противостоявшей «прогрессивным силам во главе с СССР».
- ²⁸ Общее население Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии в 1945 г. согласно Большой советской энциклопедии (2-е изд.).
- ²⁹ *Churchill W. S. A History of the English-Speaking Peoples.* — Vol. 1–4. — London: Cassell, 1956.
- ³⁰ *Huntington S. P. Op. cit.* — P. 38.
- ³¹ В состав Запада были включены восстановленная после аншлюса Австрия и бывший германский сателлит Финляндия. Обе страны стали формально нейтральными буферами Запада в новой «холодной войне» против СССР.
- ³² СЕАТО (Организация договора Юго-Восточной Азии) существовало с 1954 по 1977 гг., в его состав входили США, Великобритания, Франция, Австралия, Новая Зеландия, Таиланд, Филиппины и Пакистан (до 1973 г.). СЕНТО (Организация Центрального договора) было основано как Багдадский пакт в 1955 г. В его состав входили Турция, Ирак (до 1958 г.), Иран, Пакистан, Великобритания. США оказывали СЕНТО поддержку, опирались на него в своей политике на Среднем Востоке. СЕНТО прекратило свое существование в 1979 г.
- ³³ В сущности воссоединение Германии однозначно поддерживали сама ФРГ и США. Лидеры Франции и Великобритании относились к планам канцлера Г. Коля с большим подозрением. «Платой» Германии за их согласие не мешать воссоединению стало серьезное углубление европейской интеграции — преобразование ЕЭС в Европейский союз и введение общеевропейской валюты — евро.
- ³⁴ *Mapping the Global Future: Report of the National Intelligence Council's 2020 Project.* — Washington: Government Printing Office, Dec. 2004. — P. 10.
- ³⁵ *Fukuyama F. The End of History and the Last Man.* — [S. l.]: Simon and Schuster, 1992; *Mandelbaum M. Op. cit.*; *Zakaria F. The Future of Freedom. Illiberal Democracy at Home and Abroad.* — New York; London: W. W. Norton and Co., 2004.
- ³⁶ Характерен в этой связи происшедший в 2003–2004 гг. спор о том, следует ли указывать в Конституции Европейского союза, что Европа основывается на христианских ценностях. Фактически речь шла о том, должен ли ЕС оставаться «христианским клубом» или же он может расширяться за пределы европейского культурного ареала. Практически этот спор имел отношение к перспективе приема в ЕС Турции, но даже вне зависимости от решения этого вопроса Европа столкнулась с проблемой интеграции 15–20 млн мусульман, постоянно проживающих в странах Евросоюза.
- ³⁷ Символично, что в речи на Красной площади в день 60-летия Победы в Великой Отечественной войне президент Путин заявил, что между Россией и Германией достигнуто историческое примирение (<http://www.president.kremlin.ru>).

- ³⁸ См.: Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. — М.: М-во обороны РФ, 2003 (<http://www.mil.ru>).
- ³⁹ См. телеобращение президента В. Путина 4 сентября 2004 г.
- ⁴⁰ Правда, некоторые небольшие страны — например, Молдавия — оказываются способны сформировать сравнительно демократическую политическую систему, несмотря на низкий уровень экономического и социального развития.
- ⁴¹ *Grabbe H.* The Constellations of Europe: How enlargement will transform the EU. — London: Centre for European Reform, 2004.
- ⁴² Международный терроризм имеет давнюю историю. В прошлом к «террору без границ» были причастны организации, возникавшие в целом ряде стран Европы, Азии, Африки и Америки. Современное издание международного терроризма отличается от предыдущих прежде всего масштабами, религиозной составляющей и величиной реального и потенциального ущерба. Вызов брошен непосредственно Соединенным Штатам — центральной стране современной международной системы.
- ⁴³ Например, депутатом парламента Франции Пьером Леллошем и главным редактором журнала «Свободная мысль» Владиславом Иноземцевым.
- ⁴⁴ Предложения на этот счет содержались еще в статье Иво Даалдера и Джеймса Линдсея в «Washington Post» (2004. — May 23). В начале 2005 г. эти темы доминировали в интервью президента Буша (Washington Post. — 2005. — Jan. 15) и выступлении государственного секретаря Кондолизы Райс на слушаниях в Сенате Конгресса США (Washington Post. — 2005. — Jan. 19).
- ⁴⁵ Посол Франции в Петрограде Морис Палеолог писал, что «...высший круг один или два раза в год слетался в Париже, Лондоне, Биаррице, Каннах, Риме, Вене, Баден-Бадене, Карлсбаде. Более скромные круги — интеллигенция, адвокаты, профессора, ученые, доктора, артисты, инженеры — ездили учиться, лечиться и для отдыха в Германию, Швейцарию, Швецию, Норвегию... Привозили не только новые вещи, но и новые идеи, некоторую практичность, более трезвое и более рациональное отношение к жизни» (*Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. — Пг.: Гос. изд-во, 1923. — С. 139). Новые «верхи» достигли уровня своих предшественников сравнительно быстро в течение 1990-х годов, «более скромным кругам» идти к этому положению придется гораздо дольше.
- ⁴⁶ *Столыпин А. П.* А. Столыпин. 1862–1911. — Париж, [б. г.]. — С. 19. Репринт. изд.: М.: Планета, 1991.
- ⁴⁷ И в этом смысле прав президент Путин, в 2005 г. в послании Федеральному собранию назвавший распад СССР «величайшей геополитической катастрофой». Путин так же прав, когда в статье, опубликованной накануне своего прихода в Кремль, говорил о Советском Союзе как о «нежизнеспособном образовании».
- ⁴⁸ Любопытно, что государственный секретарь США Генри Киссинджер, сопровождавший президента Джеральда Форда на встречу с Леонидом Брежневым во Владивостоке и отправившийся сразу после этого в Пекин, рассказывал китайским собеседникам, как мало азиатского он увидел по ту сторону китайской границы. Китайцы слушали рассказ Киссинджера с явным неудовольствием. *Kissinger H.* Years of Renewal. — New York: Simon & Schuster; 1999. — P. 869–870.

- ⁴⁹ В конце 2004 — начале 2005 г. в ходе обмена визитами на высшем уровне с Турцией президент Путин однозначно высказался в поддержку стремления Анкары вступить в Евросоюз.
- ⁵⁰ *Афанасьев Ю.* Опасная Россия. — М., 2001. — С. 31.
- ⁵¹ Там же. — С. 37.
- ⁵² См., например, послание президента В. Путина Федеральному собранию от 26 мая 2004 г.
- ⁵³ *Сурков В.* С заботой о суверенитете // <http://lenta.ru/docs/2005/07/12/surkov>.
- ⁵⁴ *Янов А. Л.* Патриотизм и национализм в России: 1825–1921. — М.: Академкнига, 2002.
- ⁵⁵ *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции: Репринтное воспроизведение издания 1923 г. — М.: Политиздат, 1991; *Сазонов С. Д.* Воспоминания. — М.: Международ. отношения, 1991 (воспр. репринт. изд. 1927 г.).
- ⁵⁶ См. выступление В. Путина перед представителями средств массовой информации, сентябрь 2004 г.
- ⁵⁷ Еще в 1939 г., когда первые советские части вступили на территорию Балтийских государств, бойцы и командиры были поражены высоким уровнем жизни населения недавних провинций Российской империи. Некоторые красноармейцы дезертировали. См.: *Млечин Л.* МИД. Министры иностранных дел: Тайная дипломатия Кремля. — М.: Центрполиграф, 2003. Об этом же пишет и один из наиболее видных военных консерваторов генерал-полковник Леонид Ивашов: «Широкое знакомство голодных, страдающих от репрессий советских людей со свободными и сытыми США и Англией могло серьезно дестабилизировать обстановку в стране... В свете этого представляется вполне объяснимым стремление советского руководства сохранить существующий политический строй и обеспечить безопасность своей страны» (*Ивашов Л. Г.* Россия или Москва? — М., 2002. — С. 166). Под безопасностью Ивашов имеет в виду прежде всего сохранение полученной в результате войны сферы влияния (Там же. — С. 167).
- ⁵⁸ *Сталин И. В.* Выступление на XIX съезде КПСС. — М., 1952.
- ⁵⁹ *Черняев А. С.* Шесть лет с Горбачевым. — М., 1993. — С. 142.
- ⁶⁰ В конфликте между Эфиопией и Сомали из-за пустынной области Огаден в 1977–1978 гг. Советский Союз поддержал Эфиопию, которая, со своей стороны, провозгласила себя социалистической страной и приняла марксистско-ленинскую идеологию. СССР послал в Эфиопию военных советников и специалистов, а Куба — боевые части. Запад, со своей стороны, оказал политическую и материальную поддержку Сомали.
- ⁶¹ *Matlock J.* Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union: 1st edition. — [S. l.]: Random House, 1995. — P. 152.
- ⁶² *Богатыров А. Д.* Синдром поглощения в международной политике // *Pro et Contra*. — 1999. — Т. 4. — № 4. — Осень. — С. 38–39.
- ⁶³ *Brzezinski Z.* The Choice: Global Domination or Global Leadership. — New York: Basic Books, 2004. — P. X.

- ⁶⁴ *Haass R. N. The Opportunity: America's moment to Alter History's Course.* — New York: Public Affairs, 2005. — P. 155.
- ⁶⁵ См. доклады Совета по внешней и оборонной политике 1992–2004 гг., а также: *Богатуров А. Д. Кризис миросистемного регулирования // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): Хрестоматия в 2 т. — Т. 1 / Сост. Т. И. Шаклеина.* — М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999. — С. 53.
- ⁶⁶ *Богатуров А. Д. Плюралистическая однополярность и интересы России // Там же.* — С. 86.

Глава вторая

НАПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННЕЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ СТАТУС СТРАНЫ

КАК СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ОПЫТ всех успешных стран, главное условие международной интеграции — это внутренняя трансформация. Германия и Япония, Южная Корея и Греция, Эстония и Словения стали частью международного общества не потому, что привели свою внешнюю политику в соответствие с американской, а потому, что в их внутренней структуре произошли коренные трансформационные изменения. Напротив, есть немало примеров, когда страны, чьи правительства ориентировались во внешней политике на Вашингтон, так и не сумели приступить к внутренним преобразованиям. Более того, в годы «холодной войны» проамериканский курс диктаторских режимов (Никарагуа и Гаити, Заира и Индонезии) становился прикрытием для экономического регресса, безудержной коррупции и политических репрессий. В тот период так называемый свободный (от коммунизма и советского влияния) мир был в го-

раздо большей степени проамериканским, чем демократическим. Главным направлением российской внутренней трансформации 1980–1990-х годов стал отказ от «особого пути» в общественной жизни и возвращение в «мировую цивилизацию». Это — отправная точка для трансформационных преобразований. Но чтобы появилась возможность трансформации, советский строй должен был либо рухнуть, либо «размягчиться», переродиться изнутри.

Советский Союз с самого начала строился как альтернатива «мировому капитализму», т. е. Западу. На рубеже 1990-х годов эта альтернативность была снята, российское руководство провозгласило курс на строительство демократического государства, рыночной экономики, гражданского общества. На международной политической арене Россия официально стала партнером США и Европы. Тем не менее спустя 15 лет после распада СССР многие российские и зарубежные наблюдатели утверждают, что Россия «застряла между прошлым и будущим» — между диктатурой и демократией¹, бюрократически «схваченным» и свободным рынком, цензурой и самоцензурой подконтрольных государству средств массовой информации и свободой слова независимых СМИ. Часто делают вывод, что в России с наступлением XXI в. произошел откат назад и страна двигается в неверном направлении².

Так ли это на самом деле? Что происходит в сфере политики, экономики, общественных отношений? Как оценить идущие в них существенные, часто противоречивые, но внешне разнонаправленные изменения? Что происходит с системами ценностей правящей элиты и общества, как эволюционируют внешнеполитическая философия элиты и общественное мнение по отношению к внешнему миру? Приближается ли в результате этих изменений современная Россия к Западу? Или, наоборот, «по-новому» отдаляется от него? Каковы перспективы на ближайшие 10–15 лет?³

Демократизация политической системы

ДЕМОКРАТИЯ СТАЛА ЗНАМЕНОМ и главным содержанием российских перемен конца XX в. Как предсказывали Джордж Кеннан, Николай Бердяев, Иван Ильин, советский коммунистический строй был свергнут не в результате внешнего давления. Такому режиму, располагавшему огромным ядерным и в буквальном смысле слова несметным обычным военным арсеналом, внешний враг был не страшен, а, наоборот, абсолютно необходим для обеспечения собственного политического выживания. Именно поэтому исчезновение внешнего врага создало резкое «падение давления» в системе, подрыв дисциплины подчиненных и деморализацию начальников, что довольно скоро привело режим к краху. В этом смысле известная фраза академика Георгия Арбатова о том, что мы (СССР) сделаем с вами (США) нечто страшное — лишим вас врага⁴, оказалась пророческой в том смысле, что исчезновение врага привело к страшным последствиям. Ирония состояла в том, что руководство СССР, освободившись от образа врага в лице США, тем самым «расслабило» советскую систему настолько, что она перестала функционировать. Что касается Западного сообщества, то и внутренний строй входящих в него стран, и даже их основные международные институты (НАТО, ЕЭС/ЕС) не только «выжили», но и получили дальнейшее развитие. В отличие от «социалистического содружества» Запад не нуждался для своего существования в наличии советской угрозы.

Ряд экспертов, в том числе Алексей Арбатов, совершенно справедливо утверждают, что СССР сошел с исторической сцены не потому, что «надорвался» в ходе гонки вооружений с США, в частности, пытаясь дать ответ американским «планам звездных войн»⁵. Советская политическая, экономическая, общественная система была создана в ходе борьбы с классовым противником внутри

страны и вне ее. Более того, эта система, прошедшая серьезную проверку в годы Великой Отечественной войны, была как раз предназначена для того, чтобы функционировать в ходе непрерывной борьбы с противником, где «мирные» фазы чередовались с военными периодами — вплоть до «полной победы коммунизма во всем мире». Главным преимуществом советской экономики считалась именно ее способность к мобилизации ресурсов для войны и во время войны («холодная война» с ее непрекращавшейся гонкой вооружений была экономическим эквивалентом вооруженного конфликта). Аналогичным образом формулировались критерии устойчивости политических институтов («руководящая и направляющая роль КПСС», «бойцы» которой находились в непрерывной «борьбе» на различных «фронтах»), общественной системы («нерушимое монолитное единство партии и народа»), межнациональных отношений («дружба и братство народов СССР», формирование «советского народа как новой исторической общности»).

До тех пор пока эта стройная, хотя и крайне затратная во всех отношениях система сохранялась, любой разговор об интеграции СССР в мировое сообщество был бессмысленным. Миссия Советского Союза как раз заключалась в том, чтобы своим существованием и конкретными действиями способствовать реализации главной идеи «Манифеста коммунистической партии» — перехода от капитализма к коммунизму во всемирном масштабе. Советский Союз, как он был создан Сталиным, был конструкцией, где роль государства играла партия. Даже по своей структуре советское государство было принципиально отлично от западных. Номинальный глава государства, правительство и парламент были лишь агентами реальной власти. Это приводило к проблемам даже на уровне дипломатического протокола, в котором не было места для генерального секретаря КПСС и членов всемогущего Политбюро. Советским руководителям приходилось присваивать себе дополнительные титулы — главы

правительства (Сталин, Хрущев) или главы государства (Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев), чтобы иметь возможность пользоваться протокольными привилегиями. Крах партии-государства неизбежно и практически немедленно привел к распаду Советского Союза.

Вполне логично, что в СССР любые призывы к сближению с Западом, выходявшие за пределы формулы «мирное сосуществование есть форма классовой борьбы», квалифицировались как «антисоветская пропаганда», призванная расшатать советский строй изнутри, ослабить его. Официальная «марксистско-ленинская наука» тратила много усилий для «разоблачения» идей конвергенции социализма и капитализма как «идеологической диверсии».

Тезис о принципиальной несовместимости «двух миров», закономерной неизбежности их борьбы вплоть до «победы коммунизма во всем мире» имел для КПСС-СССР основополагающее охранительное значение. Этот тезис непременно сопровождал любые упоминания о «мирном существовании государств с различным общественным строем» при Хрущеве, о «разрядке международной напряженности» при Брежневе и т. п., ставил жесткие идеологические пределы любому политическому сближению с Западом. Реальная и наигранная ответственность советского социализма с его установками на *борьбу* имела внутреннюю сторону, охраняя посредством «доктрины Брежнева» социалистический строй в союзных СССР странах. «Социализм с человеческим лицом» — т. е. «мирный» социализм, отказавшийся от борьбы с классовым врагом, был с точки зрения советского руководства крайне опасен, так как предвещал разложение строя и, далее, утрату власти. Соответственно в то время как Чехословакия в период Пражской весны подверглась советской военной оккупации, неосталинский режим Чаушеску в Румынии, несмотря на его вызывающее внешнеполитическое фрондерство (и откровенную неприязнь к «гению Карпат» со стороны советских руко-

водителей), получил возможность существовать на протяжении почти четверти века в особой «нише».

Тем не менее могильщиком коммунизма стала именно советская коммунистическая номенклатура. Непримиримость идеологов КПСС к идеям конвергенции была совершенно обоснованной. Критика различных буржуазных теорий в 1960–1970-е годы в советской идеологической литературе и в вузовских курсах внешне выглядела излишней, поскольку книги, излагавшие эти теории, были доступны лишь узкому кругу лиц, имевших разрешение на работу в спецхранах библиотек. Тем не менее именно эти теории, овладев умами некоторых из «критиков», стали постепенно расшатывать советский строй изнутри. Ирония истории при этом заключалась в том, что идеологическими «могильщиками коммунизма» стали именно «бойцы идеологического фронта» партии — вернее, те из них, кто был способен к критическому восприятию действительности (как западной, так и советской) и творческому мышлению. В обстановке «оттепели», наступившей после «развенчания партией культа личности Сталина», эти люди стали задумываться над вопросом, в каком направлении стране развиваться дальше.

Замечательно, что впервые собрал некоторых из этих людей вместе, создал из них группу советников высшего руководства не кто иной, как Юрий Андропов, советский посол в Будапеште в период венгерского «мятежа» 1956 г., ставший несколько лет спустя председателем Комитета государственной безопасности СССР. Впоследствии Георгий Арбатов, Александр Бовин, Федор Бурлацкий, Георгий Шахназаров, другие члены этой группы советников стали идеологами горбачевской перестройки. Наряду с «андроповской» группой в аппарате ЦК КПСС существовали и другие «рассады либерализма». В их числе были сотрудники Международного отдела ЦК, курировавшие отношения с «еврокоммунистическими» партиями Италии и Франции, а также с социал-демократами ФРГ, сотрудники редакции издававшегося в Праге

международного журнала коммунистических и рабочих партий «Проблемы мира и социализма». Сложные, но политически важные отношения с этими партиями требовали от представителей КПСС не только хорошего знания идеологических позиций партнеров, но и высокого уровня политического, экономического, философского образования в целом. С позиций этого более широкого взгляда еврокоммунизм и социал-демократия при близком знакомстве с ними оказывались достаточно привлекательными для советских партийных интеллектуалов. То, чего не мог бы достичь «классовый противник» — переубедить искреннего коммуниста, — становилось возможным в общении с «классовыми друзьями» — коммунистами и социал-демократами Западной Европы. В ходе этого общения у советских участников подспудно зрело убеждение в необходимости постепенной либерализации политического режима в СССР.

Таким образом, естественным и сравнительно безопасным путем идеологического выхода из коммунизма был социал-демократический уклон. Андрей Грачев, впоследствии ставший советником Горбачева, писал о социал-демократическом крыле в Международном отделе ЦК, в которое входили А. Черняев, В. Загладин, Г. Арба-тов, Е. Примаков, О. Богомолов, В. Журкин, Г. Шахназаров, А. Бовин, Е. Амбарцумов, Е. Яковлев, Н. Шишлин, В. Лукин. По свидетельству другого помощника Горбачева, Анатолия Черняева, Международный отдел (вернее, его либеральное крыло) с 1970-х годов считался «интеллигентским, “ревизионистским”»⁶.

Никакого «крыла» в организационном смысле никто, разумеется, не создавал, но подспудная ревизия основ коммунистической идеологии приняла довольно широкие масштабы. В дальнейшем все «скрытые советские социал-демократы» сыграли большую роль в формировании новой внешней политики страны. В семидесятые же и восьмидесятые годы они пытались раздвинуть рамки мирного сосуществования с Западом⁷.

Разумеется, в условиях 1960-х — первой половины 1980-х годов результаты этих усилий не могли не быть весьма ограниченными. Либеральные аппаратчики пытались — например, на уровне формулировок, вставлявшихся в выступления руководителей КПСС, — сохранить «дух XX съезда», ослабить консервативные тенденции в партии, которые впоследствии привели к «брежневскому застою». Александр Бовин мог утверждать, что он не читал произведений Брежнева, а писал их. Иногда такая деятельность спичрайтеров приносила плоды, но реального влияния на направленность политической линии руководства ЦК их усилия иметь не могли.

Наиболее серьезной и имевшей далеко идущие последствия акцией партийных «обновленцев» (в союзе с верхушкой советской дипломатии) стало получение ими согласия высшего руководства страны в 1975 г. подписать Хельсинкский заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Запад настаивал на включении в этот акт раздела, посвященного правам человека (так называемая третья корзина СБСЕ). Советское руководство, со своей стороны, было заинтересовано в признании Западом «послевоенных политических реальностей в Европе» (т. е. государственных границ по состоянию на 1945 г., социалистического строя в странах Восточной Европы и особо — существования ГДР). МИД СССР и его глава Андрей Громыко считали компромисс (признание границ в обмен на признание прав человека) целесообразным и приемлемым, но идеологи из ЦК сомневались. В этой ситуации свою роль сыграли аппаратные «либералы». В результате генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев не только подписал документ, содержащий положения, принципиально неприемлемые для коммунистической идеологии и советской практики, но и вынужден был распорядиться опубликовать его в массовой печати.

Согласие руководства СССР с антисоветским по сути текстом основывалось, по-видимому, на принципе «под-

пишем, а соблюдать все равно не будем». Сталин, в конце концов, благословил «самую демократическую в мире» советскую Конституцию 1936 г. и не возражал против принятия ООН Декларации прав человека в 1948 г. Так было и на этот раз. Если «обновленцы» рассчитывали на либерализацию советского режима, то они ошиблись. Идеологическая борьба, напротив, обострилась. Практически сразу после его подписания Заключительный акт превратился в инструмент борьбы «инакомыслящих» и их западных союзников против нарушения правительствами СССР и стран Восточной Европы не только их собственных конституций (которые можно было толковать по-разному), но и торжественных международных обязательств. В ответ последовали репрессии со стороны правящих режимов. В течение полутора десятилетий (1975–1990 гг.) Акт СБСЕ сыграл уникальную роль морального авторитета и инструмента легитимации для тех, кто добивался радикальных политических перемен в «социалистическом содружестве».

В действительности «ревизионизм» чекистов был карманым, совершенно неопасным для системы власти. Только тогда, когда ревизия основ советского строя стала официальной политикой генерального секретаря ЦК и Политбюро, партийные интеллигенты-международники получили возможность влиять на политику, исходя из сформировавшихся у них представлений. К этому же времени внутри советского дипломатического ведомства подспудно вышло убеждение в бессмысленности продолжения гонки вооружений с США, в необходимости и даже неизбежности новой формулы обеспечения безопасности, основанной не столько на военно-стратегическом паритете, сколько на взаимном доверии.

Параллельно этому скрытому от посторонних глаз «обновленческому» течению в номенклатурных верхах в СССР существовали и другие сторонники конвергенции. Среди наиболее «продвинутой» части советской технической интеллигенции (которая в целом была «идеологи-

чески нейтральной») эти идеи распространялись в чистом виде. Наиболее полно и четко их сформулировал академик Андрей Сахаров⁸. Открытые сторонники конвергенции пытались не только — прагматически, с применением научного подхода — сочетать преимущества капитализма с тем, что им виделось как преимущества социализма, для создания оптимального общества, но и решить сверхзадачу — снять при помощи нейтрализации противоположностей угрозу ядерной войны. Их формула утверждала: конвергенция означала выживание человечества. В этом смысле особенно показательна деятельность Сахарова. Именно от него позднее пошло новое «горбачевское» политическое мышление. Возвращение Сахарова по распоряжению Горбачева из горьковской ссылки в 1987 г. стало знаком смены эпох.

Потребности обновления советской экономической системы, неоднократно игнорировавшиеся партийными ортодоксами, стали очевидными и безотлагательными к концу правления Брежнева. Избрание Михаила Горбачева отразило смутное понимание высшим руководством Советского Союза, что нужно что-то менять. К этому времени, однако, СССР уже исчерпал ресурс реформирования в рамках командной модели. То, что было еще возможно в конце 1920-х годов, стало практически неосуществимым уже в середине 1950-х. Неудача даже ограниченных экономических новаций в 1960-е годы стала констатацией принципиальной невосприимчивости советской системы к реформированию. Горбачев и его соратники, взявшись улучшить систему под лозунгом «Больше социализма!», фактически приближали «мягкую посадку» самой системы.

Первоначальная логика действий Горбачева очевидна. Чтобы вывести экономику из застоя, нужны были реформы, способные радикально повысить производительность труда. Реформы, в свою очередь, были невозможны, пока продолжалась гонка вооружений с США. Была необходима, следовательно, новая разрядка напряжен-

ности с Западом. Разрядка же требовала либерализации политического режима и идеологических послаблений. Вопрос о разрядке, как справедливо отмечает профессор Арчи Браун, был тесно связан с «вопросом о возрождении национальной экономики и об изменении баланса сил внутри политической системы» СССР⁹.

Опыт неудавшейся экономической реформы Косыгина — Либермана свидетельствовал: никакие серьезные экономические преобразования в СССР невозможны без масштабных изменений в политической области (придание режиму открытости через ослабление цензуры СМИ, ограничение монополии на власть партийной бюрократии и т. д.). Если бы концепция «ускорения» сработала, не было бы нужды в гласности и перестройке. Но «ускорение» застопорилось практически на старте, и Горбачев для стимулирования экономического прорыва решил перенести упор на гласность в информационной политике и перестройку политической системы.

С другой стороны, опыт брежневской разрядки 1970-х годов (в том числе судьба Договора ОСВ-2) показывал: одних договоренностей по контролю над вооружениями мало¹⁰. Пресловутые увязки одних проблем с другими не были искусственными помехами, а отражали существо «отношений государств с различным общественным строем». Возможности стабильного улучшения этих отношений без существенных внутренних перемен в СССР были крайне ограничены. Встав на путь разрядки, Горбачев должен был идти на уступки либо признать неудачу и возвращаться на путь конфронтации. Горбачев был готов идти в улучшении отношений с Западом гораздо дальше, чем Брежнев, но он первоначально не помышлял о демонтаже режима.

Последствия «неограниченной разрядки», однако, горбачевским руководством не просчитывались: действительное прекращение «холодной войны» (а не только управление гонкой вооружений) подрывало основу власти КПСС, а это уже расшатывало советское государство. Точ-

но так же коренные политические и экономические изменения вели СССР не к возрождению, а к гибели. Судя по позднейшим мемуарам, это еще тогда понимал посол США в Москве Джек Мэтлок¹¹. Сам Горбачев лишь сравнительно поздно, к 1989 г., стал сознавать, что «обновление социализма» в СССР практически невозможно. К этому времени, однако, генеральный секретарь ЦК КПСС фактически отошел от марксизма-ленинизма и уже явно склонялся в сторону социал-демократии¹². Эволюция взглядов Горбачева еще могла продолжаться, но способность советского строя к дальнейшей эволюции была исчерпана.

В первые полтора-два года перестройки внутривнутриполитические процессы в СССР были лишь косвенно связаны с внешней политикой. Первоначальная повестка дня Горбачева была составлена в духе мирного сосуществования и разрядки. Смена лиц во главе внешнеполитического аппарата (включение в состав Политбюро ЦК Александра Н. Яковлева, назначение Эдуарда Шеварднадзе министром иностранных дел вместо Андрея Громыко, Анатолия Добрынина секретарем ЦК по международным делам вместо Бориса Пономарева, Вадима Медведева секретарем ЦК по отношениям с социалистическими странами вместо Константина Русакова, Анатолия Черняева помощником генерального секретаря по международным делам вместо Андрея Александрова, назначение Георгия Шахназарова помощником по политическим вопросам) свидетельствовала о желании Горбачева расставить на ключевых постах своих людей и оживить стиль внешней политики. Это замечали иностранные дипломаты, но их выводы поначалу были сдержанны. Посол Мэтлок писал, что хотя изменения в стиле советской дипломатии были поразительными, внешняя политика СССР оставалась в целом на прежних позициях¹³. Уже вскоре, однако, между новыми задачами внутренней и внешней политики появилась тесная взаимосвязь. Горбачевские реформы требовали большей открытости страны внешнему миру. Добиваясь такой открытости, уже к 1987–1988 гг. окружение ге-

нерального секретаря пришло к выводу, что для преодоления глубокого недоверия к Советскому Союзу на Западе необходима глубокая политическая реформа¹⁴. С этого момента внешняя политика превратилась в дополнительный стимул внутренних перемен в СССР.

Постепенно, шаг за шагом Горбачев избавлялся от характерного для советских руководителей в их общении с Западом двоемыслия, стал переходить в единую с Западом систему концептуальных и политических координат. Вначале — на уровне слов и понятий, не особенно вдумываясь в их смысл и практические последствия для политики. Затем — на уровне действий. Весной 1985 г. в интервью американскому журналу «Time» Горбачев сформулировал философию мирного сосуществования как «живи и давай жить другим». Пока это была лишь фраза, но осенью 1989 г. Горбачев реально предоставил странам Восточной Европы свободу политического и социально-экономического выбора.

Годом прекращения «холодной войны» принято считать 1989-й. Вернее будет сказать, что падение Берлинской стены стало началом конца противостояния, а его завершением стал спуск красного знамени с кремлевского флагштока 25 декабря 1991 г. В промежутке между двумя этими датами западная, особенно европейская общественность приветствовала Горбачева как человека, «отпустившего на волю» страны Восточной Европы и позволившего немцам на западе и востоке воссоединиться. Раскол Берлина, Германии и Европы, являвшийся на протяжении 40 лет символом «холодной войны», был преодолен благодаря кардинальному изменению советской внешней политики. В то же время добровольный демонтаж советской империи не сменился формированием новой «конвергированной» общности. Показательно в этой связи, что горбачевская идея Европейского общего дома, выдвинутая им в Совете Европы в Страсбурге в июле 1989 г., не вызвала особого энтузиазма на Западе и осталась там почти незамеченной.

Разумеется, на Западе обращали внимание на успехи гласности. Проведенные в 1989 г. первые после 1917 г. частично свободные выборы в Верховный Совет СССР, а в 1990 г. в верховные советы союзных республик оценивались как серьезный положительный сдвиг в политической системе. Однако это был еще сдвиг в рамках советской системы. Горбачев отказался от идеи выхода из КПСС и формирования новой социал-демократической партии. Отказался он и от всенародных выборов президента СССР. Более того, по мере развития ситуации внутри и вокруг СССР реакционная оппозиция курсу Горбачева в руководстве КПСС нарастала, и лидер Перестройки был все больше вынужден маневрировать. В целом для правительств и политических элит США и других западных стран Горбачев — при всех симпатиях к нему лично — до самого конца пребывания у власти оставался либеральным коммунистом, а Советский Союз — потенциально враждебным государством. Окончание «холодной войны» требовало устранения той системы власти, которую формально возглавлял Горбачев. Вовремя не сменив основу своей власти, он вынужден был уйти из Кремля.

Итак, в период правления Горбачева были созданы важнейшие предпосылки для принципиального сближения России с Западом:

- был расшатан и по существу мирно демонтирован советский политический режим;
- был разрушен «железный занавес»; страна стала открытой внешнему миру, прежде всего Западу, и наоборот — Запад, остальной мир открылись для России;
- произошел отказ от марксизма-ленинизма как господствующей идеологии; страна стала открытой к восприятию ценностей современного («западного») общества.

В то же время уже к началу 1991 г. определились и пределы сближения между Западом и Советским Союзом. Пытаясь спасти единство государственной власти, Горбачев отказался от решительного разрыва с теми, кто уже ни при каких обстоятельствах не мог быть союзни-

ком в углублении реформ. Он не создал новой политической партии, не обремененной традициями и историческим прошлым КПСС. Утратив инициативу, президент СССР стал все больше ассоциироваться в глазах западных наблюдателей с прошлым, в то время как его политический конкурент Борис Ельцин все чаще рассматривался как «человек будущего». В то время как Горбачев «даровал свободу» странам Варшавского договора, демократы из окружения Ельцина питались импульсами, исходившими от восточно- и центральноевропейских реформаторов. Лозунг «За вашу и нашу свободу» наполнился конкретным содержанием. В какой-то момент стало возможно говорить о едином демократическом фронте от Польши и Прибалтики до Москвы.

Первоначальное отношение Запада к Ельцину было настороженным. Лишь публичный отказ от коммунистической идеологии, победа на всенародных выборах, выход из КПСС и запрет ее после августовского путча 1991 г. превратили Ельцина в глазах Запада в «подлинного демократа», т. е. последовательного антикоммуниста. Победа над путчистами из ГКЧП стала началом отсчета времени «демократической России». Помощник Горбачева Андрей Грачев впоследствии сетовал: Ельцин без труда получил от Запада то, в чем Горбачеву отказывали, несмотря на все усилия¹⁵. «Труд» Ельцина, однако, состоял как раз в нескольких решительных символических шагах, на которые Горбачев так и не смог или не захотел решиться. Добившись от Горбачева подписания указа о запрете КПСС, Ельцин стал для истории «первым демократом». Горбачев так и остался «либеральным коммунистом».

Проведенная Ельциным верхушечная декоммунизация стала вторым — после горбачевской перестройки и гласности — этапом демократизации. В условиях революционных перемен главное внимание Запада приковывали личности (начиная с самого Ельцина), а не аморфные институты. Тем более что Ельцин осенью 1991 г. отказался от замены советской Конституции РСФСР новым Основ-

ным законом, а также от новых выборов парламента и президента. Он также заключил нечто вроде «пакта о лояльности и взаимном ненападении» с советской военной верхушкой. Это был гражданский мир с номенклатурой. В то же время назначение на ключевые посты в правительстве Егора Гайдара и его команды «молодых реформаторов» символизировало решительный разрыв с экономической основой старого режима — госплановской экономикой. Основной политической интригой стала захватывающая борьба «демократического» и откровенно антикоммунистического президента с «коммуно-националистическим» Верховным Советом (где демократы были в меньшинстве). Российские либералы и демократы поддерживали в то время единовластие верховного правителя, опасаясь, что альтернативой ему могли стать лишь безответственный популизм и остановка реформ¹⁶. Политическая целесообразность однозначно диктовала руководству США и других стран Запада: следует поддерживать Ельцина, по возможности закрывая глаза на используемые им силовые методы в ходе противостояния с парламентом, завершившегося в октябре 1993 г.

Утвержденная в декабре 1993 г. Конституция Российской Федерации, несмотря на установленный ею режим «суперпрезидентской» республики, который некоторые аналитики¹⁷ квалифицировали как выборную монархию, не вызвала протестов и подозрений. Не «уравновешенный» в системе разделения властей президент рассматривался как гарант продолжения реформ. Шок у западных наблюдателей вызвал успех на парламентских выборах 1993 г. коммунистов, а также националистов (жириновцев), в которых тогда еще видели самостоятельную силу. Стал популярен тезис о «веймарской России» с Ельциным-Гинденбургом и «красно-коричневыми», ждущими своего часа. Как и ее предшественник, Верховный Совет, Государственная дума стала восприниматься не как институт народного представительства, а как оплот коммуно-националистической реакции. Мир российской по-

литики для Запада распался на две части: «свои» — реформаторы в правительстве, представлявшие меньшинство политической элиты, и «чужие», составлявшие большинство в Госдуме и органах государственной бюрократии. Лишь благодаря Ельцину явное меньшинство имело возможность проводить реформы, а численно подавляющее большинство лишалось шансов им противостоять.

Вместе с тем именно с 1993–1994 гг. окончательно обозначился водораздел между Россией (и другими странами СНГ), с одной стороны, и государствами Центральной и Восточной Европы и Балтии — с другой. Россия уже не следовала, как раньше, по «польскому маршруту» с известным временным лагом. Векторы развития бывших социалистических стран расходились все дальше. Прагматически поддерживая Ельцина, лидеры Запада все больше сомневались в способности России совершить «демократический транзит», который демонстрировали страны Вышеградской группы — Польша, Чехия и Венгрия. Первая после окончания «холодной войны» волна расширения НАТО на восток, импульс которой был дан еще весной 1993 г., зафиксировала различную оценку в США и Западной Европе перспектив демократии в странах Центральной и Восточной Европы и России.

Дальнейшее развитие политической обстановки в России подтвердило пессимистические оценки. Начавшаяся в декабре 1994 г. Чеченская война продемонстрировала, что новое Российское государство унаследовало многие черты царско-советского авторитарного режима: склонность к силовым способам решения конфликтов, пренебрежение правами человека и самими человеческими жизнями, неподотчетность и бесконтрольность власти и т. д. Одной из причин войны стали клановые противоречия вокруг начавшегося процесса приватизации¹⁸. Проведение в 1995 г. залоговых аукционов положило начало этапу олигархического капитализма в России.

Думские выборы декабря 1995 г., давшие относительное большинство коммунистам, и президентские выборы

лета 1996 г., несмотря на победу в них Ельцина, окончательно развеяли надежды Запада на быстрое становление демократии в России. Беспрецедентная публикация в конце 1995 г. статьи тогдашнего руководителя политического отдела посольства США в Москве Тома Грэма¹⁹ дала уникальное представление об оценках реальной ситуации, сообщавшихся посольством в Вашингтон. В этих условиях Запад опасался, с одной стороны, отмены Ельциным выборов и установления (при больном президенте) власти придворной камарильи, с другой — поражения Ельцина на выборах и прихода к власти коммунистов в союзе с националистами.

Становление олигархического режима, на которое одним из первых указал Т. Грэм, выглядело по сравнению с другими возможными вариантами как меньшее зло. Во всяком случае, «семибанкирщина», «олигархат» обеспечивали минимум реального плюрализма в российской политической системе, мешали восстановлению традиционного российского государства как репрессивного внутри и агрессивного вовне института. Разочаровавшись в перспективах быстрого становления демократии, Запад фактически воспринял негативную повестку дня — предотвращение скатывания России к традиционному авторитаризму. С этого момента и по сей день между российской правящей элитой и Западом возникло серьезное расхождение, лишь внешне выглядевшее как непонимание. В то время как в России все больший вес приобретало убеждение, что лучше сильное государство, хотя бы и не вполне демократическое, на Западе побеждала точка зрения, что предпочтительнее иметь дело с Россией плюралистической, хотя бы и до известных пределов хаотичной. Дилемма «демократия или авторитаризм», таким образом, получила «двойника» в виде дилеммы «сильная Россия или слабая».

Эту проблему хорошо иллюстрировала ситуация в отношениях Центра и регионов. Трудности в становлении российского федерализма, фактический полураспад

страны на «Россию регионов» вызывали на Западе серьезные опасения — прежде всего в том, что касалось сохранения централизованного контроля над вооруженными силами и стратегическими объектами. В то же время ослабление давления Центра создавало, как считалось, основу для формирования в перспективе более плюралистической общности²⁰.

Финансовый кризис августа 1998 г. привел к практически полной победе в США и Европе скептической точки зрения на перспективы российской демократии. Сам Ельцин образца 1999 г. выглядел злой пародией на «первого демократа». Демократический фасад новой России лишь слегка прикрывал слабоавторитарный и все более коррумпированный режим, в котором власть и деньги были неразделимы. На Западе с тревогой ждали, кто станет преемником Ельцина, и опасались резкого поворота к авторитаризму во внутренней политике²¹. В подготовленном в Конгрессе США докладе Кокса был поставлен драматический вопрос: «Кто потерял Россию?»²².

Реально, конечно, никакой «потери» не было. Важнейшим итогом правления Ельцина стало устранение самой возможности коммунистического реванша. С принятием Конституции 1993 г., несмотря на легализацию в ней режима личной власти первого лица государства, Россия получила принципиальную матрицу демократического устройства. Наполнение этой матрицы реальным демократическим содержанием займет десятилетия, но принцип смены *носителей* власти через выборы, политический и идеологический плюрализм, а также — при всех ограничениях — конкуренция в экономике и политике, известная свобода слова и действительная свобода совести и передвижения стали в 1990-е годы реальностью. Это не делало Россию демократией, но сближало ее с международным обществом, Западом и ставило ее в этом отношении впереди других стран СНГ.

Для политической системы России, однако, был характерен изоморфизм. Внешне российские институты вы-

глядели так же, как их аналоги в США или Западной Европе (в частности, Конституция 1993 г. явно опиралась на опыт США, Франции и Германии; в ней четко прописано, например, разделение властей по горизонтали и вертикали), но в самой России они не опирались на развитое гражданское общество. Выборная демократия еще не была либеральной. Российские свободы при Ельцине существовали не благодаря развитости государства, а вследствие его слабости. Ярким примером этого может служить положение со средствами массовой информации. Свобода, которой реально пользовались при Ельцине телевизионные каналы, была не столько «завоеванием народа» или следствием развития гражданского общества, сколько проявлением общего либерального отношения лично Ельцина к свободе слова и выражением его благодарности В. Гусинскому и Б. Березовскому за их поддержку в ходе тяжелой предвыборной кампании 1996 г.

В период второго президентства Ельцина, по заключению социолога Татьяны Заславской, вновь проявились специфические черты общественного устройства России: (1) неограниченная (самодержавная) и, как правило, деспотическая власть первого лица государства (монарха, генерального секретаря или президента), противостоящая писаному закону и отрицающая его власть; произвол и коррумпированность представителей власти как в центре, так и на местах; (2) неразделимое слияние собственности и власти, обуславливающее сословный тип социальной структуры; фактическое отсутствие независимой, охраняемой законом частной собственности; (3) многовековое существование рабства во всех его проявлениях; (4) господство православной ветви христианства, пропагандирующей преимущественно пассивные ценности: терпение, смирение и аскезу²³.

Тогда же политические философы Юрий Пивоваров и Андрей Фурсов сформулировали свой знаменитый тезис о *русской системе*, сущность которой заключалась в монополюсубъектности власти. Всё в России, утверждали они,

реализуется через власть, даже протест против нее. Моно субъектность власти и отсутствие классов означают также отсутствие в России государства²⁴. Иными словами, вместо системы институтов с определенными функциями и набора автономных субъектов, реализующих свои интересы через эти институты, в России существовал один субъект — власть, для которой институты не установленные правила игры, а всего лишь инструменты для решения конкретных задач.

В этих условиях приход к власти на рубеже 1999–2000 гг. Владимира Путина открыл новый этап в эволюции российской политической системы. Произошла частичная реставрация традиционных форм управления. Прежде всего, была восстановлена «вертикаль власти», замыкающаяся на президента как на верховного правителя. Государственная бюрократия вернула себе центральное место в политической системе страны, потеснив, а затем изгнав оттуда олигархов, при этом ведущее положение в новом правящем слое заняли выходцы из силовых структур. Самостоятельность региональных властей, их политический статус, административные и финансовые возможности были жестко ограничены. Сепаратизм в Чечне был разгромлен в ходе масштабной военной кампании. Олигархическое правление было прекращено, а сами «олигархи» (и крупный бизнес в целом) поставлены перед жестким выбором — сотрудничать с властями на их условиях или быть изгнанными (либо преследуемыми). Государство сосредоточило в своих руках контроль над электронными СМИ. В рамках системы «управляемой демократии» государственные чиновники приступили не только к реформатированию политической системы, но и к конструированию институтов гражданского общества. Россия достигла внешней стабильности, но в условиях режима личной власти, всевластия (и бесконтрольности) государственной бюрократии, фактического отсутствия политической конкурентности, доминирования одной партии в парламенте, одной (официальной) точки

зрения на телевидении и т. п. «Официальный консерватизм»²⁵, однако, не дает ответа на вопрос о факторах дальнейшего политического развития России.

Важнейшим, принципиальным отличием России от стран Центральной и Восточной Европы стало то, что политическое и государственное строительство осуществлялось не для того, чтобы соответствовать формальным критериям интеграции в западные институты. «Критерии членства в НАТО» или «Копенгагенские критерии» членства в ЕС российских политиков не интересовали. Российские элиты верили в политические решения, основанные на международном признании места и роли России в мире, а не в списки требований, рядом с которыми по мере их выполнения появляются галочки. И, уж конечно, эти элиты считали обустройство самой России, прежде всего — организацию системы власти, своей исключительной привилегией.

Все российские реформы всегда были направлены на формирование системы власти, отвечавшей потребностям правящей группы. Реформы Горбачева призваны были расчистить социалистическое поле от продуктов брежневского застоя. Реформы Ельцина носили антикоммунистический и уже во вторую очередь демократический характер. Верительной грамотой Ельцина был он сам, а не принятая при нем Конституция. Реформы «раннего» Путина были сосредоточены в экономической сфере. В политической области второй президент проявил себя в этот период прежде всего как стабилизатор, опирающийся на умеренно-авторитарные методы руководства. С большой вероятностью можно утверждать, что и в будущем политическая либерализация режима станет возможной в результате осознания элитами необходимости установления верховенства закона, обеспечения независимости судебной власти и т. п. как единственной надежной гарантии сохранения и закрепления частной собственности.

В практическом плане поддержка российских реформ Западом была прежде всего поддержкой людей, эти реформы символизировавших. Горбачев, Ельцин заслужи-

ли такую поддержку. Их поддерживали. Горбачева — даже тогда, когда СССР уже рушился. Ельцина — несмотря на московский октябрь 1993 г. и первую чеченскую кампанию. Российские либералы призывали Запад определиться с тем, какую Россию он хочет видеть — стабильную (но при этом авторитарную) или демократическую и сравнительно беспроблемную, но способную отстаивать свои интересы. Такая постановка вопроса представлялась западным лидерам чересчур абстрактной: демократическая Россия на рубеже XXI в. выглядела не более чем благим пожеланием. В действительности влияние международных факторов на развитие России проявляется главным образом через вызовы со стороны международного сообщества, перед которыми она оказывается. Возможность же ответа на эти вызовы практически целиком определяется *внутренними* российскими силами²⁶.

Однако часть российских либералов осталась убежденной, что для успеха (или закрепления) демократических завоеваний в России требуется постоянное давление Запада во главе с его лидером — президентом США. Этот тезис разделяли либеральные активисты в США и Западной Европе²⁷. Реальное влияние западных официальных и неофициальных советников на российскую политику было гораздо меньше, чем было принято считать, но во всяком случае у Запада в России было довольно широкое поле для приложения усилий. При Путине ситуация резко изменилась: начиная с постановки под контроль властей прежде независимых от Кремля телеканалов НТВ и ТВ6 российская власть стала демонстративно игнорировать протесты США и стран Европейского союза против ее внутривнутриполитических шагов. Российские демократы и либералы, пытавшиеся по-прежнему апеллировать к Западу, столкнулись с обвинением в непатриотичном поведении. После трагедии в Беслане осенью 2004 г. заместитель главы президентской администрации Владислав Сурков публично озвучил тезис о «пятой колонне», действующей в ущерб России²⁸.

С другой стороны, российская оппозиция — как левая (коммунисты), так и леволиберальная (партия «Яблоко») — выдвинула тезис о прозападной внешнеполитической ориентации Кремля как прикрытии для антидемократичной внутренней политики. Оппозиция проводила в этой связи параллель с проамериканскими диктатурами времен «холодной войны». Качество партнеров и союзников — постоянная проблема американской внешней политики. На протяжении последних 60 лет США демонстрируют, с одной стороны, невозможность отказаться от ценностного подхода в отношениях с важными для себя государствами, а с другой — невозможность следовать в этих отношениях исключительно ценностному подходу²⁹.

Тем не менее помощь Запада в становлении гражданского общества в России принесла ощутимые результаты. Перед российскими реформаторами и вообще политическими деятелями и активистами открылись двери западных парламентов, правительственных учреждений, неправительственных организаций и частных фондов, политических салонов, научных центров и т. д. Западные специалисты стали часто и подолгу бывать в России. Заводились личные контакты, налаживались деловые связи. Хотя реформаторов было сравнительно немного, они рассматривались в США и Европе как авангард грядущих колоссальных перемен. Самим российским реформаторам эти связи, дававшие выход на самый верх политического истеблишмента США и стран ЕС, представлялись ценнейшим капиталом.

Эффективно осуществлялась просветительская миссия. С 1993 г. только через Московскую школу политических исследований Елены Немировской, созданную при поддержке правительств и частных фондов Европы и США, прошло более 5 тыс. слушателей со всей России. Активную роль в формировании элементов гражданского общества играли в этот период американские Национальный демократический институт и Международный республиканский институт, центр общественных обменов

АЙРЕКС, а также профсоюзное объединение АФТ-КПП. Конкретную помощь в формировании гражданского общества в России оказывали представительства международных благотворительных фондов — Сороса, Макартуров, Форда и др. В начале 1990-х годов в Москве открылись представительства ведущих западных научно-исследовательских центров — Карнеги, «Heritage» (США), фондов им. Ф. Эберта, К. Аденауэра, Ф. Наумана, Г. Бёлля, Р. Люксембург (Германия). Активно действуют такие организации, как РЭНД, Центр Никсона.

В результате их деятельности российская политическая, общественная, научная элита получила уникальную возможность научиться функционировать в современных условиях, приобрести личные контакты с коллегами в США и Европе, стать частью международного глобального общества в соответствующем сегменте. Некоторые западные организации — например, научно-политические фонды — стали моделью для создания аналогичных российских структур. Так, Совет по внешней и оборонной политике (основан в 1992 г.) создавался по примеру американского Совета по международным отношениям.

Таким образом, в результате политических преобразований к началу XXI в. в России сложился умеренно-авторитарный режим, который в принципе способен постепенно эволюционировать в сторону демократии, но может и дегенерировать в направлении корпоративного государства³⁰. Эта очевидная неопределенность заставляет политиков США и стран ЕС быть осторожными, в то время как общественное мнение критикует их за бездействие. Ясно, что поведение России на международной арене связано с характером политического режима в стране. В то же время эта связь не является жесткой и однозначной. В конце XVIII в. самодержавный Петербург, исходя из геополитических соображений, положительно отнесся к провозглашению независимости США. В XIX столетии в период Гражданской войны в США императорское правительство предприняло символические шаги для демонстрации

поддержки Севера. Наконец, в XX в. Советский Союз был военным союзником США во Второй мировой войне.

В то же время вынесение за скобки вопроса о внутренней природе политического российского режима целесобразно лишь для ситуативного прагматического сотрудничества. Реальное партнерство, и тем более включение Российской Федерации в систему международного общества, требует соответствия существующих в ней условий определенным критериям демократии, рыночной экономики и ценностям гражданского общества.

Либерализация советской системы, попытки ее поверхностной вестернизации привели не к трансформации СССР, а к его краху. Лишь решительный отказ от коммунистической идеологии и советской политической практики мог создать условия для начала процесса демократизации и вхождения в международное общество. В отсутствие функционирующих институтов единственной — вынужденной и ненадежной — гарантией оставалась политика «в правильном направлении» под руководством демократически или во всяком случае антикоммунистически настроенного лидера. На протяжении большей части 1990-х годов таким лидером в глазах Запада был президент Ельцин. Пока он находился у власти, Запад в целом соглашался, что «процесс шел». Соответственно смена лидера или смена лидером политической ориентации являются — при отсутствии функционирующих демократических институтов — поворотными пунктами, способными не только затормозить процесс интеграции, но и обернуть его вспять. В отношении Ельцина у Запада была уверенность, что, несмотря на любые отступления от принципов демократии (противостояние с Верховным Советом в 1993 г., Чечня и предвыборная кампания 1996 г.), «первый российский демократ» не свернет на путь конфронтации с США и Западной Европой. К премьер-министру (в 1998–1999 гг.) Евгению Примакову относились с явной настороженностью, особенно в США. В отношении

Путина какой-либо уверенности не было с самого начала. Отношение к нему менялось: до 11 сентября 2001 г. — просительный знак, после 11 сентября — «плюс», после «дела Ходорковского» и Беслана — «минус».

Приход Путина к власти знаменовал окончание революционного периода и наступление «русского термидора». Политическое развитие России вновь стало эволюционным. В начале XXI в. в России осуществляется буржуазная «вторая модернизация». В принципе экономические преобразования и само развитие капитализма постепенно создают основу для плюрализма, в том числе политического, но этот плюрализм жестко ограничивается правящей бюрократией, боящейся открытой конкуренции. Власть и в постсоветской России является замкнутой бюрократической корпорацией, стоящей над обществом и тяготеющей над ним. Власть не расчленена и тесно срослась с олигархическим бизнесом. В России создалась внешне парадоксальная ситуация, когда бюрократия руководит дебюрократизацией, единая власть выступает в качестве архитектора системы сдержек и противовесов, администрация президента претендует на роль создателя гражданского общества и т. п.³¹ Результатом такой деятельности является не столько создание современных институтов, сколько их имитация.

Наряду с проблемами «наверху» обозначились и препятствия на пути к дальнейшей демократизации «снизу». Главной проблемой дефицита демократии остается отсутствие современного *демоса*. Иными словами, общества налогоплательщиков, видящих себя гражданами и рассматривающих власть не как нечто сакральное, а как совокупность институтов управления общими делами. Российская реальность начала XXI в. очень далека от этого идеала. В обстановке, где у 20% населения доходы ниже прожиточного минимума, запрос на государственный патернализм все еще велик. Стремление людей к самоорганизации на низовом уровне постепенно возрастает, но остается слабо выраженным.

Можно допустить, что после почти 75 лет советской власти и десятилетия революционных перемен Россия вернулась на естественный для нее путь политического развития. При этом, однако, она вернулась в точку, где это органичное развитие было прервано Октябрьской революцией. В том, что касается характера политического режима, Россия 2000-х годов похожа на Россию 1900-х, но из этого не следует, что она обречена вновь повторить свой трагический путь. Президент Путин скорее напоминает не Петра I, а Петра Столыпина, строившего планы экономически сильной «великой России» и нуждавшегося в «двадцати годах спокойствия», и одновременно Николая II, настаивавшего на самодержавном характере режима и в то же время подрывавшего этот режим своими действиями.

Устойчивое экономическое развитие требует ограничения административного произвола и утверждения верховенства права. Но оно также требует свободы и демократии участия, основанной на ответственности. Ресурсы правительственной «социальной инженерии» для этого явно недостаточны. Наступивший период политической стабильности — это время формирования интересов новых социальных групп и подспудного накопления противоречий в российском обществе. Кризис «интеллигентского» либерализма и упадок коммунизма расчищают место для новых сил справа и слева. На одном фланге можно предположить появление либерального движения, опирающегося на средний класс и предпринимательство и прочно стоящего на российской почве. На другом намечаются контуры социал-демократического движения, выступающего за социальную справедливость, но признающего значение частной собственности и частного предпринимательства.

Вместе с тем оптимальный сценарий России не гарантирован. Угроза популизма реальна и может материализоваться в условиях, когда власти поглощены переделом собственности и стремятся сохранить монопольное положение в политической сфере. Даже в случае следования

путем органического развития политическая система России будет отставать в «историческом времени» по отношению не только к США и странам Западной Европы, но и к новым членам ЕС, еще недавно принадлежавшим к советскому блоку. Нельзя, однако, исключить возможность деградации существующей политической системы, превращения *недодемократического* режима в антидемократический. Пока что в России одновременно существуют элементы неконсолидированной демократии и неконсолидированной диктатуры³².

Возможности Запада *непосредственно* воздействовать на политическое развитие России довольно ограничены. Здесь не может быть никакого сравнения с вовлеченностью США в демократическое переустройство Германии и Японии или стран Центральной и Восточной Европы. Разница между самостоятельно и добровольно отказавшейся от коммунизма Россией и побежденными в войне Германией и Японией очевидна. В отличие от стран Центральной и Восточной Европы в отношении России перспектива членства в НАТО и ЕС «не работает». Крупнейшая наряду с США ядерная держава, являющаяся одновременно одним из важнейших мировых поставщиков энергоресурсов, — неподходящий объект для внешнего давления. Начиная с 2000 г. эта ограниченность возможностей влияния признается всеми сторонами. Поднятие официальными западными представителями «острых вопросов» (по положению в СМИ, в связи с Чечней, организацией и проведением выборов и т. п.) носит во многом ритуальный характер, имеет скорее значение для правительств-критиков (в свою очередь, критикуемых домашней оппозицией за мягкость по отношению к Кремлю), чем для критикуемых. В практическом плане на всю обозримую перспективу Россия рассматривается Западом в лучшем случае как страна, находящаяся на самой дальней по отношению к ядру международного общества орбите. При этом учитывается возможность схода России с этой орбиты, ее «дрейф» в мировом политическом пространстве.

Какое значение имеет демократия в России для ее внешней политики и международных отношений? При Сталине СССР был не только идеологическим противником и геополитическим соперником Запада, но и его надежным союзником по антигитлеровской коалиции. Россия Путина остается партнером США по антитеррористической коалиции и важнейшим экспортером энергоносителей для стран ЕС. В целом российско-американские и российско-европейские отношения в начале 2000-х годов официально оцениваются как спокойные и даже удовлетворительные. Правда, «планка удовлетворения» стоит уже не так высоко, как в начале 1990-х. От рассуждений о «союзе» и «стратегическом партнерстве» стороны перешли к термину «развивающееся партнерство», от идеи общеевропейского дома — к довольно неконкретно очерченным «общим пространствам». Изменения во внутренней политике России в 2003–2004 гг. не привели к резкому ужесточению курса Москвы в отношении США или ЕС и вызвали лишь приглушенную риторическую реакцию со стороны Вашингтона и Брюсселя.

Демократическая Россия, которая имеет шанс возникнуть в 20–30-летней перспективе, вряд ли будет беспроблемной страной для США или ЕС. Скорее можно предположить, что Москва станет не только более решительно, но и более эффективно отстаивать свои национальные интересы — в первую очередь в сопредельных странах и в отдельных секторах экономики. Российская элита настроена на активную конкуренцию. Но ведь и сами Америка и Европа, выйдя из тесной связки отношений периода «холодной войны», отнюдь не являются друг для друга беспроблемными международными игроками. Другое дело, что их связывало и продолжает связывать нечто большее, чем логика противостояния Советскому Союзу и международному коммунизму. Аналогичная общность может появиться в перспективе и в отношениях США и Европы с Россией.

Демократическая (т. е. более транспарентная и ответственная) российская полиция может оказаться менее податливой для внешнего влияния по международным проблемам, чем Россия, возглавляемая авторитарным руководителем. Сталин мог единолично разворачивать советский государственный корабль на 180 градусов в любом направлении — например, упразднить Коминтерн. Горбачев мог согласиться на быстрое воссоединение Германии и мог бы передать Южно-Курильские острова Японии. Демократический лидер или руководящая группа будут гораздо больше связаны в своих внешнеполитических шагах. Кроме того, «национальные особенности» эвентуальной российской демократии будут существенно отличать ее от американской и европейской. Этого может оказаться достаточно, чтобы в глазах части западных лидеров и либеральной общественности Россия еще долго воспринималась как «не вполне своя». Главное — политическая и стратегическая самостоятельность России по отношению к США и ЕС не будет позволять западным лидерам и общественности закрывать глаза на недостатки российской демократии, но она же будет резко ограничивать возможности Запада влиять на ситуацию в России.

Формирование рыночных отношений

ЕСЛИ ДЕМОКРАТИЯ — ДЕЛО БУДУЩЕГО, то капитализм в России — современная реальность. Именно развитие рыночных отношений представляет наиболее реальный канал формирования в стране современных институтов и интеграции самой страны в современные глобальные отношения.

Несмотря на автаркический характер экономики, Советский Союз поддерживал торгово-экономические отношения с Западом, особенно активно в начальный период индустриализации, а затем вновь, начиная с 1960-х годов.

Но, конечно, никакой интеграции народного хозяйства СССР в мировую экономику не могло быть по определению. При Хрущеве СССР в 1963 г. стал крупным импортером продовольствия, при Брежневе после нефтяного кризиса 1973 г. — ведущим экспортером энергоносителей. Нефтяные шоки 1973 и 1979 гг. сыграли роль мощного обезболивающего средства, затруднившего осознание глубины и масштабов системного кризиса советской экономики. В то же время чрезвычайно резкое — в шесть раз с ноября 1980 г. по июнь 1986 г. — снижение цен на нефть привело привыкшую к нефтедолларовым инъекциям финансовую систему СССР в состояние расстройств. Бюджетный дефицит с 1985 по 1988 гг. возрос в шесть раз, достигнув в 1990 г. 10% ВВП³³.

Индустриализация, проведенная Сталиным, имела главной целью достижение экономической самостоятельности страны и создание мощного военно-экономического потенциала. Сталин заимствовал за рубежом передовые технологии, но не «производственные отношения» — иными словами, hardware, не software современной экономики. Той же линии придерживались Хрущев и Брежнев. Даже минимальные заимствования по части организации труда отторгались советским народным хозяйством³⁴. Его замкнутый, централизованно-распределительный характер, гипертрофия военного производства неотвратимо привели СССР при наследниках Сталина к кризису («застою»), который в конце концов побудил советское руководство решиться на реформы.

В отличие от Китая в СССР путь последовательных экономических преобразований — при сохранении в неприкосновенности политического режима — не мог стать магистральным путем трансформации в конце XX в. В «предперестроечном» Советском Союзе аграрный сектор не мог выступить в роли «локомотива», а традиции частного предпринимательства были вырваны с корнем. Если и можно было вообразить «китайский вариант» в СССР, то не позднее конца 1920-х годов, когда страна на-

ходила примерно на той же стадии социально-экономического развития, что и КНР после культурной революции. В постсталинский период попытки реформирования советской экономики (1965 и 1979 гг.) наталкивались на сопротивление политической системы и идеологического аппарата. Свою роль в их быстром свертывании сыграли также международные осложнения — чехословацкий кризис (1968 г.) и обострение «холодной войны» (первая половина 1980-х годов).

Первоначальная ставка Горбачева на ускорение и последующая — на конверсию военного производства (извлечение «мирного дивиденда») лишь показывали, насколько плохо советское политическое руководство представляло себе состояние и перспективы народного хозяйства страны. Замысел «ускорения и перестройки» исходил из необходимости перераспределения ресурсов внутри народного хозяйства. Модернизация производства должна была произойти на отечественной базе. Характерным в этом отношении был, например, призыв Горбачева к тольяттинским автомобилестроителям «стать законодателями мировой автомобильной моды». Большие надежды возлагались на конверсию ВПК. При этом Горбачев не шел дальше идеи «социалистического рынка» — с упором на прилагательное.

Середина и конец 1980-х годов были отмечены, однако, с одной стороны, появлением многочисленных публицистических материалов (Николая Шмелева, Василия Селюнина, Отто Лациса, Геннадия Лисичкина и др.), фактически требовавших отказа от социализма в пользу настоящего рынка, а с другой — появлением группы молодых экономистов во главе с Егором Гайдаром, еще в 1983 г. приступивших к практической проработке проблем перевода страны на рельсы рыночной экономики. Первые доказывали экономическую абсурдность существовавшей системы, другие предлагали ей альтернативу.

Внешняя экономическая интеграция — в рамках СЭВ — имела для горбачевского руководства лишь побочное

значение. Единственная серьезная попытка в этом направлении была сделана в 1986–1987 гг., когда в Москве возникла идея превратить ГДР в главного производителя компьютеров для стран СЭВ. Лишь после 1988 г., с развитием кооперативов, актуальной стала тема совместных предприятий с западными партнерами, но на сравнительно низком уровне. Любые масштабные проекты советско-западного сотрудничества в области энергетики, сельского хозяйства и т. д. наталкивались на необходимость изменения форм собственности. Это, однако, являлось на тот момент непреодолимым политическим препятствием³⁵. Экономические вопросы появились в повестке российско-западных отношений только в самом конце существования СССР, когда западные лидеры, уступая призывам Горбачева, приступили к обсуждению программ экстренной финансовой помощи Советскому Союзу.

У горбачевского руководства к этому времени появилось стремление добиваться для СССР членства в Генеральном соглашении по тарифам и торговле (ГАТТ), Международном валютном фонде, Всемирном банке, куда Сталин в 1940-е годы решил не вступать, а также в «семерке» наиболее развитых индустриальных демократий. При Горбачеве, однако, удалось сделать лишь самые первые шаги на пути вступления страны в международные финансовые институты.

Сделана была также попытка наладить макроэкономическое сотрудничество. Программа «Согласие на шанс» (май 1991 г.), разработанная академиком Станиславом Шаталиным и Григорием Явлинским совместно с Грэмом Аллисоном из Гарвардского университета, стала первым и последним опытом советско-западного взаимодействия в реформировании отечественной экономики. Согласие в конце концов было дано. Шанс, однако, к этому времени был уже упущен.

Бездеятельный (или осторожный) в политической сфере после разгрома путча Ельцин осенью 1991 г. дал сигнал радикальным переменам в экономической поли-

тике. Реформы, проведенные «командой Гайдара» в 1992 г., означали рыночную революцию. Советская командная экономика отошла в прошлое вместе с монополией государства во внешней торговле. Россия стала частью мировой экономики. Полтора десятилетия спустя, оценивая путь, пройденный российской экономикой, Егор Гайдар подвел итог: «Основные задачи постсоциалистического перехода в экономике России решены»³⁶.

Российская Федерация вышла на мировой рынок в 1991 г. прежде всего в качестве заемщика. После того как большевики отказались признать внешний долг России, Советский Союз был чрезвычайно аккуратен с внешними заимствованиями, поскольку они, как считалось, вели к недопустимой внешней зависимости страны³⁷. Сталин, принявший в 1941 г. условия ленд-лиза, в 1947 г. отверг предложение об участии СССР в плане Маршалла и заставил сделать то же самое страны Восточной Европы. Горбачевское руководство, оказавшись в чрезвычайной ситуации, было, однако, вынуждено обратиться к Западу за массивной финансовой поддержкой. Выход на международный рынок кредитов состоялся, таким образом, впервые в мирное время за весь советский период. Кредиты, дававшиеся «под Горбачева», были политически обусловлены. Запад был заинтересован в сохранении Горбачева у власти, продолжении им политики дальнейшей либерализации советского строя и «выхода из империи». Особо важную роль в этом сыграла Западная Германия, использовавшая свою финансовую мощь для обеспечения присоединения восточных земель к ФРГ. Советский Союз же впервые превратился в крупного международного должника. За шесть лет правления Горбачева советский внешний долг утроился³⁸.

Придя к руководству правительством, Е. Гайдар обнаружил, что валютные резервы страны были практически на нуле. Запад оказал срочную гуманитарную помощь, но одновременно добился от правительства России согласия платить по долгам СССР³⁹. Это было несложно. Для

нового российского руководства ответственность за долг предыдущей власти была принципиальным вопросом. Ведь именно отказ большевиков платить по долгам царского и временного правительств исключил Советскую Россию из числа цивилизованных государств. Новая власть рассматривала себя как *ответственных* ликвидаторов большевистского наследия. Она взяла на себя ответственность по всем обязательствам СССР, но также поставила под российский контроль все советские активы за рубежом. Это решение было зрелым и реалистичным.

В то же время надежды Ельцина и команды реформаторов на новый план Маршалла были совершенно необоснованны. Кроме очевидной потребности России для этого должна была присутствовать заинтересованность Запада в массивной поддержке российской экономики. Но сама эта экономика, еще по сути дела советская, была нежизнеспособна. Геополитическая ситуация в мире и место в нем Российской Федерации начала 1990-х годов и Западной Европы конца 1940-х были несравнимы. Наконец, следовало учитывать, что традиции государственного вмешательства на Западе сильно ослабли за 40 лет, прошедших после принятия плана Маршалла. Тем не менее по некоторым подсчетам Россия получила в совокупности около 100 млрд долл., считая кредиты⁴⁰. Для сравнения: восточногерманские земли с населением, составляющим немногим больше 10% населения Российской Федерации, с 1990 г. стали получателями помощи в размере 100 млрд марок (около 50 млрд долл.) ежегодно. Реальный же объем помощи России был гораздо меньше анонсированного.

В 1992 г. Россия была принята в Международный валютный фонд, который на несколько лет стал важнейшим источником внешних финансовых заимствований и главным куратором российской экономики. В течение ряда лет «вашингтонский консенсус» между правительством США и руководством МВФ и Всемирного банка служил прагматической основой для оказания помощи. «Консенсус» исходил из политической целесообразно-

сти, и по этой причине его рекомендации — фактически указания руководству России — не всегда шли на пользу российской экономике. Диктат международных финансовых институтов даже в случае успеха осуществляемых на его основе реформ не мог бы быть популярным в России. В конкретной ситуации 1990-х годов участники «консенсуса» наряду с их российскими «подсоветными»⁴¹ были объявлены виновными в экономической политике, приведшей к финансовому дефолту 1998 г. На самом деле вина «вашингтонской сборной» была существенно меньше того, что ей инкриминировалось. За фасадом либеральной макроэкономической политики шла борьба «по понятиям», в которой главную роль играли не «чикагские учебники», а вполне конкретные интересы заинтересованных российских лиц. Как справедливо отмечает Бобо Ло, возможно, неолиберализм действительно не подошел бы России, но никто не пытался применить его на практике⁴².

Опыт тесного общения с руководством МВФ, Всемирного банка и других международных финансовых институтов, несмотря на его негативные стороны, стал школой современной макроэкономики для российской бюрократии. Это была во всех отношениях дорогая школа. Егор Гайдар говорил о сверхвысокой цене экономического образования, полученного премьер-министром Виктором Черномырдиным. Частые встречи российского премьера с главой МВФ Мишелем Камдессю и регулярные сессии российско-американской межправительственной комиссии Черномырдин — Гор были не напрасны. Во многом благодаря экспертной поддержке со стороны МВФ и Всемирного банка в России в кратчайшие сроки появилась большая группа высококвалифицированных современных экономистов, финансистов. Все они получили образование на Западе, прежде всего в США и Великобритании, освоили язык современной экономики и финансов. В течение 1990-х годов экономическое «крыло» российского правительства совершило свою «институциональную модернизацию». Его знания, представления, образ

мышления становились все более адекватными современной экономической ситуации. На месте, где когда-то все регулировал Госплан, в считанные годы появился реальный рынок, а место госплановских экономистов заняла элита современных профессионалов (частично вышедшая из госплановской среды).

Российский бизнес в отличие от чиновничества интегрировался в мировую экономику на микроуровне. С отменой государственной монополии внешняя торговля приобрела невиданное значение. Объем внешней торговли России составил во второй половине 1990-х годов 20–25% ВВП (для сравнения: в зоне евро — 17%, в Японии — 12%, в США — 11%)⁴³. Экспортно-импортные операции лежали в основе большинства сколько-нибудь крупных бизнесов, возникших в 1990-е годы, а энергетическое «профилирование» страны в 2000-е годы подняло значение сырьевого экспорта до беспрецедентных в истории страны значений.

Посткоммунистическая трансформация — еще не модернизация. Начальные стадии трансформации сопровождаются разрушением, снижением общего уровня⁴⁴. Крах советской промышленной экономики сопровождался расцветом сырьевого экспорта. Экспорт энергоносителей, металлов, леса и, наоборот, импорт продуктов питания, оргтехники и пр. стал основой для быстрого обогащения «новых русских». В то же время попытки выхода на мировой рынок ряда высокотехнологичных предприятий (в основном военно-промышленного комплекса) принесли им лишь ограниченные успехи или вообще окончились провалом.

Отмена жесточайшего в прошлом валютного контроля имела огромное психологическое значение. Произошла тотальная долларизация российской экономики. В условиях гиперинфляции первой половины 1990-х годов функцию реальных денег стал выполнять американский доллар. На всем протяжении 1990-х российские рубли рассматривались как постоянно дешевевшие расчетные

знаки для незначительных покупок. С тех пор обменный курс доллара (а позднее и евро) сообщается российскими СМИ с той же частотой, что и прогноз погоды и цена на нефть. Ситуация отчасти изменилась лишь с 2000-х годов в результате ослабления доллара, роста курса евро и укрепления рубля. В то же время государство отказалось от жесткого административного регулирования курса национальной валюты. Достижение рублем внутренней конвертируемости стало важнейшим индикатором его функциональности как денежной единицы. Из страны, в которой денег в полном смысле слова не было, а глава правительства мог произвольно определять обменный курс валюты⁴⁵, Россия превратилась в страну, где деньги определяют едва ли не все.

Приватизация первой половины 1990-х годов быстро создала группу крупных собственников, способных выступать на национальном и международных рынках. Она же открыла Россию для иностранных капиталовложений. По состоянию на 2004 г. страна накопила 82 млрд долл. инвестиций из-за рубежа, в том числе 37 млрд прямых инвестиций⁴⁶. В России функционирует 15 тыс. предприятий с иностранным капиталом, на которых занято 1,5% работающих и производится 8% ВВП страны⁴⁷.

Восстановление в России частной собственности стало главным символом и материальной основой возвращения страны в мировое экономическое и политическое пространство. Всплеск коррупции, сопровождавший приватизацию, являлся не только «неизбежным злом», но и инструментом встраивания бывшей советской номенклатурной элиты, «красного» директората, коммунистической и националистической оппозиции в систему новых экономических отношений. Фактически в конце XX в. Россия пережила вторую в своей истории капитализацию — только не постфеодальную, как в XIX столетии, а постсоциалистическую.

Несмотря на все издержки «строительства капитализма»⁴⁸, рыночный вектор развития российской экономики укреплялся на всем протяжении 1990-х годов. Даже фи-

нансовый крах августа 1998 г. стал объективным свидетельством интегрированности российской экономики в мировую. Волна кризиса, поразившего развивающиеся рынки, поднявшись в Юго-Восточной Азии, дошла до Южной Америки. Россия оказалась промежуточным звеном в ее распространении. Быстрый выход российской экономики из кризиса 1998–1999 гг. стал не только следствием радикального изменения конъюнктуры нефтяных цен, но и свидетельством устойчивости нового капитализма⁴⁹. «Молодые реформаторы» оказались дискредитированы. Старые «учителя» (деятели МВФ, Всемирного банка, Министерства финансов США и др.) отошли в сторону. Тем не менее пришедшие к власти идеологические оппоненты Гайдара, Чубайса и Немцова (Е. Примаков, Ю. Маслюков и др.) не изменили главного направления экономической политики. Таким образом, далеко еще не став либеральной демократией, Россия приобрела рыночную экономику. Рыночный статус России был официально признан в 2002 г. США и Европейским союзом.

С начала 2000-х годов создание наиболее благоприятных условий для экономического роста официально провозглашено стержнем всей государственной политики. Внутренняя и внешняя политика России во многом, если не в основном, подчиняется решению этой задачи. Национальная идея России официально толкуется в терминах конкурентоспособности и успеха в условиях ставших глобальными рынков. Таким образом, свершилось небольшое чудо: «первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян», где в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, Балтии, даже Китая и Вьетнама ни у кого из здравствовавших в конце 1980-х годов граждан не было и не могло быть личного опыта участия в рыночной экономике, где даже до революции 1917 г. рыночные отношения были развиты слабее, чем где бы то ни было еще в Европе, всего за несколько лет трансформировалось в общество, где главным двигателем стали «строители капитализма».

Переоценка ценностей

ЕЩЕ В НАЧАЛЕ 1980-Х ГОДОВ, в разгар разлагающегося «застоя» советское руководство стало ощущать опасность утраты идеологического контроля над населением. Появившаяся тогда же идея организации системы контрпропаганды фактически предполагала диалог с идеологическим противником. Такой диалог, в свою очередь, заставлял советских «контрпропагандистов» в поисках аргументации «возвращаться к истокам», прежде всего к Ленину и «старым большевикам». Вскоре, уже в начале правления Горбачева, была предпринята попытка «очищения от скверны застоя» путем «нового прочтения» Ленина, а также его соратников, позднее репрессированных Сталиным, — прежде всего Николая Бухарина. Эти попытки не только потерпели поражение, они фактически свидетельствовали либо о фальшивом характере, либо, в лучшем случае, о безнадежной устарелости советских «социалистических ценностей».

Советские власти уделяли исключительно трепетное внимание образу страны и ее правителей за рубежом. На строительство «потемкинских деревень», несмотря на их малую эффективность, а иногда и обратный эффект, традиционно не жалели средств. Стремление «искривить западное зеркало» в благоприятном для СССР направлении было постоянной заботой аппарата внешнеполитической пропаганды. В принципе, такой подход не изменился и после прихода к власти Горбачева, хотя оснований для позитивного освещения советской действительности стало прибавляться. В связи с первым появлением Раисы Горбачевой на международной арене помощник генерального секретаря Черняев сделал характерную запись в дневнике: «Будем хоть на Западе выглядеть нормальными людьми»⁵⁰. Одной видимости, однако, скоро оказалось мало.

Открытие Советского Союза Западу во второй половине 1980-х годов требовало иного, чем прежде, качества общения. В ходе философского диалога на высшем уров-

не слабости советской аргументации стали очевидны для самих советских руководителей. «Встреча у камина» между Горбачевым и Рональдом Рейганом в Женеве в 1985 г. прошла еще вполне в духе военно-политической разрядки и мирного сосуществования. Знаменитый диалог Горбачева и британского премьер-министра Маргарет Тэтчер в Москве в 1987 г., однако, велся уже по широкому кругу проблем и глубоко, всерьез. Этот разговор, несомненно, повлиял на эволюцию взглядов генерального секретаря ЦК КПСС. От лозунга «больше социализма» Горбачев стал все заметнее склоняться к примату общечеловеческих ценностей. Амнистия диссидентов и символическое возвращение Андрея Сахарова в Москву из ссылки, публикация Декларации ООН о правах человека и широкое распространение Хельсинкского заключительного акта свидетельствовали о выходе лидеров Перестройки за пределы сталинско-сусловской идеологической парадигмы.

Вначале дозированное, но уже вскоре лавинообразное развитие гласности привело к публикации прежде запрещенных материалов, в том числе иностранных и эмигрантских. Прекратилось глушение западных радиопередач, открылись отделы специального хранения библиотек. «Московские новости», «Огонек», «Новое время» и другие издания, раздвигая границы свободы слова, строили интеллектуальные и эмоциональные мосты с внешним миром. Западная пресса стала распространяться свободно, в том числе на русском языке (не только деполитизированные «Америка» и «Англия», но и специальное еженедельное издание «Нью-Йорк таймс»). От «промежуточных» параллельных публикаций западных («спорных») и советских («наша точка зрения») материалов нарастала тенденция к неподцензурной свободной прессе. Одними из первых стали появившиеся на рубеже 1990 и 1991 гг. «Независимая газета» и «Коммерсант» — характерные для того времени названия. Произошел «взрыв» обменов между людьми, как публичных (практика «телемостов» с США, другими странами), так и част-

ных. Произошло включение советского общества, во всяком случае, его элиты, в мировое интеллектуальное пространство.

Официальная версия мировой и отечественной истории перестала быть единственной. Октябрьская революция стала все чаще рассматриваться как событие, «вырвавшее Россию из цивилизованного мира». Внешняя политика СССР стала предметом споров. Особое значение имели оценки тайной деятельности Коминтерна по экспорту революции, пакта Молотова — Риббентропа и секретных протоколов к нему, нападения СССР на Финляндию, обнародование правды о Катынском деле, освещение подавления советскими войсками восстания в Венгрии, Пражской весны, принятия решения о вводе войск в Афганистан. Общественность обсуждала вопросы правомерности неспровоцированного применения силы, захвата чужих территорий, подавления воли большинства населения в союзных странах, насильственного распространения своей идеологии. Отказ от имперской внешней политики, милитаризации, комплекса «старшего брата», официального антисемитизма стал восприниматься как неперемное условие возвращения страны в «цивилизованное состояние».

Очищение было неполным, частичным. Покаяния со стороны руководства КПСС не было — ни перед собственным народом, ни перед теми, кто пострадал от сталинской внешней политики⁵¹. Съезд народных депутатов СССР, объявивший в 1989 г. пакт Молотова — Риббентропа недействительным с момента подписания, не стал специально рассматривать последствия этого пакта — присоединение к СССР Балтийских государств, Бессарабии, западных областей Украины и Белоруссии, войну с Финляндией, Катынское дело, депортацию на восток жителей Латвии, Литвы и Эстонии и др. Вскоре поток материалов сузился, а общественный интерес к ним упал. Идея общественного суда над КПСС, обсуждавшаяся после августовского путча 1991 г., так и не была реализована.

Спустя много лет некоторые из перечисленных проблем были вновь подняты в период празднования 60-летия Победы в 2005 г.

Тем не менее в общественном сознании и, в частности, в политическом языке произошли колоссальные изменения. Агитпроповская фразеология отошла в прошлое. Пространство коммунистической идеологии резко сузилось. Были возвращены старые дореволюционные понятия, появились новые, заимствованные из современного международного лексикона. В результате у граждан России и ее руководства появилась принципиальная возможность говорить с Западом на политические, экономические, этические и философские темы на одном языке, с использованием общепринятых понятий.

В конце 1980-х годов Россия испытала религиозный ренессанс. Поворотным моментом от официального атеизма к расцвету религиозных конфессий стало празднование в 1988 г. 1000-летия принятия Русью христианства. Христианские, православные ценности были возвращены из забвения. Возник огромный спрос на религиозную литературу. Благодаря освобождению православия от гнета официальной атеистической идеологии Россия вновь соединялась с остальным христианским миром, прежде всего с Западом, также и духовно. В начале XXI в., согласно опросам, проведенным социологами из Левада-Центра, примерно три пятых россиян считают себя православными⁵². Произошла активизация деятельности на территории России католической церкви и различных протестантских конфессий, вызывающая активный протест Русской православной церкви. Параллельно новому «открытию православия» и усилению влияния западного христианства в России шло также исламское возрождение⁵³. Мусульманская община страны быстро становилась частью исламской «уммы»⁵⁴.

В советские времена символом закрытости страны была практическая невозможность граждан свободно покидать ее и возвращаться назад. Поистине революционное

значение имел закон о праве выезда и въезда, отменивший практику разрешений на выезд — «выездных виз» и разрешивший гражданам хранить заграничный паспорт у себя. Выезд из страны на постоянное место жительства за границу перестал сопровождаться автоматическим лишением гражданства. В результате произошла фактическая реабилитация русской и советской эмиграции, появилась новая диаспора. По оценочным данным, в Германии русским языком в той или иной степени владеют около 6 млн человек, в том числе более 3 млн — выходцы из республик бывшего СССР. Русскоязычная диаспора в Германии значительно превосходит русскую диаспору в таких странах, как США (1,3 млн) и Израиль (1,1 млн)⁵⁵. После расширения Европейского союза в 2004 г. около 1 млн этнических русских в странах Балтии стали жителями ЕС. Русское зарубежье наряду с собственно российским сообществом стало частью нового явления — формирующегося единого «русского культурного мира».

За годы правления Горбачева базовые общедемократические ценности сумели утвердиться в сознании, хотя не успели стать нормой общественной жизни. С начала 1990-х годов между Россией и Западом исчезло ценностное *противостояние*, хотя ценностные *различия*, конечно, остались. Восприятие многих западных ценностей произошло первоначально в основном на уровне риторики. Правда, даже такое признание ценностной победы Запада давалось с трудом. Во время составления совместного заявления по итогам встречи на Мальте осенью 1989 г. Горбачев отказался зафиксировать победу в «холодной войне» «западных ценностей», согласившись на триумф ценностей «демократических». Буш не возражал⁵⁶.

1990-е годы стали периодом постепенного утверждения собственно капиталистических ценностей. Первоначально — в «диком» варианте всевластия денег и «права сильного». Принципиальное позитивное значение имело признание права собственности, изменившее психологию людей. Правда, «ваучеризация» не сделала россиян

реальными собственниками, но эту задачу выполнила проведенная в тот же период бесплатная приватизация квартир. В России появилось сравнительно мало мелких и средних частных предпринимателей, но возникла сверхкрупная собственность. Представления именно этой группы нуворишей, а не традиционные буржуазные ценности стали определяющими на первом постсоветском этапе развития страны.

В результате произошло не только дополнение, но и частичное отрицание достижений горбачевского периода. Сила и насилие вновь стали играть первостепенную роль. «Афганский синдром», казавшийся мощной прививкой от безумного применения силы, был преодолен сравнительно быстро. Едва покинув Афганистан, армия была брошена в пекло внутренних конфликтов, закончившихся московским путчем. Почти бескровная осада Белого дома в августе 1991 г. сменилась «малой гражданской войной» в центре Москвы в октябре 1993 г., в ходе которой, по официальным данным, погибло 140 человек. Параллельно быстрому сокращению армии стали активно расти частные охранные структуры. Передел собственности вызвал эпидемию заказных убийств. Насилие заменило право. В декабре 1994 г., далеко не исчерпав всех средств мирного решения конфликта, Ельцин приказал армии начать вооруженную операцию в Чечне.

Криминализация российской действительности, характеризующаяся в России как «беспредел», породила на Западе образ «русской мафии». Подлинный взрыв коррупции дал основания причислять Россию к мировым клептократиям. Пресловутая «жизнь по понятиям» и другие заимствования из лагерной лексики, получившей в России широчайшее распространение — в том числе в политической, деловой, медийной элите, — свидетельствовали о появлении нового ценностного водораздела между Россией и Западом. Зрелому капитализму противостоял уже не «реальный социализм», а «тоже» капитализм, но дикий, грубый и предельно циничный.

Переходный характер эпохи и гибридная сущность ельцинского режима исключали существование в российском обществе единой системы ценностей. Формальное провозглашение ценностей современного западного общества сопровождалось их реальным игнорированием в действительности. Эпоха Ельцина была скорее временем свободы, чем демократии. Однако не все свободы, которыми пользовались россияне в конце XX в., были результатом демократических завоеваний. Свобода часто была продуктом анархии, слабости государственной власти и сама по себе еще не свидетельствовала об укоренении новых ценностей.

Придя к власти, Владимир Путин прежде всего отреагировал на ослабление центральной власти. Он провозгласил «диктатуру закона», которая фактически стала одной из эмблем его президентства. Принцип законопавия в сочетании с практикой политической борьбы неизбежно привел к селективности подхода. «Восстановление управляемости» в отсутствие функционирующих демократических институтов привело к частичному восстановлению традиционного государства. Борьба с чеченскими сепаратистами, применявшими в том числе тактику террора, привела — с учетом реального состояния российских силовых структур — к массовым нарушениям прав человека в Чечне. Прекращение «феодалных вольностей» региональных баронов — к урезанию прав регионов, частичной рецентрализации Российской Федерации. Сокрушение влияния опальных олигархов привело к «побочному ущербу» для свободы СМИ в делах Владимира Гусинского и Бориса Березовского, для неправительственных организаций в деле Михаила Ходорковского. Необходимость устранения коммунистов как влиятельной политической силы привела к появлению в России «полупартийной» политической системы вместо многопартийной. Идея национального единства трансформировалась в реанимацию мифа о «сильной руке», якобы единственно способной управлять такой страной, как Россия.

С другой стороны, потребность в достижении общественного примирения реализовалась в частичной реабилитации советских символов, в том числе государственного гимна, возрождении ценностей царского периода, прежде всего режима личной власти «первого лица». Россия и в этом случае, конечно, осталась Европой, но Европой столетней давности. Ценностный «зазор» между Россией и Западом, прежде всего ЕС, сохраняется. Фактически нынешняя Россия существует в иной *исторической* временной зоне, чем США и Европа. Яркий пример — чеченская кампания и отношение Запада к ней. Постмодернистская Европа критикует Россию (страну очевидного политического и ценностного «модерна»), которая, в свою очередь, воюет с противником, действующим в среде традиционного чеченского общества.

С другой стороны, президентство Путина — это время налоговой, таможенной, судебной, земельной, пенсионной, административной реформ (пусть часто половинчатых или не доведенных до конца), устранения «пережитков социализма» в социально-экономических отношениях. Фактически умеренно-авторитарный политический режим осуществляет праволиберальную экономическую стратегию. Это сочетание создает интеллектуальную и политическую проблему. Когда на Западе в начале второго срока нынешнего президента вновь спрашивали: «Кто вы, мистер Путин?», сквозь этот вопрос читалась неуверенность в отношении того, как относиться к вполне обозначившемуся к тому времени политическому курсу.

Вообще говоря, политическая стабильность и экономические реформы приветствуются Западом, но с оглядкой. Россия Путина — не Чили Пиночета или Индонезия времен Сухарто и даже не современные Белоруссия с Узбекистаном. Россия — крупная, стратегически расположенная страна с ядерным оружием и сложной историей. Она действительно трудно управляема изнутри (что является основанием для «авторитарного соблазна») и в принципе неконтролируема извне. Экспорт российских

энергоносителей, сотрудничество в рамках антитеррористической коалиции или системы партнерств не являются достаточной причиной для того, чтобы западные правительства, тем более СМИ и общественность закрывали глаза на усиление авторитарных тенденций. В то же время — наперекор подозрениям российских державников — правительства США и стран Евросоюза не ставят во главу угла задачу ослабления России и тем более ее расчленения. Стабильная, успешно развивающаяся и постепенно либерализирующаяся и демократизирующаяся Россия однозначно в интересах Запада⁵⁷. США и ЕС беспокоит не сильная Россия, а Россия, в которой власть внутри страны опирается на силу и которая применяет силу в отношении более слабых соседей.

Как пишет австралийский исследователь Бобо Ло, на Западе существуют две точки зрения в отношении влияния экономического роста в России на ее политику. Согласно одной из них сильная экономика делает Россию самодостаточной и тем самым более закрытой для восприятия западных ценностей (по принципу «сами с усами»). Фактически этот подход предполагает, что слабая Россия более податлива. Противоположная позиция исходит из того, что пока Россия слаба, она будет оставаться закрытой и подозрительной по отношению к внешнему миру и в особенности по отношению к Западу. Таким образом, делает вывод Б. Ло, в западных интересах такая Россия, которая, «будучи уверенной в себе, не является самоуверенной, самодовольной и самоуспокоенной»⁵⁸.

Разумеется, в результате экономического развития в России реально создается основа современного общества. Но пройдут десятилетия, прежде чем это новое общество оформится. Не следует окончательно сбрасывать со счетов и другие сценарии развития капиталистической России — вплоть до изоляционистского и фашистского.

Двадцать лет спустя после начала Перестройки Россия — по-прежнему страна со средним по мировым меркам достатком, но ее полуавторитарные руководители —

чрезвычайно богатые люди. Гораздо более богатые, чем демократические лидеры стран Центральной и Восточной Европы. За считанные годы в России сформировалась богатая властвующая элита, которая не только правит, но и в значительной степени владеет страной.

Формирование новой элиты

В ОТЛИЧИЕ ОТ РЯДА СТРАН Центральной и Восточной Европы в Советской России не было контрэлиты. Эта группа сошла со сцены еще на рубеже 1940-х годов. Антисоветскую, антикоммунистическую революцию осуществила либеральная часть советской элиты, почти поголовно состоявшая из членов КПСС. Диссиденты и интеллигенция в целом сыграли важную роль в расшатывании советского строя, но решающее значение имела позиция второго и третьего эшелонов правящей партии, сотрудников ее «мозговых трестов». Осенью 2003 г. «образцовый капиталистический город» Москва был украшен транспарантами в честь 85-летия комсомола. Так бизнесмены, вышедшие из среды функционеров ВЛКСМ⁵⁹, отметили свой жизненный успех. Именно они победили в 1991 г. и затем максимально использовали эту победу в своих интересах⁶⁰.

Советская элита в отличие от диссидентов и «неэлиты» была «выездной», т. е. имела возможность воочию сравнивать действительность в СССР и на Западе. Таковой она, однако, стала не сразу. В 1920-е годы нарком иностранных дел Георгий Чичерин писал Сталину: «Как хорошо было бы, если бы Вы, Сталин, изменив наружность, поехали на некоторое время за границу с переводчиком настоящим, не тенденциозным. Вы бы увидели действительность... Возмутительнейшая ерунда “Правды” предстала бы перед Вами в своей наготе»⁶¹. Сталин совет не принял. Только с 1933 г. советские лидеры стали встречаться с западными представителями в Москве. За

30 лет нахождения у власти Сталин ездил за границу только дважды — на конференции «большой тройки» в Тегеран и Потсдам. Тем не менее в обоих случаях он сумел выступить на равных с лидерами США и Великобритании: искусством геополитического позиционирования советский диктатор владел хорошо.

Начиная с хрущевских времен «обмен опытом с братскими коммунистическими партиями капиталистических стран», контакты «по линии межпарламентских обменов» и т. п. позволяли партийным и государственным чиновникам приобретать опыт личного общения с Западом. Сам Хрущев, особенно после поездки в США в 1959 г. и на сессию Генеральной Ассамблеи ООН в 1960 г., стремился вступить в клуб мировых лидеров. Брежнев приобрел вкус к дипломатии на высшем уровне после визита во Францию в 1971 г., за которым последовала серия советско-американских саммитов, встреч с лидерами ФРГ, Великобритании и других западных стран. Горбачев, человек новой генерации, вспоминает в мемуарах о своих поездках — еще в бытность региональным функционером — в разные страны Западной Европы⁶². К тому времени, когда он стал руководителем КПСС, Горбачев уже имел собственное представление о Западе. Тем не менее у советских руководителей до самого конца сохранялся дефицит понимания таких основ западного общества, как примат прав и свобод личности, роль общественного мнения, принципов морали, системы правосудия и т. д.

Отдельные советские граждане ездили за границу регулярно: писатели, артисты, журналисты, другие «представители творческой интеллигенции». Научно-политическая элита СССР с 1960-х годов поддерживала постоянный диалог с ведущими политологами США и других стран Запада (например, в рамках Пагуошского движения, Дартмутских встреч). Пример А. Н. Яковлева, на формирование реформаторской позиции которого огромное влияние оказало его длительное пребывание в Канаде в качестве посла СССР в 1970–1980-х годах, а до это-

го — стажировка в Колумбийском университете в Нью-Йорке, уникален. В то же время пример Евгения Примакова — корреспондента «Правды», ученого-востоковеда, спецэмиссара ЦК КПСС, директора академических институтов, члена высшего партийно-государственного руководства — исключителен лишь в личном плане, но представляет собой квинтэссенцию «заграничного опыта» представителей советской элиты.

Создание в 1960–1980-е годы в соответствии с решениями ЦК КПСС нескольких ведущих центров внешнеполитического и внешнеэкономического анализа (институтов мировой экономики и международных отношений, США и Канады, экономики мировой социалистической системы, Европы, востоковедения, Дальнего Востока, Латинской Америки, Африки и др., возглавлявшихся такими авторитетными учеными, как Г. Арбатов, Н. Иноземцев, В. Журкин, Н. Шмелев, А. Н. Яковлев, Е. Примаков, О. Богомолов, Анат. Громько) имело огромное значение для образования партийно-государственного руководства и воспитания элит. В горбачевский период руководители ведущих академических институтов, пользовавшиеся международным авторитетом и уважением, стали ключевыми фигурами в налаживании контактов советского руководства с политическими и экономическими кругами западных стран. У элиты «горбачевского призыва», однако, был чрезвычайно короткий период расцвета. За редкими исключениями (Е. Примаков, А. Н. Яковлев) эти люди уже с начала 1990-х годов остались не у дел и перестали оказывать существенное влияние не только на политику, но и на ход формирования общественного мнения.

В ельцинский период персональный состав элиты существенно изменился. «Красные директора» фактически утратили свои позиции в первой половине 1990-х годов, а откровенно криминальные элементы, выдвинувшиеся на гребне приватизации, — к середине 1990-х. Главенствующее положение заняли так называемые олигархи. Новые игроки постарались как можно скорее заявить о себе

на Западе, приобрести там важные и полезные контакты. В начале — первой половине 1990-х годов Всемирный экономический форум в Давосе стал Меккой для тех, кто являлся или считал себя частью российской элиты. Контакты с иностранными участниками для большинства приехавших были, однако, не всегда самым главным. Давос превратился в «ярмарку тщеславия» для «новых русских». Впрочем, именно в Давосе — на нейтральной территории — российские олигархи заключили в январе 1996 г. пакт о поддержке Ельцина на президентских выборах.

По оценкам социологов, правящая элита путинского периода насчитывает несколько десятков тысяч человек. Феодальная по сути, она имеет клановую структуру. Формально она должна защищать национальные интересы, повышать жизнеспособность России. Фактически же она сконцентрирована на собственных узкокорпоративных интересах, не продуцирует конструктивных идей. Главным из этих интересов является удержание власти и собственное репродуцирование. К элите примыкает верхний слой российского общества (субэлита) — собственники, бюрократы, профессионалы, которые составляют 5–7% населения⁶³.

В 1990-е годы элита в основном утолила голод к загранпоездкам. Запад для нее перестал быть «экзотикой» и превратился в поле деловой активности, место развлечений, отдыха, «пересидки» в тяжелые моменты. Существенное значение приобрел вывоз капиталов из России — легальный и нелегальный — и размещение их в офшорных зонах. Богатые россияне стали владельцами недвижимости за рубежом — от южного берега Франции до центральных районов Лондона, где с середины 1990-х годов традиционно собирается Российский экономический форум. Опасности, подстерегавшие бизнесменов на родине, заставляли их отправлять за границу свои семьи и самим подолгу находиться вне России, управляя активами из-за рубежа. Дети российской элиты направлялись

на учебу в США, Великобританию, Швейцарию, другие западные страны. Французский альпийский Куршевель приобрел славу «русского курорта» — не только современной, но и скандальной версии «царской» Ниццы.

Личное знакомство с заграницей не осталось уделом самых верхних слоев общества. Люди с уровнем доходов выше среднего — т. е. развивающийся российский средний класс — получили возможность отдыхать в Турции, Египте, Испании, Тунисе и др. Курорт Карловы Вары стал для обеспеченных россиян XXI в. тем, чем когда-то был для русских помещиков Баден-Баден. Турция, где ежегодно отдыхает до 1,5 млн россиян, заменила им Крым. За Турцией следуют Египет и Тунис. Сибиряки и дальневосточники «нашли свой Крым» на китайских курортах Желтого моря (Бэйдайхэ и др.). Люди, занявшиеся «челночным бизнесом», стали регулярными гостями Турции, Польши, Китая, Объединенных Арабских Эмиратов. После удара урагана «Катрина» по Новому Орлеану в 2005 г. из города было эвакуировано около 100 российских граждан, в основном студентов из российской провинции.

Потребности в современном менеджменте заставляют ведущие российские компании принимать на работу иностранцев и посылать на Запад на учебу и стажировку молодых людей. Не все из них остаются на Западе, многие возвращаются. Со своей стороны, западные страны, прежде всего США, открыли для молодых россиян ряд программ (имени Маски, Фулбрайта и др.) для получения образования и знакомства с западным обществом. Тем не менее общее число российских студентов в США и Западной Европе невелико — не только по сравнению с центральноевропейцами, но и с китайцами.

Приход к власти Путина сопровождало продвижение вверх сотрудников силовых ведомств, прежде всего спецслужб. Для чекистов в позднесоветский период были характерны прагматизм и минимальная по тем временам идеологическая зашоренность. Те из них, кто работал на «внешнем фронте», обладали практическим зна-

нием западных политических и коммерческих технологий, широкими международными контактами и связями. Именно в их руках после краха КПСС оказались деньги компартии и ее активы⁶⁴. Позднее выходцы из спецслужб возглавили многие ведущие компании и банки, вышедшие на мировой рынок.

Исчезновение «железного занавеса» и социально-экономический кризис, в котором оказалась Россия, не привели, как ожидалось на Западе, к массовому, многомиллионному «исходу» экономических мигрантов. Число переселенцев, особенно если исключить «возвращавшихся на историческую родину» на льготных условиях немцев, евреев, греков и др., было сравнительно невелико. Тем не менее после 1991 г. появились принципиально иные, чем во времена СССР, «неполитические» российские диаспоры за границей.

Личные потребности и вкусы новой российской элиты, ее тяга к роскоши, а также потребности растущего среднего класса превращают Москву в современный город «западного типа». При этом элита ориентируется на высшие мировые стандарты качества жилья, питания, предметов потребления, средств транспорта и т. д. Москва вошла в число городов, где организуются мировые премьерные показы кинофильмов. Наиболее «продвинутые» члены элитных групп воспринимают современный «здоровый образ жизни»: посещают теннисные корты и горнолыжные курорты, фитнес-центры, меняют питательные привычки и т. п. Бытовая «вестернизация» российской элиты продолжается, не обязательно приводя к политической и культурной американизации или европеизации.

В путинский период происходит дальнейшая «переводка» российской элиты. Вначале (2000 г.) олигархи оказались удаленными от принятия ключевых решений. Затем, в ходе развития дела Ходорковского (с 2003 г.), часть олигархической собственности (компания ЮКОС) была фактически передана под контроль «новой бюрократической буржуазии», вышедшей в значительной части из

спецслужб. Олигархи как институт продолжают существовать, но их влияние резко сократилось. Вместе с тем возросла роль высшей бюрократии, формально не обладающей крупной собственностью, но контролирующей огромные финансовые потоки.

Члены российского руководства при Путине — люди, имеющие опыт не только ознакомительных поездок за границу, но жизни и работы за рубежом. Будущий второй президент России провел пять лет в ГДР, которая воспринималась в 1980-е годы не столько как «первое немецкое государство рабочих и крестьян», сколько как «трофейная» Германия. Наряду с личным опытом зарубежных путешествий повысился и уровень владения иностранными языками. Если при Ельцине, который, как и все его советские предшественники, говорил только по-русски, в число министров, способных общаться с иностранными коллегами без перевода, входили лишь Гайдар, Примаков, Чубайс, Немцов, Глазьев, то при Путине этот круг шире. Впервые после Николая II и Ленина глава российского государства имеет возможность общаться с иностранными коллегами без посредников. Кроме самого президента, иностранными языками владеют оба назначенных им премьер-министра (М. Касьянов и М. Фрадков), министры финансов, иностранных дел, обороны, экономического развития и торговли, секретарь Совета безопасности, большинство советников и помощников главы государства. Российские переговорщики высшего и высокого уровня не только свободно общаются с зарубежными коллегами. Совершенно очевидно сильное стремление Путина и его коллег войти в состав мировой политической элиты. Проведение в 2006 г. встречи «восьмерки» в Петербурге является одним из главных внешнеполитических триумфов российского президента.

За несколько лет российский бизнес проделал путь от вывода средств за рубеж до сознательной покупки активов за границей. Котировка той или иной компании на нью-йоркской фондовой бирже стала целью серьезных

бизнесменов, стремящихся к повышению капитализации своих компаний. Знание иностранных языков постепенно становится атрибутом руководителей бизнеса, лидеров общественного мнения и т. д. Несмотря на это, вхождение некоторых из них в состав мировой элиты остается пока скорее формальным. Рейтинги журнала «Forbes», помещающие российских магнатов в число богатейших людей мира, свидетельствуют о признании размеров богатств, но не о «принятии» владельцев этих богатств в ряды мировой бизнес-элиты. Участие российских бизнесменов в неформальных встречах мировой экономической элиты (Бильдерберг, Сан Вэлли) носит спорадический характер. Некоторым крупным предпринимателям (О. Дерипаске, И. Кобзону) западные страны отказывали в визах. Михаилу Ходорковскому на рубеже 1990–2000-х годов пришлось предпринять титанические усилия и затратить огромные средства для улучшения своего личного имиджа на Западе.

Итак, хотя абсолютные успехи в сфере интеграции элит поразительны, эти успехи гораздо скромнее, чем достижения западных немцев после окончания Второй мировой войны или поляков, венгров и чехов после прекращения войны «холодной». Те за 15 лет (1945–1960 и 1989–2004 гг.) сумели прочно войти в западную и европейскую элиту. Большинство представителей высшего эшелона российской элиты смогли лишь приблизиться к дверям западных салонов, но не войти в них.

В России, разумеется, не было и не могло быть ничего похожего на осуществлявшиеся американцами и британцами программы «перековки» немецкой элиты после 1945 г., подобные «старому» Уилтон-парку⁶⁵. Не присуждались молодым россиянам и стипендии Родса. Не было также ничего похожего на программы франко-германских контактов после принятия плана Шумана об объединении угледобывающей и сталелитейной промышленности двух стран. Не было и аналогов программ обучения и воспитания на Западе центрально- и восточноевропей-

ских элит. Число фулбрайтовских стипендиатов и стипендиатов Маски (США), а также участников программ Фонда им. Джона Смита (Великобритания), Зимней академии НАТО остается сравнительно небольшим. Формат российско-западных контактов оставался по преимуществу двусторонним, формально равноправным (даже когда программы осуществлялись практически при стопроцентном западном финансировании) и «взрослым».

При общении с представителями российского общества требуется учет особенностей культуры и национального характера. По мнению российских скептиков, эти особенности таковы:

- сакральное восприятие власти и государства в качестве основных субъектов развития общества; массовая установка на сильное государство, способное поддерживать порядок, пусть даже очень суровыми мерами;
- низкая цена человеческой жизни и личности по сравнению с интересами коллектива, а тем более общества;
- анархические склонности и тенденции, понимание свободы как воли;
- слабое уважение к законам;
- сдержанное отношение к частной собственности, рынку, богатству; высокая ценность социальной справедливости;
- относительная слабость таких достижительных ценностей, как образование, профессионализм, карьера, известность, успех;
- значительно более низкая ценность труда по сравнению с семьей и досугом⁶⁶.

Не все согласны со скептиками. По данным ВЦИОМа, на которые ссылается Игорь Клямкин, убежденных сторонников «русской системы» всего 7%, их резерв составляет 22%. В то же время сторонников модернистской альтернативы — 33% при резерве 37%. Индивидуалистов в стране 53% против 44% коллективистов. Вектор развития, по мнению Клямкина и других социологов, блокируется не менталитетом населения, а российской элитой, не-

готовой и неспособной управлять свободными людьми⁶⁷. История России последних двадцати лет свидетельствует, что, хотя скептики указывают на реальные проблемы в общественном сознании, это сознание меняется в направлении, подмеченном ВЦИОМом.

Если говорить не об обществе вообще, а о его культурно-политических силах, то картина выглядит следующим образом⁶⁸. Элиту в основном составляют олигархи и государственники. Олигархи, чья экономическая деятельность носит в значительной мере международный характер, более готовы поддержать открытую внешнюю политику. Они не столько придерживаются прозападной ориентации, в чем их постоянно обвиняют державники, сколько тесно связаны с бизнес-партнерами в Европе, США, Израиле и других странах. Государственники, декларирующие восстановление и укрепление статуса России как великой державы, делают акцент на суверенитет, политическую независимость от внешних центров силы. Они, однако, часто используют соображения национальной безопасности как аргумент для продвижения собственных частных интересов. В то же время государственники так же, как и олигархи, стремятся выйти на мировой рынок и закрепиться на нем. Они кровно заинтересованы в повышении капитализации контролируемых ими компаний, что предполагает либерализацию рынка акций, их котирование на ведущих фондовых площадках, модернизацию менеджмента и т. д. В действительности в том, что касается отношения к внешнему миру, между олигархами и государственниками гораздо больше общего, чем различий.

Коммунопатриоты, лишённые властных позиций и в основном не владеющие крупной собственностью, остаются приверженцами «особого пути развития». Они выступают за максимальное ограничение связей с Западом, «тлетворно влияющим» на Россию и ее народ. Схожие мотивы иногда слышатся и в выступлениях государственников, но для них это преимущественно пропаган-

дистский инструмент в конкурентной борьбе. Либеральные демократы отстаивают политику сближения с Западом, в то время как совсем немногочисленные социал-демократы, декларируя одновременно открытость России и ее независимость, не имеют, строго говоря, четкой внешнеполитической позиции. В путинском руководстве государственным поручены внешняя и оборонная политика и национальная безопасность, а либералам — экономика и финансы⁶⁹. При этом нужно понимать, что «силовую составляющую» высшего эшелона российской власти можно уподобить главным акционерам «корпорации Россия», а либералов из правительства — высокопоставленным, но все же наемным менеджером.

Современная российская элита новая не столько по составу, сколько по ценностным установкам (очевидный индивидуализм, откровенный материализм). Внешне космополитичная, в сущности она все еще глубоко автохтонна. Возможности для интеграции нынешнего поколения постсоветской верхушки в мировую политико-экономическую элиту существуют, но они ограничены. Вместе с тем возможности следующих поколений существенно больше. Действительное сближение на уровне обществ, однако, потребует становления в России мощного среднего класса, который еще только находится в процессе формирования и не оказывает решающего влияния на внутреннюю и внешнюю политику страны.

Российский средний класс формируется из мелких и средних предпринимателей, служащих (в том числе в погонах), профессионалов и т. п.⁷⁰ Этот средний класс (примерно 15% населения) в принципе не отличается от среднего класса в странах ЦВЕ. Для него характерна ориентация на западные потребительские стандарты, хотя, естественно, более скромного, чем у элиты, уровня: «евроремонт» квартир, отдых на Средиземноморье, в Таиланде и т. п. У многих представителей российского среднего класса сложились деловые и личные отношения с иностранными коллегами — бизнесменами, специалистами и т. п.,

которые с начала 1990-х годов стали в массовом порядке не только приезжать в Россию, но и селиться здесь. «Средние россияне», в свою очередь, много путешествуют и часто имеют личный опыт пребывания на Западе. Пока что у представителей среднего класса отсутствует стремление к самоорганизации. Свои интересы они продвигают и отстаивают, как правило, в индивидуальном порядке. Тем не менее по своей политической ориентации нарождающийся средний класс ориентирован отчасти на либерально-демократические, отчасти (это больше характерно для сотрудников силовых структур и работников ВПК) на консервативные ценности. По мере расширения российского среднего класса, его превращения в базис всей социальной конструкции эта часть общества будет оказывать все большее влияние на формирование государственной политики, в том числе внешней. Именно на средний класс, его интересы и предпочтения, следовательно, должно быть обращено главное внимание тех, кого интересует облик будущей России.

Нынешний базовый слой российского общества иной. В него входят в основном те, кто считает себя проигравшим в результате перехода от советского социализма к современному российскому капитализму. На этом уровне у людей преобладают социал-демократическая, государственно-патриотическая и коммунопатриотическая ориентации⁷¹. Основная проблема состоит в том, что эта часть общества сравнительно легко поддается манипулированию со стороны популистских сил. В области внешней политики такие силы могут опираться на элементы ксенофобии, шовинизма, расизма, антисемитизма, ненависти и зависти к Америке и т. п. Повышение уровня благосостояния, расширение состава среднего класса при численном уменьшении доли «низов» общества способны ограничить эту опасность и в перспективе маргинализовать вызывающие ее явления.

Фундаментальные изменения в России означали также окончание имперского периода ее истории. С распа-

дом Советского Союза Россия как «Евразия», т. е. замкнутое самодостаточное образование, отошла в историю. «Возвращение в мировое сообщество» потребовало смены основ внешнеполитической философии.

Изменение внешнеполитической философии

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ философия элит изменилась, стала гораздо менее амбициозной. Сознание относительной и абсолютной слабости России заставило ее верхи отказаться от мессианства и глобальных проектов. Произошло возвращение к более традиционным представлениям о месте и роли России как одной из нескольких великих мировых держав. Российские лидеры видят свою страну игроком первого порядка в Европе и Азии, центром притяжения в СНГ и полноправным участником решения проблем глобального уровня. Само понятие державности было осовременено, прежде всего путем экономизации внешнеполитической философии и практики. Интеграция в мировую систему — существенный элемент этой философии, но в отличие от начала 1990-х годов речь идет об интеграции в мировую систему в целом, а не в институты Западного общества.

Стратегическое перенапряжение СССР к концу 1980-х годов стало очевидным даже для убежденных защитников державной политики. Фактически все они — хотя и в разной степени — были готовы на сокращение ставшего непосильным бремени внешних обязательств. Переломным моментом стала война в Афганистане, на силовое вмешательство в дела которого советская военная и дипломатическая верхушка пошла неохотно. Ввод войск в Афганистан стал рассматриваться как трагическая ошибка, а их вывод был встречен с облегчением. Последовавшее вслед за тем в результате договоренностей с США политическое отступление СССР из других конфликтных ре-

гионов «третьего мира» — Центральной Америки (Никарагуа, Сальвадора), Юго-Восточной Азии (Камбоджи), Африки (Анголы и Мозамбика) также не вызвало сопротивления элит. Содержание — под флагом поддержки национально-освободительного движения — многочисленной и неэффективной клиентуры в ряде других стран (Эфиопии, Южном Йемене и т. д.) было признано чересчур затратным.

Гораздо больших усилий потребовал пересмотр подхода к проблеме европейской безопасности. После начала «холодной войны» и советизации политических систем стран Восточной Европы Советский Союз трижды (в 1953, 1956 и 1968 гг.) применял военную силу для сохранения своих геополитических и геостратегических позиций на континенте. Установление в Польше в 1980 г. военного положения и переход страны под контроль Войска польского предотвратили четвертую военную интервенцию СССР за четыре десятилетия. В наступившей к концу 1980-х годов перемене ключевую роль сыграл поворот в сознании Горбачева и его соратников — от формулы безопасности, основанной на силовом противостоянии, к формуле совместной безопасности.

Такой взгляд на безопасность страны настраивал советское руководство на поиск договоренностей с потенциальным противником и на переналадку отношений с союзниками. Это новое видение нашло отражение в идее «общего европейского дома», с которой Горбачев выступил в Страсбурге летом 1989 г., а также в практике «раскрепощения» стран Варшавского договора начиная с признания модели «круглого стола» правительства и оппозиции в Польше и кончая признанием права стран Центральной и Восточной Европы на выбор направления и форм их внешней интеграции. В военной области тогда же был сформулирован принцип «разумной достаточности для самообороны».

Таким образом, произошел поворот от философии экспансии и строительства мировой империи к философии

самоограничения и строительства национального государства. Интеграция внешнего мира в советскую модель сменилась поиском путей интеграции России (вначале — еще СССР) во внешний мир. Поразительным было не только восприятие новых принципов, но и в целом вялое сопротивление этим шагам со стороны номенклатуры. Можно было повторить известную фразу «караул устал»⁷² — только не ждать, а караулить. Лишь перспектива объединения Германии привела в начале 1990 г. к публичному выражению тревоги, озабоченности и т. п. со стороны части партийного руководства (члена Политбюро, секретаря ЦК Егора Лигачева и начальника Главного политуправления Вооруженных сил СССР Алексея Лизичева), что, впрочем, не имело последствий.

Отказавшись от классовой борьбы с «империализмом», «ревизионизмом», «сионизмом» и т. п., горбачевское руководство провозгласило курс на сотрудничество практически со всем миром. Ельцинская администрация пошла дальше, объявив США, ЕС, Китай, Индию, а также практически все страны СНГ «стратегическими партнерами». С начала 1990-х годов даже Израиль стал восприниматься как дружественное России и культурно близкое, в значительной степени русскоязычное государство.

Именно российская элита фактически демонтировала Советский Союз, «большую Россию». 12 июня 1990 г. Верховный Совет РСФСР пошел на невероятный шаг, провозгласив суверенитет России по отношению к СССР. При всей внешней абсурдности «независимости России» от Советского Союза это был первый шаг от империи к национальному государству. Речь шла о гораздо большем, чем солидарность с окраинами против Старой площади или способ завершения периода двоевластия в Кремле. Общий смысл состоял в «возвращении России домой» — прежде всего с точки зрения направленности ресурсных потоков. Впервые с 1552 г., когда Иван Грозный присоединил к Москве Казанское царство, в России возобладал вектор строительства национального государства.

Лозунг «победы коммунизма» во всем мире сменился лозунгом «нормального государства» (т. е. государства западного типа). Риторика «самого передового общественного строя» сменилась стремлением к «возвращению в цивилизацию» (понимаемому как воссоединение с Западом). «Третий Рим» сменился «европейским выбором», представляющимся естественным для «страны западно-европейской культуры».

Испытания 1990-х годов лишь подтвердили силу нового «выбора» России. СНГ не стало способом реинтеграции (подобно тому, как военно-дипломатический союз советских республик в 1921–1922 гг. стал основой для формирования СССР). Наоборот, оно завершило процесс разъединения, сделало его менее болезненным и психологически более приемлемым. Несмотря на существование таких сложных территориальных вопросов, как Крым и северный Казахстан, Россия не сделала ни одной попытки пересмотра границ. Несмотря на внезапное появление огромной русскоязычной диаспоры (25 млн), ельцинское руководство — при всей риторике относительно особых прав и ответственности России на постсоветском пространстве — благоразумно отказалось от крупномасштабных попыток реализации *droit de regard*.

Несмотря на быстро наступившее разочарование, не было и попытки реванша в отношениях с Западом. Идеализм Горбачева продолжился в авангардизме (который неточно называют романтизмом) «раннего» Ельцина — Козырева. Затем на смену пришел геополитический традиционализм Примакова и экономоцентричный прагматизм Путина. Основу международной позиции России в начале 2000-х годов составляет не ее ядерный статус, а положение одного из важнейших поставщиков энергоресурсов на мировой рынок. Российские лидеры подчеркивают при этом надежность своей страны как экспортера нефти и газа. Действительно, поставки не прекращались, несмотря ни на распад Советского Союза, ни на колоссальные трудности последовавшего вслед за этим пере-

ходного периода. На протяжении всех двадцати лет после начала Перестройки Запад продолжал оставаться главным внешнеполитическим партнером Москвы.

В итоге вновь возник образ великой державы, но понимаемой во многом иначе. Новая власть отказалась от мировой миссии (идеологической или геополитической) и, отдавая предпочтение «многополярной» организации мирового сообщества, сосредоточилась в основном на российских делах и проблемах. Среди этих проблем приоритетными для нее являются экономические. Вместо России как базы для мирового революционного проекта (Ленин и Троцкий) или Советского Союза — вождя социалистического лагеря (Сталин, Хрущев) возникает Россия, живущая для самой себя, но не в изоляции от внешнего мира. Итак, дело России в XXI в. — это прежде всего она сама (оборотная сторона этого лозунга, однако, выглядит так: посторонние силы не должны вмешиваться во внутрисоветские дела).

Произошло постепенное «стягивание» российских внешнеполитических интересов. Не только далекие континенты (Африка и Южная Америка), но и гораздо более близкие регионы оказались за «периметром» российской внешнеполитической активности: Центральная и Восточная Европа, Балканы, практически весь Ближний Восток за исключением Ирана, Афганистан. Страны Балтии занимают в этом ряду промежуточное положение — скорее как раздражители, чем как объекты целенаправленной политики. В то же время к середине 2000-х годов у России проявился действительный долговременный интерес к странам СНГ, которые рассматриваются как зона экспансии российского капитала, источник трудовых ресурсов и буфер безопасности России. Не меньшее значение имеет изменение средств реализации российских интересов. Военно-политический интервенционизм уступает место экономическим, политическим и культурно-информационным методам.

Реальная военная доктрина России изменилась не столь существенно, как ее внешняя политика. Военная

организация страны по-прежнему построена исходя из представлений о США как о главном потенциальном противнике⁷³. Тем не менее оборонительная направленность российского военного строительства очевидна. Практическая сосредоточенность Вооруженных сил и других силовых структур на «войнах южного пояса» (Афганистан, Таджикистан, Чечня, Дагестан, Ингушетия) заставляет военную организацию России эволюционировать в сторону приспособления к реальности — даже вопреки прочным традициям.

В течение большей части XX в. Советский Союз находился в состоянии конфронтации с развитым миром (т. е. с Западом). Одновременно СССР осуществлял гегемонию в своем лагере. К началу XXI в. Москва не находится в противостоянии с США и другими ведущими державами. Возврат к «холодной войне» в подлинном смысле слова практически невероятен. Не будучи интегрированной в систему ЕС или военно-политических союзов с США, Россия стремится к исключительности и «клубности» в отношениях с Западом. Высшим достижением ельцинского периода стало принятие России в 1998 г. в Группу восьми, высшим достижением путинского периода может стать принятие ее в ВТО, аналогичная по характеру цель для четвертого-пятого президентств⁷⁴ — вступление в Организацию экономического сотрудничества и развития. Москва настаивает на месте за почетным «столом президиума» и уважении ее автономии. Ее любимые модели «сотрудничества на равных» — «восьмерка», Совет Безопасности ООН, отчасти Контактная группа по бывшей Югославии.

Заключение, выводы

ПО ШКАЛЕ «ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ» Россия вернулась в свой «1913 г.». В стране бурно развивается капитализм, но политическая власть остается фактически авторитарной. Противостояние с внешним

миром отсутствует. Это свидетельствует о возможности и реальности органичного развития России. Развития, однако, отличного от американского и западноевропейского образцов. У России немало общего с развитием капитализма в Латинской Америке (Аргентине, Бразилии, Мексике), Турции, Китае (так же, как Россия, выходящем из коммунизма). Шутка о «корейской модели», якобы избранной Путиным⁷⁵, содержит толику правды, но не в конкретном, а в общем смысле. Тезис о России как о «нормальной капиталистической стране» среднего достатка⁷⁶ не содержит ничего принципиально нового. В 1913 г. она также была страной со средним уровнем развития капитализма. Возвращение почти на сто лет назад отнюдь не означает, что Россия обречена повторить свой трагический опыт XX века.

Эффективное экономическое развитие предполагает, однако, свободу. Рывка на авторитарной основе не получится. Либеральная экономическая повестка дня должна быть незамедлительно дополнена либеральной же политической программой. Что же касается демократизации как таковой, то это дело поколений. Пока идет формирование демоса, реально практикуемая в стране демократия остается ограниченной и управляемой. Авторитаризм (пока что умеренный или «мягкий») является не столько альтернативой демократии, сколько методом управления в существующих условиях. Характер будущей российской демократии пока трудно определить. Надо иметь в виду, что сама по себе демократическая Россия (как и демократический Китай) — не решение проблем Запада.

Как экономический игрок Россия — уже часть мирового рынка. Ее интеграция в мировое хозяйство, однако, является узкой и примитивной. Перестав быть идеологическим и военно-политическим противником, Россия пока не превратилась в страну больших возможностей, привлекающую крупные зарубежные инвестиции. Перспективы интеграции России зависят не только от роста экономики, но и от ее диверсификации. Формы интеграции и ее глуби-

на будут различны на разных направлениях. Некоторые страны СНГ являются продолжением российской экономики. Отношения с Европейским союзом открывают перспективу формирования общего экономического пространства. Восточно-Азиатское экономическое сообщество — путь для региональной ассоциации российского Дальнего Востока и Сибири. Экономические отношения с США в перспективе — много больше, чем энергетика.

В ценностном аспекте альтернативность по отношению к Западу снята. Современные российские ценности представляют собой подвижное сочетание интернационального, собственно российского и «исторически-временного» компонентов. Последний определяется степенью экономического, политического и общественного развития. Россия (индустриальный модерн) менее «современна» в ценностном отношении, чем страны ЕС (постмодерн) и США (постиндустриальный модерн). Ценностные различия существенны, но сами по себе сотрудничеству и даже партнерству не мешают. Серьезные проблемы могут появиться лишь на этапе интеграции, но приближение к этому этапу естественно требует модернизации ценностей.

¹ Характерно, что такой вывод политологи М. Макфол, Н. Петров и А. Рябов, редакторы книги «Between Dictatorship and Democracy» (Washington, DC: Carnegie Endowment for Intern. Peace, 2004), вынесли в заголовок своей работы.

² См., например, выступление сенатора Джона Маккейна в Сенате США 4 ноября 2003 г., редакционные статьи журнала «The Economist».

³ Развернутый ответ автора на поставленные им самим вопросы см.: *Trenin D. Reading Russia Right / Carnegie Endowment for Intern. Peace.* — Washington, DC, 2005. — Special Edition Policy Brief; 42. — Oct.).

⁴ Арбатов Г.А., Олтманс В. Вступая в 80-е: Книга интервью. — М., Изд-во АПН, 1983. — С. 27.

⁵ Арбатов А. Европейская Россия — утопия или реальность? / Комитет «Россия в объединенной Европе». — М., 2004.

- ⁶Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. — М.: Изд. группа «Прогресс» — «Культура», 1993. — С. 37.
- ⁷Грачев А. С. Кремлевская хроника. — М.: ЭКСМО, 1994. — С. 61.
- ⁸Сахаров А. За и против. 1973 год: документы, факты, события. — М.: ПИК, 1991. — С. 177.
- ⁹Brown A. The Gorbachev Factor. — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 1996. — P. 212.
- ¹⁰Советская политика разрядки при Брежневе основывалась преимущественно на геополитических и военно-стратегических соображениях. В начале 1970-х годов Москва стремилась закрепить военно-стратегический паритет с США и воспользоваться геополитическим ослаблением и внутренними проблемами Америки, возникшими в результате поражения во Вьетнамской войне.
- ¹¹Matlock J. Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union: 1st edition. — [S. l.]: Random House, 1995. — P. 81.
- ¹²См., например, статью М. Горбачева «Социалистическая идея и революционная перестройка» (Правда. — 1989. — 26 нояб.).
- ¹³Matlock J. Op. cit. — P. 81.
- ¹⁴Черняев А. С. Указ. соч. — С. 213.
- ¹⁵Грачев А. С. Указ. соч. — С. 337–338.
- ¹⁶Shevtsova L. Putin's Russia / Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington, D.C., 2003. — P. 20.
- ¹⁷В частности, Игорь Клямкин и Лилия Шевцова (Shevtsova L. Op. cit. — P. 16).
- ¹⁸О чеченской войне см.: Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). — М.: Наука, 2001; Малашенко А. В., Тренин Д. В. Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России / Моск. Центр Карнеги. — М., 2002; Lieven A. Chechnya: Tombstone of Russian Power. — New Haven; London: Yale Univ. Press, 1999.
- ¹⁹Грэхем Т. Новый российский режим // Независимая газ. — 1995. — 23 нояб.
- ²⁰Graham Th. Russia's Decline and Uncertain Recovery. — Washington, DC: CEIP, 2001.
- ²¹Simes D. After the Collapse: Russia Seeks its Place as a Great Power. — New York: Simon & Schuster, 1999. — P. 107–109.
- ²²Cox Commission Report / U.S. Government Printing Office. — Washington, DC, 1999.
- ²³Заславская Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. — М.: Дело, 2004. — С. 57.
- ²⁴Пивоваров Ю., Фурсов А. Россия между вчера и завтра. — Кн. 1: Экспертные разработки / Общ. ред. В. Преображенского и Д. Драгунского; Клуб «2015», Ин-т нац. проекта «Обществ. договор». Группа «Сценарии для России-2». — М., 2003. — С. 250–271, особенно 270.
- ²⁵Shevtsova L. The Truth About Official Conservatism // The Moscow Times. — 2004. — May 14.

- ²⁶ Заславская Т. И. Указ. соч. — С. 317.
- ²⁷ Открытое письмо главам государств и правительств Европейского союза и НАТО // Новая газ. — 2004. — 4 окт.
- ²⁸ Интервью В. Суркова газете «Комсомольская правда» в сентябре 2004 г.
- ²⁹ Дркий пример возникающих в этой связи коллизий являют перипетии отношений Вашингтона с Узбекистаном и другими центральноазиатскими государствами в первой половине 2000-х годов.
- ³⁰ Яминский Г. А. Периферийный капитализм. — М.: ЭПИцентр; Интеграл-Информ, 2003; *Shevtsova L.* Putin's Russia.
- ³¹ См. послание президента В. Путина Федеральному собранию от 26 мая 2004 г.
- ³² *Between Dictatorship and Democracy* / М. McFaul, N. Petrov, A. Ryabov (eds.); Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington, DC, 2004. — P. 22.
- ³³ Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории. — М.: Дело, 2005. — С. 342, 344, 345.
- ³⁴ Смеляков Н. Деловая Америка (записки инженера): 2-е изд. — М.: Политиздат, 1969.
- ³⁵ *Matlock J.* Op. cit. — P. 178, 188.
- ³⁶ Гайдар Е. Указ. соч. — С. 8.
- ³⁷ В ЦК КПСС ссылались на то, что польский лидер Эдвард Герек, увлекшись в 1970-е годы заимствованием средств на Западе, довел страну до экономического, а затем и политического кризиса, угрожавшего уже основам социалистического строя в Польше.
- ³⁸ Гайдар Е. Указ. соч. — С. 345.
- ³⁹ *Goldgeiger J., McFaul M.* Power and Purpose: U.S. Policy Toward Russia after the Cold War. — Washington: Brookings Institution Press, 2003.
- ⁴⁰ *Simes D.* Op. cit. — P. 209.
- ⁴¹ Термин из практики групп советских военных советников в странах «третьего мира».
- ⁴² Бобо Ло — в письме автору, 9 сентября 2005 г.
- ⁴³ Внешнеэкономический комплекс России: Современное состояние и перспективы. — М.: ВНИКИ, 2001. — С. 55, 72.
- ⁴⁴ Заславская Т. И. Указ. соч. — С. 92.
- ⁴⁵ Как Сталин при определении курса рубля к доллару во время денежной реформы 1947 г., а Хрущев — 1961 г.
- ⁴⁶ Данные Госкомстата России. В то же время по привлечению иностранных инвестиций Россия далеко отстает от стран Центральной и Восточной Европы (по душевому показателю) и Китая (по абсолютным значениям). В 2004 г. Россия сумела привлечь 9,6 млрд долл., Китай — 54,9 млрд.
- ⁴⁷ UN World Investment Report 2004. The Drift Towards Services. United Nations Conference on Trade and Development. — New York; Geneva, 2004.
- ⁴⁸ Само это выражение принадлежит экономисту Андерсу Ослунду. См.: *Ослунд А.* Строительство капитализма. — М.: Логос, 2003.

- ⁴⁹ См.: *After the Fall* / A. C. Kuchins (ed.); Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington, 2002.
- ⁵⁰ Черняев А. С. Указ. соч. — С. 56.
- ⁵¹ Единственным публично покаявшимся крупным функционером КПСС стал один из «прорабов перестройки», последний секретарь ЦК по идеологии и член Политбюро Александр Николаевич Яковлев.
- ⁵² *Общественное мнение-2004: Ежегодник*. — М.: Аналит. центр Юрия Левады, 2004. — С. 134.
- ⁵³ См. книги А. Малашенко об исламе в России.
- ⁵⁴ Подробнее см.: *Малашенко А. Исламская альтернатива и исламистский проект* / Моск. Центр Карнеги. — М., 2006.
- ⁵⁵ См. доклад Министерства иностранных дел России «Русский язык в мире», 2003 г. (<http://www.mid.ru>).
- ⁵⁶ *Matlock J.* Op. cit. — P. 273.
- ⁵⁷ Официальная американская позиция на этот счет изложена, в частности, в статье посла США в России Уильяма Бернса в «Независимой газете» (2005. — 23 сент.).
- ⁵⁸ Бобо Ло — в письме к автору, 9 сентября 2005 г.
- ⁵⁹ В том числе Михаил Ходорковский, незадолго до юбилея арестованный.
- ⁶⁰ О так называемой комсомольской экономике см.: *Крыштановская О. Анатомия российской элиты*. — М.: Захаров, 2005. — С. 294–307.
- ⁶¹ Цит. по: *Млечин Л. МИД. Министры иностранных дел: Тайная дипломатия Кремля*. — М.: Центрполиграф, 2003. — С. 113.
- ⁶² *Горбачев М. Жизнь и реформы*. — М.: Новости, 1995. — Кн. 1–2.
- ⁶³ *Заславская Т. И.* Указ. соч. — С. 294, 364.
- ⁶⁴ О технологиях, применявшихся в этой связи, см. серию статей о генерале КГБ Питовранове, долгое время возглавлявшем Торгово-промышленную палату СССР (Коммерсантъ-Власть. — 2004. — Апр. — № 14–16).
- ⁶⁵ Уилтон-парк (Wilton Park) — поместье в Англии, где после Второй мировой войны британцы прививали «перспективным» западным немцам ценности западного общества. После того, как эта задача была выполнена, Уилтон-парк превратился в международный центр для проведения научно-практических конференций под эгидой МИД Великобритании. Советские участники были впервые приглашены на конференции в Уилтон-парке на рубеже 1990-х годов.
- ⁶⁶ *Заславская Т. И.* Указ. соч. — С. 58–59.
- ⁶⁷ *Клямкин И., Кутковец Т.* Нормальные люди в ненормальной стране // Россия между вчера и завтра. — Кн. 1: Экспертные разработки / Общ. ред. В. Преображенского и Д. Драгунского; Клуб «2015», Ин-т нац. проекта «Обществ. договор». Группа «Сценарии для России-2». — М., 2003. — С. 375, 376.
- ⁶⁸ *Заславская Т. И.* Указ. соч. — С. 352.
- ⁶⁹ *Крыштановская О.* Указ. соч. — С. 272.
- ⁷⁰ *Средние классы в современной России: Коллективн. монография* / Под ред. Т. Малевой; Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2003.

⁷¹ *Заславская Т. И.* Указ. соч. — С. 361.

⁷² С этими словами красногвардейцы, охранявшие зал заседаний Учредительного собрания в Петрограде, разогнали это собрание 5 января 1918 г., открыв тем самым дорогу неприкрытой большевистской диктатуре.

⁷³ См.: Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации. — М.: М-во обороны РФ, 2003.

⁷⁴ «Президентство» в данном контексте понимается как восьмилетний отрезок времени, т. е. два полных срока в соответствии с Конституцией 1993 г.

⁷⁵ В начале путинского правления московские остряки шутили, что президент твердо решил вести Россию по корейской модели, но пока не решил, по какой именно. Говоря серьезно, северокорейская модель, конечно, никем никогда всерьез не рассматривалась, но и южнокорейская модель («чеболи») если и могла быть применима к условиям России, то лишь отчасти и на ограниченный период.

⁷⁶ См.: *Шлейфер А., Трейсман Д.* Обычная страна. — М., 2004. — (Раб. материалы / Моск. Центр Карнеги; Вып. 7).

Глава третья

ПРОСТО РОССИЯ: ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Нет... России. Есть только Российская империя.

С. Ю. Витте

В СВОЕМ ЕЖЕГОДНОМ ПОСЛАНИИ парламенту в апреле 2005 г. президент Путин назвал распад Советского Союза «геополитической катастрофой»¹. В отличие от всех остальных республик бывшего СССР Российская Федерация является не отрицанием Советского Союза как бывшей имперской метрополии, а его продолжением, но уже в качестве прообраза *национального государства*. Россия не получила и не завоевала независимость от СССР, а просто сбросила с себя то, что российские элиты на рубеже 1990-х годов считали историческим, политическим и географическим балластом. На исходе XX в. советско-российская *империя* получила шанс стать Российским *государством*, «просто» Россией. Реализация этой возможности означает необходимость поиска новой международной идентичности страны.

Российская государственная идентичность представляет собой исторический континуум, в котором нынеш-

няя Российская Федерация является лишь последним звеном длинной исторической цепочки. Звенья этой цепочки достаточно легко вычленимы. Памятник «Тысячелетие России» установлен еще в 1862 г. в Великом Новгороде, где начиналась Древняя (домонгольская) Русь. Это *общерусское* государство — восточный аналог империи Карла Великого — первая историческая ипостась России (как, впрочем, также Украины и Белоруссии). Созданная восточными славянами и скандинавами, Древняя Русь с конца X в. являлась частью тогда еще единого христианского мира, т. е. прото-Европы. Раскол христианской церкви в середине XI столетия способствовал тому, что русская идентичность оказалась переплетенной с идентичностью православной. В то же время раскол со временем осложнил и обострил общение православной России с католической Западной Европой, создав первооснову для русского изоляционизма (антизападничества).

Сформировавшаяся еще в рамках Киевской державы региональная идентичность Северной (Новгород) и Северо-Восточной (Ростов, Суздаль, Владимир-на-Клязьме) Руси с распадом единого государства стала основой будущей великорусской общности. Именно в XII–XIII вв. начинается собственно российская история (поначалу местная, затем национальная), отдельная от истории Юго-Западной (Киев, Галич) и Западной (Полоцк) Руси. Рубежом стало монгольское завоевание и его последствия. Опустошительное нашествие монголов прошло по всей Руси, но иго опустилось только на ее северо-восточные княжества. Эта часть страны сошла с европейской орбиты, стала улусом Золотой Орды. Так Россия — в первый и единственный раз в своей истории — превратилась в часть политической Азии (державы Чингисидов).

По распространенному мнению², нахождение русских княжеств в составе Орды в XIII–XV вв. сыграло в отечественной истории не меньшую роль, чем принятие христианства в X столетии. Тот факт, что государство, этнически (славянское), по месту рождения (Восточная Евро-

па) и духу (православное христианство) европейское, прошло «инкубационный период» становления в теле азиатской державы, дал основание говорить об особом, евразийском характере России. Если от Византии Россия унаследовала вместе с верой идею нерасчлененности высшей власти, то у монголов она взяла уроки устройства и функционирования этой власти.

Поражение Руси в XIII в. было полным. Юго-Западная и Западная Русь, избежав подчинения монголам, утратили не только политическую независимость, как северо-восточные княжества, но и внутреннюю самостоятельность. Войдя в состав Великого княжества Литовского и Венгрии, они впоследствии были поглощены Речью Посполитой. Лишь русский Север (Новгород и Псков) вплоть до конца XV столетия продолжал традиции Древней Руси, оставался активным и самостоятельным участником политических отношений и торговых обменов в бассейнах Балтийского и Северного морей, частью ганзейской системы.

Москва, объединившая великорусскую народность вначале как подручица Орды, а затем, окрепнув и дождавшись ослабления монголов, стряхнувшая их иго, в политическом отношении являла соединение православия с восточной деспотией. С 1326 г., с переноса митрополичьей кафедры из Владимира-на-Клязьме, Москва является столицей России. Союз великого князя и митрополита с целью объединения православных земель вокруг Кремля стал первой национальной идеей великороссов. Так сложилась традиция российской самодержавной власти, которой церковь не противостоит, а подчиняется. Именно эта традиция резко отличает Россию от Западной (но не от Восточной и Юго-Восточной) Европы.

Восстановление политической независимости России логически привело к восстановлению и расширению контактов с Западом. Великий князь Иван III, объединивший северо-восточную Россию, покоривший Новгород и сбросивший монгольское иго, тем самым вернул Русь —

но уже в качестве России — на политическую карту Европы. Он же стал *первым российским западником*. Иван Васильевич предпринял серьезную попытку сблизить Московию с Западной Европой — как политически, так и культурно. Он не только пригласил итальянских мастеров для строительства Кремлевской крепости и соборов, но и сделал заявку на участие в складывавшейся системе международных отношений. Внутри страны Иван стремился упорядочить правовую систему, издав в 1497 г. Судебник — первый документ такого рода после Русской Правды Ярослава Мудрого.

Развивая отношения с европейскими соседями, Иван III, однако, не помышлял о формальном *присоединении* к Западу. Еще за четверть века до его восшествия на московский престол русские церковные иерархи отвергли предложения Флорентийского собора 1439 г. об унии с Католической церковью под верховенством папы. Брак великого князя Московского с племянницей последнего византийского императора позиционировал Россию как наследницу восточно-христианской традиции. Речь шла, таким образом, о равенстве с католиками, а не о подчинении им. Аналогичным образом обстояли дела и в светской области. Иван III отказался принять королевский титул из рук императора Священной Римской империи (что означало бы формальное включение России в иерархию тогдашней европейской системы, формально возглавлявшейся императором). Иван III стал также первым российским государем, именовавшимся царем, окончательно этот титул утвердился при его внуке Иване Грозном³. Он предпочел, таким образом, быть *самозванным*, но самодержавным государем, а не чьим-то *ставленником*.

Самопровозглашенное Московское царство середины XVI — конца XVII вв. вышло далеко за пределы Великой России и включило в свой состав государства и обширные территории, населенные тюркскими и другими неславянскими народами. В 1550-е годы было присоединено Среднее и Нижнее Поволжье до Астрахани. За следую-

щие менее чем сто лет русский царь стал хозяином всей северной Азии — от Урала до Берингова пролива. В результате православная самодержавная Северо-Восточная Русь стала Россией — континентальной, многонациональной, поликонфессиональной и в основном самодостаточной державой.

При этом Россия формировалась как *единственная православная держава*, духовная, а затем и политическая наследница уничтоженной османами Византии. Появившаяся в XVI в. концепция «Москва — Третий Рим» постепенно превратилась в международно-политическую доктрину России, просуществовавшую до начала XX в. Учреждение полтора века спустя после срыва Флорентийской унии самостоятельной Московской патриархии (1589 г.) закрепило положение России как отдельно стоящей международной величины — не только фактического центра мирового православия, но и законного покровителя и защитника всех православных христиан, оказавшихся под иноверческим гнетом — будь то католики или мусульмане. На протяжении всего XVII столетия Россия была вовлечена в почти непрерывную позиционную борьбу с Польшей и Швецией за контроль над православными Украиной и Белоруссией, которые в Кремле считали «отчиной», а также за широкий выход к Балтийскому морю. Эта борьба, имевшая одновременно религиозно-национальный и геополитический оттенки, надолго определила отношение Москвы к «ближнему Западу». Отстаивание Русской православной церковью в начале XXI в. целостности своей канонической территории (в частности, на Украине и в Белоруссии) — современное свидетельство актуальности этого наследия.

Характерная особенность отношения России к Западу состоит в том, что в нем сильное влечение сочетается с явной конкуренцией. Ближний Запад (Польша и Швеция), а также Османская империя не столько служили посредниками, сколько являлись барьером между Россией и Западом «дальним». Россия, напротив, стремилась к

прямым и свободным связям с дальними соседями. Иван IV был первым, кто предпринял характерную для русских попытку «пробиться в Европу» силой (Ливонская война), но потерпел неудачу. Лишь победы Петра I в Северной войне и Екатерины II в войнах с Турцией позволили решить эту задачу. Когда в России на исходе XX в. вновь поднялась тема «изоляции» (вначале в связи с образованием новых государств на бывших имперских окраинах, а затем в ходе расширения НАТО), многие патриоты заговорили о новой «закупорке России», ее отбрасывании к допетровской геополитической эпохе.

Вскоре после смерти Ивана Грозного ослабевшая Россия стала объектом первой из серии масштабных интервенций со стороны западных стран. В XVII в. Польша и Швеция, в XIX в. Франция, в XX в. Германия (дважды) не просто вторгались в пределы России, но ставили под вопрос ее существование как самостоятельного государства. Отстояв самобытность в тяжелый период монгольского ига и добившись наконец независимости от Востока, Россия затем была вынуждена защищать эту независимость от Запада.

Российская империя — тоже *самопровозглашенная* и признанная Европой постфактум — была создана военными победами и политическими реформами Петра I, основывавшимися на попытках эволюционной модернизации (вестернизации), которые предпринимали еще его отец Алексей Михайлович и сестра Софья. Исторический «отец» современного российского западничества, Петр — через победоносную войну и радикальные реформы — решительно заявил о России как о части Европы, равной другим крупным державам, участнице военно-политических комбинаций, торговых и культурных обменов. Эта Россия не только «вошла в Европу» как новая великая держава, но и стала активно европеизироваться, «взрачивать Европу» внутри себя. При этом, правда, заимствовались по большей части результаты (особенно в военной, экономической и административной

сферах), а не институты, эти результаты генерировавшие⁴. Европеизация страны была связана прежде всего с именем Екатерины II. Петр, «пробивая окно» во внешний мир, и Екатерина, выстраивая государственность изнутри, превратили периферийное средневековое царство в один из столпов европейского порядка XVIII — начала XX в. Несмотря на то что в дальнейшем периоды либерального европейского реформаторства (Александра I и Александра II) перемежались с годами консервативной реакции (Николая I, Александра III), Россия в целом последовательно шла по пути европеизации.

Западная Европа окончательно признала Россию частью системы международных отношений лишь в середине XVIII в., в правление Елизаветы Петровны. Уже при Екатерине II, однако, Россия приобрела положение одного из гарантов европейского равновесия. Известное заявление графа Безбородко о том, что «без нас ни одна пушка в Европе не могла выстрелить», было лишь небольшим преувеличением. Эти слова характерны и символичны, потому что верно отражают устремления умеренных российских правителей не столько физически господствовать в Европе, сколько, обеспечивая самодостаточность России, гарантировать ее участие — на паритетных основаниях с другими великими державами — в решении общеевропейских проблем.

При Александре I после победы над Наполеоном и Венского конгресса такое положение России было впервые институционализировано. Российская империя стала членом «европейского концерта», одним из официальных хранителей легитимного порядка. Идея концерта и России как его *равноправного с другими великими державами* участника красной нитью проходит через всю последующую историю российской внешней политики. В конце XX в. она воплотилась в стремлении Москвы превратить Совет Безопасности ООН в главный орган мироуправления, в предложениях создать региональный Совет безопасности для Европы и в активной работе Контактной группы.

Уже Николай I, однако, перешел грань, отделявшую паритетное участие в общеевропейских делах от региональной гегемонии в Восточной и Центральной Европе. Николай I ликвидировал Польскую автономию, выступал арбитром между Пруссией и Австрией, подавил революцию в Венгрии. Так появилась вторая красная нить российской западной политики — курс на *единоличное доминирование в стратегически важном регионе, отделявшем Россию от крупных европейских держав*. Линия Николая I найдет продолжение в XX в. в политике советских руководителей — от Сталина и Молотова до Андропова и Громыко.

Цена политики доминирования как в XIX, так и в XX вв. оказывалась чрезмерной. Внутреннее перенапряжение и внешняя изоляция подрывали силы империи. Россия стремительно отставала от других стран. Царствование Николая I завершилось унижительным поражением в Крымской войне (1853–1856 гг.), за сорокалетним существованием «социалистического содружества» последовали взаимное отчуждение между Россией и странами Центральной и Восточной Европы и расширение НАТО и Европейского союза до самых границ Российской Федерации.

Внешние поражения России стимулировали либо внутренние реформы, либо, в отсутствие у верхов воли к реформам, революции. Реформы необходимо требовали умеренной внешней политики, революции меняли, по крайней мере на некоторое время, всю внешнеполитическую парадигму. Многолетний глава российской дипломатии в царствование Александра II канцлер Александр Горчаков сделался в середине и конце 1990-х годов ролевой моделью для руководителей нового российского МИДа и умеренных реформаторов. Министры Евгений Примаков и Игорь Иванов основали традицию ежегодных Горчаковских лекций.

Связь между внутренней и внешней политикой России не является жесткой. Александр III стал символом российских консерваторов. В 1990-е годы российские националисты проводили манифестации под бело-желто-чер-

ным флагом времен Александра III — в противовес официальному бело-сине-красному триколору. Кредо консерваторов конца XIX в. — это сочетание веры и патриотизма, безусловная приверженность авторитарным методам правления, поощрение капиталистического развития под патронажем самодержавия. При этом, однако, Александр III выступал за разумные самоограничения во внешней политике. Его идеалом был мир на основе «спокойной силы» России, сотрудничества с которой ищут другие державы. Его методом стал прагматизм (сближение с республиканской Францией для уравнивания монархической и родственной Романовым Германии Гогенцоллернов). При другом, менее уверенном в себе консерваторе Николае II российская внешняя политика неудачно попыталась активизироваться на ряде направлений и потерпела чувствительное поражение на Дальнем Востоке. В то же время Россия присоединилась к англо-французской Антанте, т. е. к прообразу современного политического Запада. Тем самым на десятилетия вперед Россия стала элементом комбинации сил для противодействия германской гегемонии в Европе.

Консерватизм самодержавия не позволил России вовремя провести внутренние реформы. Став европейской державой, Россия слишком медленно становилась европейской страной. Расплатой за эгоизм и близорукость элиты стала национальная катастрофа 1914–1920 гг., в результате которой петербургская Россия погибла и на ее крови родилась Россия советская.

Большевики начали с радикального проекта вестернизации (социализации) России и мондиалистского, как сказали бы позднее, проекта мировой революции, в которой России первоначально была определена роль одновременно плацдарма, ресурса и «запала». Ленин и Троцкий первоначально скептически относились к необходимости иметь какую-либо внешнюю политику⁵. В дальнейшем Советский Союз, отказавшийся от самого имени «Россия», превратил коммунистическую идеологию в

средство легитимации режима и ресурс для великодержавной внешней политики в мировом масштабе. Объявив себя авангардом альтернативной (антикапиталистической) цивилизации, Советская Россия встала в идеологическую, политическую и военную оппозицию ко всему Западу — Европе и Америке. Большевики, пытавшиеся с помощью Коминтерна руководить классовый борьбой в мировом масштабе, презирали международные договоры, допускали возможность любых приемов в отношении мировой буржуазии: на войне как на войне. Советская Россия не только отстранилась от международного общества, но и объявила себя его непримиримым врагом.

Коммунистическое мессианство оказалось непрочным, но коммунистическая идеология стала инструментом легитимации политического режима внутри страны и орудием (и одновременно прикрытием-обоснованием) внешней политики СССР. Революционная «всемирность» за десять лет сменилась психологией осажденной крепости, которая идеально способствовала формированию тоталитарного режима. Признание Советского Союза со стороны Запада было вынужденным и условным. В отличие от Российской империи СССР, даже формально признанный, оставался фактически международным изгоем. Советский режим, существовавший в условиях двойной изоляции по отношению к внешнему миру — изнутри (под руководством ЦК ВКП(б) и силами ВЧК-ОГПУ-НКВД) и извне («санитарный кордон»), вынужден был постоянно маневрировать с позиции слабости во «враждебном окружении» и в то же время использовал это окружение для уничтожения своих внутренних врагов и насаждения атмосферы всеобщего страха. И логика тоталитаризма, и осознание советскими руководителями относительной слабости СССР перед лицом «мира капитала» вели страну в одном направлении — к тотальной мобилизации всех сил, наращиванию военной мощи, силовому подавлению внутренних разногласий, установлению власти одного вождя, попыткам провоцировать про-

тиворечия в стане врага и отказу от правил игры, которые навязывал более сильный и более опытный противник. Военная доктрина СССР 1920–1930-х годов исходила из того, что *все* западные соседи страны являются ее вероятными военными противниками. *Всем*, кого репрессировал Сталин в качестве «врагов народа» — от троцкистов до фигурантов «дела врачей», — инкриминировалось сотрудничество с иностранными разведками.

Вторая мировая война кардинально изменила ситуацию. Международный изгой за несколько лет превратился в один из столпов нового миропорядка. Непосредственное «враждебное окружение» сменилось системой контролируемых буферов безопасности и аванпостов для ведения наступления на позиции «империализма». Военная мощь страны достигла своего апогея в абсолютном и, что еще важнее, в относительном исчислении. Вместо революции источником легитимности правящей номенклатурной элиты стала Победа. Начиная с В. Молотова в 1946 г. советские руководители не уставали повторять тезис о том, что теперь ни один крупный международный вопрос не может быть решен без участия СССР.

Последовавшая за этим «холодная война» также являла собой не столько борьбу идеологий, сколько геополитическое противостояние в Европе и Восточной Азии (в годы правления Сталина) и активную конкуренцию в остальной Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке и Латинской Америке (начиная с Хрущева), т. е. действительно в глобальном масштабе. Коммунистическое, рабочее, национально-освободительное движение все откровеннее становилось инструментом советской великодержавной политики, а иногда приносилось ей в жертву. Правда, при принятии решения о вторжении в Афганистан идеология сыграла роль провокатора, заставившего в целом осторожных и консервативных деятелей брежневского руководства ввязаться в авантюру⁶.

В конце 1940-х годов Советский Союз подчинил себе пол-Европы. На самом деле он оказался отделенным от Европы глухой преградой, символом которой стала стена, разделившая в 1961 г. Берлин. СССР стал одновременно важнейшим глобальным игроком и жестко изолированным от внешнего мира обществом. Он представлял себя как главную антиимпериалистическую (т. е. антизападную) силу. Любое уподобление Западу было фактически актом предательства. Плохие отношения были предпочтительнее хороших, поскольку купировали возможность «тлетворного влияния» Запаदा на советский народ. Это обстоятельство заставляло российских социологов делать неутешительный вывод: Россия — маргинальный член европейской семьи, занимающий в ней примерно такое же место, как Плутон в Солнечной системе: тяготение присутствует, но влияние «Солнца» минимально⁷.

«Холодная война» была не столько выиграна Западом, сколько проиграна СССР. Советская экономика, проявившая способность к мобилизации ресурсов в 1930–1950-е годы, не справилась с вызовом постиндустриального развития⁸. Помимо этого необходимость поддержания глобального баланса (содержание «социалистического содружества», руководство «мировой системой социализма», субсидирование «стран социалистической ориентации», «прогрессивных режимов», особенно на Ближнем Востоке, международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения) требовала непосильных для страны затрат. Запредельного уровня достигла милитаризация экономики для целей гонки вооружений с США и Западом в целом при многократно меньшей экономической базе. Все достижения научно-технического прогресса направлялись только в военную область. Очевидной в этих условиях стала неспособность добиться «более высокой производительности труда», неперемного — согласно идеологии — условия для победы социалистического строя в соревновании с капиталистическим.

Идеологически окрашенный оптимизм Хрущева («Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» и более мрачное, но уверенное предсказание «империалистам»: «Мы вас похороним») сменился при Брежневе бытовым скептицизмом («Советское — значит отличное. От хорошего»), даже цинизмом («ты — мне, я — тебе»). Разложение коммунистической системы (коррупция, дефициты, система привилегий, окаменелость идеологии, склеротическая система управления во главе с недееспособной геронтократией, вожди которой сменяли друг друга в период «пятилетки пышных похорон» и т. п.) было особенно явным на фоне быстрого подъема благосостояния населения западных стран в 1960–1970-е годы в условиях соединения политической свободы, демократии участия и рыночной экономики с научно-технической революцией. Образ СССР как «империи зла» (Рейган, 1982 г.) быстро вытеснялся другим — «Верхней Вольты с ракетами» (Тэтчер, 1983 г.).

Этот краткий обзор истории эволюции российской идентичности позволяет сделать вывод: Россия изначально возникла как страна, находившаяся на самой дальней периферии христианского, а затем европейского мира. В ходе своей более чем тысячелетней истории она то приближалась к Европе — в основном усилиями реформаторов, а не полководцев, — то впадала в консервативный застой (или агрессивную утопию) и, по меткому выражению А. Янова, «выпадала из Европы». Исследуя это явление, Александр Ахиезер говорил о вечном расколе российского общества. «Для раскола, — писал он, — характерен заколдованный круг, т. е. активизация позитивных ценностей в одной из двух частей расколотого общества, что приводит в действие силы другой части общества, отрицающей эти ценности»⁹. Иными словами, утверждает А. Ахиезер, модернизация стимулирует традиционалистов, и наоборот.

Возникающая современная — *седьмая* по счету — российская идентичность складывается в борьбе (а иногда и в сотрудничестве) либерал-реформаторской и консерва-

тивно-охранительной тенденций. В принципе переход от СССР к Российской Федерации стал возвращением к прерванному в 1917 г. «нормальному» (т. е. органичному — при всех его противоречиях) развитию, но окончательное закрепление той или иной тенденции (или, точнее, пропорция их сочетания) — дело будущего. И опричина Ивана Грозного, и николаевская реакция, и большевизм были, разумеется, чисто русскими явлениями. Но столь же справедливо и то, что источники реформ также коренятся в российской почве и питаются ее соками.

Вопрос о том, сможет ли постсоветская Россия стать современной страной в мире XXI в. или же превратится в нежизнеспособный анахронизм, решается прежде всего внутри самой России. Если «путинская стабилизация» 2000–2003 гг. сменится коррупционным застоем, признаки приближения которого налицо, Россия сойдет с мировой сцены как крупная величина. Если, напротив, ей удастся модернизационный рывок, то она сможет внести важный вклад в формирование новой системы международных отношений.

Переход от царско-советского традиционализма к современности идет по нескольким направлениям, из которых мы выделим лишь наиболее важные. Степень продвижения России на каждом из этих направлений будет являться критерием приобретения страной новой идентичности. Вот эти направления:

- от «государства-миссии» к «нормальной стране»;
- от военного лагеря к развивающемуся рынку;
- от феодальной империи к национальному государству;
- от диктатуры к политическому плюрализму в принятии внешнеполитических решений.

От уникального «государства-миссии» к «нормальной стране»

РУССКИЕ, ЗАТЕМ СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ привыкли говорить о своей стране в терминах исключительно-

сти, охотно противопоставляя ее всему остальному миру. Крайним примером артикуляции этой исключительности можно считать хрестоматийные цитаты из Тютчева («Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить: / У ней особенная стать — / В Россию можно только верить») и из Чаадаева («...мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого»)¹⁰. На самом деле российская исключительность довольно ограничена. Имеет смысл говорить об особенностях и специфике России, а не о ее уникальности и исключительности. Это равно относится к географии, истории и культуре.

Географическое положение. Тот факт, что две трети территории Российской Федерации расположено за Уральским хребтом, не делает ее «евроазиатской страной». Проведение условной границы между Европой и Азией по Уральским горам для самой России не имеет никакого практического значения. Знаменитая формула Шарля де Голля о «Европе от Атлантики до Урала», основывающаяся не столько на эмпирическом анализе, сколько на постулатах школьного курса физической географии, всегда воспринималась в России как двусмысленная. С одной стороны, она содержит признание принадлежности не только Петербурга, но также Москвы, Нижнего Новгорода, Самары и т. д. Европе (и это приветствовалось как проявление западноевропейского реализма), с другой — безосновательно противопоставляет Центральную (Европейскую) Россию Сибири и Дальнему Востоку. Между тем Екатеринбург, расположенный на восточном склоне Уральских гор, точно так же, как Омск, Томск и Иркутск, ничуть не более «азиатские», чем Смоленск или Курск.

Ни характер рельефа, ни характер страны к востоку от Урала не отличается существенно от того, что находится к западу от этих невысоких гор. В этническом, культурном и цивилизационном отношении Восточная (Зауральская) Россия является продолжением, неотъем-

лемой частью Европы. Иными словами, Владивосток — это Восточная Европа, а не Восточная Азия. Таким образом, если причислить Россию к Европе, то Урал не может служить восточной границей континента. Если же считать Россию продолжением Азии, то восточную границу Европы придется прочертить гораздо западнее Москвы.

Итак, несмотря на неоднократные заявления российских руководителей, Россия не может и не должна претендовать на звание евроазиатской *страны*. Этот титул по праву принадлежит лишь Казахстану. Там географический, культурный и политический компоненты действительно являются разнородными, но соединенными в рамках одного государства. Другое дело — говорить о России как о евроазиатской *державе*. Хотя само понятие «Евразия» применительно к России появилось в русской эмигрантской среде под влиянием разочарования политикой тогдашней Европы, оно получило развитие и реальное наполнение благодаря политике большевиков — внутренней не меньше, чем внешней. Евразия XX в. — это империя, протянувшаяся от Берлина до Улан-Батора и управлявшаяся из Москвы.

Этой Евразии больше нет. Россия же, оставаясь европейской страной (и лишь присутствуя частью своей территории в географической Азии), отличается от других стран Европы прежде всего по-прежнему самодержавным характером власти и, вследствие этого, не только политической, но и экономической и социальной отсталостью. Распад Евразии-СССР обнажил это фундаментальное обстоятельство. Политическая модернизация, экономическое развитие сближают Россию с современной Европой, а консервативное реставраторство вновь отдаляет от нее.

«Необъятные» *размеры Российской Федерации*, площадь которой почти равна территории всей Северной Америки, долгое время являлись предметом гордости россиян. Особый упор на это обстоятельство делала советская пропаганда. В действительности площадь обитаемой территории Российской Федерации гораздо меньше. Большая часть территории России (точно так же,

как Канады и Гренландии) непригодна для постоянного проживания человека. Карта распределения населения дает другую — и более верную — конфигурацию «тела» Российской Федерации, чем политико-административная карта. На карте населения Россия предстает в виде более или менее компактного ядра к западу от Урала, резко сужающейся полосы в Западной Сибири, превращающейся в совсем тонкую полоску к востоку от Байкала, с отдельными точками на дальней периферии.

В современных условиях огромные необжитые или малонаселенные российские территории являются фактором уязвимости страны, а не ее силы¹¹. Это особенно очевидно при сопоставлении размеров территории страны с динамикой численности ее населения. Население России составляло в 2005 г. 144 млн человек — вдвое меньше, чем в США, в три с половиной раза меньше, чем в ЕС, в девять раз меньше, чем в Китае. Россия уступает по численности населения таким странам, как Индонезия, Бразилия, Пакистан, Нигерия, и примерно находится в этом отношении на уровне Бангладеш. Долгосрочные прогнозы предполагают дальнейшее уменьшение численности населения — на фоне его роста у всех соседей России в Азии исключая Японию. Таким образом, размеры российской территории в современных условиях не только не дают оснований для рассуждений на тему соразмерности России с остальной Европой (или с Азией), а, наоборот, являют серьезный вызов для российской политики национальной безопасности.

Россия как страна между Востоком и Западом. Положение страны, вечно «державшей щит меж двух враждебных рас — монголов и Европы», как сказано в «Скифах» Александра Блока, стало основой русского национального мифа. Еще в XIII в. монгольское завоевание, шедшее с юго-востока, и одновременное продвижение в северо-западные русские пределы немецких и шведских отрядов высветили центральную стратегическую проблему страны, подвергавшейся в момент слабости давлению как с запада, так и с востока. В конкретных услови-

ях середины XIII в. великий князь Александр Невский прагматично решил эту дилемму следующим образом: обороняться от Запада, поскольку он посягал на православную веру, и терпеливо копить силы, чтобы со временем сбросить тяжелое, но «внешнее», не ущемлявшее ни власти князя над подданными, ни власти Православной церкви над паствой, иго Востока. Первичность интересов светской и духовной власти при этом была очевидна. При этом, конечно, ни о какой «миссии» жертвеннического спасения западной цивилизации не могло быть и речи¹². «Принцип Александра Невского» не утратил полностью своего значения и в наши дни¹³.

Начиная с середины XIII в. русские фактически всегда рассматривали Запад как более опасного противника. Выбор Александра Невского основывался на том, что Восток удовлетворяется внешним подчинением, не посягая на внутренне устройство (т. е. на саму власть, ее положение, прерогативы по отношению к подданным) и на духовную идентичность (православие сохранилось при монголах, в то время как крестоносцы ставили задачу обратить православных в католиков). Альтернативная стратегия Даниила Галицкого (попытка заручиться помощью западных соседей против монголов) не привела к успеху. Историческая судьба королевства Галиции и Волыни печальна: оно было поглощено западными соседями.

После утверждения в России самодержавия и избавления от ига Восток рассматривался как близкий с точки зрения организации государственной власти, но социально менее привлекательный¹⁴ и культурно более закрытый для русских. Правители, таким образом, знали, как вести дела с ханами и шахами, не боясь при этом массовой измены своих подданных. Это последнее соображение всегда присутствовало в отношении гораздо более привлекательных и близких стран, расположенных к западу от Москвы, начиная с Литвы, Польши и Швеции. Первая вообще долгое время не считалась «заграницей». Отъезд бояр в Литву, как и переезд «литвинов» в Моск-

ву, был обычным, законным делом. Но в этом же направлении традиционно эмигрировали политические противники российских правителей — от Андрея Курбского и Григория Котошихина до революционеров XIX в., советских диссидентов и современных опальных олигархов.

В годы «холодной войны» китайская пропаганда против СССР считалась гораздо менее опасной, чем западная. После окончания «холодной войны», хотя соотношение национальной мощи Российской Федерации и Китая изменилось гораздо больше (и не в пользу России), чем соотношение Россия — США, чувство обиды на Америку было гораздо острее, чем зависть к успехам Китая. Американцев многие в России обвиняют в стремлении переделать мир, в то время как желание китайцев занять в мире «подобающее положение» рассматривается как законное. Более того, для очень небольшой части российской элиты вассализация России, ее временное подчинение Китаю в современных условиях предпочтительнее европеизации¹⁵.

Становление в середине — второй половине XIX в. русского национализма, а затем в XX в. официальной идеологии советского коммунизма потребовало формирования образа врага в лице наиболее сильного противника — Европы (Британской империи, Германии, впоследствии США и Запада в целом). Впервые «противостояние России и Европы» констатировал Николай Данилевский¹⁶. Отправной точкой для классического русского национализма послужил Берлинский конгресс 1878 г. На этом фоне «второй (восточный) фронт», вновь открывшийся в связи с поражением России в войне с Японией (1904–1905 гг.), а в 1960–1980-х годах в связи с противостоянием СССР и Китая, играл важную, но в целом второстепенную роль. Получившие распространение в элитном и массовом сознании на рубеже XIX и XX вв. и вновь столетие спустя тезисы о восточной опасности (соответственно «желтой», китайской и японской, и «зеленой», исламской) были лишь приложением к главному тезису — опасности с Запада¹⁷.

В 1917 г. непосредственно перед большевистским переворотом Россия находилась в союзнических отношениях с Францией, Британской империей и ее доминионами, США, Италией и Японией, т. е. практически со всеми (кроме Германии) странами будущей «семерки». Тем не менее союз с Западом против «центральных держав» почти не оставил добрых воспоминаний. В Антанте Россия участвовала на вторых ролях. После 1917 г., по утверждениям коммунистов и их сторонников, Запад путем военной интервенции пытался свергнуть советскую власть, по мнению же монархистов, не поддержал всей своей мощью белых, а затем установил отношения с красными. Даже Александр Яковлев писал, что для него лично «остается загадкой, почему западные демократии столь быстро смирились с режимом, пришедшим к власти в 1917 г.»¹⁸. Другие считают, что знают ответ. Главное для Запада — сдерживать мощь России. Дипломат и исследователь Сергей КОРТУНОВ отмечает, что Запад столь снисходителен к Ленину (разрушителю империи) и нетерпим к Сталину (ее реставратору) потому, что главный интерес Запада состоит в максимальном ослаблении России. Вывод для многих очевиден: в союзе с Западом России уготованы лишь жертвы и неблагодарность.

Тем не менее такой вывод нуждается, как минимум, в коррекции. Опыт союзничества России/СССР с США, Англией и Францией в годы обеих мировых войн требует более внимательного отношения. Если бы не бездарное руководство и зачастую безответственное поведение Николая II, судьба России в XX в. сложилась иначе. В Ялте и Потсдаме Запад признал за Москвой традиционные геополитические интересы Российской империи, а в Хельсинки — расширение сферы влияния далеко за их пределы.

«Холодная война» стала неизбежной в результате внутренней природы советского режима, а не антагонизма геополитических интересов СССР и США. Капиталистическая и демократическая Россия 1945 г., вполне вероятно, вступила бы с Америкой в отношения взаимоза-

висимости, которые не исключали бы конкуренцию, но ставили бы ее в русло мирного развития. Напротив, взаимная боязнь того, что противник преследует цель свержения чужого режима, предопределила тотальный характер «холодной войны», которая не переросла в горячую лишь из-за наличия фактора ядерного оружия. Недолгие периоды разрядки носили тактический и поверхностный характер. «Кроме того, — справедливо отмечал Алексей Арбатов, — подобное сближение, предполагающее бóльшую открытость и контакты с внешним миром, немедленно порождало опасность эрозии режима внутри страны, что провоцировало откат назад и быстрое возвращение к «холодной войне»¹⁹.

Несостоятельны и попытки представить отношения России с западными странами в виде «вечного противостояния». Для Данилевского, писавшего свой труд под впечатлением Берлинского конгресса 1878 г., противником была практически вся романо-германская Европа. Для его современных эпигонов историческим врагом России являются англосаксы и поляки (этим, кстати, объясняется их особая нелюбовь к Збигневу Бжезинскому: он принадлежит к обеим группам). Их мечта — объединение «старой Европы» и России для противодействия США и их новым союзникам в Центральной и Восточной Европе, Балтии и на Кавказе. В действительности Россия, как и все другие европейские страны с богатой историей, союзничала и воевала с разными странами. Часто при этом одни и те же страны (например, Германия) из союзника превращались в злейшего врага, затем опять в союзника, после чего следовала новая война, сменявшаяся новым партнерством, и т. д.

Россия — лидер особой «евразийской» цивилизации. Ответом усилившегося и восстановившего независимость Российского государства на проблему обеспечения безопасности стала политика неуклонного расширения собственного стратегического пространства по всем азимутам — как посредством мирной колонизации и «добро-

вольных» присоединений народов и территорий, так и путем прямых завоеваний. В конце концов геополитическая экспансия утратила первоначальный оборонительный характер и превратилась, как и в случае других великих держав, в инерцию и самодовлеющую ценность, а затем, после 1917 г., приобрела значение идеологической миссии. Империя служила материальным обоснованием авторитаризма.

Идея России — «держателя как мирового цивилизационного, так и силового баланса»²⁰, иными словами, мирового балансира, была заимствована российскими эпилгонами геополитики у ее отца-основателя Хэлфорда Маккиндера. Такая позиция хорошо укладывалась в политическую программу противодействия усилиям США, которые полагались направленными на то, чтобы раз и навсегда разрушить евразийский геополитический монолит.

В условиях исчезновения Евразии как подконтрольного Москве центра силы Россия все больше «проваливается» между Востоком и Западом. Вместо силового доминирования в Центральной и Восточной Европе и Центральной и Восточной Азии она оказывается зажатой между расширяющейся Европой и динамичной Азией.

Консервативная патриотическая интеллигенция, впервые открывшая для себя Данилевского и Струве, выступила с альтернативным европейским проектом. «Попытка решить противоречия между Европой и Россией через втягивание России во внутриевропейские коалиции и превращение в часть Европы ложна и обречена на фиаско, — писала идеолог парламентской фракции «Родина» Наталья Нарочницкая. — Нельзя большее интегрировать в меньшее, не расчленив и не уменьшив это большее»²¹. Вместо того чтобы стучаться в двери Запада и копировать Германию, Россия, по мнению адептов этой концепции, должна была «возглавить свою Европу».

Воспоминания о панславизме и восточном вопросе побуждали их мыслить категориями «союза близкородственных народов» (Румянцев, Станкевич). Критерием «род-

ства» объявлялась приверженность православию. Соответственно предлагалось объединить вокруг России весь православный мир: в СНГ — Украину, Белоруссию, Молдавию, Грузию и Армению; на Балканах — Болгарию, Румынию, Сербию, Черногорию, Республику Сербскую в Боснии, Македонию, а также Грецию и Кипр. Этот чисто умозрительный проект игнорировал все существовавшие в 1990-е годы политические реальности — как российские, так и международные. Разумеется, он не мог иметь никаких политических последствий.

Более перспективным, чем православное единство, многим показалось «новое евразийство». Современные евразийцы, последователи Льва Гумилева и сторонники его идеи славяно-тюркского «ядра» Евразии, фактически выступали за восстановление СССР. Философско-геополитическое направление этой тенденции было развито Александром Дугиным, чьи работы получили широкое распространение и сочувственный отклик среди консервативных политиков, чиновников и военных. Дугину даже удалось создать свою политическую организацию, но и этот проект не получил серьезного развития²².

Респектабельное направление современного евразийства представлял крупнейший российский политик 1990-х годов Евгений Примаков. Его концепция «многополярного» (или «многополюсного») мира была направлена на восстановление равновесия в мировой системе, нарушенного в результате распада СССР и стремительного возвышения США как единственной сверхдержавы. Средством уравнивания Америки виделся альянс «неаффилированных» с США стран — прежде всего России, Китая и Индии²³, а также Ирана. По мнению Бобо Ло²⁴, такая многополярность на самом деле является «подновленным биполярным подходом» (*revised bipolarity*): речь идет не о «свободной конкуренции» нескольких полюсов, а о формировании международного картеля для уравнивания «единственной сверхдержавы». В этом отразилась антисистемная традиция, заложенная

изгоями-большевиками, готовыми блокироваться с другими обиженными странами для противостояния мировым лидерам своей эпохи²⁵.

Сторонники многополярного мира занимали в 1990-е годы господствующие позиции в традиционных группах старой советской элиты — силовых структурах, военно-промышленном комплексе, церковной иерархии. Они могли рассчитывать также на материальную поддержку со стороны «патриотического», «православного» бизнеса. В целом евразийство было уходом из XX столетия в XIX, к «России, которую мы (они) потеряли»²⁶.

Евразийское направление в российской внешней политике и политической мысли отчасти поддерживалось извне. Разумеется, при этом каждый из его сторонников преследовал собственные политические или личные цели. Это были прежде всего президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, выдвинувший в 1994 г. идею «Евразийского союза», и президент Белоруссии Александр Лукашенко, который с середины 1990-х годов стал пропагандировать проект сближения России и Белоруссии в рамках «союзного государства».

В действительности Россия, несмотря на все свое несомненное своеобразие, охотно заимствовала у Византии, затем у Польши, Швеции, Голландии, Германии, Франции, Англии не только их технические достижения, но и важные элементы культуры — с непременным последующим переосмыслением, «национализацией» заимствованного²⁷. Если от варягов Русь получила если не государственность, то первых государей, то из Византии — религию и культуру. Стены и башни Кремля и большинство его соборов — творение итальянских мастеров, приглашенных в Москву Иваном III²⁸. У побежденных Петром I шведов Россия заимствовала бюрократическую организацию современного государства, у любимых Петром голландцев — основы кораблестроения. Из Германии, от Маркса и Энгельса, — коммунистическую идеологию. От Запада после окончания «холодной войны» —

модели демократического устройства и рыночной экономики. Это, разумеется, лишь пунктирный ряд.

Настоящая Россия — это СССР. Сразу после распада СССР отношения со странами СНГ были объявлены важнейшим приоритетом российской внешней политики. В реальности, однако, они находились ближе к периферии этой политики. Тем не менее, несмотря на распад Советского Союза, многие традиционные связи между бывшими республиками по инерции сохранялись. Объединенные вооруженные силы фактически просуществовали до весны 1992 г. (формально их командование было упразднено полтора года спустя), рублевая зона — до лета 1993 г. В начале 1990-х годов Москва еще воспринималась как общая столица постсоветского пространства (хотя формально местопребыванием органов СНГ был определен Минск). В этих условиях у части российских элит, прежде всего у коммунистов и националистов, но также и у традиционных государственников теплилась надежда, что распад СССР, как и распад Российской империи, — явление временное, которое вскоре закончится новым объединением под российским лидерством. «Реинтеграторы» по существу были реваншистами, хотя таковыми себя и не воспринимали. Однако пока у власти находился Ельцин, у них не было никаких шансов реализовать свои планы.

СССР погиб не от конфронтации и перенапряжения, а от внутренней коррозии и эрозии. Кризис СССР был кризисом системной усталости. В том числе — усталости от закрытости и нарочитой «особости» советского государства. К середине 1980-х годов не только интеллигенцией, но и широкими кругами общества овладело стремление открыться внешнему миру и «жить в нормальной стране». Общее стремление «стать нормальной страной», «стать как все», естественно, поднимало вопрос о том, что такое «нормальная страна» и «кто есть все». На этот вопрос и лидеры, и рядовые граждане отвечали по-разному.

При анализе причин распада СССР и оценке перспектив необходимо учитывать *демографическое* развитие. Две ми-

ровые и несколько локальных войн, революция, гражданская война и порожденные ею голод и болезни, коллективизация сельского хозяйства и беспрецедентные репрессии привели к тому, что население России, которое могло бы вырасти за XX столетие со 150 до 400–500 млн., выросло к 1990 г. только до 280. Но среди этих 280 млн (общая численность населения СССР) согласно Всесоюзной переписи населения 1989 г. русские составляли едва половину. СССР, таким образом, как «большая Россия» за советский период существенно изменился с точки зрения этнического состава. К моменту распада СССР в стране насчитывалось свыше 50 млн мусульман. Мусульманский (исламский) фактор стал заботить советскую элиту еще с начала войны в Афганистане. Увеличение удельного веса мусульманских народов в составе СССР в перспективе ставило вопрос о ведущей роли русского этноса и, шире, славян в управлении страной. Пробуждение собственно российской элиты, которая на исходе перестройки возглавила движение от «большой России» (СССР) к «малой» (РСФСР), стало отчасти реакцией на демографический вызов.

Россия — это «другая Америка». В период «холодной войны» внимание Советского Союза было сосредоточено в основном на Соединенных Штатах Америки. С США соперничали, но на них же и равнялись. Еще в 1931 г. Сталин назвал США «главным врагом», поскольку именно туда переместился мировой финансовый центр²⁹. Об Америке знали больше, чем о других странах, — хотя в основном не из первых рук. В момент крушения советской системы «стать как Америка» сделалось довольно распространенным стремлением части элиты и общества. Для элиты особенно привлекательны были *формы* некоторых ключевых элементов политической системы США. В рамках горбачевской политической реформы в СССР в 1990 г. был введен пост президента. Этот символический и беспрецедентный шаг имел огромный резонанс. Журналист Леонид Парфенов в телеистории «1961–1991 гг.: Наша эра» остроумно заметил, что «пре-

зидент СССР — это как царь США». По американскому же принципу был учрежден пост вице-президента, абсолютно «не прижившийся» в российских условиях. При Горбачеве же стали копировать США в деталях: в кабинете крупных чиновников появился государственный флаг, на рабочем столе — фотографии жены и детей.

Неофициальные, но закрепившиеся названия «губернатор» по отношению к главам областных администраций, «мэр» — по отношению к градоначальникам и «сенатор» по отношению к представителям областей в Совете Федерации («сенате») — не столько ниточки, связывающие посткоммунистическую Россию с дореволюционной, сколько прямые параллели с США. Национальный праздник новой России стал отмечаться летом — «как у всех цивилизованных стран» (США, а также Великобритании и Франции). Отчасти случайным, но для многих отрадным было сходство цветов государственных флагов новой России и трех перечисленных стран.

Гораздо более существенным проявлением использования опыта США стала изначальная ориентация команды экономических реформаторов (Егора Гайдара, Анатолия Чубайса и др.) на рецепты чикагской экономической школы.

Таким образом, на рубеже 1990-х годов выходящая из Советского Союза Российская Федерация предприняла попытку стать «второй Америкой». В самом начале правления Бориса Ельцина Москва попыталась создать своеобразный мировой кондоминиум с США, своего рода «союз двух Америк». Но, как скоро выяснилось, СССР минус советская власть отнюдь не равняется Америке. На «американском пути» россиян постигли неизбежные разочарования. Альтернатива некоторым виделась на европейском направлении.

Россия — нормальная европейская страна. Либеральная интеллигенция мечтала, чтобы Россия, перестав быть советской, стала «нормальной европейской страной». Диапазон моделей простирался от Германии (как историче-

ски и эмоционально наиболее близкого примера) до Швеции или Швейцарии (как наиболее желательного). Принципиальным положением «европеистов» было учреждение парламентской формы правления как гарантии от возврата к авторитаризму³⁰. Существовали сильные опасения насчет того, что президентская форма правления в российских условиях способна привести к новой диктатуре. В области внешней политики и безопасности предлагалось «вернуться домой»: отказаться от активной внешней политики, резко сократить вооруженные силы, вывести войска с иностранных территорий, добиваться вступления в НАТО и Европейский союз³¹. Российская действительность 1990-х годов, международные реалии заблокировали движение и по «европейскому» пути.

В начале правления Владимира Путина среди московских либералов была популярна шутка о том, что новый президент принял решение двигаться по корейской модели развития, но еще не решил, какому именно варианту этой модели, северному или южному, отдать предпочтение. В действительности у второго российского президента имелась более сложная синтетическая конструкция. Отправной точкой был отказ от «третьего пути» — между Западом и Востоком (т. е., в международно-политическом плане, евразийского изоляционизма). Фактически это означало «европейский выбор» Путина. Этот выбор в большой степени основывался на естественном самоощущении культурной близости к Европе, свойственном уроженцу российской Северной столицы.

Именно Петербург является наиболее ярким символом путинской «европейскости». Рядом с этим символом стоит другой — президентская власть, по степени суверенности фактически не уступающая власти русского императора. Как и в царской России, глава государства (и его правительство) иногда действует в роли «главного европейца» в стране. Проводя «вторую (капиталистическую) модернизацию», Путин выступает не столько как царь Петр I, сколько как премьер Петр Столыпин (конечно, с

поправкой на условия XXI в.). Официально заявленная цель путинских реформ — достижение «корпорацией Россия» международной конкурентоспособности³². При этом, однако, характер власти и структура общества в России остаются архаичными, и правящая элита не имеет достаточно стимулов менять их. Если «нормальность» страны в этом контексте означает традиционное государство, традиционную нерасчлененную власть, это затормозит или даже обратит вспять модернизацию.

Какие же факторы определяют положение России в мире в первые десятилетия XXI в.? Главное значение для международной идентичности страны в ближайшие годы будет иметь ее внутривнутриполитическое развитие. Капитализм как таковой не приведет Россию автоматически в ряды развитых стран. Олигархическая модель второй половины 1990-х годов или бюрократическая 2000-х уже стали тормозом на пути модернизации страны. Для того чтобы уйти от «периферийного» (термин Григория Явлинского³³) варианта капиталистического развития, присоединиться к ведущей группе стран, требуются гарантии экономической и политической свободы, функционирующие институты современного государства и развитое гражданское общество. При всей сложности взаимоотношений между политикой и экономикой именно характер политической системы будет иметь здесь решающее значение.

Пытаясь ответить на вопрос о европейских перспективах России, необходимо уточнить содержание понятия «Европа» в данном контексте. Речь идет не о географии, культуре или историческом наследии. Главным содержанием Европы XXI столетия являются ценности, принципы и нормы, воплощенные в эволюционирующем Европейском союзе.

Говоря о России в Европе, второй президент Российской Федерации не имеет в виду отказываться от стратегической и политической самостоятельности России. В Европе постмодерна, т. е. в Евросоюзе, уже нет и не мо-

жет быть классических великих держав, которые в традиционной Европе составляли основу порядка³⁴. Целью внешней политики России при Путине является конституирование ее как современной великой державы. Иными словами, экономически состоятельной, политически самостоятельной, обороноспособной, влиятельной в своем ближайшем окружении (СНГ), пользующейся признанным мировым статусом (членство в Совете Безопасности ООН и Группе восьми). В этом смысле Европа, о которой говорит Москва как о геополитическом месте России, т. е. Большая Европа, предстает в качестве двусоставного образования, одним из элементов которого является Евро-союз, а другим — Россия в окружении стран СНГ.

В результате традиционное представление о том, что Россия — часть Европы, но не часть Запада, может смениться в XXI столетии ситуацией, когда Россия станет западной страной, но при этом не будет принадлежать Европе (т. е. Европейскому союзу). В геополитическом смысле Россия, подобно США, станет Европой за пределами Европы (а Europe away from Europe), *евротихоокеанской страной*. Это гораздо более точная геополитическая характеристика России, чем традиционная «евразийская».

От военного лагеря к развивающемуся рынку

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ БЫЛ СВЕРХДЕРЖАВОЙ главным образом в военном отношении. К середине 1980-х годов его ракетно-ядерный потенциал насчитывал свыше 10 тыс. зарядов на стратегических носителях и сравнимое количество — на тактических. В боевом составе только Сухопутных войск насчитывалось 53 танковых, 153 мотострелковых и 7 воздушно-десантных дивизий³⁵. Часто говорят о мощи советского военно-промышленного комплекса (ВПК), в котором было занято свыше 2 млн человек. Фактически, однако, в СССР не было от-

дельного ВПК, как не было и гражданской экономики как таковой. В реальности военная по своей сути и по организационному строению экономика Советского Союза производила какую-то гражданскую продукцию³⁶.

Вне зоны стран «социалистического содружества», входивших в Совет экономической взаимопомощи³⁷, Советский Союз присутствовал на мировых рынках как экспортер сырья (энергоносителей, металлов), продукции тяжелого машиностроения и импортер промышленных товаров и продовольствия. В условиях милитаризации всех сторон жизни мирное соревнование с капиталистическим миром, объявленное Хрущевым на XXII съезде КПСС в 1961 г., при Брежневе быстро ушло из сферы экономики и сосредоточилось в военно-стратегической области.

Этот перекокс был связан с прагматической, но односторонней оценкой исторического опыта. Утверждение советского строя, правления коммунистической партии было основано не столько на экономике или идеологии, сколько на военных успехах. Знаменитая формула Ленина «Каждая революция только тогда чего-то стоит, если умеет себя защищать» стала в 1917–1920 гг. ключом к победе в Гражданской войне. Созданная Троцким Красная армия оказалась эффективнее белогвардейских формирований, что позволило не только сохранить советскую власть, но и распространить ее на все пространство бывшей Российской империи за исключением оказавших сопротивление Польши, Финляндии и оккупированных соседями Прибалтики и Бессарабии. Победа в Великой Отечественной войне не только превратила Советский Союз в одно из ведущих мировых государств, но и стала на десятилетия вперед основой легитимности советского строя и господства КПСС. Мировая система социализма охватывала в основном те страны, где в 1945 г. находились (и остались) советские войска.

Центральным элементом «холодной войны» стало военное (включая военно-экономическое и военно-техническое) противостояние. Вынужденный догонять США в

ядерной области, а также в создании средств доставки ядерного оружия к цели, СССР ценой невероятных усилий сумел мобилизовать ресурсы для сокращения и ликвидации отрыва. По некоторым позициям ему удалось выйти вперед³⁸. В результате в начале 1970-х годов Советский Союз заставил американское руководство признать примерный стратегический паритет между двумя странами. Это положение было закреплено в подписанных в 1972 г. в ходе визита президента Ричарда Никсона в Москву Договоре по противоракетной обороне (ПРО) и Временном соглашении об ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ). В сохранении этого паритета в условиях непрекращавшейся гонки вооружений (при возможности «укрепляя» его в свою пользу и «пресекая попытки подрыва» паритета со стороны США) заключался смысл не только военной, но и всей государственной политики СССР вплоть до середины 1980-х годов.

Несмотря на огромные затраты и колоссальные размеры, советские вооруженные силы после 1945 г. качественно деградировали. Повторилась ситуация полуторазековой давности: от триумфа взятия Парижа в 1814 г. до трагедии обороны Севастополя в 1854–1856 гг. В конце XX в. аналогом Крымской войны стала война в Афганистане. Первая серьезная военно-политическая неудача после окончания Великой Отечественной войны стала поворотным пунктом не только в истории русской армии, но и в истории страны. Раздражение ложью официальной пропаганды (тезис об «интернациональном долге»), безразличием властей к жертвам, ветеранам и их семьям (похороны без указания причин смерти, фразы военкомов: «Я вас в Афганистан не посылал» и т. п.) способствовало не только распространению антивоенных настроений, но и формированию так называемого афганского синдрома (по аналогии с вьетнамским). Его можно было сформулировать просто: уйти (из Афганистана и других «передовых рубежей») и не возвращаться, не ввязываться больше в чужие этнические и религиозные конфликты.

Реальностью, однако, стал перенос конфликтов на территорию СССР. Уже спустя три недели после окончания вывода советских войск из Афганистана, 9 апреля 1989 г., регулярные армейские подразделения Советской армии были брошены на разгон демонстрации в Тбилиси, что привело к жертвам среди гражданских лиц. В дальнейшем участие регулярных войск в столкновениях с демонстрантами, в межэтнических конфликтах стало рутиной. Карабах и Приднестровье, Абхазия и Южная Осетия, Вильнюс и Рига, наконец, августовский путч 1991 г. в Москве не только стали вехами на пути вовлечения армии в политику, но и прочертили траекторию прогрессирующей деморализации и разложения вооруженных сил, которые еще несколько лет перед тем считались одними из наиболее мощных и дисциплинированных в мире³⁹.

В конце 1980-х годов распространение гласности затронуло «армейскую тему» — прежде совершенно закрытую, даже запретную. Казарменная преступность («неуставные отношения»), штабная коррупция, некомпетентность командования стали постоянными темами средств массовой информации. Генералитет стал восприниматься либеральными реформаторами преимущественно как «тормоз перестройки». Со своей стороны, генералы предъявили реформаторам обвинение в отсутствии патриотизма и разжигании «антиармейских настроений». Между тем в обществе крепло убеждение, что военное вмешательство СССР для подавления восстания в Венгрии и реформ в Чехословакии было незаконным. «Афганская авантюра» — последняя в этом ряду — рассматривалась как преступление.

По мере того как советская военная организация стремительно разлагалась, произошел прорыв в направлении рыночных отношений: был принят закон о кооперативах, фактически узаконивший частное предпринимательство. Советская система уравнительной оплаты труда и распределения привилегий оказалась подорванной. В результате привилегии военнослужащих (особенно

среднего и младшего офицерского звена) оказались нивелированы. Одновременно гласность сделала возможным проведение международных сравнений оплаты труда военнослужащих в СССР и западных странах. Престиж воинской службы стал стремительно падать, достигнув к началу 1990-х годов самой низкой отметки за всю историю СССР. Продолжал он падать и в Российской Федерации. К концу 1990-х офицерство балансировало на черте бедности. Зарплата командира погибшей в 2000 г. атомной подводной лодки «Курск» составляла менее 200 долл.

Распад СССР принес военным не только травму распада единых вооруженных сил (особенно тяжело происходило «самоопределение» офицеров Черноморского флота). Не менее острым было осознание того факта, что самые многочисленные и хорошо оснащенные вооруженные силы не сумели предотвратить распад государства, которому они поклялись служить. Отказ командования Советской армии выступить на защиту СССР в момент обострения внутреннего кризиса (подобно тому, как это сделали тогда же их югославские коллеги) имел несколько причин. Главными среди них были глубочайшее разочарование военных в политиках всех направлений и политике как таковой; убежденность, что в любом варианте вмешательства в политику армию «используют», а в случае неудачи — «подставят», т. е. сделают козлом отпущения; ощущение недостаточной поддержки в обществе для военного вмешательства; дефицит бонапартизма в российском генералитете. Если бы, однако, военные все же решили сыграть в «свою игру», сценарий «ядерной Югославии» был бы более чем вероятен.

Правительство Гайдара исходило из принципа: не в военной силе правда, а в экономической мощи. 1992 г. стал не только годом либерализации цен, но и годом ударной «демилитаризации всей страны». Оборонный заказ на 1992 г. был сокращен в восемь раз по сравнению с 1991 г. «Раскрепощение» офицеров, которые в СССР практически не имели возможности по собственному же-

ланию покинуть армию до истечения 25 (а фактически больше) лет службы, привело к массовым добровольным увольнениям. Уходили наиболее активные и способные офицеры, многие из которых сумели найти себя в новой экономике. Одновременно принятый 11 февраля 1993 г. закон «О воинской обязанности и военной службе» № 4455-1, введивший отсрочки от призыва на срочную военную службу в связи с многочисленными причинами, фактически предоставил возможность студентам не служить в армии. Тем самым не только элита, но и значительная часть «протосреднего класса» была освобождена от воинской повинности. По злой иронии, в период закладки основ нового капитализма российская армия оказалась рабоче-крестьянской по социальному происхождению призывного контингента и вполне пролетарской по отношению к собственности и уровню денежного содержания, т. е. превратилась в войско, составленное в основном из низов общества.

Оборонное сознание практически выветрилось. «Профессия Родину защищать»⁴⁰ оказалась невостребованной. По окончании «холодной войны» ни верхи, ни низы уже не верили в реальность новых масштабных конфликтов с традиционными противниками на западе или на востоке. Те же конфликты — почти исключительно на юге, — которые реально существовали или назревали, воспринимались как незначительные, далекие и подлежащие урегулированию преимущественно невоенными методами. Именно это уникальное в истории России состояние являлось одной из основных причин фактической незаинтересованности верхов, генералитета, а также общества в целом, в военной реформе. Другими причинами являлись уже упомянутая отмена призыва для тех, кто мог платить за высшее образование своих сыновей, а также негласный «пакт о ненападении» между политическим руководством страны и военным командованием, в соответствии с которым генералы обменяли лояльность Кремлю на невмешательство гражданских руководителей во

внутриармейские дела⁴¹. В итоге военную реформу довели самим военным, т. е. генералитету.

Освобождение от страха перед *Войной* (т. е. тем, что в российском общественном сознании символизировало 22 июня 1941 г.) сопровождалось не наступлением эйфории, а новыми тревогами. Забота об обороне сменилась заботой о безопасности на микро- и макроуровне. В первом случае распространение получили частные армии, так называемые ЧОПы — частные охранные предприятия⁴². На макроуровне в начале 1990-х годов был принят беспрецедентный по охвату закон «О безопасности», который отнес к проблематике безопасности практически все стороны общественной жизни и государственной деятельности. К началу 2000-х сотрудники спецслужб заняли важнейшие посты в системе государственного управления.

Травма «расстрела Белого дома» 1993 г. — первого масштабного применения силы в столице — предварила трагедию первой чеченской кампании (1994–1996 гг.) — первого вооруженного конфликта центральной власти с этническими сепаратистами на территории России. «Малая гражданская война» в Москве и бесславная кампания по восстановлению конституционного порядка на Северном Кавказе обозначили низшие точки кризиса российской военной организации. За исключением ракетно-ядерной составляющей (практическое значение которой, разумеется, сильно изменилось после окончания «холодной войны») Россия по существу выбыла из числа государств, обладающих современными и эффективными вооруженными силами. Для правящих элит, однако, важнейшими событиями периода 1993–1996 гг. стала не Чечня, а начало приватизации, проведение залоговых аукционов, положивших начало крупнейшим частным состояниям, и становление олигархата как особой формы управления страной.

Финансовый крах 1998 г. обозначил значение фондового рынка для российской экономики и связь этой экономики с мировой. Хотя ретроспективный анализ свидетельству-

ет скорее о позитивном, корректирующем результате этого кризиса, важно отметить, что российское государство оказалось неспособно защититься от мощнейшего рикошетного удара, пришедшего извне. В дальнейшем руководители страны стали проводить гораздо более осторожную финансовую политику. Они отказались от неэффективных заимствований за рубежом и безответственной практики строительства «финансовых пирамид» дома.

Целью политики Владимира Путина является модернизация страны. Однако в отличие от времен Петра I речь не идет о модернизации армии и государства для достижения военной победы над конкретным противником и в отличие от сталинской модернизации создание мощной военно-промышленной базы не является главной задачей. Лозунг ближайших десятилетий — достижение международной конкурентоспособности российской экономики. Национальной идеей России объявлено превращение в «успешную страну». В этой связи в качестве важнейшей национальной задачи провозглашено удвоение ВВП в течение десяти лет и существенное сокращение бедности. Модернизация вооруженных сил, также объявленная приоритетной национальной задачей, — третья по списку. Напрашивается сравнение с «четырьмя модернизациями» архитектора китайских реформ Дэн Сяопина, где модернизация Народно-освободительной армии Китая также была поставлена на последнее место. При всем значении проблематики безопасности, в обеспечении которой они продолжают играть ведущую роль, вооруженные силы — за важным исключением Стратегических ядерных сил — перестали быть важнейшей опорой российской национальной мощи. Значение Стратегических ядерных сил в современных условиях в основном определяется тем, что они придают российским военным и политическим руководителям психологическую уверенность в эффективности сдерживания.

Можно исходить из того, что в конечном счете российские вооруженные силы будут модернизированы и

трансформированы. Однако соотношение между компонентами национальной мощи России, вероятно, будет и дальше продолжать меняться в пользу невоенных — прежде всего экономических — факторов.

От империи к национальному государству

ЖЕСТКАЯ ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ в рамках Советского Союза, воспринимавшаяся национальными окраинами как «гнет имперского Центра», не означала тем не менее привилегированного положения для ведущей советской республики — РСФСР и для ее населения. Физическое нахождение союзного Центра в столице РСФСР фактически приводило к тому, что Российская Федерация была вынуждена «делить» общесоюзные институты (прежде всего компартию) с другими республиками, которые в отличие от нее имели также и свои собственные (национальные). При этом подразумевалось, что интересы РСФСР должны быть идентичны интересам Союза в целом, в то время как за всеми другими республиками признавалось право на особые интересы. Это выражалось в том, что Россия с самого образования Союза ССР являлась донором союзного бюджета, оплачивала из своих средств многочисленные программы по подъему уровня социально-экономического развития более отсталых союзных республик. Эти факторы сыграли роль в решении Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1990 г. провозгласить государственный суверенитет России — тогда еще в рамках СССР. Так впервые громко заявил о себе современный российский национализм.

Год спустя, сразу после августовской победы над путчистами, лидеры новой России продемонстрировали этот новый российский национализм как союзному руководству, так и властям других республик. С одной стороны

(и это, в конце концов, самое важное), Ельцин и его соратники отказались от «старшинства» по отношению к другим республикам, признали межреспубликанские границы в качестве государственных и т. п. Их скорее можно было упрекнуть в отсутствии интереса к бывшим соотечественникам, чем в повышенном внимании к ним. С другой стороны, Россия решительно и бесцеремонно объявила себя единственным правопреемником СССР, «переписав» на себя как советские посольства и другие загранучреждения, членство в международных организациях начиная с Совета Безопасности ООН, так и внешний долг Советского Союза. Речь не идет, разумеется, о том, что СССР был побежден российским национализмом. Другие факторы, экономические прежде всего, имели решающее значение. Российский национализм, принявший форму выхода «малой России» (РСФСР) из «большой» (СССР), позволил избежать войн между центром и окраинным сепаратизмом — по югославскому образцу.

Советский Союз, однако, был побежден не только усталостью от имперского бремени и прагматичными расчетами, но и подъемом собственно русского национализма. С 1970-х годов это движение постепенно эволюционировало от культурно-исторического (писатели-деревенщики и энтузиасты защиты памятников истории и культуры) до политического («вновь рожденные» монархисты и кадеты) и идеологического (ксенофобская «Память»). Поворотным пунктом на этом пути стало решение еще советских властей торжественно отметить в 1988 г. Тысячелетие принятия христианства Киевской Русью. Деятельность Русской православной церкви (РПЦ) получила мощный импульс в результате избрания в 1990 г. Патриархом всея Руси энергичного Алексия II (Ридигера). За годы своего предстоятельства Алексий II сумел добиться от властей фактического признания православия если не государственной, то «культурообразующей» религией России. Выступая с позиций традиционного православия, Патриархия предпринимает большие усилия по за-

щите канонической территории РПЦ (Украины, Белоруссии, Молдавии и самой России) от прозелитизма со стороны католиков и от проникновения протестантских религиозных организаций. Кремль заключил по сути политический союз с РПЦ, ответив на политическую поддержку Патриархией политики государства готовностью учитывать интересы церкви.

В период, когда распадался Советский Союз и формировалась современная Российская Федерация, русский национализм не только вышел на поверхность, но и занял ряд ниш на новом политическом ландшафте страны. Основной партией националистического «мейнстрима» стала КПрФ. Правее ее расположилась крикливо-экстремистская в риторике, но неизменно лояльная власти ЛДПР. Еще правее, уже за границами политического истеблишмента, — «Русский национальный собор» и «Русское национальное единство», еще дальше — откровенно профашистские организации.

Вплоть до середины 1990-х годов либеральные представители российской власти, апеллируя к Западу, указывали на «национал-социалистов», «красно-коричневых» как на главную опасность не только в контексте внутренней российской политики, но и в сфере политики внешней. Выступая в декабре 1992 г. на встрече СБСЕ в Стокгольме, министр иностранных дел Андрей Козырев наглядно — и вполне театрально — продемонстрировал, что означал бы в плане международных отношений приход к власти националистов, имевших тогда большинство голосов в Верховном Совете.

Деятели ельцинского правительства — либералы и «центристы» — предупреждали западных партнеров, что лишь они являются гарантией движения России в «правильном направлении». Единственной реальной альтернативой, доказывали они, может стать «союз реваншистов» — жириновцев и зюгановцев, со всеми вытекающими последствиями. Оценивая деятельность Жириновского и Зюганова в бурные 1990-е годы, можно, однако, прийти к внешне пара-

доксальному заключению, что оба эти деятеля объективно сделали многое для стабилизации нового политического и социально-экономического строя в Российской Федерации, нейтрализовав или канализировав в безопасном направлении национал- и социал-реваншистские тенденции.

Устойчивость Российской Федерации после распада СССР не была гарантирована. Несмотря на подавляющее преобладание русских (82% жителей⁴³), проблема национальных меньшинств и их территориальных образований долгое время оставалась острой. Перспектива распада России вслед за СССР была если не вероятной, то вполне «мыслимой» — вплоть до самого конца 1990-х годов⁴⁴ политический конфликт Москвы и Казани и Чеченская война продемонстрировали два подхода сторон и два различных исхода конфликта. На фоне многочисленных столкновений и противостояний, однако, постепенно шло складывание общероссийского сообщества, российской нации. За восемь лет правления Ельцина его обращение к телезрителям как к *россиянам* вошло в привычку, перестало резать слух. Важную роль сыграла кооптация этнических элит в общероссийскую.

По официальному счету, в Российской Федерации проживают около 20 млн мусульман (14% населения). По приросту населения эта группа явно лидирует. Чеченская война и порожденная ею кавказофобия⁴⁵, международный (реально — исламистский) терроризм и сопутствующая ему исламофобия, тот факт, что начиная с 1979 г. вначале советская, а затем российская армия ведет военные действия фактически против однотипного противника — мусульманских моджахедов, — заставили российское руководство обратить особое внимание на «исламский фактор». В борьбе с экстремистами власти пытаются наладить сотрудничество с местными лидерами и авторитетами, умеренным мусульманским духовенством, проводят линию на «чеченизацию» управления в Грозном, продвигают лояльных мусульман на высокие посты в федеральных структурах⁴⁶.

В этом же ряду шагов присутствует линия на сближение с зарубежным мусульманским миром, причем не только с республиками Центральной Азии и Азербайджаном. Начиная с первой половины 1990-х годов важнейшим региональным партнером Москвы на Большом Ближнем Востоке является Тегеран. После трений первой половины 1990-х, связанных с перспективой (так и не реализовавшейся) соперничества в Центральной Азии и на Кавказе, Турция практически перестала рассматриваться как исторический (естественный) противник России и воспринимается преимущественно в качестве экономического партнера (и места отдыха около 2 млн россиян). С закреплением в начале — середине 2000-х годов европейского вектора в турецкой политике, экономическом и социальном развитии как доминирующего отношения между Россией и Турцией еще больше стабилизировались. После 30-летнего перерыва Москву в 2002 г. посетил президент Пакистана, чей режим еще незадолго до того презрительно именовался в Кремле «хунтой». После разгрома талибов Россия благодушно отказалась от мысли послать войска для стабилизации ситуации в Афганистане, а также от участия во внутриазиатской борьбе за власть. Напротив, Российская Федерация активно поддерживает операцию НАТО в этой стране.

Во многом с учетом позиции мусульманских сообществ и государств Москва обнаружила большой скептицизм и в то же время осторожность в отношении войны США против Ирака и последовавшей международной оккупации страны. Кремль сознательно пошел при этом на риск ухудшения личных отношений Путина и Буша. Действуя в рамках «ближневосточного квартета» (США — Россия — ЕС — ООН), Россия, сочувствуя Израилю, в то же время старается заработать имидж страны, внимательно относящейся к законным интересам палестинцев. Наряду с развитием политических контактов Россия пытается выстраивать ранее почти отсутствовавшие эконо-

мические связи с государствами Персидского залива, прежде всего с Саудовской Аравией.

Даже государственная поддержка распространения ваххабизма на территории России не является в этой связи непреодолимым препятствием. Кульминацией усилий по сближению с мусульманским миром стала поездка Путина в 2003 г. на саммит Организации «Исламская конференция» (ОИК). В результате Россия получила статус наблюдателя при ОИК. Все эти шаги позволяют сделать вывод, что Москва постепенно определяется с политикой в отношении южных соседей. Геополитическое соперничество с западными странами уступает место поискам модели автономных от Запада неконфронтационных, по возможности дружественных отношений с мусульманским миром в целом и его ведущими «игроками». Москва, таким образом, «подстраховывается» — как с южного фланга, так и «изнутри».

Антисемитизм присутствовал в Российской империи и СССР на протяжении двух столетий⁴⁷. В Российской Федерации ситуация несколько иная. Число евреев в России за 1990-е годы заметно сократилось. Свободная эмиграция из страны привела к тому, что за эти же годы русскоязычное население Израиля увеличилось до 1 млн человек (около 20% населения). Характерно, что евреи — выходцы из СССР являются (не только в Израиле, конечно) носителями преимущественно русской культуры. В условиях открытых границ, функционирования глобальных информационных сетей связи между новыми израильянами и их бывшими соотечественниками в России не прерываются, а, наоборот, сохраняются и развиваются. Российское телевидение принимается в Израиле, а репортажи из Израиля часто транслируются российскими телеканалами. Отсутствие языкового барьера делает Израиль более понятным и близким в глазах россиян, чем другие государства Ближнего Востока⁴⁸.

Тесно связаны с Израилем и интересы нескольких элитных групп. Среди «олигархов» первого ряда преоб-

ладали евреи, некоторые из которых (например, Б. Березовский, В. Гусинский, Л. Невзлин) имели также израильское гражданство. У крупного и среднего бизнеса есть коммерческие интересы в Израиле. «Силовики» со времен министра обороны Павла Грачева открыто восхищаются израильской армией, силами безопасности, спецслужбами, отношением общества к своим защитникам. Борьба с чеченским сепаратизмом и терроризмом, которую ведет президент Путин, смыкается с борьбой Израиля против палестинского терроризма и экстремизма. Участие арабских боевиков в боевых действиях в Чечне создает впечатление, что Россия и Израиль борются против общего врага. После 11 сентября 2001 г. согласно расхожему в России представлению есть только три бескомпромиссных борца с терроризмом: США, Россия и Израиль (или Буш, Путин и Шарон). Владимир Путин поддерживает тесные личные контакты с правыми израильскими лидерами (А. Шароном, Н. Шаранским, Б. Нетаньяху) и стал первым российским лидером, посетившим Израиль с визитом (2005 г.). Он же считает нужным находиться в постоянном контакте с главами еврейских общин США и России. Весной 2004 г. впервые в российской истории еврей (Михаил Фрадков) был назначен главой правительства.

Выезд значительной части евреев является лишь одной иллюстрацией усугубляющихся демографических проблем России. Неуклонное сокращение населения страны может привести, согласно среднему варианту прогноза ООН, к тому, что в 2050 г. численность россиян сократится с нынешних 143 млн. человек примерно до 100 млн. При этом доля населения России в населении мира снизится с 2,3% до 1,1%, и она переместится с нынешнего 7-го места среди всех стран мира на 18-е (в 1990 г. Советский Союз уступал только Китаю и Индии и заметно опережал США). Недавно Россию по численности населения превзошел Пакистан, на очереди Иран, а в перспективе и Турция. Общее население трех провинций Северо-Восточного Китая, непосредственно граничащих

с российским Дальним Востоком (Хэйлунцзян, Цзилин и Ляонин — около 110 млн человек) превосходит население огромного российского региона в 20 (!) раз и сопоставимо с населением всей Российской Федерации.

Падение численности населения могло бы быть гораздо более резким, если бы не иммиграция. В Россию переселилось около 1,5 млн русских, но еще больше представителей других этнических групп из бывшего СССР⁴⁹. Масштабы нелегальной иммиграции оцениваются Федеральной миграционной службой в 4,5 млн человек (2005 г.). Главным трудовым донором являются страны Южного Кавказа и Центральной Азии. В принципе, как показывает имперский и советский опыт, представители этих групп подвергаются ассимиляции. Сложнее и потенциально опаснее ситуация на востоке страны.

В Сибири (территория — 11 млн кв. км) сейчас проживают примерно 30 млн человек, в том числе на Дальнем Востоке — 7 млн. Для сравнения: население Большого Шанхая составляет 20 млн, Большого Пекина — 15 млн. Хотя численность китайцев на территории России, и в частности на Дальнем Востоке, невелика⁵⁰, «китайский демографический навес» остро ощущается. Прогнозы Жанны Зайончковской и других демографов о том, что в течение трех десятилетий численность китайцев на территории России может составить 7 млн человек, что сделает их второй или третьей этнической группой в стране (после русских и татар), воспринимаются как предупреждение. Даже такие авторитетные ученые, как профессор Института стран Азии и Африки при МГУ Вилла Гельбрас, считают, что постепенное заселение российской территории выходцами из Китая является долгосрочной стратегией пекинского руководства, нацеленной на освоение Китаем богатых ресурсами пространств Сибири. Это утверждение, не подтвержденное доказательствами, представляется маловероятным, по крайней мере в настоящее время. Во всяком случае, альтернативой эвентуальной китаизации является не возвращение России к замкнутости, обрекающее ее на еще боль-

шее отставание, а проведение продуманной иммиграционной политики, предусматривающей квоты и условия приема рабочей силы, в том числе из азиатских стран — Кореи, Китая, возможно, Вьетнама и других государств⁵¹.

Такая «территориальная незащищенность» народа, «вымирание» русского этноса, падение его качественных характеристик (здоровье, интеллектуальный уровень) порождают у многих ощущение трагизма ситуации⁵². Часто подобное ощущение ведет к призыву принять радикальные, чрезвычайные, жесткие меры для кардинального изменения ситуации. На теме «геноцида русского народа» давно и активно играет оппозиция. В реальности дело обстоит иначе. Фактически никогда население России (империи, СССР, Российской Федерации) *объективно* не жило в таком недостатке и не пользовалось *одновременно* такой личной свободой, как в середине 2000-х годов⁵³. Проблема состоит в резком имущественном и социальном расслоении при переходе от социализма к капитализму и влиянии этой реальности на сознание тех, кто не сумел преуспеть в жизни.

Важнейшее значение для формирования новой российской идентичности имело отношение россиян к этническим русским в странах СНГ и Балтии. В момент распада СССР многие, особенно на Западе, испытывали страх перед внезапно появившимся национальным меньшинством общей численностью около 25 млн человек. Некоторые проводили параллели с немецкими меньшинствами, также оказавшимися за рубежом на своей земле после поражения Германии в Первой мировой войне и распада Австро-Венгрии. Реальное развитие событий пошло, однако, в противоположном направлении. В начале и середине 1990-х годов большая часть российских элит и населения страны в целом равнодушно смотрела на положение этнических русских в ближнем зарубежье. Лишь небольшая группа («Конгресс русских общин») выступала в качестве лоббистов интересов русских в ближнем зарубежье. На парла-

ментских выборах 1995 г. она получила менее 5% голосов и не прошла в Госдуму. Успех на выборах 2003 г. к блоку «Родина», придерживающемуся сходных позиций и руководимому одним из лидеров прежнего «Конгресса русских общин», пришел в иных внутривнутриполитических и международных условиях.

Озабоченность официальной Москвы судьбой русскоязычных неграждан в Латвии и Эстонии стала после 2004 г. фактором отношений России и ЕС. В то же время Москва гораздо спокойнее относится к положению соотечественников в Туркмении и других странах Центральной Азии. Сказывается различие объемов и качества экономических и военно-политических интересов России в различных регионах постсоветского пространства. Тем не менее можно утверждать, что возврата к практике XVIII–XIX вв., когда Россия не только провозглашала, но и реализовывала «право на защиту» единоверцев в Польше и Османской империи, уже не будет.

К рубежу 2000 г. российское общественное сознание свыклось с фактом существования независимых от России государств. Возможно, Украину в России до сих пор не считают такой же «заграницей», как, например, Польшу, но ее безусловно внутренне признают как отдельное самостоятельное государство. То же самое, но в еще большей мере относится к неславянским государствам СНГ.

Происходит постепенное разведение понятий *русский* и *российский*, из которых только последнее однозначно ассоциируется с Российской Федерацией как государством. Произведенная в 2000 г. (позже остальных стран СНГ) замена внутренних паспортов СССР на паспорта Российской Федерации позволила персонально определить состав населения. Утвердилась норма, в соответствии с которой русский гражданин Казахстана или житель Крыма — иностранец, в то время как российский казах (или украинец, или узбек) — свой.

Прагматик Путин становится идеологом умеренного российского национализма. В начале его правления Москва

была увешана плакатами Государственной налоговой службы, убеждавшими граждан, что «им не на кого надеяться, кроме самих себя». Четыре года спустя на инаугурации при повторном вступлении в должность Путин подчеркивал: «Мы достигли всего только сами»⁵⁴. Шок краха, распада, катастрофы в основном преодолен. Традиционный имперский синдром остался в прошлом. Россия обустроивается в новых границах. К ее лидерам пришло ощущение первых успехов. Уверенные в себе, в своих силах, они демонстрируют национализм успешных людей — в отличие от шовинизма низов. Они ведут дела, опираясь на личный успех, выраженный в быстро сколоченных состояниях, испытывая иногда (в общении с иностранными чиновниками) превосходство на персональном уровне. Собственных граждан они призывают ориентироваться прежде всего на самих себя. Дело России — это сама Россия.

Эту формулу можно повернуть и иначе: российские дела — это исключительно дела самой России, посторонних просят не беспокоиться⁵⁵. Иностранцев скупно благодарят за помощь в 1990-е годы и вежливо рекомендуют больше не вмешиваться: Россия, говорят им, встала на ноги, в состоянии разобраться со своими проблемами самостоятельно. Хорошо известна аллергия президента Путина на критику из-за рубежа его политики в Чечне. Начиная с 2002 г. российские власти побуждают западные организации свертывать программы развития демократии в России. Добровольцам «Корпуса мира» было предложено завершить свою миссию; представитель профсоюзного объединения АФТ-КПП, работавшая с российским профсоюзом угольщиков, не смогла вернуться в страну; в 2004 г. появились проблемы у Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) и Британского совета. Еще до «оранжевой революции» на Украине Кремль взял курс на свертывание деятельности иностранных фондов, занимающихся активной социальной и политико-просветительской деятельностью⁵⁶.

В отличие от официального национализма (патриотизма) национализм социальных низов, люмпенизированных слоев общества отличает жгучая ненависть к «иностранцам». В 1990-е годы в российском обществе дали ростки семена фашизма, расизма, шовинизма, распространились многочисленные фобии⁵⁷.

Итак, в начале XXI в. перед вышедшей из имперского состояния Россией встала задача построения национального государства. Для того чтобы решить эту задачу, необходимо формирование полиэтничной, но единой российской нации. Единство этой нации, в свою очередь, будет основываться не на «дружбе народов», а на развитом гражданском обществе и функционирующих институтах современной государственности.

Интересы нации и внешняя политика

СОВЕТСКАЯ ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА формировалась под воздействием идеологических мифов, практических интересов государства и имперских амбиций правителей. Мессианиззм, писал Александр Яковлев, сочетался в ней с жестким прагматизмом⁵⁸. Андрей Грачев говорил о двух внешнеполитических ипостасях СССР — МИДе и Международном отделе ЦК⁵⁹. Как бы то ни было, однако вплоть до 1991 г. не только внешняя *политика*, но и все внешние сношения страны были делом государства. Внешняя торговля была монополизирована государством в апреле 1918 г. Так называемые общественные организации, составлявшие по Конституции 1977 г. «политическую систему СССР», функционировали под жестким контролем КПСС — «руководящей и направляющей силы общества», «ядра его политической системы». Это «чуткое руководство» распространялось и на миротворческую (а по сути — на всю) деятельность Русской православной церкви.

Внутри советской системы, разумеется, существовали различные корпоративные интересы. Но, во-первых, по-

сле сталинской унификации они были приведены к общему знаменателю, а во-вторых, существовал непрерываемый системный арбитр — ЦК КПСС и партийные комитеты нижестоящих уровней. Интересы столпов советской системы — собственно партийной верхушки, хозяйственных руководителей, командования вооруженных сил, руководства органов безопасности — согласовывались в рамках единой «корпорации КПСС» и реализовывались в соответствии с принципами партийной дисциплины. Внутренние конфликты, когда они случались, обычно разрешались в недрах системы, не выходя на поверхность⁶⁰. К внешнему миру был неизменно обращен плоский и непроницаемый, как Кремлевская стена, фасад высшей власти.

МИД в этой системе — по традиции, заложенной еще при Ленине, — был одним из наиболее «партийных», «идеологически выдержанных» и при этом одним из наиболее профессионально компетентных министерств. Непосредственно общаясь с «представителями чуждых классов и идеологий», его сотрудники были обязаны не только реализовывать государственные интересы, но и являться при этом «бойцами идеологического фронта».

Перестройка и гласность положили конец монополии КПСС на власть и, соответственно, на международные контакты. Уже с 1986–1987 гг. несходство интересов различных социальных групп вышло на поверхность, а КПСС утратила функцию медиатора. После этого уход КПСС и крах системы оставались лишь вопросом времени. Пока внешний мир, восхищаясь Горбачевым и культивируя его, следил за противостоянием горбачевских реформаторов и партийных консерваторов, внутри гибнувшей системы вызревали силы, способные опрокинуть и тех и других.

Эти силы стали выходить на Запад напрямую. Ельцин, еще будучи председателем Верховного Совета РСФСР, пытался установить личные контакты с президентом США и главами правительств стран Западной Европы. Он предложил собственный многовариантный план уре-

гулирования территориального спора с Японией. От имени РСФСР Ельцин подписывал договоры с другими союзными республиками, также провозгласившими свой суверенитет, в том числе с Украиной, Казахстаном, республиками Прибалтики. Экономисты-реформаторы, добивавшиеся «согласия на шанс», также действовали самостоятельно. Тем не менее вплоть до осени 1991 г. США, а вслед за ними остальной западный мир продолжали делать основную ставку на Горбачева.

Недолгий период двоевластия Союза и России (1990–1991 гг.) сменился своеобразным двоевластием внутри выделившейся из СССР Российской Федерации, где президент Ельцин был вынужден делить власть с Верховным Советом (1991–1993 гг.). В руках президента, однако, была реальная власть, в том числе контроль над силовыми ведомствами, финансовой системой и официальными внешними сношениями. После 1993 г. Запад сделал на Ельцина еще бóльшую ставку, чем ранее на Горбачева. Ельцин как политическая субстанция оказался фактически тождественным экономической реформе, политической демократизации, сближению с Западом и т. п.

Хотя ельцинская Россия и не являлась демократией, она была довольно плюралистична. В начале 1990-х годов стали говорить о «многоподъездной дипломатии». Политолог Вячеслав Никонов ввел в оборот образ многобашенного Кремля. Роли «башен» играли: Ельцин и его ближайшее окружение («семья»), реформаторы (в том, что касалось финансов и экономики), армия и спецслужбы. Кроме того, определенные — и не только пропагандистские — возможности имелись у политической оппозиции в парламенте, у нарождавшегося бизнес-сообщества, у региональных элит.

Ельцин вершил (или думал, что вершил) фактически «монаршую» внешнюю политику. Международные отношения представлялись ему в виде личных связей: с другом (в прежние, досоветские времена сказали бы — *братом*) Биллом (Клинтоном), другими друзьями —

Гельмутом (Жолем), Жаком (Шираком), Рю (Рютаро Хасимото), Цзян Цзэминем. Из этих пар отношений «сцепка» Билл — Борис была не только самой важной. Она фактически обеспечивала стабилизирующую «привязку» российской внешней политики к политике США и Запада в целом в период чрезвычайной неопределенности внутри России и в международных отношениях. Несмотря на державную риторику, Москва была вынуждена приспособливаться к новой международной ситуации. Привилегированные отношения «в верхах» выполняли функцию анестезии в этом болезненном процессе.

Окружение Ельцина, будучи чрезвычайно влиятельным, в основном сосредотачивалось на продвижении личных, как правило, финансовых и прочих деловых интересов. Эти интересы были связаны с теми или иными кругами и деловыми партнерами на Западе, а также с Западом как местом размещения средств, покупки недвижимости и т. п.

Экономическое крыло правительства России действовало в тесном контакте с Агентством международного развития США, МВФ, Всемирным банком, другими международными финансовыми институтами. Иностранцы присутствовали и активно работали во всех экономических ведомствах. Российская экономика и финансы стали беспрецедентно прозрачными. Цели правительственных реформаторов и их западных советников совпадали в стремлении как можно скорее превратить Россию госплановскую в Россию рыночную.

Премьер-министры ельцинских правительств играли более или менее активную роль во внешней политике, но любые намеки на самостоятельность вели их к неминуемой отставке. Увольнение Черномырдина в 1998 г. было в немалой степени спровоцировано созданным у Ельцина впечатлением, что премьер в контактах с американским вице-президентом Гором повел себя как будущий президент России.

Силовое крыло правительства (министры обороны, иностранных дел, секретари Совета безопасности и другие высшие чиновники этого блока) оказывало существенное влияние на политику в пределах своей компетенции. Политически лояльные Ельцину, они получали взамен возможность реализовывать корпоративные и личные интересы на своих участках. Часто упоминавшаяся угроза военного переворота была на деле химерической. Армия в целом оставалась управляемой. Вывод войск из Германии завершился с опережением графика, их вывод из стран Балтии уложился в сроки, хотя и не без проблем. Военное руководство согласилось с Договором по обычным вооруженным силам в Европе (при условии его адаптации) и с Договором по сокращению наступательных вооружений (СНВ-2). В то же время Кремль по существу закрыл глаза на вмешательство военных в грузино-абхазский конфликт на стороне абхазов. Знаменитый рейд 200 десантников из Боснии в Косово в июне 1999 г. произошел хотя и с санкции Ельцина, но без ведома правительства и даже министра обороны⁶¹.

Парламент при Ельцине стал выразителем «альтернативы», в том числе во внешней политике. Принимались жесткие постановления по Югославии, Ираку, расширению НАТО, положению русскоязычных неграждан Латвии и Эстонии, статусу Крыма и Севастополя, конфликтам в Приднестровье и в Закавказье. Оппозиция — прежде всего коммунисты — стремилась дать сигнал международному сообществу, что Ельцин и его правительство — это еще не вся Россия. Тактически это усиливало позиции Кремля (угроза нератификации договора СНВ-2 была реальной), но стратегически порождало сомнения в устойчивости режима Ельцина и его долгосрочных перспективах.

Аккумуляция в результате приватизации огромных средств в руках небольшой группы людей привело к появлению олигархата как системы влияния на принятие важнейших решений. Олигархи получили самостоятельный выход на международную арену⁶². Рядом с ними

заняли место крупнейшие естественные монополии, полностью или частично принадлежавшие государству. Интересы обеих групп с середины 1990-х годов стали оказывать существенное, иногда определяющее влияние на внешнюю политику России.

Значительная часть этого бизнеса, в том числе международного, находилась «в тени». Наиболее яркий пример — история с поставками газа Украине, расчеты по которым были крайне непрозрачны. Приемы теневого бизнеса распространились на прежде совершенно закрытые, жестко контролируемые сферы — в частности, на торговлю оружием и военной техникой.

Регионы России фактически впервые в истории единой страны стали активными участниками международных связей. После распада СССР примерно половина российских областей и республик являются пограничными или прибрежными. Министерства и другие ведомства внешних сношений созданы практически повсеместно. Некоторые субъекты Федерации создали представительства за рубежом. В конце 1990-х годов на короткое время возник образ «Россия регионов», т. е. по существу конфедеративного устройства страны.

Приход Путина к власти пресек эту тенденцию. Первой и главной целью своей политики второй президент Российской Федерации видел восстановление единства страны. Основой этого единства является, по Путину, сильная государственная власть. Усиление власти государства начиная с 2000 г. проводится традиционными методами. Законодательство регионов было приведено в соответствие с федеральным, роль верхней палаты — Совета Федерации — кардинально снижена, губернаторы из избираемых (и формально независимых от президента) превратились в назначенцев главы государства, нижняя палата стала полностью подконтрольной Кремлю. Существенно выросло вмешательство государства в экономику. Олигархат как политический институт (но не система собственности) был разрушен. Условия и резуль-

таты деятельности частных компаний стали в еще большей степени зависеть от отношения руководства этих компаний и администрации президента. Частная собственность вновь стала отчуждаемой.

Президент часто высказывался в поддержку политического и общественного плюрализма. Если в 2000 г. во время первой инаугурации он заявил, что «отвечает за все», то спустя четыре года сказал, что «успех и процветание России не могут и не должны зависеть от одного человека или одной политической партии, одной политической силы»⁶³. Тем не менее реально инициативы и действия президента и его администрации ведут к концентрации власти в одних руках.

Таким образом, если по уровню развития демократии «путинская Россия» находится, как и ельцинская, в пределах нулевого цикла, то степень политического, экономического, общественного плюрализма в 2000-е годы резко упала. Все важнейшие решения, в том числе внешнеполитические и внешнеэкономические, зависят от воли одного лица. Формально подчиненная этому лицу огромная бюрократическая структура неподотчетна и неподконтрольна обществу — ни напрямую, ни косвенно. Гражданское общество не имеет достаточных стимулов к развитию. В обществе распространяется атмосфера отчужденности и страха.

Пока Путин остается не только всенародно избранным и, соответственно, легитимным президентом, но и популярным деятелем, Запад вынужден относиться к нему с должным уважением. Россия середины 2000-х годов — это не Польша периода военного положения и не Китай времен событий на площади Тяньаньмэнь. В будущем, однако, ситуация может измениться. Становление режимов личной власти в странах Центральной и Восточной Европы (Югославия Милошевича, Словакия Мечьяра) и СНГ (Белоруссия, Узбекистан), как правило, приводило к тому, что США и ЕС переводили отношения с ними из категории партнерских в разряд проблемных, а в от-

дельных случаях даже способствовали «смене режима».

Тем не менее реальный плюрализм интересов — групповых, секторальных, региональных — развивается в России подспудно. Дело ЮКОСа представляет собой случай борьбы за передел собственности, а не за ее национализацию. Развитие Калининграда определяется тем обстоятельством, что он представляет собой анклав внутри территории ЕС. На Дальнем Востоке процветает теневая экономика, успешно интегрированная в криминализованную систему экономических связей в Северо-Восточной Азии (добыча морепродуктов в Японском и Беринговом морях, лесозаготовки в Приморье и Приамурье и т. п.).

Заключение. Перспективы

ЗА ЭПОХОЙ «РОССИИ КАК ЕВРАЗИИ» наступил период становления «новой версии» России. Страна, общество «переформатируются». Нынешняя Россия безусловно узнаваема, но она существенно, даже фундаментально изменилась по сравнению со своей советской предшественницей и продолжает меняться. Россия традиционно отставала от «передовой Европы». Томаш Масарик, например, рассматривал Россию как «детство Европы». По сути Россия не чужда Европе, но являет собой более раннюю эпоху развития⁶⁴. В начале XXI в. Россия одновременно и Европа (в культурно-историческом смысле), и «не-Европа» (в смысле не-ЕС). Поэтому она одновременно отстает и развивается в несколько другом направлении, чем ЕС, — в направлении становления национального государства. В этом отношении Россия ближе к Америке, чем к Европе.

«Век идеологий» завершился и для России. Москва отказалась от глобального соперничества. В конце XX в. Россия стала последней европейской державой, покинувшей имперское состояние (при всей уникальности Российской империи, ее непохожести на империи мор-

ских держав). В США сделали вывод, что «Россия сошла с дистанции» гонки за лидером (т. е. США)⁶⁵. Одновременно произошла «экономизация» политики России и началась ее глубокая демилитаризация.

Путинская стабилизация первоначально давала возможность выиграть время для проведения реформ. Неудача реформ или отказ от них, скатывание на традиционный для России авторитарно-бюрократический путь будут иметь самые серьезные последствия. Консервация ситуации и увеличение отставания от передовых стран, превращение Российской Федерации в задворки и Европы, и Азии в условиях глобализации могут привести к распаду страны, превращению Российской Федерации в failed state середины XXI в. Такой вариант не неизбежен, но, к сожалению, возможен.

Реализация более благоприятного варианта потребует от правительства политики, адекватной потребностям постиндустриального развития и условиям глобальной среды. Эта политика обязана делать упор на развитие человеческого капитала, укрепление экономических, политических, общественных институтов начиная с частной собственности, свободы в сочетании с личной ответственностью и подотчетности государственных служащих. Без этого отношения России с современным Западом, рассмотрению которых посвящена следующая глава, так и останутся асимметричными.

¹ <http://www.president.kremlin.ru>.

² Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская система: тезисы и рабочие гипотезы // Россия между вчера и завтра. — Кн. 1: Экспертные разработки / Общ. ред. В. Преображенского и Д. Драгунского; Клуб «2015», Ин-т нац. проекта «Обществ. договор». Группа «Сценарии для России-2». — М., 2003. — С. 261.

³ Царский титул впервые возложил на себя Иван IV в 1547 г.; неофициально так именовали, однако, еще его деда Ивана III.

- ⁴ Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории. — М.: Дело, 2005. — С. 273.
- ⁵ «Какие у нас будут иностранные дела?» — недоумевал Ленин в октябре 1917 г. «Дело мое маленькое: опубликовать тайные договоры и закрыть лавочку», — комментировал Троцкий свое назначение первым наркомом по иностранным делам большевистского правительства (*Млечин Л.* МИД. Министры иностранных дел: Тайная дипломатия Кремля. — М.: Центрполиграф, 2003. — С. 15, 16).
- ⁶ Ввод советских войск в Афганистан стал результатом взаимодействия нескольких факторов, заставивших Брежнева и его коллег забыть об осторожности. Среди этих факторов позиция партийных идеологов, требовавших «помочь афганцам защитить завоевания революции» и пугавших последствиями для других клиентов СССР факта «сдачи позиций» в непосредственной близости от советской территории, была не самым важным. Однако, возможно, именно она «перетянула весы» в Кремле.
- ⁷ Заславская Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. — М.: Дело, 2004. — С. 63.
- ⁸ См. статью Владимира Мау «Российская модернизация» на сайте <http://www.gazeta.ru> (июль 2005 г.).
- ⁹ Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). — Т. 1: От прошлого к будущему. — Изд. 2-е. — Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997. Цит. по: Заславская Т. И. Указ. соч. — С. 63.
- ¹⁰ Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма. — Т. 1. — М.: Наука, 1991. — С. 323.
- ¹¹ См., например: Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. — Washington: Brookings Institution Press, 2003.
- ¹² Пивоваров Ю., Фурсов А. Указ. соч. — С. 250–271.
- ¹³ См.: Trenin D. Traditionalism Makes a Comedack // Russia Profile. — 2004. — Oct. 20 (<http://www.russiaprofile.org>).
- ¹⁴ Бобо Ло (в письме к автору от 19 сентября 2005 г.) отмечает, что непривлекательность Азии для России объясняется тем, что вплоть до начала Нового времени у русских было сравнительно мало контактов с ведущими азиатскими цивилизациями (китайской, индийской и др.). Соответственно в русском общественном сознании Восток ассоциировался с печенегами, половцами, монголами, в которых видели не только угрозу, но и воплощение варварства и отсталости. Безусловно, такой подход объясняет смысл и содержание понятия «азиатчина». К тому времени, когда россияне, находясь на подъеме, познакомились с Китаем, Кореей, Индией, эти страны вступили в период длительного экономического и политического застоя и вновь не могли стать примером для России. В этой связи большой интерес представляет нынешняя ситуация, когда ослабевшая и сравнительно отсталая Россия встречается с динамичной Азией — причем не только в лице Японии и Южной Кореи, но и Китая, и Индии. Начиная самое позднее с середины 1990-х годов не утихают споры о применимости китайской модели развития для России как альтернативы модели западной.

- ¹⁵ См. статью Андрея Девятова «Под девизом “величие и достоинство”» (Независимое воен. обозрение. — 2004. — Окт.).
- ¹⁶ Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. — М.: ЭКСМО, 2003.
- ¹⁷ См. выступления президента В. Путина 4 и 13 сентября 2004 г. (<http://www.president.kremlin.ru>).
- ¹⁸ Яковлев А. Н. Сумерки. — М.: Материк, 2003. — С. 232. Правда, тот же Яковлев относит начало «холодной войны» между Западом и советским государством к 1917 г. (Там же. — С. 243).
- ¹⁹ Арбатов А. Г. Национальная идея и национальная безопасность // Мировая экономика и междунар. отношения. — 1998. — № 5, 6. — С. 205.
- ²⁰ Поздняков Э. А. Геополитический коллапс и Россия // Междунар. жизнь. — 1992. — № 8–9. — С. 20.
- ²¹ Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. — М.: Междунар. отношения, 2004. — С. 155.
- ²² См. работы Вадима Цымбурского: *Цымбурский В.* Народы между цивилизациями // Pro et Contra. — 1997. — Т. 2. — № 3; *Он же.* Геополитика для «евразийской Атлантиды» // Pro et Contra. — 1999. — Т. 4. — № 4. — Осень.
- ²³ Соображения, высказанные на этот счет Евгением Примаковым в декабре 1998 г., хотя и выглядели экспромтом, отражали, по всей вероятности, направление мыслей премьера.
- ²⁴ Lo B. Russian Foreign Policy in the Post-Soviet Era: Reality, Illusion and Mythmaking. — London: Palgrave, 2002.
- ²⁵ Советская Россия, оказавшись в международной изоляции после окончания Гражданской войны, сумела заключить соглашения с Германией (Рапалло, 1922 г.), Турцией (Москва, 1921 г.), а также с периферийными игроками Ираном (1921 г.) и Китаем (1924 г.)
- ²⁶ «Россия, которую мы потеряли» — название популярного публицистического фильма режиссера Станислава Говорухина (1992 г.).
- ²⁷ Billington J. H. Russia in Search of Itself. — Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2004. — P. 48.
- ²⁸ В Милане есть свой собственный «кремль», чьи зубчатые стены очень напоминают московский.
- ²⁹ Млечин Л. Указ. соч. — С. 139.
- ³⁰ За это активно выступал, в частности, секретарь Конституционной комиссии Олег Румянцев.
- ³¹ Эти позиции отстаивал бывший в 1992 г. первым заместителем министра иностранных дел Федор Шелов-Коведяев.
- ³² См., например, предвыборное выступление Владимира Путина в МГУ, 2004 г. (<http://www.president.kremlin.ru>).
- ³³ Ялинский Г. А. Периферийный капитализм. — М.: ЭПИцентр; Интеграл-Информ, 2003.

- ³⁴ Разумеется, это не означает, что все страны ЕС обладают одинаковым политическим влиянием и экономическим весом. Очевидно, что Германия, Франция и Великобритания образуют в ЕС нечто вроде «высшей лиги»; на ступеньку ниже, в составе «первой лиги» играют Италия и Испания, туда же стремится и Польша. Тем не менее классическое великодержавие для Западной Европы — это все более далекое прошлое.
- ³⁵ *The Military Balance 2004–2005* / IISS. — London: Oxford Univ. Press, 2004. — P. 33.
- ³⁶ *Soviet Military Power: Prospects for Change. 1989* / US Government Printing Office. — Washington, 1989.
- ³⁷ В состав СЭВ входили помимо СССР Болгария, Венгрия, Вьетнам, ГДР, Куба, Монголия, Польша, Румыния, Чехословакия.
- ³⁸ *Soviet Military Power: Prospects for Change. 1989* / US Government Printing Office. — Washington, 1989.
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ «Есть такая профессия — Родину защищать» — знаменитая фраза из популярного кинофильма 1970-х годов «Офицеры».
- ⁴¹ *Trenin D. Gold Eagle, Red Star // Miller S. E., Trenin D. Russian Military: Power and Policy.* — Cambridge, Mass.: MIT Press, 2005. — P. 217–232.
- ⁴² Волков В. Силовое предпринимательство. — СПб.: Европ. ун-т в С.-Петербурге; Летний сад, 2002.
- ⁴³ Материалы Всероссийской переписи населения 2002 г.
- ⁴⁴ В реальности такой распад — точнее, полураспад — мог бы принять форму конфедерализации страны, где за Москвой сохранялось бы место «столицы переговоров», а реальная власть находилась бы в руках региональных элит.
- ⁴⁵ Несмотря на то что о «злых чеченах» русские говорили со времен покорения Кавказа, к середине XX в. отношение к «лицам кавказской национальности» было в основном ровным.
- ⁴⁶ Так, президент (бессменный с 1991 г.) Татарстана Минтимер Шаймиев является одним из наиболее авторитетных политиков федерального уровня, долгое время в 1990-е годы различные министерские посты занимал аварец Рамазан Абдулатипов, с 2004 г. министром внутренних дел является Рашид Нургалиев.
- ⁴⁷ *Солженицын А. И. Двести лет вместе (1795–1995).* — М.: Рус. путь, 2001–2002. — Ч. 1–2.
- ⁴⁸ *Бовин А. Пять лет среди евреев и мидовцев.* — М.: Захаров, 2000.
- ⁴⁹ Согласно оценкам, в России в середине 2000-х годов на заработках находилось 700 тыс. грузин, столько же армян, около 2 млн азербайджанцев.
- ⁵⁰ В конце 1990-х годов в Приморском крае с населением 2,1 млн человек одновременно находилось не более 20 тыс. китайцев — в основном торговцев, приехавших на время.
- ⁵¹ Выступление В. Путина в МГУ, март 2004 г. (<http://www.president.kremlin.ru>).

- ⁵² Федоров В. П. Трагедия России (Вымирание народа и его территориальная незащищенность: Ст. 1 // Современ. Европа. 2004. — № 1. — Янв.—март. — С. 20–36.
- ⁵³ Тишков В. Кризис понимания России // Эксперт. — 2005. — 4 апр. Россия 1990-х годов была свободнее, но при этом существенно беднее, чем Россия 2000-х.
- ⁵⁴ Выступление В. Путина при вступлении в должность президента 7 мая 2004 г. (<http://www.president.kremlin.ru>).
- ⁵⁵ Замечание Строуба Тэлботта на семинаре в Институте Брукингса, Вашингтон, 10 июня 2004 г.
- ⁵⁶ Послание президента В. Путина Федеральному собранию 26 мая 2004 г.
- ⁵⁷ Паин Э. А. Этнополитический маятник: динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. — М.: Ин-т социологии РАН, 2004.
- ⁵⁸ Яковлев А. Указ. соч. — С. 231.
- ⁵⁹ Грачев А. С. Кремлевская хроника. — М.: ЭКСМО, 1994. — С. 50.
- ⁶⁰ Savel'yev A. G., Detinov N. N. The Big Five: Arms Control Decision Making in the Soviet Union / Ed. G. Varhall; Transl. D. Trenin. — Westport: Praeger, 1995.
- ⁶¹ Последнее, вероятно, было результатом уже проявившегося соперничества между начальником Генштаба и министром обороны.
- ⁶² Так, Борис Березовский занимал последовательно посты заместителя секретаря Совета безопасности и исполнительного секретаря СНГ, Владимир Потанин — вице-премьера.
- ⁶³ Обращение президента к гражданам России при вступлении в должность 7 мая 2004 г. (<http://www.president.kremlin.ru>).
- ⁶⁴ Масарик Т. Г. Россия и Европа: эссе о духовных течениях в России. — СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманист. ин-та, 2004. — С. 9–10.
- ⁶⁵ Brzezinski Z. The Choice: Global Domination or Global Leadership. — New York: Basic Books, 2004. — P. VIII.

Глава четвертая

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИИ С США И ЕВРОСОЮЗОМ: СОЮЗНИКИ, ПАРТНЕРЫ, СОПЕРНИКИ?

ПРИ ВСЕМ ЗНАЧЕНИИ ЭКОНОМИКИ политические отношения занимают центральное положение в международной системе. Интеграция лишь тогда становится полноценной, когда охватывает наряду с экономикой политическую и ценностную сферы. В противном случае любые объемы экономического взаимодействия недостаточны для того, чтобы сохранить мир (Первая мировая война), гарантировать от конфликтов в будущем (Китай — США в начале XXI в.) или обеспечить региональную интеграцию (Китай, Япония, Южная Корея сегодня). Ситуация «экономически “свой”, но политически “чужой”» (выражение Василия Михеева применительно к отношениям Китая и Запада)¹ неустойчива и потенциально опасна.

Одной лишь внутренней демократизации это не под силу. Эмпирически видно, что зрелые демократии не воюют друг с другом. Этот вывод, однако, не распространяется на *демократизирующиеся* государства, которые нередко прибегают к силе для решения политических проблем (Грузия, Молдавия, сама Российская Федера-

ция), а также на зрелые демократии, когда они вступают в конфликт с авторитарными режимами (США — Ирак). Для того чтобы обеспечить мир и стабильность, гарантировать исключительно мирное решение спорных вопросов, создать максимально благоприятные условия для развития экономических отношений, контактов между людьми и т. п., необходим *институциональный* уровень политического взаимодействия.

История второй половины XX — начала XXI в. демонстрирует несколько моделей такого институционального закрепления отношений. К основным среди них относятся: постоянный многосторонний военный союз (НАТО), всеобъемлющая интеграция (Европейский союз), двусторонние союзнические отношения (США — Япония). Показательно, что после распада СССР российские власти, провозгласившие курс на демократию, рынок и «возвращение в цивилизованный мир», попытались реализовать все три варианта интеграции. Цель этой главы — выяснить, почему ни один из «классических» вариантов не сработал, что получилось в итоге и какие уроки могут и должны быть извлечены на будущее.

Перестройка: исходные позиции и взаимные ожидания

«**Ф**АКТОР ГОРБАЧЕВА» (название книги профессора Оксфордского университета Арчи Брауна, впервые обратившего на советского лидера внимание тогдашнего британского премьер-министра Маргарет Тэтчер) невозможно переоценить. В том, как состоялись исторические перемены в конце XX в., огромную роль сыграли не только дела, но и мировоззрение и сама личность последнего генерального секретаря КПСС — прагматика и идеалиста в одном лице².

Отправной точкой перемен в советской внешней политике, начатых в середине 1980-х годов, было прагматиче-

ское стремление Горбачева и значительной части советского руководства затормозить, приостановить гонку вооружений — с тем, чтобы направить высвободившиеся ресурсы на решение нараставших экономических и социальных проблем. Внешнеполитическая программа 1985–1987 гг. (восстановление прерванного после 1979 г. диалога на высшем уровне с США, торможение гонки вооружений, политическое решение конфликта в Афганистане, нормализация отношений с Китаем) еще вполне соответствовала логике «передышки».

Быстро эволюционируя, Горбачев, уже находясь на вершине власти, проникся идеей общемировой цивилизации и СССР как ее составной части. Так внешнеполитическая Перестройка из средства создания благоприятных международных условий для совершенствования советского социализма всего за два-три года превратилась в инструмент превращения СССР в «цивилизованную страну».

«Цивилизационная составляющая» мышления Горбачева и его соратников и сторонников была крайне важной. С одной стороны, убедительно аргументируя принятие *общечеловеческих ценностей* необходимостью выживания всего человечества в ядерный век, они тем самым разрушали классовый подход — идеологическую основу коммунизма — и заменяли его «гуманистическим универсализмом»³. Показателен в этом отношении переход Горбачева от традиционных рассуждений на тему европейской безопасности (т. е. баланса сил с Западом в Европе) к идее общеевропейского дома (т. е. отказа от разделительных линий). С другой стороны, понятия «цивилизация», «цивилизованные страны» и т. п. очень скоро стали восприниматься в Советском Союзе в качестве эквивалента понятия «Запад», только гораздо более приемлемого в условиях общества, индоктринированного десятилетиями официальной пропаганды.

Таким образом, вместо конвергенции «сравнительных преимуществ» социализма и капитализма во второй по-

ловине 1980-х годов происходило постепенное восприятие в Советском Союзе элементов западных моделей и ценностей. Свобода выбора, которую провозгласил и которой в целом придерживался Горбачев внутри страны, на практике вела к эрозии существовавшей политической, экономической, идеологической системы. На международной арене от теорий нового политического мышления и общеевропейского дома Горбачеву скоро пришлось перейти к тяжелым практическим решениям, главным из которых стало согласие Москвы на воссоединение Германии при сохранении ею членства в НАТО. Фактически все важнейшие внутри- и внешнеполитические шаги, подготовившие демонтаж СССР, были сделаны в течение всего двух лет — с 1988 по 1990 год.

Оппоненты обвиняли и продолжают обвинять Горбачева в том, что он «просто» сдал позиции мировой державы вместо того, чтобы завершить «холодную войну» «достойным образом, на основе равенства, без победителей и побежденных». По их мнению, сохранение равенства с Западом было возможно, но эта возможность «была бездарно упущена»⁴.

Можно допустить, что конкретные условия конкретных договоренностей в чем-то могли быть более благоприятными для Советского Союза. Теоретически рассуждая, можно было бы выторговать большую материальную компенсацию за ту или иную политическую или стратегическую уступку. Речь, однако, может идти только о принципиальных вещах. Критики Горбачева предпочитают игнорировать не только реальное соотношение сил в мире на рубеже 1990-х годов, но и динамику развития ситуации внутри Советского Союза. Договоренность о расширении НАТО на восток могла бы быть заключена только с таким Советским Союзом, который к моменту начала брожений в ГДР уже прекратил существовать. Брежневу же и Андропову, разумеется, не могла прийти в голову мысль требовать от НАТО обязательства не принимать в свой состав страны Варшавского договора.

Действительно, Горбачев действовал, исходя из примата партнерства с Западом, а не модернизированного противостояния с ним. Эта его принципиальная позиция не была столь наивной, как считают критики. Горбачев прошел несколько «тестов» на соответствие основ «нового мышления» политической практике и выдержал их — не только в Германии, но и в Центральной и Восточной Европе, а также в Ираке. На Горбачева обрушились все мыслимые обвинения, но в том, что Германия на рубеже XXI в. превратилась в надежного партнера России, гораздо больше заслуг Горбачева, чем Ельцина и Путина вместе взятых. Горбачевский «отпуск от Москвы» стран Центральной и Восточной Европы — крупнейший позитивный элемент сложного комплекса отношений с этими странами. Что касается Ирака, то все события 1990-х — начала 2000-х годов убедительно продемонстрировали ненадежность и опасность ставки на Саддама Хусейна в качестве регионального партнера Москвы.

Проблема Горбачева состояла в другом. Его глобализм был объективно несовместим с существованием нерезформированного Советского Союза, а успешно реформировать СССР к середине 1980-х годов было уже поздно. В итоге чем бóльших успехов добивалась советская внешняя политика в прекращении состояния «холодной войны», тем вернее СССР, ставший во второй половине XX в. классическим *государством «холодной войны»*, терял свои позиции и двигался навстречу катастрофе. Горбачев и его соратники этого не видели. Их фантазии казались им самым осуществимыми. «От Советского Союза, — отмечал А. Коротунов, — *еще* очень многое зависело, СССР *еще* оказывал значительное влияние на самые различные процессы на всех континентах. Отсюда — претензии на новое советское мессианство, и отчаянное желание разработать принципы “нового мышления” не только “для себя”, но и для “всего мира”, отсюда — глобальный размах внешнеполитических планов и программ горбачевского руководства»⁵.

Именно Горбачев, а не Рейган или Тэтчер, стал инициатором изменений, приведших к окончанию «холодной войны». Первоначально Запад отнесся к Перестройке настороженно или прохладно. Как отмечает Арчи Браун, весной 1985 г. ожидалось либо продолжение прежнего курса, либо активизация традиционной политики СССР. Действительного хода событий не ожидал никто. Скепсис в отношении перспектив сотрудничества с Москвой преобладал в Америке и Европе вплоть до конца 1988 г., а в Японии — еще дольше.

В отличие от глобалистских устремлений горбачевского руководства цели Запада на завершающем этапе «холодной войны» были прагматичны и консервативны. Главной среди них было сокращение советского военного (ядерного и обычного) потенциала. Далее с большим отрывом следовали ограничение советского влияния в «третьем мире», либерализация режимов Центральной и Восточной Европы. В последнем случае максимум желаемого заключался в «финляндизации». По выполнении этих условий Запад был готов «встроить» Советский Союз в международную систему, т. е. сотрудничать с ним на основе принципов, изложенных еще в 1967 г. в известном докладе Пьера Армеля. СССР как «системный аутсайдер» вполне бы устроил США и Западную Европу второй половины 1980-х годов⁶. Западные лидеры, впрочем, не обольщались. Одновременно с осторожными надеждами у них присутствовали традиционные озабоченности, связанные с совершенствованием советского ядерного оружия, наступательным характером советской военной доктрины, жестким контролем СССР над союзниками по ОВД и т. п.⁷

До самого окончания «холодной войны» никто на Западе не ставил цель демонтажа СССР и тем более декоммунизации и демократизации России. В докладе Трехсторонней комиссии, представленном в апреле 1989 г. В. Жискар д'Эстеном, Г. Киссинджером и Я. Накасонэ, признавалось, что Перестройка являлась радикальной трансформацией советской системы, приближающей

СССР к западным представлениям о рыночной экономике и демократическим институтам. Вместе с тем, говорилось в докладе, исход Перестройки не был предопределен. Считалось, что она вполне могла закончиться реакционным переворотом и возвратом к диктатуре⁸. В дни августовского путча 1991 г. президента Буша критиковали не столько за то, что он не осудил ГКЧП, сколько за то, что он сделал слишком большую ставку на Горбачева. Журнал «The Economist» тогда же поместил на обложке карикатуру, изображавшую Горбачева стоящим над пастью акулы. К этому периоду относятся первые серьезные размышления на тему о том, как уберечься от продуктов распада СССР⁹.

На рубеже 1990-х годов на Западе признавали, что влияние извне на развитие ситуации в СССР могло быть только опосредованным. Политика перестройки получала лишь моральную поддержку. США и Западная Европа предприняли слабую попытку практически помочь Горбачеву лишь в 1991 г., но как именно следовало помогать, никто не знал. СССР отчаянно нуждался в кредитах, но многие на Западе считали советскую экономику в принципе неререформируемой, а кредитование ее бессмысленным. Никакого нового плана Маршалла для СССР не предполагалось. Приехав в июне 1991 г. на встречу с «семеркой» в Лондон, Горбачев не имел даже экономической программы. Но если бы она у него и была, на большее, чем гуманитарную помощь, Советский Союз рассчитывать не мог. Когда после провала августовского путча явственно обозначилась перспектива распада СССР, западные кредиторы озаботились проблемой признания Россией советского внешнего долга. Координационный комитет по контролю за экспортом продукции стратегического назначения и научно-технической информации (КОКОМ), созданный с целью не допустить передачи Советскому Союзу передовых западных технологий, пережил СССР и был распущен только в 1992 г.

В самый момент окончания «холодной войны» наиболее дальновидные западные мыслители предлагали отказать от фиксации внимания на Советском Союзе. Они считали необходимым смотреть на мировое развитие шире, решать глобальные проблемы — такие как распространение оружия массового уничтожения и ракетных технологий, регулирование региональных и локальных кризисов и т. д. Подчеркивалось, что в новой ситуации другие страны могут оказаться более важными собеседниками, чем СССР¹⁰. Главным приоритетом Запада на исходе «холодной войны» была не интеграция СССР и продуктов его распада в международное общество, а сохранение собственного единства и сплоченности (в частности, в рамках НАТО и ЕЭС) в условиях нарастающей стратегической и политической неопределенности¹¹.

Политика присоединения

НЕСМОТЯ НА ТО что в период борьбы с Горбачевым российское руководство (Ельцин) первоначально позиционировало себя как оппонента руководства СССР («Для демократической России естественные противники СССР являются естественными друзьями, а в перспективе союзниками», — писал А. Козырев¹²), фактически речь шла о продолжении и дальнейшем развитии «линии Горбачева — Шеварднадзе»¹³.

Новое руководство в Кремле сразу же выдвинуло принцип: Российская Федерация является государством — продолжателем СССР. При поддержке Запада Россия унаследовала место СССР в Совете Безопасности ООН, взяла под свою юрисдикцию все заграничные активы и учреждения СССР включая его посольства, а также приняла на себя ответственность за внешний долг СССР. При содействии Вашингтона Москва сосредоточила на российской территории и под своим контролем все ядерное оружие бывшего СССР.

Более сложным было определение национальных интересов новой России. Выход из коммунизма, прекращение «холодной войны» способствовали распространению представлений о «конце истории»: мир переходил к однородному в социально-политическом отношении глобальному сообществу¹⁴. У поменявших идеологическую полярность, но воспитанных в марксистско-ленинской традиции новых руководителей России это порождало не только надежду, но и эйфорию.

Подход министра иностранных дел Андрея Козырева, надеявшегося, что на смену «империи зла», исчезнувшей за три августовских дня 1991 г., придет «республика добра», которая будет немедленно интегрирована в семью западных демократий, страдал идеализмом, но был естественным для советско-российских демократов. Гораздо более проблемными были претензии российских элит на первостепенную роль в новообретенной семье. Они считали само собой разумеющимся, что Россия — член Совета Безопасности ООН, ядерная держава и геополитический колосс — и после распада СССР сохранит позиции великой державы первого ранга. Фактически это были рассуждения на тему американо-российского кондоминиума в мире после «холодной войны».

Такая самооценка уже вскоре оказалась чрезвычайно завышенной. Несмотря на все старания, Москве не удалось получить допуск к процессу принятия общих для Запада решений. Андрей Козырев вынужден был сетовать: «Нигде не заложен автоматизм взаимодействия с Москвой как с нормальным партнером»¹⁵.

Неудачной оказалась попытка заимствования в готовом виде «матрицы» западного (точнее, американского) внешнеполитического мировоззрения. Так, Кремль и МИД провозгласили принцип сотрудничества со всеми демократическими, нетоталитарными государствами, но последовательно реализовать этот принцип оказалось невозможно. Несмотря на события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., для России было немислимо отказаться от

дальнейшего улучшения отношений с КНР в пользу развития связей с Тайванем. Неуклюже выглядели и попытки Москвы «учить демократии» бывшие советские республики Центральной Азии. В итоге уже в 1992 г. Москва сделала новый шаг навстречу Пекину и поддержала номенклатурную группировку в гражданской войне в Таджикистане. Единственным существенным достижением «антитоталитарного» подхода стало развитие отношений с Южной Кореей при фактическом замораживании отношений с Пхеньяном. Правда, это последнее значительно девальвировало ценность связей с Москвой в глазах Сеула.

Безусловно, западные представления о мире были более реалистичными, чем советские, но они не могли дать ответ на вопрос о национальных интересах России и ее месте в мире. После преодоления «холодной войны» тезис об идентичности основных интересов Российской Федерации и США помогал уже мало: множество проблем содержалось в деталях и «нюансах». Козырев, выдвинувший идею демократической общности как основы российско-американских отношений, заслужил в 1993 г. резкий комментарий со стороны бывшего президента США Р. Никсона: «Россия — великая держава. Ее внешняя политика должна служить ее интересам. В целом российские интересы совпадают с американскими. Но мы должны понимать, что хотя мы сейчас друзья, а не противники, это не означает, что у нас не будет расхождений... Россия должна избегать жесткой привязки к США, когда это наносит ущерб российским интересам. Иначе противники реформ в России превратят внешнеполитическую проблематику в дубинку, которой будут колотить реформаторов по голове»¹⁶.

В принципе, еще в раннем проекте российского МИДа (апрель 1992 г.) перечислялись актуальные и перспективные области расхождений между Россией и Западом. Речь шла об «исключительно высокой роли США и НАТО в решении внутренних дел СНГ», что при определенных

условиях может стать нежелательным, о недопустимости формирования подобия санитарного кордона на западных границах СНГ и о нежелательном для Российской Федерации стремлении стран Центральной и Восточной Европы и Балтии ассоциировать себя с НАТО и т. д. Однако как должна была вести себя Россия, чтобы отстоять эти интересы, не было прописано. Тем не менее весной 1992 г. курс на развитие партнерства, а в дальнейшем союзничества с США и Западной Европой был определен четко.

Андрея Козырева традиционно обвиняют в отсутствии четкого видения национальных интересов, подчинении российской политики интересам США; в идеализации западной модели и стремлении любой ценой и на любых условиях присоединиться к Западу; в продолжении традиции неоправданных уступок, начатых Горбачевым и Шеварднадзе¹⁷. Эти обвинения по большей части несостоятельны и несправедливы. Для того чтобы «четко видеть» национальные интересы, необходимо, чтобы они вначале сформировались. Интересы не вечны; разница между интересами СССР (скажем, 1982 г.) и России (например, 1992 г.) столь же велика, как между брежневским Советским Союзом и ельцинской Россией. Козырев, как и другие более или менее самостоятельные политические фигуры ельцинской эпохи¹⁸, исходил из своего понимания этой разницы и из представления о желаемом и возможном. В отношениях с США Козырев не столько «подчинялся», сколько исходил из убеждения, что фундаментальные интересы двух стран совпадают, и признавал роль США как единственной оставшейся сверхдержавы. О цене и условиях присоединения к Западу речь впереди. Что же до уступок, то ресурс их был практически исчерпан еще в 1990 г. Козырева, как и любого руководителя внешней политики, тем более в революционное время, есть за что критиковать. Однако утрата Россией статуса великой державы не вина Козырева или Ельцина, а неизбежное следствие политики всех послевоенных руководителей КПСС.

Слабость внешней политики так называемого романтического периода (1992 г.) заключалась в отсутствии у нее элитной поддержки. Большая часть номенклатуры, поддерживавшей Ельцина по тактическим соображениям, не только отвергала курс на западную интеграцию, но и стремилась подорвать позиции Козырева. Здесь коренилось принципиальное отличие реформы внешнеполитического курса от экономических и даже политических преобразований. Ельцинское большинство активно поддерживало рынок, рассчитывая обогатиться; оно также поддерживало политический плюрализм включая некоторые институты демократии, видя в этом гарантии собственной свободы и участия в принятии решений. В отношениях с внешним миром почти никто не желал возврата к конфронтации, закрытости страны. В то же время мало кто был готов расстаться с представлением о России как о великой державе, равной США и всей объединенной Европе. Более того: державный патриотизм (на словах) стал своего рода индульгенцией за грубость нового русского капитализма.

Играя крайне слабыми картами, но сознательно отказываясь признавать это, чтобы не допустить понижения статуса страны, руководители российской внешней политики попали в ловушку. Они безуспешно пытались завышать значение России в глазах западных партнеров и столь же безуспешно старались пропагандировать в российской аудитории выгоды от тесного сближения с США и Европой (например, внедриться в НАТО, чтобы влиять на Запад изнутри). Им все меньше верили и дома, и за границей. Пытаясь спасти ситуацию, Козырев уже с конца 1992 г. был вынужден маневрировать, заигрывать с национал-патриотами, демонстрировать неуступчивость перед западными партнерами и т. д.

Андрей Козырев, однако, был прав в главном: Запад является естественным союзником демократической России. Силой Козырева была поддержка со стороны Ельцина, которую он сумел завоевать и затем удерживал

в течение пяти лет. Будучи министром, он оставался профессионалом, полностью лояльным президенту. Ельцин, со своей стороны, предоставил Козыреву широкую самостоятельность, особенно в первые годы. Слабостью Козырева были не его враждебные отношения с Верховным Советом, а затем с Государственной думой: и в том, и в другом парламенте большинство принадлежало антизападным силам. Проблемой, причем не только самого Козырева, стало отсутствие более или менее сплоченной команды профессионалов-единомышленников, объединившихся вокруг идеи новой внешней политики — своего рода аналога команде экономистов Гайдара и Чубайса. Более того, вместо общей работы в поддержку единой линии внешнеполитическая элита объединилась лишь для того, чтобы подрывать позиции министра в Кремле и в зарубежных канцеляриях.

Безусловно, Андрей Козырев несет свою долю ответственности за то, что, ориентируясь исключительно на президента, не сумел выстроить отношения с наиболее активной и влиятельной частью профессионального общества. Он также совершил ошибку, попытавшись перехватить лозунги своих националистических оппонентов. Уйдя в отставку, Козырев, в отличие от Егора Гайдара, не создал научно-политического центра, который продолжал бы оказывать влияние на формирование внешней политики России.

Большая часть российских элит в 1990-е годы инстинктивно стремилась занять положение в ядре, центре мировой системы¹⁹. Лишь очевидное меньшинство заявляло о готовности действовать «внесистемно» — например, заключая альянсы с «государствами-изгоями» — Югославией, Ираком и др. Проблема, однако, заключалась в том, что после окончания «холодной войны» не только в центре, но и центром мировой системы реально оказались США и руководимые ими военные союзы (НАТО) и финансовые институты (МВФ, Всемирный банк). В этой связи перед Российской Федерацией встала трудная ди-

лемма — присоединяться к ядру американоцентричной системы или искать ей актуальную или перспективную альтернативу.

Стимул для «политики присоединения» был, в принципе, очень мощный. С официальным отказом от коммунизма и добровольным «ропуском империи» между Российской Федерацией и США исчезли формальные причины для противостояния. Более того, новый взгляд на отечественную историю свидетельствовал, по словам популярной на рубеже 1990-х годов песни, что, «по новейшим данным разведки, мы воевали сами с собой». Если США, таким образом, никогда не были противником России, наоборот, вместе с российскими демократами противостояли советскому коммунизму, а присоединение к американской системе давало доступ к инвестициям, технологиям, управленческому опыту и т. п., жизненно необходимым для модернизации России, то в чем состояли трудности этого пути?

Если формулировать коротко, то основная проблема заключалась в невозможности для России 1990-х годов интегрироваться в систему современного Запада на своих условиях, т. е. немедленно и с сохранением высокого статуса, и неготовности сделать это на общих для всех посткоммунистических стран основаниях — последовательной и глубокой вестернизации политической, экономической и общественной жизни и признания лидерства США.

Принципиальные сторонники присоединения России к Западу были все время в явном меньшинстве. Часть из тех, кто их какое-то время поддерживал, были оппортунистами, готовыми изменить свою позицию при изменении политической конъюнктуры. Еще более серьезной проблемой было то, что «интеграторы» не сумели выработать формулу, соединявшую демократию и рынок с национальными ценностями. Реформаторы, по сути, были интернационалистами (что давало их противникам повод сравнивать их с большевиками). Собственно наци-

ональные они были готовы отдать своим оппонентам, не видя в нем большой ценности. В контактах с США и Западной Европой либералы часто прибегали к простому методу убеждения западных партнеров: если вы не окажете нам поддержки, то нас сменят люди, которые вам совсем не понравятся.

Поддерживавшая реформаторов часть политического центра была готова согласиться на интеграцию России в Европу, в западное сообщество, но лишь «такой, как она есть», со всеми присущими ей качествами и амбициями ее элит.

Представления большей части российской верхушки о статусе России как великой державы в течение 1990-х годов оставались неизменными. Ельцин до самого конца своего президентства воспринимал себя лидером мировой державы. В проекте Концепции обеспечения безопасности и военной доктрины Российской Федерации (1992 г.)²⁰ заявлялось, что Россия имеет все основания оставаться одной из великих держав. Более трезвые оценки положения России в ряду средних держав (Франция — Индия — Бразилия) были редкостью²¹. Даже признав после распада СССР абсолютное превосходство США над всеми другими государствами, российские элиты стремились занять особое, привилегированное положение *рядом* с Америкой, возможно, чуть позади, но не *под* ней. Интеграция на подобных условиях до сих пор западному сообществу неизвестна.

Гипертрофированное представление о роли своей страны побуждало представителей консервативного крыла российских элит болезненно реагировать на случаи политического или военного вмешательства США в конфликты в различных регионах мира, где СССР прежде конкурировал с Америкой, но куда Россия уже была неспособна проецировать силу и влияние.

Элиты и значительная часть общества по традиции рассматривали мировую гегемонию *любой* иностранной державы как высшую степень угрозы для национальной

безопасности. New World Order, провозглашенный Дж. Бушем-старшим на рубеже 1990-х годов, неизбежно и часто произвольно воспринимался в одном ряду с германским Neue Ordnung начала 1940-х. Подчиниться Америке, стать частью ее окружения в качестве младшего партнера или союзника, встать в один ряд не только с европейскими державами (Великобританией, Францией, Германией), которых СССР в XX в. многократно превзошел по основным показателям национальной мощи, но особенно с бывшими советскими сателлитами было психологически невозможно.

Необходимо учитывать, что европейские державы после Второй мировой войны не столько признали, сколько *призвали* американскую гегемонию — в условиях крайнего истощения сил или полной капитуляции, в ситуации «двойной угрозы» со стороны Советского Союза и действовавших с ним заодно местных коммунистических партий. Для Российской Федерации в конце XX в. угроз такого характера, которые вынудили бы ее руководство искать спасения в Вашингтоне, не существовало. Не было в России и тех стимулов, которые двигали элитами стран Центральной и Восточной Европы на рубеже 1990-х годов: освободиться от доминирования со стороны Москвы и «навсегда закрепить» свою принадлежность к Западу, Европе, одновременно подстраховавшись от возможной нестабильности и от эвентуальных притязаний с востока. Угрозы, которые ощущались российскими элитами в начале 1990-х годов, носили столь дисперсный характер, что больше дезориентировали, чем сосредотачивали внешнеполитическую мысль.

Попытка Ельцина и Козырева установить привилегированные отношения с Вашингтоном на основе равного партнерства²² провалилась. В 1992 г. Дж. Буш-старший отверг предложение Ельцина о заключении формального союза между Россией и США как бессодержательное. По оценке Белого дома, ситуация в России в тот момент была еще слишком неопределенной. Главная задача, с

точки зрения американской администрации, заключалась в том, чтобы избежать катастрофы, т. е. реванша коммунистов-империалистов, и упорядочить элементарную управляемость страны. Вместе с Западной Европой США стремились также обеспечить соблюдение Москвой обязательств СССР по договорам о контроле над вооружениями, и особенно обеспечение контроля за ядерным оружием, а также договоренностей о выводе войск из Германии.

Смена президента США в результате выборов 1992 г. привела к коренному повороту в российской политике Белого дома. В отличие от осторожно-отстраненного курса старшего Буша, в котором сказывалась инерция отношения к Советскому Союзу, политика администрации Билла Клинтона исходила из того, что главной проблемой США стала слабость России, а не ее сила. В меморандуме президенту его близкий сподвижник Струоб Тэлботт так суммировал значение Российской Федерации для США: источник сырья, рынок для американских товаров, младший партнер США на международной арене²³. Устремления российского руководства в целом соответствовали американским интересам²⁴.

Это был принципиально новый взгляд на Россию, переводивший ее в другую категорию государств с точки зрения Вашингтона. Клинтон и Тэлботт, однако, были не созерцателями, а активистами. По их убеждению, именно характер политического режима в России жестко определяет направленность российской внешней политики. Соответственно подход демократов основывался на активной вовлеченности США в процесс российской трансформации во всех важнейших сферах — от экономики и финансов до гражданского общества и военного дела. Параллельно Вашингтон осторожно, но последовательно стремился привести международную роль России в соответствие с ее новыми ограниченными возможностями. При этом администрация США стремилась компенсировать свои внешнеполитические шаги символическими

жестами или непринципиальными уступками России, формальным отношением к ней как к великой державе. Это подыгрывание имело определенный успех. Как с иронией заметил по адресу российского политического истеблишмента Владимир Лукин в свою бытность послом в США (1992–1993 гг.): «Называйте великой державой, а там делайте что хотите»²⁵.

Политика Клинтона имела, таким образом, внутреннюю логику. Принципиальным было то, что по вопросам, которые составляли *casus belli* «холодной войны», — дилеммам демократия или диктатура во внутренней политике и соперничество или сотрудничество в международных делах — Клинтон и Ельцин, по словам Тэлботта, были на одной стороне баррикад²⁶. Решение поддержать силовые действия Ельцина в ходе конфликта с Верховным Советом в октябре 1993 г. и приступить к расширению НАТО на восток принимались синхронно. Администрация одновременно стремилась углубить двусторонние американо-российские отношения, добиться сотрудничества между Россией и НАТО, открыть НАТО для новых членов в Центральной и Восточной Европе. Клинтон пытался получить результат, который россияне не рассматривали бы как стратегическое поражение²⁷. «Новое НАТО» и новые отношения с Россией рассматривались как не противоречащие друг другу составные части политики противодействия «силам дезинтеграции», которые вышли на поверхность после окончания «холодной войны»²⁸.

В то время как Клинтон и Тэлботт стремились помочь России преодолеть дефицит демократии, их оппоненты — преимущественно, хотя не исключительно республиканцы — сосредотачивали основное внимание на нейтрализации «имперской закваски» российской внешней политики. В противоположность Белому дому Г. Киссинджер утверждал, что характер политического режима не обязательно является определяющим для внешней политики государства. Этот тезис, основывавшийся на опыте успешного сотрудничества США с недемократическими

режимами (например, с КНР в 1970-е годы), был теперь развернут в другую сторону. Киссинджер сомневался в том, что «даже демократическая Россия будет проводить внешнею политику, способствующую укреплению международной стабильности»²⁹. Дело в том, пояснял президент Центра Никсона Димитрий Саймс, что новая Россия «не покаялась за свою историю»³⁰. В дальнейшем, считали республиканцы, развитие демократии в России могло бы поставить «предел покладистости» Москвы в сфере внешней политики. Действительно, если бы в начале 1990-х годов Верховный Совет, а затем Государственная дума имели реальные рычаги воздействия на внешнеполитический курс, линия Москвы в отношении Украины и Крыма, Балкан и Среднего Востока могла бы быть гораздо более напористой — и авантюрной.

В Европе тоже были расхождения по поводу того, как следует относиться к России. В то время как канцлер Германии Гельмут Коль активно поддерживал Ельцина, другие деятели смотрели на ситуацию в России заинтересованно, но довольно отстраненно. Если Россия сумеет выкарабкаться, отмечал председатель Еврокомиссии Жак Делор, то станет ценным партнером, если нет, то ей грозит опасность нового авторитаризма, распада, связанного с расползанием ядерного оружия³¹.

Таким образом, как свидетельствует опыт первой половины 1990-х годов, ни один из вариантов интеграции в западное общество для России не подходил. Условия, существовавшие в 1940-х годах в Германии и Японии, отсутствовали. Россия не потерпела военного поражения и не была оккупирована победителем. Она сохранила свою элиту, а элита — свое традиционное мировоззрение. Потенциал России не был немедленно востребован для противостояния новой традиционной угрозе. Отсутствовали в России и условия, приведшие к интеграции западноевропейских стран в 1950-е годы. Между советской и западной экономикой существовал огромный разрыв. В российской повестке дня на первом месте стояла

трансформация экономики и общества. Наконец, сохранившееся великодержавное сознание элит и отсутствие явных общих угроз сделали невозможной привязку России к США в качестве младшего партнера Вашингтона.

Многополярность

УЖЕ К 1993 ГОДУ ЭТА СИТУАЦИЯ стала очевидной для Запада и России. США и Западная Европа, постепенно соглашаясь с необходимостью и желательностью поэтапной интеграции в НАТО и Европейский союз стран Центральной и Восточной Европы, фактически не видели такой перспективы для России. В отношении России интерес Запада сводился к тому, чтобы способствовать продолжению и углублению внутренних реформ и сотрудничеству в ряде областей — от внешней политики и безопасности до энергетики³².

Со своей стороны, большая часть российского политического центра разочаровалась в «политике присоединения» и готовилась выстраивать собственную геополитическую комбинацию. Естественным для этих кругов стремлением было искать нового макросистемного равновесия в рамках модели баланса сил. Козырев тоже стремился к балансу, но это был баланс интересов в рамках кооперативной модели. У Евгения Примакова, сменившего Козырева на посту министра иностранных дел, было достаточно четкое, хотя и довольно традиционное представление о национальных интересах России. Примаков считал Россию великой державой первого уровня и рассматривал международные отношения преимущественно сквозь призму соперничества и постоянно меняющегося соотношения сил ведущих держав. Выступая за реформы, он в то же время не считал США или Западную Европу моделями для безусловного подражания. Интеграцию с Западом «любой ценой» он отвергал. Примаков, разумеется, представлял себе ограниченность на-

личных российских ресурсов, но считал такое положение временным. Он был намерен отстаивать национальные интересы России, не вступая в конфронтацию с США. Чрезмерное влияние США в мире Примаков предполагал ограничить путем блокирования с ведущими западными странами — Китаем, Индией, Ираном. Другим ресурсом Примакову виделась интеграция новых независимых государств с Россией в рамках СНГ. Наконец, известные внешнеполитические возможности существовали, по его мнению, в области российского посредничества между США и странами-«изгоями», многие из которых (Ирак, Югославия, Северная Корея, Ливия, Куба) были в недавнем прошлом советскими клиентами.

Линия Примакова отличалась одновременно реализмом (в смысле *Realpolitik*), оптимизмом (не всегда оправданным, по мнению некоторых наблюдателей) и консерватизмом. Решительный отказ от изоляционизма, не говоря уже о реваншизме и конфронтации с Западом был, безусловно, свидетельством первого. Примаков подверг ревизии козыревское наследие (т. е. «раннего» Козырева), но не выплеснул с водой ребенка — общий курс на открытость внешнему миру и сотрудничество с Западом. Примаков, однако, оказался чрезмерно оптимистичен в том, что касалось отношений России со странами СНГ, возможностей посредничества между США и «внесистемными» игроками, а также перспектив взаимодействия России с ведущими азиатскими державами для восстановления глобального равновесия.

С именем Евгения Примакова связана концепция многополярного (или многополюсного) мира. Эта концепция — прямое отрицание идеи присоединения — сразу же стала популярной, поскольку отражала мировоззрение подавляющего большинства политической элиты страны. С точки зрения этого большинства, не столь важно, что «поддержание баланса» предполагало постоянные «пробы сил», что равноудаленность и связанное с ней «многообразие выбора» на деле оказывались

иллюзией, что, по меткому замечанию профессора Алексея Богатурова, «замена зависимости России от (передового, насытившегося и не угрожающего потерей территорий) Запада на зависимость от (относительно отстающего и склонного к «мирной колонизации» русских земель в Приамурье и Приморье) Китая»³³ таила прямую угрозу для страны. Главным было не дать США закрепиться в качестве «единственной сверхдержавы». Концепция многополярного мира *на деле* являлась стратегией политической борьбы против американской гегемонии³⁴.

По горькой иронии истории, надежды, которые многие представители российских элит связывали с «многополярностью», оказались развеянными как раз в период недолгого премьерства Евгения Примакова. Он стал главой правительства осенью 1998 г. в условиях тяжелейшего финансового кризиса, продемонстрировавшего зависимость российской экономики от глобальных тенденций. Примаков был отправлен в отставку весной 1999 г. в ходе острейшего международного кризиса (хотя и не в связи с ним), когда НАТО — несмотря на протесты Москвы и в обход Совета Безопасности ООН — впервые в своей истории начало широкомасштабную военную операцию в Европе. Дипломатическим ответом на это стала «петля Примакова» — разворот самолета премьер-министра над Атлантикой, отказ от визита в США. Осенью того же года Россия впервые оказалась в настоящей международной изоляции, когда ее действия в Чечне были подвергнуты резкой критике на саммите Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в Стамбуле. Вскоре после этого и за несколько недель до своего ухода в отставку Ельцин в отместку публично предупредил Клинтона о необходимости «не забывать ни на минуту» о наличии у России ядерного оружия. Символизм этого заявления усиливался тем, что оно было сделано во время пребывания российского президента в Пекине. Финансово-экономический дефолт России дополнился «дефолтом» международно-политическим.

К этому времени в США и на Западе в целом «усталость от России», появившаяся еще в середине 1990-х годов³⁵, стала главенствующей тенденцией. Администрации Клинтона, отчасти путем имитации равноправного партнерства с Россией, для которого в действительности отсутствовали основания, удалось удержать Кремль в целом на рельсах сотрудничества с Западом; регулярно смягчать негативную реакцию России на те или иные действия Вашингтона, ущемлявшие российские интересы или, чаще, самолюбие Москвы; добиваться от России реальных уступок (например, в вопросе о выводе войск из Балтии и т. п.)³⁶. Однако более амбициозные цели — превратить Россию в рыночную демократию и лояльного союзника США — не были достигнуты. Впервые после краха коммунизма и распада СССР в Америке заговорили о том, что США и Россия представляют собой совершенно разные цивилизации. Усилия администрации Клинтона по оказанию помощи российским реформам были признаны неэффективными не только критиками Белого дома, которые обвинили американского президента в том, что он «потерял Россию», но и самими архитекторами этой политики. Начиная с осени 1998 г. Вашингтон заговорил о необходимости «стратегического терпения» и стал на практике дистанцироваться от России.

Прагматизм

НЕУДАЧА «МНОГОПОЛЯРНОЙ СТРАТЕГИИ» поставила внешнеполитическую элиту России перед новым выбором: ухода в глухую изоляцию от Запада, фактически за пределы системы, или проведения сугубо прагматического курса — на манер китайского. О возврате к «политике присоединения» речь, конечно, уже не шла.

Был избран второй путь, фактически средний между изоляцией и интеграцией³⁷. Администрация президента Путина с самого начала объявила о приоритете внутрен-

них экономических проблем и оставалась приверженной этому курсу. В начале первого президентского срока была поставлена цель догнать по уровню ВВП на душу населения Португалию — наименее развитую страну из группы развитых государств, т. е. фактически присоединиться к группе лидеров. В начале второго срока — сформулирована задача удвоения ВВП за десять лет. Внешняя политика стала рассматриваться не как средство совершенствования международной системы или ее балансирования, а как ресурс для модернизации страны. Преобладание США в этой системе *само по себе* перестало считаться угрозой для безопасности России. После 11 сентября 2001 г. Путин не столько «бросился в объятия США» (да и объятия никто ему не раскрывал), сколько обошел пресловутый камень преткновения, о который спотыкались другие. Он отказался от свойственной большинству политической элиты России «заикленности» на американской военно-политической мощи.

11 сентября 2001 г. стало не столько поворотным пунктом, сколько конкретным испытанием, тестом для Кремля. Фактически Путин был поставлен перед выбором: реагировать на военное присутствие США на территории бывших среднеазиатских республик СССР или стерпеть, в перспективе сведя к минимуму последствия этого присутствия, и войти в состав создававшейся Вашингтоном международной антитеррористической коалиции. Первый вариант действий (который прямо вытекал из утвержденной в 2000 г. «Военной доктрины Российской Федерации» и в поддержку которого высказался ближайший сподвижник Путина Сергей Иванов) был заведомо проигрышным и однозначно толкал Москву, как минимум, к изоляции — причем не только от США, но и от Запада в целом, а также от большинства стран СНГ. Второй вариант означал фактическое признание Москвой американского лидерства и давал некоторую надежду на вознаграждение России за содействие со стороны лидера.

Был, впрочем, и третий путь — отойти в сторону и не мешать США совершать ожидавшиеся ошибки. Не только изоляционисты, но и некоторые сторонники сотрудничества с Западом в Москве полагали, что США перенапрягутся в Афганистане и вынуждены будут обратиться к партнерам (в том числе к России) за помощью. Такие расчеты существовали со времен миротворческой операции НАТО в Боснии и Герцеговине. В 1999 г. возникла надежда, что США и НАТО, разуверившись в эффективности воздушной войны, будут вынуждены начать наземное вторжение в Югославию, которое станет для них «вторым Вьетнамом» (Виктор Черномырдин, успех миссии которого лишил изоляционистов такой перспективы, стал предметом жгучей ненависти с их стороны). В 2001 г., однако, не только ангажированные политики, но и многие военные и гражданские специалисты ожидали, что США увязнут в Афганистане, как СССР в 1980-е годы. Начиная с 2003 г. надежды антиамерикански настроенных кругов на «второй Вьетнам» связываются уже с Ираком. Разочарование весны 2003 г. сменилось всплеском надежд весной 2004 г. Озабоченные лишь тем, чтобы США «стало плохо», изоляционисты и не пытаются ответить на вопрос о том, каким образом поражение США могло бы улучшить положение России: достаточно поражения (или хотя бы ослабления) США как такового.

Президент Путин, отвечая этим деятелям (многие из которых его поддерживают), не раз высказывался на тему о том, что Россия не заинтересована в поражении США в Ираке и что поражение Буша стало бы победой террористов. Выбор Путиным такого варианта действий был личным решением президента. В то же время этот выбор не повис в воздухе. Наиболее прагматически настроенная часть политического истеблишмента, включая так называемых силовиков, была готова негласно согласиться с американским лидерством, которое России, в сущности, не мешало. Прагматики во главе с Путиным существенно помогли США разгромить режим талибов в

Афганистане. Прагматизм, однако, — философия, но не стратегия. Несмотря на присутствие в высшем эшелоне власти сторонников изоляционистского подхода, внешнеполитический курс Москвы в начале 2000-х годов больше соответствовал взглядам умеренных интеграторов. Тем не менее движение в сторону США имело свои границы. Предложение либерального крыла о формальном закреплении или хотя бы вербализации «асимметричного партнерства» со сверхдержавой было отвергнуто как неравноправное. «Стратегический выбор» не сопровождался новой улучшенной редакцией политики присоединения. Сотрудники спецслужб и партфункционеры — опора президента — с тревогой наблюдали наступление «новой Атлантиды»³⁸ и видели «англосаксов» в качестве потенциальных противников. При Путине Россия в ходе периодических учений Стратегических ядерных сил продолжала демонстрировать свою ядерную мощь. Неофициальные предложения о союзе с США, исходившие от Кремля в 2002–2003 гг., были сочтены в Вашингтоне недостаточными. Со своей стороны, США не были достаточно заинтересованы в углублении отношений с Россией.

В этих условиях известным продолжением и развитием темы многополярной внешней политики стала попытка Москвы в преддверии Иракской войны сблизиться с ведущими странами Европы, чтобы уравновесить США, но уже *внутри* западного сообщества³⁹. «Новой Антанты» в составе Франции, Германии и России, однако, не получилось. Ситуативного совпадения позиций трех стран по иракской проблеме было недостаточно для формирования постоянного альянса. Слишком многое объединяло Францию и Германию с США (мировоззрение, общественные ценности) и разделяло их с Россией. Альянса *внутри* Запада не получилось, потому что Россия 2000-х годов находилась вне его. В списке приоритетов Парижа и Берлина отношения с Москвой стояли не только ниже проблематики Европейского союза и трансатлантических связей, но и имели иное содержание (энергетика,

возможности инвестирования и т. д.). Что касалось Москвы, то стратегической целью Путина оставалось не вхождение России на более или менее выгодных условиях в Pax Americana, а реконституирование ее как *современной великой державы*. Главным было то, что Россия качественно отличалась от западных демократий.

Часть западных элит сделала вывод: нужно «принять Россию такой, какова она есть»⁴⁰, и не требовать от нее невозможного, т. е. превращения в общество западного типа. Ответ на вопрос, «какова Россия» в начале XXI в., попытались дать А. Шлейфер и Д. Трисман⁴¹ в опубликованной весной 2004 г. статье «Обычная страна». Эта статья стала популярной среди тех в Вашингтоне, кто практически занимался российскими делами. Администрация Дж. Буша-младшего вначале рассматривала Россию как традиционную великую державу, отказывалась от вмешательства в российские дела, не делая при этом послаблений для России во внешней политике. Затем под давлением общественного мнения курс администрации подвергся коррекции, и ее представители стали публично критиковать действия российских властей (дело ЮКОСа, свобода СМИ, назначение губернаторов, права человека в Чечне и т. п.). Тем не менее базовый подход администрации Буша по-прежнему исключал вовлеченность во внутрироссийские дела.

Важно заметить, что российская общественность на протяжении всего первого президентства Путина поддерживала ориентацию на развитые страны — США, Западную Европу и Японию. В мягком рейтинговом голосовании они собирали 27–30, 49–54 и 23–26 пунктов соответственно — по сравнению с 38–53 пунктами за СНГ, 21–22 пунктами за Китай и Индию и 7–11 пунктами, которые собирали Ирак, Ливия, Куба и Северная Корея⁴². Начиная с 2000 г. свыше 70% респондентов выступали за укрепление взаимовыгодных связей со странами Запада по сравнению с 11–16% высказывавшихся за дистанцирование от Запада⁴³.

Трагедия Беслана в сентябре 2004 г. стала очередным поворотным пунктом в эволюции российской «западной» политики. Частичный возврат к традиционализму, проявившийся во внутренней политике Кремля, затронул и внешнюю политику. Прагматизм Путина совершил очередную эволюцию. При сохранении внешне дружественных отношений с ведущими странами Запада (прежде всего США и Германией) Кремль решил свести к минимуму возможное влияние правительств и неправительственных организаций Запада на развитие внутривосточной ситуации в России.

В следующем разделе главы рассмотрены конкретные проблемы отношений России с институтами западного общества.

Отношения Россия — НАТО

НАТО БЫЛО ДЛЯ СССР главным символом «холодной войны». После окончания конфронтации отношения с НАТО приобрели характер индикатора качества новых отношений между бывшими противниками. Несмотря на то что начиная с 2000-х годов значение и роль НАТО подвергается пересмотру и переосмыслению (в том числе и в России), отношения России с Североатлантическим союзом сохраняют принципиальное значение для обеих сторон.

Еще в 1990 г. в Лондонской декларации НАТО заявило, что Советский Союз и страны ОВД не являются больше противниками⁴⁴. Генеральный секретарь альянса Манфред Вернер совершил исторический визит в Москву. В период знакомства у обеих сторон превалировала осторожность.

Римская декларация НАТО⁴⁵ (ноябрь 1991 г.) провозгласила широкий подход к проблеме безопасности, включивший партнерство со странами Центральной и Восточной Европы (в том числе распадавшегося на глазах Со-

ветского Союза) и Балтии. На заседании Совета НАТО в декабре 1991 г. говорилось, что основой такого партнерства становятся общие ценности⁴⁶ (в действительности на тот момент — лишь на уровне деклараций). Первым органом нового партнерства стал Совет североатлантического сотрудничества (ССАС), который был призван стать одновременно органом связи между НАТО и бывшими противниками, форумом обсуждения проблем европейской безопасности и каналом передачи западного опыта для осуществления реформ в оборонной сфере и, более широко, распространения демократии и свободы, содействия рыночным реформам и обеспечения прав человека. Приверженность демократическим принципам и соблюдение прав человека были объявлены основой нового сотрудничества.

Совет стал площадкой при НАТО. С его созданием НАТО фактически стало главной организацией европейской безопасности, ядром системы *interlocking institutions*, включавшей также ЕЭС/ЕС, ЗЕС, Совет Европы и СБСЕ. При этом само НАТО не «растворялось» в новых партнерствах. Напротив, несмотря на появление новых проблем и вызовов (нестабильности, кризисов, распространения ОМУ и т. п.), и трансатлантическая «сцепка», и «европейская опора» альянса стали предметами самого пристального внимания США и их союзников. Еще не расширившись, НАТО уже превратилось в общеевропейскую по объему своей компетенции организацию. Вокруг НАТО сформировалось евроатлантическое пространство, включившее территорию стран, бывших противниками в «холодной войне». Так Россия формально стала «евроатлантической» страной⁴⁷.

Сразу после распада СССР российское руководство рассматривало вопрос о немедленном присоединении к военно-политическому союзу, бывшему на протяжении «холодной войны» главным символом коллективного Запада. Это было бы логичным, хотя и рискованным шагом. Критическое значение имела готовность Запада принять

новую Россию в свое лоно. Еще в конце 1991 г. президент Ельцин запустил «пробный шар», направив генеральному секретарю альянса послание, содержащее фразу о желании России немедленно вступить в НАТО. Текст был составлен так, что при необходимости ключевую фразу можно было толковать как содержащую опечатку. Альянс не проявил готовности «ухватиться» за предложение Ельцина, и Москва спустя некоторое время внесла «поправку» в текст.

Идея вступления России в НАТО после этого не умерла. Правда, она уже больше не исходила от первого лица государства. Чаще всего с ней выступали известные специалисты-международники и политики либерального направления. В начале обсуждения проблемы приема в НАТО стран Центральной и Восточной Европы Сергей Караганов выдвинул лозунг — «оказаться у дверей НАТО прежде бывших союзников». Алексей Арбатов последовательно убеждал Запад пригласить Россию в альянс⁴⁸. Логика была простой: к тому времени, когда страны Центральной и Восточной Европы допустят в зал заседаний НАТО, они найдут там российскую делегацию, сидящую в президиуме. Важно отметить, что для Ельцина отношения с США значили гораздо больше, чем отношения с Европой. Москва не стремилась к членству в НАТО для того, чтобы вбивать клин между США и их союзниками.

Клинтон считал, что формально оставить дверь в НАТО открытой для России политически выгоднее, чем открыто заявить, что Российская Федерация никогда не будет принята в альянс. Но даже это чисто гипотетическое допущение наталкивалось на глубокий скептицизм в американском политическом истеблишменте. Расширение НАТО в 1997 г. и Косовский кризис 1999 г. фактически не только «закрыли тему» российского членства, но и привели к глубокому отчуждению, если не враждебности в отношениях между НАТО и Россией, несмотря на учрежденное в 1997 г. «привилегированное партнерство» между ними.

Президент Путин, первым крупным внешнеполитическим шагом которого еще в качестве и. о. главы государства стало приглашение генерального секретаря НАТО лорда Робертсона в Москву в феврале 2000 г., начал свой «раунд» отношений с НАТО с того же приема, что и Ельцин. Вместо ответа на прямой вопрос британского журналиста Дэвида Фроста о возможности членства Российской Федерации в НАТО Путин сказал: «Почему бы нет?», вновь, таким образом, «перебрасывая мяч» на сторону партнера. Новым всплеском спекуляций относительно возможности членства России в НАТО стал период становления международной антитеррористической коалиции осенью 2001 г.

Вплоть до фундаментального кризиса в трансатлантических отношениях, спровоцированного войной США против Ирака в марте 2003 г., членство России в НАТО было в принципе мыслимым. Если бы Буш-старший и его партнеры прореагировали на демарш Ельцина на рубеже 1991–1992 гг.; если бы Клинтон в 1994 г. предложил принять Россию в НАТО вместе с Польшей, Чехией и Венгрией; если бы Буш-младший в октябре 2001 г. решил преобразовать НАТО в главный штаб международной антитеррористической коалиции и предложил Путину членство России в таком союзе, российская сторона скорее всего ответила бы положительно. Прием России в западный альянс по инициативе самого Запада («США и их союзники приглашают Российскую Федерацию присоединиться к ним...»), прием немедленный и безусловный (без сколько-нибудь длительного ожидания решения вопроса, без предварительного проведения в России военной реформы и других преобразований, без контроля ее соответствия «критериям членства»), прием, наконец, на условиях привилегированного статуса (Россия становится своего рода вице-президентом НАТО, устанавливая особые отношения с лидером альянса — США) мог бы, вероятно, удовлетворить российские элиты. Совершенно ясно, однако, что ни одно из этих невысказанных,

но прочитывавшихся требований не могло бы быть выполнено Западом.

После 2003 г. вопрос о членстве России в НАТО практически закрыт — не вследствие Иракской войны как таковой, а как результат политического и стратегического «раздвоения Запада», изменения отношения в Европе к США и в США к НАТО. В этих условиях гипотетический прием России в НАТО привел бы, вероятно, к расколу союза и уже институционализированному блокированию Москвы с Берлином и Парижем против Вашингтона, Лондона и «новой Европы». На деле Россия, оставаясь «за кадром» внутринатовских изменений, может лишь отслеживать их направленность и делать выводы. Что это за выводы?

Логика рассуждений военного командования и большей части политических элит была примерно следующей. НАТО было создано для противоборства с коммунистическим СССР и его союзниками по Варшавскому договору. Сейчас противоборство закончено. Советский Союз распался, Организация Варшавского договора распущена, Россия отвергла коммунизм. НАТО не только не самораспустилось, но и расширяется, включая в свой состав страны бывшего Варшавского договора и расширяя свою территорию вплоть до границ России, которую в НАТО не приглашают. В этой внешне «железной» логике существовали серьезные изъяны, вызванные прежде всего непониманием политики других стран и условий, в которых эта политика формируется.

Потенциально Североатлантический союз всегда был чем-то большим, чем военный блок⁴⁹. Несмотря на ослабление внимания к альянсу со стороны администрации Дж. Буша-младшего, НАТО было и остается главным общим институтом коллективного Запада и наряду с этим важным инструментом европейской политики США. Расширение НАТО на восток — ответ на стремление стран Центральной и Восточной Европы присоединиться к Западу, а не отражение агрессивных намерений альянса в

отношении России. В НАТО не приглашают, а принимают тех, кто к этому стремится и готов реформировать свою оборонную политику и весь сектор национальной безопасности так, чтобы соответствовать стандартам, установленным в альянсе. Из всего этого, разумеется, не следует готовность НАТО действовать в интересах России или меняться соответственно этим интересам.

Политическое руководство России на протяжении 1990-х годов официально рассматривало страны НАТО как основных партнеров. Напротив, внутренняя оппозиция, считавшая этот курс капитулянтским и предательским, нашла в образе *НАТО — растущего военного блока, наступающего на ослабевающую Россию*, — наглядное подтверждение своих аргументов. Военное командование и руководители оборонных предприятий отчасти в силу инерции, отчасти из-за нежелания подвергнуться радикальной реформе продолжали по традиции считать США и НАТО главным потенциальным противником России. Значительная часть общественного мнения под воздействием десятилетий советской пропаганды, опираясь на историческую память о нашествиях с запада, из-за острого чувства обиды на «не оценивший горбачевской жертвенности Запад» была настроена к НАТО как к организации гораздо негативнее, чем к отдельным ее членам включая США⁵⁰.

В таких условиях взаимодействие России и НАТО не могло не быть трудным и неровным. Россию с самого начала не удовлетворил созданный НАТО Совет североатлантического сотрудничества. Во-первых, ССАС представлялся Москве «говорильней», во-вторых, в нем не было различий между великой державой Россией и бывшими сателлитами СССР, в-третьих, ССАС фиксировал неравноправный статус «подсоветных» по отношению к членам НАТО. Кроме того, по традиции Москва уважала только те международные организации, в которых она играла «роль первого плана». Интерес к ССАС был утрачен очень скоро. Когда в 1997 г. ССАС был заменен на Со-

вет евроатлантического партнерства, отношение России к этому форуму не изменилось.

Первым общим делом бывших противников стали их усилия по прекращению конфликта в бывшей Югославии. Во время своей последней встречи в Москве летом 1991 г., накануне августовского путча, президенты Горбачев и Буш приняли заявление по Югославии, лишший раз подчеркнувшее новый характер советско-американских отношений, но не имевшее никаких практических последствий. В 1992–1993 гг. проблемы совместных миротворческих операций находились в центре отношений России и НАТО⁵¹, но опять-таки без практического результата. Ослабление интереса администрации (и вообще политического класса) США к Европе, неспособность европейцев (ЕС) навести порядок на своей ближайшей периферии, неэффективность действий сил ООН в Боснии и Герцеговине (в которых участвовали контингенты от западных стран и России) не создавали условий для сотрудничества.

Тем временем России благодаря решительным действиям военных удалось в 1992 г. самостоятельно заморозить конфликты на постсоветском пространстве — от Молдавии до Закавказья и Таджикистана. В начале 1993 г. Москва сделала заявку на международный мандат главного миротворца на всем пространстве бывшего СССР, фактически гаранта безопасности всех стран СНГ⁵². Многие на Западе расценили это как первый шаг к восстановлению империи и отказали России в признании ее особой роли.

Со своей стороны, российские элиты с подозрением отнеслись к шагам европейцев и американцев на Балканах. До сих пор многие в России возлагают едва ли не главную вину за югославскую войну на Германию, которая в январе 1992 г. признала независимость католических Хорватии и Словении. С весны 1992 г. камнем преткновения стал боснийский кризис, в оценке которого Россия разошлась с Западом. Официальная Москва не согласилась с

заявлением Совета НАТО от 17 декабря 1992 г., в котором основная вина за конфликт была возложена на боснийских сербов и на Сербию. Даже с точки зрения российских либералов, это было необъективное заключение.

Вина за конфликт, унесший десятки тысяч жизней, лежала на экстремистах всех югославских наций. Ведущие члены НАТО первоначально чрезмерно руководствовались политической целесообразностью. Режим Франьо Туджмана в Хорватии, например, получил незаслуженно мягкую оценку. На многие контакты боснийских мусульман (а затем косоваров) с мусульманскими экстремистами и международной организованной преступностью Запад смотрел сквозь пальцы. Российское руководство, однако, совершило роковую ошибку, *сделав ставку на Слободана Милошевича, не имея реальных рычагов воздействия на сербского лидера*. Решив укрепить свои позиции путем заигрывания с державниками, Кремль фактически превратился в заложника и державников, и эффективно использовавшего их Милошевича. Хвост закрутил собакой. Российским дипломатам, работавшим в составе Контактной группы по бывшей Югославии, приходилось трудно в отстаивании своих позиций перед партнерами из стран НАТО, а их политическому руководству в Москве — противостоять обвинениям в «предательстве национальных интересов» на Балканах. Проблема Балкан для России состояла не в потребности защитить исторического союзника — сербов, а в необходимости подтвердить в ходе крупного международного кризиса свой статус великой державы на традиционном геополитическом плацдарме.

Активизация политики США на Балканах в 1994 г. поставила Россию перед выбором: принять жесткую антисербскую позицию Вашингтона, не имея возможности влиять на нее, либо полностью солидаризироваться с Милошевичем и сделать Россию заложником его авантюристической политики. Москва маневрировала, сколько могла, но в итоге была вынуждена стать младшим

партнером США на Балканах. Престиж России как великой державы пострадал: на мирной конференции в Дейтоне (штат Огайо) США продемонстрировали, что именно они являются ведущим игроком в Европе, но и самый уязвимый интересам России был ограничен — возможности Белграда манипулировать Москвой на время уменьшились.

Первый опыт участия России в миротворческой операции НАТО (в рамках сил ИФОР и СФОР по реализации Дейтонского соглашения по Боснии) вызвал противоречивые оценки. Среди военных, имевших к ней непосредственное отношение, она была популярна (условия службы на Балканах, и не только материальные, выгодно отличались от того, что окружало российских военных дома). Для высшего военного руководства, среди которого энтузиасты военного сотрудничества с НАТО были редки⁵³, операция на Балканах была отдушиной, полезной с кадровой точки зрения. Напротив, для многих политиков и дипломатической верхушки номинальное подчинение российского контингента международному командованию во главе с США, формальное положение российского генерала в штабе НАТО как заместителя главнокомандующего вооруженными силами США в Европе свидетельствовали о неприемлемой зависимости России от НАТО теперь уже в военной сфере. В конечном счете победила вторая точка зрения. Вместо того чтобы стать прорывом к новым отношениям с НАТО, участие российской бригады в боснийской операции было сведено к тривиальному примеру локального сотрудничества. В 1999 г. российские десантники из состава этой бригады совершили внезапный марш на Приштину (Косово), чтобы не дать силам НАТО занять местный аэродром. В 2003 г. в рамках мер по оптимизации военного присутствия за рубежом российские миротворцы были выведены из Боснии и Косово⁵⁴.

Уже в 1993 г., однако, главной проблемой российско-западных отношений стало расширение НАТО на восток. Летом 1993 г. Ельцин сказал президенту Польши Леху

Валенсе, что вступление в НАТО — дело самих поляков. Это заявление вызвало немедленную и крайне негативную реакцию со стороны российского Генерального штаба и большей части политического истеблишмента. Ельцин, который нуждался в поддержке военных в противостоянии с Верховным Советом, отступил. Уже после развязки кризиса власти в Москве, 25 ноября 1993 г., Служба внешней разведки (СВР) России, которую возглавлял тогда Е. Примаков, опубликовала доклад «Перспективы расширения НАТО и интересы России». СВР признавала, что Россия не имеет права и не имеет возможности диктовать странам Центральной и Восточной Европы линию их поведения. В то же время российская разведка настаивала, что процесс вхождения этих стран в НАТО должен был проходить с учетом мнения России. Наконец, авторы доклада ставили взаимодействие и партнерство Российской Федерации с НАТО в зависимость от учета Западом российских озабоченностей. В противном случае предполагались негативные политические и военные последствия⁵⁵.

Позиция силовиков была сформулирована четко, хотя и нереалистично: Москва должна обладать правом вето на вступление своих бывших сателлитов в западный альянс. Позиция МИД России, напротив, страдала и нечеткостью, и нереалистичностью: вступление стран Центральной и Восточной Европы в НАТО объявлялось контрпродуктивным без России. Авторы документа поясняли, что расширение НАТО без России не соответствовало российским интересам, поскольку это понижало ее статус, означало вотум недоверия российской демократии и таило в себе возможность возврата к противостоянию⁵⁶. Раскритиковав расширение НАТО без России, МИД тем не менее не предложил Кремлю самому подать заявку на вступление.

С инициативой выступили США, разработавшие с союзниками по НАТО программу «Партнерство во имя мира». Страны Центральной и Восточной Европы приветст-

вовали ее, когда увидели, что «Партнерство...» — не альтернатива членству в НАТО, а путь к вступлению в альянс. Это же обстоятельство определило негативную позицию российских силовых структур. Применительно к самой России, по мнению военных, программа страдала теми же коренными недостатками, что и ССАС: России предлагали сотрудничество на общих основаниях. Практический смысл партнерства заключался в постепенном приведении всей военной сферы — от гражданско-военных отношений и военного планирования до военного образования и обучения — к стандартам, принятым в НАТО. Для стран-кандидатов речь шла о «дорожной карте» вступления в альянс, их министерства обороны с энтузиазмом включились в конкретную практическую работу. Для Российской Федерации, поскольку она в НАТО не стремилась, напротив, «Партнерство во имя мира» означало неприемлемое с точки зрения генералитета вмешательство бывших (и будущих) оппонентов в «святая святых» обеспечения национальной безопасности. В результате формально верх взял Козырев: Россия подписала документ о присоединении к программе в апреле 1994 г., но лишь в июне 1995 г. была согласована индивидуальная программа партнерства. Даже после этого Россия оставалась одним из наименее активных участников программы.

Действительная проблема расширения НАТО для российского политического и военного руководства заключалась в исчезновении стратегического буфера между Россией и Западом и окончательном переходе стран Центральной и Восточной Европы в западную зону влияния. Именно этот буфер рассматривался российскими военными стратегами в начале 1990-х годов как реальная гарантия безопасности России. Существование политической «нейтральной зоны» оставляло возможность возвращения этих стран или хотя бы некоторых из них в российскую сферу влияния — по мере стабилизации внутреннего положения России и укрепления ее международного влияния.

Начиная с 1994 г. российские изоляционисты собирали национал-патриотические силы для борьбы с козыревским «капитулянтством». С точки зрения не только изоляционистов, но и многих прагматиков, Россия не приблизилась к Европе, а оказалась отброшенной на допетровские позиции. Наступивший в конце 1994 г. в отношениях между Россией и Западом «холодный мир»⁵⁷ усилил позиции российских изоляционистов. Вместе с прагматиками они попытались использовать разногласия на Западе для сохранения буферной зоны между Россией и НАТО. Со своей стороны, Запад фактически предложил России пройти тест. Если она по-прежнему великая держава, она будет в состоянии предотвратить существенное ухудшение своих позиций в Европе. Если нет, то расширение НАТО состоится вопреки протестам России, которая утратит прежние статус и роль и займет периферийное положение в Европе.

В результате, несмотря на победу изоляционистов внутри страны, Россия оказалась слишком слабой и зависимой, чтобы навязать другим странам свою волю. Итогом стало унижительное поражение российской внешней политики, смягченное «прагматичным» соглашением об основах отношений между Российской Федерацией и НАТО. Отношения с НАТО стали заложником, с одной стороны, политических трений между Россией и странами Запада по таким проблемам, как конфликт в Боснии, а с другой — внутривнутриполитической борьбы в России (в частности, между Кремлем и оппозиционным ему парламентским большинством). Уступчивость депутатов по важнейшим для президентской администрации вопросам (таким, как бюджет) часто компенсировалась безудержной риторикой по вопросам внешней политики и блокированием сближения с НАТО.

Россия стремилась к исключительности, «статусности» своих отношений с альянсом. Предсказуемая неудача мертворожденной идеи «паритетного» партнерства между НАТО и СНГ (разумеется, во главе с Россией) бы-

ла особенно неприятной на фоне активизации партнерства с НАТО ряда стран СНГ (Украины, Грузии, Азербайджана, Узбекистана) и вступления в НАТО бывших членов ОВД. Последнее было частично компенсировано подписанием в мае 1997 г. в Париже Основополагающего акта Россия — НАТО. Не признавая легитимности расширения, Москва продолжала стремиться к возможно более «равновесным» отношениям с альянсом. В попытке найти способ «уравновешивания» расширения НАТО российские политики (Примаков и др.) предлагали реинтегрировать постсоветское пространство в рамках СНГ. Этот план был заведомо нереалистичен. В то же время сближение с Белоруссией было возможно и желательно. Российско-белорусское сообщество, затем союз, оформившиеся в 1996–1997 гг., представлялись барьером на пути дальнейшего продвижения НАТО на восток и одновременно первым шагом на пути к более широкому объединению ряда государств вокруг Москвы.

Создание в 1997 г. Совместного постоянного совета (СПС) Россия — НАТО впервые создало институт для консультаций и практического сотрудничества между Россией и альянсом. В принципе СПС открывал широкие и далеко идущие перспективы. Вскоре после подписания акта между НАТО и Россией Г. Киссинджер публично высказывал опасения, что СПС может подменить собой Совет НАТО: не будучи членом альянса, свободная от каких-либо обязательств в этой связи, Россия получала бы возможность участвовать в работе НАТО с правом решающего (и блокирующего) голоса.

В действительности СПС не оправдал и гораздо более скромных ожиданий. Установка членов НАТО на обязательное предварительное согласование своих позиций перед заседаниями Совета, с одной стороны, и неуступчивость российских представителей — с другой, уже скоро превратили СПС в рутинный орган для изложения известных точек зрения и обмена взаимными претензиями. Запад занял жесткую позицию: никакого вето с рос-

сийской стороны, никакого совместного с Россией принятия решений, никаких «красных линий». Нараставший в течение всего 1998 г. Косовский кризис вначале продемонстрировал неспособность СПС выступать в качестве эффективного инструмента российско-западного сотрудничества, а затем по существу положил конец его работе.

Косовский конфликт продемонстрировал неспособность Москвы эффективно посредничать между Белградом и Вашингтоном. Российская внешняя политика допустила принципиальный просчет: международный изгой получил возможность играть на противоречиях между Россией и Западом. В результате Россия не добилась ни признания США, ни уважения Милошевича. Вашингтон был раздражен непоследовательностью Москвы, Белград в течение нескольких месяцев умело манипулировал ею. Манипулирование облегчалось глубоким расколом российской верхушки, антинатовской позицией военных верхов, сильными позициями изоляционистов, которые использовали косовский конфликт для борьбы с «прозападными» противниками⁵⁸.

В результате косовского конфликта Россия перестала быть великой европейской державой в традиционном понимании. Не только США, но и европейские члены НАТО (включая Францию и Германию) фактически отказали ей в праве вето в области европейской безопасности. Совет Безопасности ООН, где у России право вето имелось, оказался в стороне. Миссия Черномырдина с целью найти формулу для прекращения войны стала отчаянной попыткой российских прагматиков найти выход⁵⁹. Изоляционисты, увидевшие в миссии экс-премьера навязывание Белграду российскими руками натовских условий, решились на контрманевр. Генеральный штаб предпринял дерзкую попытку захватить плацдарм в Косово (аэропорт «Слатина») и затем нарастить там российскую группировку. Отказ Румынии и Болгарии пропустить следовавшие в Косово российские самолеты разрушил замысел операции, которая осталась

в истории как отчаянные усилия «спасти лицо» в безнадежно проигранной партии.

Косовский кризис 1999 г. обозначил низшую точку в отношениях России с Западом после окончания «холодной войны». Характерно, что в России его часто сравнивали с Карибским кризисом 1962 г. — самой горячей точкой «холодной войны». Действия НАТО были восприняты в Москве как подтверждение наихудших опасений, появившихся еще в связи с расширением альянса. Официальные отношения с НАТО были заморожены. Его представителям в Москве без всяких церемоний было предложено покинуть Россию. На Балканах дело едва не дошло до вооруженного инцидента. Со своей стороны, Запад стал склоняться от политики «вовлечения» России к линии на ее сдерживание, помещение ее в «карантин»⁶⁰.

Тем не менее — в последний раз — «ельцинские гарантии» сработали. Непрерывавшийся российско-американский диалог дал возможность найти выход из конфликта на условиях НАТО (миссия Черномырдина — Ахтисаари с участием Тэлботта), а саммит «восьмерки» в Кельне стал местом формального примирения России и ведущих стран НАТО. Россия (Ельцин, Черномырдин) считала, что спасла мир от войны, а США и лично Клинтона — от катастрофы наземного вторжения. В США, напротив, считали, что у России по сути дела не было иного разумного выбора, кроме как в конечном счете поддержать НАТО. Миссия НАТО на Балканах была завершена к осени 2000 г., когда в результате народных волнений президент Милошевич был свергнут. К этому времени Москва фактически утратила интерес к Югославии и к Балканам в целом.

Замена СПС в 2002 г. Советом Россия — НАТО стала качественным шагом вперед в развитии российско-западных отношений. Этому способствовал ряд факторов: выход на первый план в повестке дня международной безопасности тематики борьбы с терроризмом, геостратегическая фокусировка на регионе Большого Ближнего

Востока, снижение значения «российского фактора» в политической и военной деятельности НАТО, тривиализация НАТО в российском общественном и элитном мнении и ряд других. Проблема членства России в НАТО, как и проблема защиты ее территории от НАТО, утратила актуальность, что создало условия для прагматического сотрудничества там, где у сторон имеются общие интересы. В институциональном плане главной позитивной новацией стала замена прежнего формата «18 против одного» форматом «круглого стола» при формальном равенстве участников и свободном обмене мнениями между ними.

Партнерство России и НАТО стало стабилизирующим фактором российско-западных отношений. Главный политический смысл этого партнерства заключается в постепенной демилитаризации отношений между Россией и западными странами, прежде всего европейскими. Уже сейчас война между Россией и Германией столь же непредставима, как и война между Германией и Францией. С США, однако, отношения взаимного ядерного сдерживания фактически продолжают существовать. В практическом отношении сотрудничество России и НАТО в ряде функциональных областей (миротворчество, ПРО, чрезвычайные ситуации и др.) стимулирует процесс модернизации российской военной организации. Сотрудничество за пределами Европы (в частности, в Афганистане)⁶¹ создает дополнительные условия для успеха миссии НАТО, тем самым укрепляя безопасность соседей и союзников России в Центральной Азии и косвенно — безопасность самой России.

В то же время в России сохраняется характерное двоемыслие в отношении НАТО. Альянс рассматривается одновременно и как партнер, и как потенциальный противник. Фактически ответ дается такой: сегодня партнер, послезавтра, возможно, противник. Что должно произойти между «сегодня» и «послезавтра», не уточняется. Формула, казалось бы, устраивает всех. Политическому руководству она позволяет продолжать сотрудничать с

Западом в военной области, обеспечивая таким образом решение задач модернизации страны, и в то же время выглядеть «патриотично» в глазах традиционалистской части правящего слоя и «жить в мире» с противящимся переменам военным чиновничеством. Политические декларации и военное планирование явно не сходятся.

Минусы такой двойственности очевидны. Происходит постоянная дезориентация своих военных и иностранных партнеров. И первые, и вторые не понимают, где российское правительство говорит искренне, а где лукавит. Получают поддержку откровенно реакционные силы общества — несмотря на то, что в реальности военной угрозы убеждено явное меньшинство россиян⁶². Сохранение призрака западной угрозы — необходимая питательная среда для периодических истерий — будь то в связи с расширениями НАТО, кризисами на Балканах, ситуацией на Украине, на Кавказе, в Белоруссии, передислокацией вооруженных сил США из центра на юго-восток Европы. Блокируются позитивные начинания в военной области. Неясно, к каким типам войн готовится страна, что является истинными приоритетами, а что — «обманками».

Время от времени российское руководство выступает с вполне реалистическими заявлениями насчет того, что членство стран СНГ в НАТО не является для Москвы предметом беспокойства (благодаря сотрудничеству России и НАТО)⁶³ или что военное присутствие Запада в Центральной Азии не является трагедией. Расширение НАТО, ущемляя традиционные российские геополитические интересы, одновременно делает эту организацию менее эффективной в качестве военного блока. Украина в составе НАТО означала бы формальное завершение геополитического отступления России в Европе. В то же время только больное воображение способно увидеть в «натовской» Украине военную угрозу России. Тем не менее Верховный главнокомандующий — президент России не дает четких указаний, которые закрыли бы эпоху «холодной войны» с Западом в отечественном военном строительст-

ве. Несмотря на последствия советской пропаганды и частые информационные истерики 1990-х годов, относительное большинство россиян в первой половине 2000-х годов высказывалось в пользу сближения с НАТО⁶⁴.

Итак, интеграции России в НАТО, трансатлантическую систему безопасности не произошло. Россия в начале XXI в. строит свою безопасность одновременно и вместе с Западом, и против него. Такой характер отношений с НАТО объясняется прежде всего тем, что альянс — даже после терактов 11 сентября 2001 г. и войны в Ираке — воспринимается в Москве преимущественно как организация, в которой доминируют США. Интересно в этой связи сравнить отношения России и НАТО с отношениями между нею и Европейским союзом.

Россия в Европе или Россия и Европа

ЕЩЕ В 1989 ГОДУ МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ отказался от военно-политического и идеологического доминирования СССР в Центральной и Восточной Европе и выступил с идеей общеевропейского дома. В течение последующих полутора десятилетий такой дом действительно был выстроен (на других основаниях и по другому проекту), но Россия оказалась вне его. Более того, она остается по сути единственной европейской страной, которая в обозримом будущем (15–20 лет) не имеет реальных шансов «войти в Европу». О чем идет речь?

Содержание понятия «Европа» непрерывно менялось на протяжении двух с половиной тысячелетий⁶⁵. На рубеже XXI в. политическая и экономическая Европа стала фактически тождественной Европейскому союзу. Эта Европа перестала быть полем, т. е. понятием пространственным, географическим. Она стала актором, т. е. самостоятельным фактом политической жизни, но одновременно остается и форумом входящих в ЕС национальных государств. Географическая и культурная Европа шире

(и она, разумеется, включает Россию), но при обсуждении проблем международных отношений — в том числе внешней политики России — сейчас и на перспективу имеет смысл говорить о *Европе-ЕС*.

В период «холодной войны» Москва намеренно не обращала особого внимания на предшественника Евросоюза — Европейское экономическое сообщество. Главной реальностью коллективного Запада считалось НАТО, ЕЭС же выступало в качестве его «экономической подпорки»⁶⁶. Стремясь максимально использовать «внутриимпериалистические противоречия», Советский Союз предпочитал иметь дело с отдельными государствами, по возможности игнорируя их объединения. Наследники Ленина следовали его формуле: при капитализме Соединенные штаты Европы либо невозможны, либо реакционны. Москва установила прямые отношения с ЕЭС только в 1991 г.

На Западе даже после 1989 г. Европу воспринимали как простирающуюся вплоть до советской границы. Единственным исключением были три балтийские республики. Советский Союз считался европейской державой в смысле наличия у него интересов в Европе. Наряду с США его называли «полуевропейской» страной. «Какое бы будущее мы ни предвидели для европейской конструкции, — писал директор Французского института международных отношений Тьерри де Монбриаль, — Советский Союз никоим образом не может стать ее членом»⁶⁷. Будущее Европы самим европейцам виделось не в «общем доме» с СССР, а в европейской интеграции. Наиболее последовательные сторонники интеграции преследовали цель создания политически сильной Европы, способной стать достойным партнером США. При этом Восточная Европа рассматривалась на рубеже 1990-х годов как зона влияния ЕЭС, а Советский Союз — как партнер в рамках системы европейской безопасности. Только в рамках этой системы СССР становился частью Европы.

Согласно распространенным представлениям распад СССР далеко отбросил Россию от Европы. Действитель-

но, российские границы по состоянию на конец 1991 г. (за исключением Калининградского анклава) проходят примерно там, где они пролегли в конце XVII в., до петровских приобретений. У тех, кто привык к присутствию (в основном политическому и военному) России в Европе, появилось ощущение маргинализации, тем более что между Россией и тем, что в России обычно подразумевается под Европой (т. е. Германией и странами к западу, северу и югу от нее), вновь появился пояс государств, традиционно относящихся к России с подозрением. Но тождествен ли геополитический откат цивилизационному? Находиться (тем более *дислоцироваться*) в Европе и быть европейцем — разные вещи. Перестав быть *державой в Европе*, Россия получила шанс стать *европейской страной*.

После 1991 г., таким образом, в России выявились два подхода: державный (традиционалистский), нацеленный на восстановление позиций России в Европе, и ценностный (модернизаторский), основанный на понимании Европы не как территориальной совокупности великих, средних и малых государств, а как общности ценностей, в центре которой — права личности. В то время как традиционалисты требовали *больше России в Европе*, модернизаторы добивались *больше Европы в России*.

Сторонники современного подхода стремились сделать Россию, как минимум, совместимой с современной Европой. С их точки зрения главной проблемой Европы рубежа XXI столетия стала не традиционная безопасность, а европейская интеграция. Объединение Германии ускорило этот процесс, подтолкнув заключение Маастрихтского договора о более тесном союзе, и поставило перед Россией вопрос — как относиться к ЕЭС, трансформирующемуся в полномасштабный Европейский союз.

Идея присоединения к Евросоюзу имела в России еще меньше энтузиастов, чем идея вступления в НАТО. Президент Ельцин и премьер Черномырдин затрагивали эту тему вскользь, как бы между делом. На протяжении 1990-х годов Евросоюз рассматривался в Москве как

преимущественно экономическая организация, малокомпетентная в вопросах «высокой политики» (внешняя политика, оборона, безопасность). Кроме того, после публикации Евросоюзом в 1993 г. Копенгагенских критериев членства у тех руководителей российского правительства, кто с ними ознакомился, не должно было остаться сомнений в том, что вступление в Союз — дело чрезвычайно сложное, болезненное и долгое. Тем не менее в первой половине — середине 1990-х годов значительная часть российской элиты стала энтузиастами расширения ЕС — для стран Центральной и Восточной Европы, бывших членов Совета экономической взаимопомощи. В Москве исходили из альтернативности расширения ЕС и НАТО и считали, что первое однозначно предпочтительнее. В глазах российских политиков Евросоюз обладал двумя существенными преимуществами перед НАТО: в нем не участвовали США и у него не было собственных объединенных вооруженных сил.

Как и в отношении НАТО, Россия в отношениях с ЕС взяла курс на «суверенное партнерство». В июне 1994 г., вскоре после присоединения Российской Федерации к «Партнерству во имя мира», было подписано Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между нею и ЕС. По сравнению с Европейскими соглашениями, ассоциировавшими страны Центральной и Восточной Европы с ЕС, оно было менее содержательным⁶⁸.

Соглашение устанавливало рамки политического диалога между президентом России и руководством Комиссии Европейских сообществ и ставило долгосрочную цель создания зоны свободной торговли. Фактически оба партнера ставили перед собой ограниченную задачу регулирования торговых отношений, которые, в свою очередь, в значительной степени состояли из поставок в страны ЕС российских энергоносителей (две пятых потребляемого газа и восьмая часть нефти) и встречных поставок в Россию из ЕС машин и оборудования, продукции химической и пищевой промышлен-

ности и других промышленных товаров (более трети всего российского импорта)⁶⁹.

Развитие двусторонних отношений в 1990-е годы было вялым как из-за бюрократических проволочек, так и из-за отсутствия понимания структур и механизмов ЕС в Москве и усилий лоббистских групп в Брюсселе. Из-за первой чеченской кампании и неясности с переизбранием Ельцина соглашение вступило в силу только в декабре 1997 г., в 1998 г. Россию поразила финансовый кризис, в 1999 г. началась вторая кампания в Чечне и состоялась передача власти в Кремле. Лишь политики либерально-демократического направления — от Егора Гайдара до Григория Явлинского — последовательно выступали в пользу постепенного «вхождения России в Европу»⁷⁰. Опубликованные в 1999 г. Коллективная стратегия ЕС в отношении России и российская Стратегия развития отношений с ЕС на среднесрочную перспективу были стратегиями только по названию, на деле это были типичные бюрократические документы. Лишь с Парижского саммита ЕС — Россия (2000 г.) в отношениях партнеров наступило оживление.

Выступая в германском бундестаге 21 октября 2001 г., Путин предложил Европе объединить собственные возможности с российскими ресурсами — людскими, территориальными и природными, экономическими, культурными, оборонными⁷¹.

Определился горизонт развития отношений в виде зоны свободной торговли ЕС — Россия. Начиная с 2003 г. представители ЕС и Российской Федерации рассматривают проблемы постепенного формирования «общих пространств» в области экономики, контактов между людьми, законности и правопорядка и внешней безопасности. Вероятно, на выстраивание отношений по этой схеме уйдет несколько десятилетий. Но и в случае успеха в создании четырех общих пространств отношения ЕС и России будут скорее всего укладываться в контекст европейской «политики соседства». На обозримую перспек-

тиву Европейский союз и Россия будут друг для друга *внешними* партнерами.

Ситуацию могли бы изменить массивированные инвестиции в российскую экономику, но политическая нестабильность в 1990-е годы и неуверенность в политике российских властей в 2000-е годы, необеспеченность верховенства закона и слабость судебной власти, высокий уровень коррупции, плохое корпоративное управление, непрозрачность отношений собственности резко ограничивали объемы европейских капиталовложений. Хотя ЕС был главным внешним инвестором в Россию, объемы инвестиций были мизерными. В этом отношении не только страны Центральной и Восточной Европы и Китай, но даже ряд стран СНГ предлагали европейским бизнесменам более выгодные и безопасные условия для ведения дел. В то же время в отличие от стран Центральной и Восточной Европы приток иностранных инвестиций не является непременным условием для экономического роста в России. Благодаря выгодной конъюнктуре цен на энергоносители и ряду других факторов Россия не испытывает острой потребности в финансовых вливаниях. Иностранные инвестиции важны скорее как средство привлечения передовых технологий и стимул для улучшения качества корпоративного управления.

Частные программы сотрудничества, такие как Северное измерение, оказались малоэффективными, поскольку им мешали те же (перечисленные выше) общие препятствия. Кроме того, лоббистами этих программ выступали небольшие страны ЕС, не пользовавшиеся исключительным влиянием в Брюсселе (Финляндия, Швеция)⁷², а естественные партнеры Европы — региональные администрации российского Северо-Запада были в основном малокомпетентны и малоопытны в вопросах трансграничного сотрудничества. Фактор появления в 1995 г. первого 1300-километрового участка границы России с членом ЕС Финляндией, а в 2004 г. — еще нескольких сотен километров с Эстонией, Латвией, Литвой,

Польшей мало что изменил в этом. Наконец, федеральный Центр ревниво смотрел на развитие внешних связей регионов, усматривая в этом угрозу целостности страны.

Столь же малопродуктивной оказалась попытка перенести опыт создания еврорегионов на пограничье России и Евросоюза. Калининград, расположенный гораздо ближе к Берлину и Стокгольму, чем к Петербургу и Москве и выглядевший естественным кандидатом на роль лаборатории двустороннего сотрудничества, не сумел реализовать свои преимущества ни в чем другом, кроме транзита грузов из Европы (особенно подержанных автомобилей) в Российскую Федерацию. Отсутствие местной инициативы и установка федеральных властей на сохранение безусловного контроля над единственным в России эксклавом привели к тому, что проблемность Калининграда не снижается, а возрастает. Особенно в условиях, когда непосредственные соседи области — Литва и Польша — стали членами Европейского союза.

Расширение Европейского союза в 2004 г., которое в 1990-е годы рассматривалось едва ли не как панацея от расширения НАТО, имело для позиций России в Европе гораздо большее значение, чем прошедшие в 1999 и 2004 гг. две волны расширения НАТО. Оказалось, что НАТО далеко не так опасно, как представлялось, зато приблизившийся ЕС приносит России массу проблем, но вместе с тем открывает большие возможности. После двойного (атлантического и европейского) расширения к 2004 г. практически весь континент за пределами СНГ объединился под эгидой НАТО и ЕС. Остающиеся за их пределами Балканы повсеместно признаются зоной ответственности ЕС. Именно после этого Евросоюз стал прочно ассоциироваться с Европой. *Европейская безопасность стала фактически внутренним делом Евросоюза и НАТО.*

В России осознание этого пришло, по-видимому, еще осенью 2000 г., когда — неожиданно для Москвы — под давлением снизу рухнул режим Слободана Милошевича в Белграде. Если вывести за скобки финансовый аспект,

Милошевича (как и Саддама Хусейна) поддерживали главным образом потому, что он активно сопротивлялся Западу, «удерживал свою баррикаду» и тем самым оставлял хотя бы ограниченное пространство для действий России как великой державы. С уходом Милошевича Балканы для Москвы остались только Балканами. Последствия были очевидны. Вывод российских миротворцев из Боснии и Герцеговины и Косово в 2003 г. стал признанием того, что не только эти территории, но также безопасность Македонии и Албании, дальнейшая судьба Сербии и Черногории, как и будущее разделенного Кипра, — дело прежде всего Европейского союза.

Начиная с 2003 г. внимание Москвы все больше сосредотачивается на постсоветском пространстве⁷³. Еще в 2001–2002 гг. российское руководство провозглашало лозунг «вместе в Европу». Затем вектор усилий изменился. Москва стала делать упор на поддержку российской экономической экспансии, расширение политического влияния России, обеспечение интересов безопасности. Центральным направлением этих усилий стало формирование Единого экономического пространства (ЕЭП) России, Украины, Казахстана и Белоруссии — своего рода прообраза Восточноевропейского союза. Фактически администрация Путина попыталась выстроить рядом с ЕС «вторую Европу» из числа бывших советских республик. Идея заключалась, насколько можно судить, не в противопоставлении этой «второй (московской) Европы» — «первой (брюссельской)», а в том, чтобы подготовить выгодные условия для создания в будущем двусоставной Большой Европы, в которой Россия получила бы возможность играть ведущую роль.

Концепция ЕЭП разрабатывалась специально «под Украину» — в ожидании победы Виктора Януковича на президентских выборах 2004 г. Ставка, которую сделал Кремль на тогдашнего украинского премьер-министра, была исключительно велика. Соответственно последствия поражения были чрезвычайно существенны. Наиболее

важным из них стала демонстрация неспособности Кремля реализовать «проект СНГ» и — что серьезнее — недостаточной привлекательности нынешней России как центра возможного объединения постсоветских государств.

Главным новым «внешним» обстоятельством стало усиление проевропейских тенденций в странах новой Восточной Европы и Южного Кавказа при параллельном — хотя и гораздо менее интенсивном — усилении интереса к ним со стороны стран ЕС. Поскольку проевропейские тенденции объективно являются альтернативой традиционным пророссийским, постсоветское пространство все больше рассматривается как зона геополитического соперничества России и Евросоюза. Это впечатление неверно. Новые государства являются не столько объектами политики, сколько ее субъектами; внешнеполитическая ориентация Киева, Тбилиси, Кишинева и др. определяется внутренними процессами в соответствующих странах, а не интригами внешних сил. Россия и Европа если и соревнуются, то посредством реализуемых ими моделей развития.

Ключевой проблемой является вопрос о том, какие ценности лежат в основе той или иной модели. Европейский союз помогает россиянам модернизировать страну путем ее «европеизации», т. е. приведения к современным европейским стандартам в различных областях. Между 1991 и 1999 гг. в рамках программ ТАСИС (технической помощи странам СНГ) ЕС расходовал около 200 млн ЭКЮ в год на помощь в становлении демократии и рыночной экономики, охраны окружающей среды⁷⁴. Наряду с программой ТАСИС в России активно действует Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР). ТАСИС и ЕБРР успешно работают и в других постсоветских государствах.

В течение большей части 1990-х годов создавалось впечатление, что Россия выберет предлагаемый Брюсселем путь модернизации через восприятие европейского законодательства — своего рода «норвежский вариант», когда обеспечивается полное единство правового про-

странства без политического участия. Безусловно, европейское законодательство было гораздо прогрессивнее советского, от которого Россия активно избавлялась. Выборочное принятие европейских норм — за вычетом социального блока, непосильного для России и устранявшего ее конкурентные преимущества, — многие рассматривали как целесообразное⁷⁵. В то же время *acquis communautaire* представляет собой единый комплекс, и частичное его принятие создавало бы проблемы внутренней нестыковки. В результате Россия встала на путь создания собственного законодательства, по возможности приближенного к нормативной базе Европейского союза.

Оценивая отношения России с ЕС, необходимо учитывать разнородность субъектов отношений. Современная Европа — «нормативная империя», вступившая в период «постмодерна». Россия, напротив, — традиционное для исторической Европы государство с оформляющимися национальными интересами. По таким характерным вопросам, как климатическая безопасность (Киотский протокол) и пределы юрисдикции Международного уголовного суда, российская позиция в принципе гораздо ближе к американской, чем к европейской. Конкретные национальные интересы полагаются выше абстрактных норм права (решение ратифицировать Киото было принято опять-таки исходя из прагматической оценки различных интересов).

Российская политика в отношении объединенной Европы следует по двум «колеям». Связи с ЕС как с единым целым являются новым дополнением к традиционным двусторонним контактам с национальными государствами — членами Союза. Постепенно в Москве учатся различать сферы компетенции Брюсселя и национальных столиц.

На двустороннем уровне важнейшее значение имеют отношения России с **Германией** и Францией при явном лидерстве первой. Согласие Горбачева на воссоединение Германии под эгидой боннской республики решающим образом способствовало историческому примирению

России и Германии. За 1990-е годы эти отношения существенно сблизились под влиянием ряда факторов. Особый интерес для россиян представлял опыт посттоталитарного возрождения ФРГ. В период президентства Ельцина канцлер Гельмут Коль стал главным «адвокатом» России в западном мире⁷⁶. ФРГ является самым крупным экономическим партнером России. После воссоединения Германия получила возможность вести политику «в национальных интересах»⁷⁷, в том числе проводить активный курс на востоке Европы. С точки зрения германского бизнеса Россия представляет несомненный интерес.

В российской элите всегда существовало крыло, отдававшее предпочтение связям с Германией. В прошлом это делалось в противовес западным странам: Франции и Англии, а затем США, сейчас этот фактор не является определяющим. С приходом к власти Путина германское направление приобрело исключительное значение. Обоюдный экономический и политический интерес России и Германии, их взаимопонимание являются важнейшим элементом прочных отношений между Россией и европейским Западом⁷⁸. Шестидесятилетие окончания Второй мировой войны (2005 г.) стало поводом для торжественных заявлений лидеров России и Германии о том, что историческое примирение между двумя народами совершилось⁷⁹.

Отношения с **Францией** уступают лишь связям с Германией, причем не конкурируя с ними, а дополняя их. Российско-французские отношения покоятся на историческом фундаменте союзничества в мировых войнах. Сегодня они носят в определенном смысле «легитимирующий» характер. Российско-германский альянс вызывает неприятные ассоциации и воспоминания не только на востоке Европы, но также на западе континента и в США. Участие Франции придает конструкции характер «фракции» внутри Западного общества, а не сговора его врагов. Со своей стороны Франция традиционно использует российский фактор для поддержки своей панъевропейской политики (в том числе для «дружеского уравни-

вешивания» Германии), а также для продвижения глобальных претензий (*vis-à-vis* США).

В постсоветской России особое внимание привлекает французский опыт сохранения «особого статуса» в составе Западного общества, способность Парижа оппонировать Вашингтону, не нанося непоправимого ущерба союзническим отношениям. В первой половине 1990-х годов была популярной идея «русского голлизма»⁸⁰.

В целом Россию с Германией и Францией сближают однопорядковость «весовых категорий» в современном мире, богатый исторический опыт отношений (в том числе крушения империй), а также необходимость отстаивать свои интересы в мягком оппонировании Соединенным Штатам. Наряду с этим, конечно, между Россией, с одной стороны, и Германией и Францией — с другой, существует принципиальный временной разрыв. Если Франция и Германия, по словам Дональда Рамсфельда, — это старая Европа, то Россия — это Европа еще более старая. Тем не менее сближение Москвы с Берлином и Парижем в целом содействует достижению целей модернизации страны.

Германия и Франция находятся в самом центре европейской политики Москвы. В следующем круге расположены две другие ведущие страны — Великобритания и Италия.

Великобритания традиционно была важна для Москвы как «мостик» через Атлантику в условиях, когда прямой диалог с Вашингтоном был затруднен. С 1950-х годов Лондон несколько раз выступал посредником, «переводчиком» между Кремлем и Белым домом. Премьер-министры Черчилль, Иден, Макмиллан, а в позднейшие времена Тэтчер играли именно такую роль. В начале 2000 г. Тони Блэр немало способствовал активизации диалогов Москвы с Брюсселем (НАТО) и Вашингтоном. Так, благодаря Лондону формула «19 + 1» в отношениях России и НАТО была преобразована в 2002 г. в формулу «двадцатки». Позднее, когда Путин перестал нуждаться в посредниках в отношениях с Бушем, а Блэр тесно связал бри-

танскую внешнюю политику с американской, нужда в посредничестве отпала.

Гораздо меньшим спросом пользуется в России другой уникальный опыт Британии — реорганизации империи в содружество, сохранения важных позиций по всему миру, поддержания «особых отношений» с Вашингтоном и вхождения в Европу во многом на собственных условиях. Между тем трансформация СНГ в организацию, сосредоточенную преимущественно на проблемах гуманитарного и культурного характера, может сделать британский опыт востребованным.

Рим традиционно является привилегированным партнером Москвы. Несмотря на фашистскую диктатуру Муссолини и даже участие итальянских войск в войне против СССР, не говоря уже о неизменно проатлантической ориентации правительств послевоенной **Италии**, отношения с Москвой оставались практически бесконфликтными. Для многих россиян Италия — это «мягкий», неагрессивный и близкий по «народному духу» Запад.

Третий круг образуют средние и малые государства, такие как Испания, Греция, Австрия, Финляндия, Швеция, Норвегия, Португалия. Некоторые из них близки России в историческом и социальном отношениях, другие являются непосредственными или близкими соседями, третьи — традиционные посредники на путях с запада на восток, четвертых объединяет с Россией общая православная вера. «Завязки», формирующиеся на этом уровне, чрезвычайно важны для самовосприятия русских как европейцев.

Наконец, в четвертом круге расположены страны Центральной и Восточной Европы — Польша, Венгрия, Румыния, государства Балтии и др. Когда-то в Германии их пренебрежительно называли *Zwischeneuropa*, а в России — «лимитрофами». В прошлом для многих россиян Европа начиналась на Одере или Эльбе, а с точки зрения многих в Центральной и Восточной Европе она заканчивалась на Нарове, Западном и Южном Буге и Дне-

стре. Россию очень многое связывает со славянскими Польшей и Чехией, с православными Румынией и Болгарией; в Латвии, Литве и Эстонии живет около 1 млн этнических русских. В то же время отношения с этими странами отягощены историческими обидами и возникшими на их основе претензиями. После того как в 2004 г. страны Центральной и Восточной Европы стали членами ЕС, они начали оказывать существенное влияние на развитие европейско-российских отношений. Следующим, пока еще потенциальным кругом европейских партнеров России могут стать Украина, Грузия и их соседи.

Итак, отношения Россия — Европа не ограничиваются Брюсселем. Лидеры Евросоюза играют роль «мотора» в отношениях между ЕС и Россией. Другие крупные европейские страны — важные «якоря» российской внешней политики, посредники между Россией и США. Средние и малые государства играют свою уникальную роль многочисленных и прочных связующих нитей. Наконец, без действительного примирения и согласия со странами Центральной и Восточной Европы и Балтии Россия не будет принята как «своя» в Европе.

Тем временем Европа уже стала «своей» для миллионов россиян. Лондон, где насчитывается до 300 тыс. русскоязычных жителей, и Кипр стали главным местом деловой активности россиян за пределами России. Средиземноморскую Ривьеру и альпийские горнолыжные курорты облюбовали для отдыха люди с высоким и средним уровнем доходов; пансионаты Англии, Швейцарии и Мальты стали местом получения образования для их детей; Испания и Чехия лидируют по числу объектов недвижимости, приобретенных россиянами, а банки Швейцарии и британские офшоры — по объемам вложенных капиталов. Общественное мнение России настроено определенно «проевропейски»: плохо или в основном плохо относятся к ЕС только 11–13% граждан⁸¹.

Гуманитарный аспект российско-европейских отношений находится в основном в ведении **Совета Европы**.

Созданный в 1949 г., но вскоре оказавшийся в тени институтов европейской экономической интеграции и НАТО, он пережил второе рождение с окончанием «холодной войны». Совет, сосредоточившийся на продвижении и защите европейских ценностей, прежде всего прав человека, стал воплощением «духа Европы». После исчезновения «железного занавеса» он открыл свои двери для бывших социалистических стран и бывших республик СССР, которые стали активно присоединяться к этой организации. Для России, стремившейся в 1990-е годы интегрироваться в западные структуры, но не видевшей практической возможности для вступления в центральные институты (НАТО, ЕС), вхождение в Совет Европы в 1996 г. стало важным символом «принадлежности к цивилизованному миру».

Практические последствия российского членства в Совете Европы состоят в действующем с августа 1996 г. моратории на применение смертной казни в России, периодическом мониторинге его представителями состояния российских тюрем, инспекционных поездках представителей Парламентской ассамблеи Совета Европы в Чечню и обсуждении ситуации с правами человека в Чечне на заседаниях ассамблеи. С другой стороны, Россия получила возможность инициировать в Совете обсуждения положения с правами человека — фактически с правами русскоязычных жителей Латвии и Эстонии.

В целом война в Чечне является важнейшим аргументом тех европейцев, которые считают, что Россия, в отличие от стран Центральной и Восточной Европы, не сумела совершить свой «транзит». Продолжающаяся война противоречит ценностям современной Европы. Она укрепляет позиции тех сил в России, которые делают ставку на авторитаризм, и одновременно ослабляет позиции либеральных и демократических кругов. Война приводит к массовым нарушениям прав человека со стороны всех участников конфликта. В то же время положение, когда Совет Европы из Страсбурга критикует Москву за дей-

ствия федеральных сил в Чечне, представляет собой картину несовпадения «исторических времен». Вступившая в эпоху *постмодерна* Европа критикует Россию, все еще находящуюся на стадии исторического модерна, за действия на территории, где ей противостоит традиционный (pre-modern) противник.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе до сих пор остается единственной общеевропейской организацией в сфере безопасности, где Россия является полноправным членом — наряду с более чем 50 другими государствами. После окончания «холодной войны», роспуска Варшавского договора и распада СССР Москва пыталась выстроить новую архитектуру безопасности, в центре которой находилась бы «усиленная» ОБСЕ во главе с Европейским советом безопасности, созданным по подобию Совета Безопасности ООН (и подразумевавшим статус России в качестве постоянного члена). Под эгидой этой «усиленной» ОБСЕ должны были действовать другие европейские объединения и организации включая НАТО, ЕС, Совет Европы, СНГ. Таков был первоначальный вариант проекта «Большой Европы», ставшего преемником идеи «общеевропейского дома». Главенство «усиленной» ОБСЕ должно было олицетворять «равноправный характер партнерства» между Россией и Западом. На самом деле такое «равноправие», если бы оно было реализовано, скорее всего привело бы к тиражированию модели Совета Безопасности ООН, не способного принимать решения из-за разногласий между его членами, особенно Москвой и Вашингтоном. В Германии в 1990-е годы были силы, благосклонно относившиеся к идее усиленной ОБСЕ, но эта идея не получила развития. США, со своей стороны, стремились использовать ОБСЕ как привязку России к Западу в новых условиях.

Реальность оказалась тяжелой для России. ОБСЕ не только не стала «суперорганизацией» европейской безопасности, уступив эту роль НАТО, но во второй половине 1990-х годов фактически превратилась в *западную* орга-

низацию, сосредоточившуюся на проблемах демократии, положения национальных меньшинств, вопросах безопасности на территории государств, оставшихся за пределами НАТО и Европейского союза, т. е. фактически государств бывшего СССР и бывшей Югославии. Кульминационной точкой этой эволюции стал саммит ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 г., когда Россия оказалась в унижительной изоляции по чеченской проблеме. Эволюция ОБСЕ явно противоречила внешнеполитическим интересам России и вызвала резкое снижение интереса Москвы к этой организации. После «оранжевой революции» на Украине и свержения президента Акаева в Киргизии Москва уже открыто обвинила ОБСЕ во вмешательстве в политические процессы в бывших советских государствах. Россия потребовала реформы ОБСЕ и приостановила ее финансирование.

Фактически ОБСЕ перестала всерьез интересоваться Москву тогда, когда стало ясно, что план создания Европейского совета безопасности потерпел неудачу. Россия всегда стремилась к членству в эксклюзивных клубах. Еще Андрей Козырев говорил, что национальная сверхзадача России заключается в том, чтобы «буквально за волосы себя вытащить... в клуб наиболее развитых держав»⁸². Наиболее престижным из этих клубов была, конечно, Группа семи, или «семерка».

«Восьмерка» и «денверский пакет»

ЕЩЕ ПРИ МИХАИЛЕ ГОРБАЧЕВЕ Москва успела получить статус наблюдателя при МВФ, Всемирном банке и Генеральном соглашении по тарифам и торговле. Была поставлена долгосрочная задача вступления в Организацию экономического сотрудничества и развития. Главной целью Российской Федерации, однако, было вступление в «семерку», объединяющую ведущие государства Запада.

Еще в 1991 г. Горбачева впервые пригласили на заседание «семерки» в Лондоне — для обсуждения вопроса о помощи Запада советским реформам. О членстве Советского Союза, разумеется, тогда не могло быть и речи. В 1992 г. Ельцин как первый демократически избранный президент России получил приглашение на встречу в Мюнхен — также для обсуждения вопроса о помощи российским реформам. Затем это стало традицией. Лишь постепенно, однако, Россия стала участницей политических дискуссий совместно с членами «семерки», своего рода «кандидатом в члены» группы. Поскольку Российская Федерация 1990-х годов объективно не могла соответствовать западным стандартам законопавия, демократии, рыночной экономики, уважения прав человека, ее «кандидатство» могло продолжаться бесконечно долго, создавая и усугубляя напряженность в отношениях между Москвой и ее партнерами. Для изменения ситуации требовалась политическая воля.

Еще в 1994 г. Билл Клинтон был готов повысить статус Бориса Ельцина с гостя до участника, но экономические и политические реальности Российской Федерации не создавали для этого никакой возможности. Клинтон, однако, руководствовался политическими соображениями, а не результатами «демократического аудита» России: «Мы включим русских в семерку, — считал он, — а они уйдут из Балтии. Если они состоят в клубе для больших, у них меньше причин избивать маленьких»⁸³. Спустя три года Клинтон, стремясь укрепить позиции Ельцина, с трудом переизбранного на второй срок, и компенсировать России психологическую травму, нанесенную решением о расширении НАТО на восток, наконец, предложил на встрече в Денвере, где он был хозяином, включить Российскую Федерацию в состав Группы. Хотя Клинтон публично аргументировал свое решение тем, что Россия становится полноправным членом сообщества демократий, для него речь шла о политической целесообразности. Денвер помог преодолеть Мадрид (т. е. рас-

ширение НАТО на восток). Встреча в Бирмингеме в 1998 г. получила уже официальное название «саммит восьми», а в 2006 г. «восьмерка» встретится уже в России. «Клубность» подразумевала признание респектабельности России и престижа ее лидера в обмен на ее сотрудничество с США.

Таким образом, проблема неполного соответствия Российской Федерации критериям членства в Группе восьми (аргумент конгрессмена-демократа Томаса Лантоса и сенатора-республиканца Джона Маккейна в 2003–2005 гг.) существует с самого начала и в частном порядке признавалась Белым домом. Вероятно, в дальнейшем администрация США будет поступать, исходя из соображений целесообразности, но с учетом имиджа российской власти, складывающегося у американского общественного мнения.

Участие России в работе «восьмерки», однако, по-прежнему остается неполным — финансово-экономические вопросы, для обсуждения которых первоначально была создана группа, продолжают обсуждаться в формате «семерки». Таким образом, интеграция Российской Федерации в состав наиболее престижного западного клуба растянулась на полтора десятилетия — от приглашения Горбачева в Лондон в 1991 г. до намеченного на 2006 г. саммита «восьмерки» в России под председательством президента Путина — и все еще остается неполной.

«Денверский пакет», составленный благодаря активному участию А. Чубайса, включал также вступление Российской Федерации в Парижский и Лондонский клубы кредиторов. Став — благодаря преимущественно безнадежным долгам стран «третьего мира» Советскому Союзу — членом этих клубов, Россия получила возможность несколько сбалансировать свой имидж мирового должника и объекта стараний (и контроля) Международного валютного фонда. Для избавления от этого имиджа потребовались дефолт 1998 г. и прекращение кредитования России со стороны МВФ, а затем уже решение

Москвы отказаться от внешних займов и начать выплату долгов (в том числе досрочную). Это стало возможно в результате резкого повышения цен на нефть.

Совет Безопасности ООН

В ПРЕДЫДУЩИХ РАЗДЕЛАХ ГЛАВЫ говорилось о проблемах взаимодействия России с ведущими западными институтами. В этом и последующих разделах речь пойдет о российско-западных взаимоотношениях в рамках международных институтов и системы международных отношений в целом.

К началу XXI в. российская элита в принципе была готова воспринимать Америку в качестве «первой среди равных». Свою страну российские руководители причисляют к числу «равных», т. е. к небольшой элитной группе держав — G-8 и P-5. Цель Москвы в современных условиях — добиться «полноценного членства» Российской Федерации в Группе восьми и дееспособного Совета Безопасности ООН.

Такое отношение к проблеме мироуправления основывается на длительной исторической традиции. В XIX в. Россия была одним из учредителей европейского Концерта держав, гарантом — наряду с Австрией, Англией, Пруссией и позднее также Францией — легитимного политического порядка на континенте. Во второй половине XIX столетия российский монарх участвовал в Союзе трех императоров, в начале XX в. Россия была членом Антанты. Лишь большевистская революция помешала ей занять место за столом победителей в Версале и стать одним из основателей Лиги Наций.

Приверженность большевиков идее мировой пролетарской революции была недолгой aberrацией. Адепты этой идеи стремились к уничтожению всего старого порядка, но у них не было в мыслях иной роли для России, кроме роли детонатора «мирового пожара». Уже Ленин,

однако, был вынужден из тактических соображений вернуться к элементам традиционной внешней политики (мирное сожительство с Западом, Рапалло). Сталин восстановил и закрепил державность как основу внешней политики страны. При нем СССР пытался блокироваться с Францией и Англией, делил с Германией Восточную Европу, а затем стал членом «Большой тройки». СССР подписал Атлантическую хартию и принял активное участие в создании ООН и разработке послевоенных контрольных механизмов для Европы.

Москва всегда дорожила постоянным членством в Совете Безопасности ООН. После распада СССР Российская Федерация приложила все силы, чтобы немедленно перевести это членство на себя. Россия продолжает рассматривать участие в соуправлении миром как свое неотъемлемое право и почетную обязанность.

После окончания «холодной войны», в ходе которой значение ООН существенно уменьшилось, Москва попыталась «восстановить роль ООН», т. е. придать ей определенные уставом функции, которые организация в действительности никогда не выполняла. Беспрецедентная встреча Совета Безопасности на высшем уровне в феврале 1992 г. породила надежды на то, что отныне важнейшие решения в области международной безопасности будут приниматься органом, в котором Российская Федерация не только постоянно присутствует, но и располагает правом вето.

Это могло бы произойти при двух условиях — если бы Москва приняла принципиальное решение о поддержке в Совете Безопасности позиции США и если бы Вашингтон решил проводить свои важнейшие политические решения через ООН, предварительно консультируясь с остальными постоянными членами Совета Безопасности. В таком случае Франции было бы труднее оппонировать США, а Китай, традиционно избегающий прямого противостояния по вопросам, его непосредственно не затрагивающим, предпочитал бы оставаться в стороне. Ни того,

ни другого не случилось. Соединенные Штаты стали предпринимать односторонние действия, а Россия попыталась использовать новый расклад сил в мире для противодействия гегемонии США.

Так, устойчивое блокирование на протяжении ряда лет с Китаем и Францией, а затем также и с Германией против США и Великобритании при обсуждении в Совете Безопасности ООН иракского вопроса породило иллюзию возможности использования международно-правовых механизмов для сдерживания США. В российском элитном сознании на короткое время произошла фетишизация роли ООН. Иллюзии были развеяны вначале игнорированием США, Британией и Францией роли России при решении в 1999 г. косовского кризиса, а затем игнорированием мнения Совета Безопасности ООН со стороны США во время иракского кризиса 2003 г.

Ядерные отношения

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ эволюционировали от непосредственной подготовки к войне до ядерного сдерживания. Для СССР как экономически более слабой и политически менее влиятельной державы ядерное оружие «уравнивало шансы». Достижение военно-стратегического паритета с США имело огромное значение для Москвы. Фактически паритетный статус стал основой отечественной стратегической культуры, пережившей распад Советского Союза. Выступая сразу после трагедии в Беслане, президент Путин назвал помощниками террористов тех, кто действует, «полагая, что Россия — как одна из крупнейших ядерных держав мира — еще представляет для кого-то угрозу», которую «надо устранить»⁸⁴.

Современные российско-американские ядерные отношения базируются на субстрате времен «холодной войны». Ситуация взаимного сдерживания сохраняется⁸⁵. Де-

ло не только в факторе технологии и силе инерции, но и в неопределенности стратегических отношений двух стран после окончания периода противостояния. «Остаточное сдерживание» призвано служить гарантией безопасности на случай резких перемен в поведении другой стороны. В случае США — от превращения России в «государство-изгоя». В случае России — от превращения России в объект нападения со стороны США подобно Сербии или Ираку. В итоге полтора десятилетия спустя после окончания «холодной войны» ядерные потенциалы США и России по-прежнему предназначены в основном для сдерживания (путем угрозы уничтожения) бывшего противника.

Контроль над вооружениями с начала 1960-х годов составлял основное содержание советско-американского диалога. На рубеже 1990-х произошла резкая деактуализация ядерных отношений. Внезапно завершилась целая эра переговоров по контролю над вооружениями. Между Договором по СНВ-1 (1991 г.) — самым подробным договором по военно-стратегическим вопросам в истории — и Договором СНВ-2 (1993 г.), которому предшествовали скорее дружеские консультации, чем стратегические переговоры, лежит пропасть. Наконец, Договор по сокращению наступательных потенциалов (2002 г.) обозначил новую ситуацию «стратегического разъединения» и свободы рук — правда, при сохранении режима взаимных инспекций.

Россия и США все дальше расходятся во взглядах на значение ядерного оружия. США, сохраняя потенциал сдерживания, стремятся — с учетом феноменального отрыва от остального мира в области высокоточного оружия — к сужению сферы и масштабов применения ядерного оружия. В то же время американцы работают над концепциями упреждающих ядерных ударов с применением миниатюрных зарядов. Россия активнее, чем во времена «холодной войны», использует факт наличия ядерного потенциала для целей политического сдерживания. Ельцин во время осложнений на Балканах не раз

говорил о перспективе «третьей мировой войны». За несколько недель до своей отставки, находясь с визитом в Пекине, он увещевал Клинтона «не забывать ни на минуту» о наличии у России стратегических наступательных вооружений. Путин в течение 2004 г. — трудного периода для российско-американских отношений — неоднократно сообщал о совершенствовании российского ракетно-ядерного потенциала.

На уровне военного руководства ядерное оружие должно было служить целям компенсации слабости российских сил общего назначения. В 1992 г. тогдашний главком Вооруженных сил СНГ маршал авиации Евгений Шапошников предостерегал Турцию от вмешательства в карабахский конфликт, угрожая «Третьей мировой». В 1993 г. российская военная доктрина отказалась от неприменения ядерного оружия первыми. Сохраняет свое значение тактическое ядерное оружие. Размещение такого оружия в Калининградской области неоднократно упоминалось официальными лицами как возможный российский ответ на расширение НАТО.

После окончания «холодной войны» центр тяжести практического взаимодействия между Россией и США сместился со стола переговоров на американские программы помощи России в демонтаже и ликвидации снимаемого с вооружения оружия массового уничтожения. Программа Нанна — Лугара «Совместное уменьшение угрозы» существенно помогла России выполнить обязательства по договорам о сокращении ядерных вооружений. Принятая в 2002 г. на встрече «восьмерки» в Канаскисе программа «Глобальное партнерство» по формуле 10 + 10/10 создает новые возможности для оказания такой помощи. В то же время при всей важности и отчасти незаменимости подобной поддержки эта помощь иногда воспринимается в России как американо-западная программа ядерного разоружения Российской Федерации.

Стоит особо отметить, что ядерное оружие Франции и Великобритании фактически выведено в России за скоб-

ки обсуждения. Этот факт свидетельствует о реальной демилитаризации отношений России с европейскими странами НАТО — в отличие пока что от США.

На рубеже 2000 г. возникла идея, что практическое сотрудничество России с США и европейскими странами в области противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД) способно в принципе вывести российско-американские и российско-западные отношения за пределы сдерживания. Совместное определение угрозы, совместная разработка и производство систем ПРО ТВД, совместное командование противоракетными силами фактически означали бы создание военного союза США, Европы и России. Эта идея не имела практического развития из-за нежелания США вступать в столь тесную взаимозависимость с иностранными партнерами и неприятия Европы в актуальность ракетной угрозы. Россия была готова сотрудничать.

Одним из немногих общих интересов Москвы и Вашингтона во времена «холодной войны» был интерес к предотвращению дальнейшего распространения ядерного оружия. Этот общий интерес сохраняется. В современных условиях, однако, приоритетность этой проблемы для России и США различна. Россия уже не сверхдержава — хранитель системы наряду с США и не государство-гегемон, подобно нынешней Америке, а страна, ориентированная на собственные интересы. Переход Вашингтона при администрации Дж. Буша-младшего к активной политике *контр*распространения вызывает в Москве опасения, что эта политика может вызвать военные конфликты с непредсказуемыми последствиями в непосредственной близости от российской территории (Иран, Северная Корея).

Кроме того, Россия, исходя из приоритета интересов отечественной атомной индустрии, развивает ядерное сотрудничество со странами, которые Соединенные Штаты относили к категории проблемных, в том числе с Ираном⁸⁶. Несмотря на длительное давление со стороны Вашингтона в этом чувствительнейшем для Соединен-

ных Штатов вопросе, Москва отказывалась присоединиться к США, считая, что тем самым позициям российских ядерщиков на международном рынке будет нанесен непоправимый ущерб. Ядерщики при этом ссылались на пример ракетчиков. В 1995 г. Россия официально присоединилась к Режиму контроля за распространением ракетных технологий (РКРТ). Однако еще в 1993 г. ей пришлось под давлением США пойти на отказ от контракта на поставку криогенных двигателей для индийских ракет, что подорвало российский престиж.

Не оправдались и российские надежды в связи с роспуском КОКОМ и ожидавшейся либерализацией мирового рынка оружия. Действительно, КОКОМ был распущен, хотя и не сразу, и Россия присоединилась (в 1994 г.) к Вассенаарским соглашениям о контроле над распространением обычных вооружений. Тем не менее расчеты российских оборонщиков на то, что после снятия политико-идеологических барьеров «холодной войны» они смогут занять выгодные позиции на мировом рынке оружия, не осуществились. Несмотря на то что производство вооружений считалось самой конкурентоспособной отраслью бывшей советской экономики, Россия оказалась «запертой» в «гетто» азиатских покупателей, у которых не было возможности приобретать оружие на Западе, — Китая и Ирана, или тех, кто являлся историческими клиентами СССР, — Индии и др. Рынки бывших союзников СССР по ОВД оказались утрачены в результате перевооружения новых членов НАТО, их перехода на западную технику. Рынки немногих клиентов, плативших за советское оружие валютой (Ирака, Ливии, Югославии), оказались закрыты из-за введенных по инициативе США санкций. Даже ряд стран СНГ (Грузия, Казахстан) стал получателем американских систем вооружений. В результате российский ВПК занял резко антиамериканскую позицию⁸⁷. Как показывает практика, возможности гармонизации интересов на этом направлении фактически отсутствуют с США и минимальны со странами ЕС.

Имеющиеся перспективы связаны с Индией и в гораздо меньшей степени с Израилем.

Энергетическая безопасность

ЕЩЕ СССР ЯВЛЯЛСЯ КРУПНЫМ поставщиком нефти и газа на мировой рынок. Энергетическая зависимость Западной Европы, прежде всего ФРГ, от советских энергоносителей была одновременно и фактором военной уязвимости Запада (что особенно беспокоило США, неоднократно вводивших санкции на поставки технологий Советскому Союзу), и элементом политической зависимости СССР от Запада. Пресловутая брежневская стабильность основывалась на поступлении валюты от продажи нефти. «Нефтяной кран» более чем уравнивался «нефтяной иглой». Советский Союз/Россия оказались весьма надежным поставщиком энергоносителей для Запада. Даже распад страны не привел к перебоям в экспорте нефти и газа.

За 1990-е годы обоюдная энергетическая зависимость России и Запада усилилась. В условиях свободного рынка нефть и газ остались немногими конкурентоспособными товарами российского происхождения. На их долю, по данным Госкомстата, приходится 8,7% ВВП (по расчетам Всемирного банка — 21,4%)⁸⁸. С другой стороны, увеличение энергопотребления в странах Европейского союза привело к повышению зависимости от российского сырья. Общие условия сотрудничества зафиксированы в Энергетической хартии.

После 11 сентября 2001 г. проблематика энергетической безопасности стала одной из основных в российско-американских отношениях. Появились надежды на продуктивный диалог и долгосрочное энергетическое партнерство. Эти надежды, однако, вскоре оказались существенно сниженными. Представления России и США о сущности проблемы и открывающихся возможностях

оказались далеки друг от друга. В то время как в Америке рассчитывали, что в результате партнерства американские энергетические компании получат широкий доступ на российский рынок и смогут стать собственниками крупных (и даже контролирующими) пакетов акций российских компаний, в России имели в виду выход на американский рынок нефтепродуктов и закрепление на нем.

У некоторых американцев присутствовал также расчет на то, что частные российские энергетические компании смогут стать крупными политическими игроками на российской внутренней сцене. В этом случае ориентация этих компаний на западный рынок, их связи с американским капиталом стали бы важным фактором ускоренной капиталистической модернизации России, ее «встраивания» в мировую систему во главе с США. В Кремле, напротив, существовало убеждение в ненормальности и недопустимости полной независимости отечественной энергетической отрасли от государства. Целью Кремля стало восстановление контроля над нефтяными компаниями.

В результате надежды на российско-американский энергодиалог разбились в 2003 г. о «дело Ходорковского», которое завершилось фактическим разгромом в 2004 г. компании ЮКОС. В 2005 г. они несколько оживились в связи с планами освоения Штокманского месторождения в Арктике, однако стремление кремлевских силовиков максимально ограничить иностранное участие в разработках российских стратегических ресурсов ставит жесткие пределы развитию сотрудничества в этой области.

Итак, после десятилетия проб и ошибок Российская Федерация заняла в международной системе место системного игрока, де-факто (хотя и неохотно) признающего лидерство США, но находящегося далеко от ядра системы. Россия движется по сложной орбите вокруг центра системы — США, то сближаясь с ним, то удаляясь. Выгоды системного положения перед внесистемным очевидны. Вместе с тем системность не тождественна интегрированности. На нынешнем этапе развития Россия объек-

тивно не может быть интегрирована в Западное общество, а ее элиты субъективно не заинтересованы в этом. В принципе возможности постепенной глубокой интеграции России в это общество существуют. Условия, характер и формы возможной интеграции будут специально рассмотрены в пятой главе.

В середине 2000-х годов, полтора десятилетия спустя после распада Советского Союза и через двадцать лет после начала Перестройки, Российская Федерация является полноправным и видным членом мирового сообщества. Она сохранила важные атрибуты традиционной великой державы — арсенал ядерного оружия, уступающий только американскому, место постоянного члена Совета Безопасности ООН, крупные вооруженные силы, обширную территорию, богатую энергетическими и другими природными ресурсами. Россия поддерживает мирные и даже дружественные отношения практически со всеми государствами. Ее отношения с ведущими державами, а также с соседями официально характеризуются как стратегическое партнерство⁸⁹.

По отношению к международному обществу Россия занимает сложное положение. Она не представляет собой полного (и самодостаточного) аутсайдера, но и не является официальным кандидатом на вступление в этот круг. Такую ситуацию можно сравнить с положением спутника, вращающегося вокруг центра по сложной орбите, то приближаясь, то удаляясь, но всегда находящегося на некотором расстоянии от центра и никогда не покидающего свою орбиту. В обычных условиях такое состояние может быть довольно устойчивым. Хотя положение «спутника» постоянно меняется, существуют пределы его сближения с центром и удаления от него. Для центра подобная ситуация хотя и не оптимальна, но в целом комфортна. Для спутника — не оптимальна и не комфортна.

Промежуточное положение России не является предопределенным. Нынешнее состояние — результат реше-

ний, принимавшихся на протяжении 1990-х годов и в основном закрепленных в начале 2000-х. Необходимо прежде всего отдать должное российскому руководству и российской элите — как бы ни относиться к ним коллективно и индивидуально. Россия сумела выйти из имперского состояния с наименьшими — по сравнению с другими империями в новейшей истории — потерями *для окружающих*. Был сохранен контроль за ядерным оружием и другими видами оружия массового уничтожения. Армия подчинилась политикам и разделилась на новые национальные компоненты. Были признаны государственные границы, оставившие 25 млн русских за пределами Российской Федерации. Были признаны внешние долги и все другие международные обязательства Советского Союза. Наконец, рушилось государство, но экспортные поставки энергоносителей не прекращались ни на день. Разумеется, была и иная сторона (война в Чечне, конфликты на Кавказе и т. п.), но — опять же по сравнению с последствиями выхода других стран из своих империй — Россия вышла с очень высокими потерями для себя и минимальными — для бывших провинций и соседей.

Сумев выйти из империи, Россия не смогла тут же присоединиться к тем, кто считал себя победителями в «холодной войне». Российские демократы, которые не видели фундаментальных противоречий между интересами Российской Федерации и США, настаивали на статусе равных партнеров, на который в принципе претендовать не могли. Ошибка деятелей этого периода заключалась в том, что они — в попытке переломить традиционные антизападные настроения — постоянно завышали ожидания от сотрудничества с Западом. В то же время они пытались всеми способами (и надеждами, и страхами) поддержать интерес к России в США и Европе.

Администрация Дж. Буша-старшего стремилась не столько использовать новую ситуацию, сложившуюся в связи с распадом СССР, сколько закрепить ее и минимизировать риски для США и их союзников. Задача помочь

России трансформироваться внутренне сформулировал лишь Клинтон, но в реальности ему удалось лишь более или менее удачно поддерживать Ельцина. Клинтон совершил ту же ошибку, что и российские демократы, причем из аналогичных добрых побуждений. Он постоянно сознательно завышал статус Ельцина и долгое время обеспечивал России льготный режим. Европейские правительства, за исключением германского, заинтересованного в реализации соглашения о выводе российских войск из бывшей ГДР, уделяли мало внимания России.

Российские умеренные державники (государственники), сменившие демократов у руководства внешней политикой, в принципе отказались от курса на присоединение к Западу. Действительно, к середине 1990-х годов эта политика в первоначальном виде себя исчерпала. Ошибка державников, однако, состоит не в том, что они видят Россию прежде всего как великую державу, а в том, что они не сумели переосмыслить понятие *великая держава* применительно к XXI в. Если демократы завышали ожидания от сотрудничества с Западом, то государственники — от следования традиционным курсом. В результате их также ждало поражение.

Западное общественное мнение стало жертвой стереотипов. «Хороший» стереотип России как растущей демократии, друга и будущего союзника США и Европы сменился «плохим», а по существу традиционным стереотипом авторитарной империи, угнетающей слабых соседей, сотрудничающей с врагами Запада и постепенно готовящей реванш за прошлое поражение. Общественное мнение не могло видеть нюансы, сложности, противоречия российской постсоциалистической, постимперской эволюции. Вообще говоря, от общественного мнения нельзя требовать специальных знаний, а значит, и различения всей гаммы цветов. Это было и остается уделом профессионалов, элиты. Проблемой является то, что в демократическом обществе элита не суверенна и вынуждена учитывать мнение не только масс, но и хорошо организо-

ванных групп специальных интересов, способных эффективно влиять на общественное мнение.

В России тоже произошла смена стереотипов, но уже в элитном сознании. Запад — друг и союзник сменился Западом — историческим врагом. Парадоксальным образом в условиях взрывного расширения контактов с внешним миром, распространения информации и т. п. уровень знаний российских верхов о политике (в том числе внешней) ведущих партнеров страны и степень понимания этой политики совершенно не соответствовали интенсивности контактов. Кроме того, феноменальный финансовый успех российских нуворишей сделал многих из них высокомерными, самодовольными, не склонными к учебе, судящими о других по себе и по людям своего круга. Примитивизация, вульгаризация политического мышления элит стали серьезным тормозом процесса выработки адекватной внешней политики России.

Абстрактно рассуждая, выученные уроки «демократического» и «державного» периодов эволюции российской внешней политики могли бы создать хорошую основу для такого адекватного курса. Результатом, однако, стало нечто иное — прагматичная оперативная политика, лишенная долгосрочной стратегии и перспективного видения целей. Очевидно, что процесс научения будет продолжен.

Партнеры России тем временем утратили к ней непосредственный интерес. Россия давно перестала быть субъектом, с которым США и ЕС имеют дело по всем сколько-нибудь важным вопросам. Сравнительно недавно Россия перестала быть также и объектом приложения усилий Запада. Россия, разумеется, никуда не исчезла, «мир без России» не наступил, но «российская политика» Америки и Европы утратила прежний смысл, не приобретя нового содержания. Ядерная безопасность в самом широком смысле слова, поставки энергоносителей на мировой рынок, будущее тех или иных бывших советских республик, которые тяготеют к Европейскому союзу

и/или к США, плюс выражения озабоченности внутренним развитием России без сколько-нибудь эффективных рычагов воздействия на это развитие — вот в основном круг вопросов, в котором возникает «российский фактор».

Это положение надо принять как «базу» и строить будущую внешнеполитическую стратегию исходя из цели, разделяемой всеми силами общества: создания условий для постепенного превращения России в успешную страну, полностью интегрированную в глобальную систему экономических, политических, гуманитарных связей и принадлежащую к наиболее развитой части современного мира — международному обществу.

¹ Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / Под ред. В. Михеева; Моск. Центр Карнеги. — М., 2005. — С. 371.

² Brown A. The Gorbachev Factor. — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 1996. — P. 230.

³ Ibid. — P. 221.

⁴ Корниенко Г. М. Закончилась ли «холодная война»? // Независимая газ. — 1994. — 16 авг.

⁵ Кортюнов А. В. Введение // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): Хрестоматия в 2 т. / Сост. Т. И. Шаклеина. — М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999. — Т. 1. — Кн. 1. — С. 11.

⁶ Shulman M. Can the Change Be Sustained? // IISS Annu. Conf. Winter 1989–1990. — [S. l.], 1990. — (Adelphi Paper; 247). — P. 38.

⁷ Eekelen W. van. The Future of NATO and Warsaw Pact Strategy // Ibid. — P. 44. В тот период В. ван Экелен являлся генеральным секретарем Западноевропейского союза.

⁸ East-West Relations: Report by the Trilateral Commission. — New York: Paris; Tokyo, Apr. 1989.

⁹ Holst J. The Strategic Implications of Change in the Soviet Union // IISS Annu. Conf. Winter 1989–1990. — [S. l.], 1990. — (Adelphi Paper; 247). — P. 1, 3–15.

¹⁰ Dunn L. The Super-Power Dialogue: Prospects and Limitations // IISS Annu. Conf. Winter 1990–1991. — [S. l.], 1991. — (Adelphi Paper; 248). — P. 14.

¹¹ Montbrial Th. de. Implications and Options for the West // Ibid. — P. 75, 79.

¹² Козырев А. В. Преображение. — М.: Междунар. отношения, 1994. — С. 211.

- ¹³ *Talbott S.* The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. — New York: Random House, 2002. — P. 24.
- ¹⁴ Концепция обеспечения безопасности и военная доктрина России. Проект МИД РФ. 4 апреля 1992 г.
- ¹⁵ *Козырев А. В.* Указ. соч. — С. 222–223.
- ¹⁶ *Simes D.* After the Collapse: Russia Seeks its Place as a Great Power. — New York: Simon & Schuster, 1999. — P. 98–99.
- ¹⁷ См., например: *Колосов В. А.* Геополитическое положение России. — М., 2000. — С. 33.
- ¹⁸ Ельцин давал своим министрам значительную степень свободы, но зато и никогда не поддерживал их до конца. Таким образом, президент всегда мог свалить ошибки на подчиненного, сделать его «козлом отпущения». Очевидно, что внешнеполитический курс, который проводил Козырев, в общем устраивал Ельцина, но при возникновении серьезных трудностей и появлении угрозы для собственной власти он заменил Козырева, как тремя годами прежде Егора Гайдара. Для первого президента России западная интеграция никогда не была самодовлеющей целью.
- ¹⁹ Стратегия для России: Тезисы доклада Совета по внешней и оборонной политике // Независимая газ. — 1992. — 19 авг.
- ²⁰ Документ МИД России от 4 апреля 1992 г. (<http://www.mid.ru>).
- ²¹ Стратегия для России: Тезисы доклада СВОП // Независимая газ. — 1992. — 19 авг.
- ²² *Козырев А. В.* Указ. соч. — С. 221.
- ²³ *Talbott S.* Op. cit. — P. 52.
- ²⁴ Ibid. — P. 189.
- ²⁵ *Simes D.* Op. cit. — P. 212.
- ²⁶ *Talbott S.* Op. cit. — P. 10.
- ²⁷ Ibid. — P. 146.
- ²⁸ Клинтон — в изложении Тэлботта (*Talbott S.* Op. cit. — P. 155).
- ²⁹ *Kissinger H.* Diplomacy. — New York: Simon & Schuster, 1994. — P. 706, 816–817.
- ³⁰ *Simes D.* Op. cit. — P. 17.
- ³¹ *Delors J.* European Unification and European Security // European Security After the Cold War: Conference Papers. — [S. 1.], 1994. — (Adelphi Paper; 284). — P. 1, 5.
- ³² *Talbott S.* Op. cit. — P. 94.
- ³³ *Богатыров А. Д.* Плюралистическая однополярность и интересы России // Свобод. мысль. — 1996. — № 2. — С. 25–36. Цит. по: Внешняя политика и безопасность современной России... — Т. 1. — Кн. 1. — С. 92–93.
- ³⁴ Со своей стороны Примаков неизменно подчеркивал, что многополярность лишь отражает объективную реальность и не направлена против США. «Объективная реальность» свидетельствовала об обратном.
- ³⁵ Рубежом в отношении общественного мнения стран Запада к России стали парламентские выборы 1993 г. и начавшаяся в 1994 г. первая чеченская кампания.

- ³⁶ По мнению ряда исследователей (Б. Ло и др.), отсутствие жесткой реакции Кремля было связано не столько с маневрами Белого дома, сколько с высокой степенью раздробленности правящей группировки и неспособностью ни одной из ее фракций проводить сколько-нибудь последовательную внешнюю политику. Иными словами, соперничавшие «повестки дня» различных групп интересов попросту нейтрализовывали одна другую. Соглашаясь в принципе с таким видением российской внешней политики 1990-х годов, нельзя не заметить, что неизменная готовность администрации Клинтона к консультациям с российским руководством, общий дружественный настрой США по отношению к России — наряду с зависимостью Москвы от Вашингтона в финансовой сфере — играли роль наиболее мощного внешнего нейтрализатора антизападных тенденций в российском руководстве.
- ³⁷ Среди лучших работ, посвященных внешней политике Владимира Путина, следует назвать книги Бобо Ло. См.: *Lo B. Russian Foreign Policy in the Post-Soviet Era: Reality, Illusion and Mythmaking.* — London: Palgrave, 2002.
- ³⁸ *Нарочницкая Н. А.* Россия и русские в мировой истории. — М.: Междунар. отношения, 2004. — С. 18, 13.
- ³⁹ См. статью министра иностранных дел Игоря Иванова в «Financial Times» (2003. — Febr. 15).
- ⁴⁰ *Simes D.* Op. cit. — P. 17.
- ⁴¹ *Schleifer A., Treisman D.* A Normal Country // Foreign Affairs. — 2004. — May—June. — Рус. пер.: *Шлейфер А., Трейсман Д.* Обычная страна. — М., 2004. — (Раб. материалы / Моск. Центр Карнеги; Вып. 7).
- ⁴² Общественное мнение-2004. — М.: Левада-Центр, 2004. — С. 154 (табл. 20.4).
- ⁴³ Там же (табл. 20.5).
- ⁴⁴ Текст Лондонской декларации см.: NATO Rev. — 1990. — Iss. 4. — Aug. — P. 32–33.
- ⁴⁵ Текст Римской декларации см.: NATO Rev. — 1991. — Iss. 6. — Dec. — P. 25–32.
- ⁴⁶ Communiqué issued by the NAC meeting in ministerial session, 19 December 1991 // NATO Rev. — 1992. — Iss. 1. — Febr. — P. 26–29.
- ⁴⁷ На первом заседании ССАС 20 декабря 1991 г. представитель Москвы посол Николай Афанасьевский сделал два заявления. В первом говорилось, что соглашения ССАС действительны для всех суверенных государств — преемников СССР. Во втором Афанасьевский заявил, что в соответствии с инструкциями, только что полученными из Москвы, он просит снять все упоминания о СССР из текста заявления. Советский Союз покинул международную арену. Россия получила возможность действовать самостоятельно.
- ⁴⁸ *Арбатова А. Г.* Трансформация российской военной доктрины — уроки Косово и Чечни. — [Б. м.], 2000. — (Публ. / Центр им. Маршалла; № 2).
- ⁴⁹ Text of the Report of the Committee of Three on Non-Military Cooperation in NATO. Approved by the North Atlantic Council on December 13, 1956 // North Atlantic Treaty Organization: Facts and Figures. — 11th ed. — Brussels: NATO, 1989. — P. 384.

- ⁵⁰ При этом необходимо иметь в виду, что в 1990-е годы российское общественное мнение в целом относилось к расширению НАТО гораздо менее болезненно, чем политическая элита, для которой этот факт означал «поражение в статусе».
- ⁵¹ В начале 1993 г. я был старшим научным сотрудником Военного колледжа НАТО в Риме (NATO Defense College) и написал работу на эту тему: «Linking Transatlantic and Eurasian Security: Prospects for Peace Operations», которая была вскоре опубликована. Тогда мне представлялось, что сотрудничество в области миротворчества могло стать основой практического взаимодействия и политического сближения между противниками по «холодной войне».
- ⁵² См. соответствующие заявления Ельцина и Козырева.
- ⁵³ Но тем не менее случались. Генерал-полковник Леонтий Швецов, руководивший российской частью операции в качестве заместителя главнокомандующего Вооруженными силами США в Европе (и по совместительству Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе) генерала Джорджа Джоулвана, был убежденным сторонником сотрудничества с НАТО в области миротворчества.
- ⁵⁴ В дальнейшем этот курс был закреплен. В 2005 г. Россия вывела своих миротворцев из Сьерра-Леоне, где они находились с 1990-х годов. Министр обороны Сергей Иванов фактически заявил тогда же, что Россия не будет участвовать в миротворческих операциях за пределами стран СНГ, т. е. вне зоны непосредственных интересов своей национальной безопасности. Серьезный анализ проблем российско-натовского миротворчества содержится в работе: Степанова Е. Россия и антикризисная стратегия НАТО после окончания «холодной войны» // Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век / Под ред. Д. Тренина; Моск. Центр Карнеги. — М., 2000. — С. 132–171.
- ⁵⁵ *Примаков Е. М.* Годы в большой политике. — М.: Совершенно секретно, 1999. — С. 229–230.
- ⁵⁶ *Козырев А. В.* Указ соч. — С. 199–201.
- ⁵⁷ Фраза о «холодном мире» была пущена в оборот в ходе саммита ОБСЕ в Будапеште в декабре 1994 г., где между Клинтон и Ельциным произошла размолвка по поводу расширения НАТО на восток.
- ⁵⁸ *Черномырдин В. С.* Вызов. — М.: Моск. писатель, 2003. — С. 27.
- ⁵⁹ Там же. — 89–92.
- ⁶⁰ *Talbott S. O.* *Op. cit.* — P. 292.
- ⁶¹ В частности, благодаря военному транзиту через территорию России.
- ⁶² Согласно опросу общественного мнения, проведенному Левада-Центром, в январе 2004 г. лишь 11% россиян считали, что военная угроза России «определенно существует», и 26% считали, что «скорее существует». С другой стороны, 7% не видели никакой угрозы, а 48% считали, что ее скорее не существует (Общественное мнение-2004. — С. 153, табл. 20.2). В условиях, когда уже 25 лет советские, а затем российские военные участвуют в войнах и конфликтах исключительно против моджахедов, «западная военная угроза» занимает крайне незначительное место в общественном сознании.

- ⁶³ Интервью президента В. Путина французскому телеканалу «France-3» 7 мая 2005 г.
- ⁶⁴ Доля поддержки составляла от 33% до 48%, а противоположная точка зрения собирала от 23% до 39%. В то же время вступление в альянс собирало от 5% до 10% голосов, а налаживание сотрудничества пользовалось поддержкой 23–43%. Создание противовеса НАТО поддерживали 10–23% граждан (Общественное мнение-2004. — С. 155, табл. 20.10).
- ⁶⁵ См.: *Davies N. Europe: A History.* — London: Pimlico, 1997.
- ⁶⁶ *Russia and Europe* // Ed. by V. Baranovsky. — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 1998.
- ⁶⁷ *Montbrial Th. de.* Op. cit. — P. 80.
- ⁶⁸ *Пиндер Дж., Шишков Ю.* Евросоюз и Россия: перспективы партнерства. — М.: Ком. «Россия в объединенной Европе», 2003. — С. 15.
- ⁶⁹ Там же. — С. 16–18.
- ⁷⁰ *Арбатов А.* Выбор без выбора // НГ-сценарии. — 1998. — № 4.
- ⁷¹ <http://www.president.kremlin.ru>. Это беспрецедентное предложение было произнесено Путиным по-немецки.
- ⁷² Напротив, южному (средиземноморскому) измерению ЕС отдавали приоритет такие страны, как Франция, Италия, Испания, а также Португалия и Греция.
- ⁷³ *Тренин Д.* Realpolitik Москвы // Дипкурьер НГ. — 2004. — 8 февр.
- ⁷⁴ *Braithwaite R.* *Russia in Europe.* — London: Centre for European Reform, 1999. — P. 33.
- ⁷⁵ *May В.* Российская модернизация // <http://www.gazeta.ru> (июль 2005 г.).
- ⁷⁶ Объем торговли между Германией и Россией в 2004 г. составил 31,1 млрд евро (для сравнения: между Германией и Китаем — 53,5 млрд). Германия занимает первое место среди внешнеторговых партнеров России, Россия — на 14-м месте среди партнеров Германии. В России действуют 4800 немецких предприятий (треть всех иностранных компаний в России). Данные Федерального ведомства по статистике.
- ⁷⁷ «Im deutschen Interesse» — лозунг предвыборной кампании СДПГ 1998 г.
- ⁷⁸ См.: *Шрёдер Г.* Германия и Россия: лейтмотив сотрудничества // Россия в глоб. политике. — 2004. — Т. 2. — № 4. — Июль—авг. — С. 68–75; *Рар А.* Почему Шрёдеру нравится Россия // Там же. — С. 77–82.
- ⁷⁹ См. выступление президента В. Путина на параде на Красной площади 9 мая 2005 г. (<http://www.president.kremlin.ru>), а также совместное интервью Путина и канцлера Шрёдера газете «Bild» 6 мая 2005 г. (<http://www.bild.de>).
- ⁸⁰ Я благодарен Бобо Ло, который обратил мое внимание на статью на эту тему Владимира Лукина (1992 г.). Об этом же писал Вячеслав Никонов в 1994 г. в «Независимой газете».
- ⁸¹ В то время как 72–76% относятся очень хорошо или в основном хорошо (Общественное мнение-2004. — С. 156, табл. 20.13).
- ⁸² *Козырев А. В.* Указ. соч. — С. 22.

⁸³ *Talbott S.* Op. cit. — P. 126.

⁸⁴ Обращение В. Путина 4 сентября 2004 г.
(<http://www.president.kremlin.ru/text/appears/2004/09/76320.shtml>).

⁸⁵ Военная доктрина Российской Федерации. — М., 2000.

⁸⁶ *Михайлов В. Н.* Я — «ястреб». — М.: Крон-Пресс, 1993.

⁸⁷ Россия в мировой торговле оружием // Под ред. Э. Дж. Пьера и Д. Тренина. — М., 1996.

⁸⁸ *Кордонье К.* Диагноз: природная рента // Стратегия России. — 2005. — № 3. — Март.

⁸⁹ Несмотря на выхолащивание значения термина «стратегическое партнерство» в 1990-е и 2000-е годы, важно подчеркнуть, что как минимум подобные декларации означают, что соответствующие страны не рассматривают друг друга в качестве вероятных противников.

Глава пятая

ПУТИ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИНТЕГРАЦИИ

ВНАЧАЛЕ XXI ВЕКА Российская Федерация выглядит страной, внешне довольно глубоко интегрированной в систему международных организаций и соглашений. Согласно «индексу интеграции», приводимому Ричардом Хаассом, Россия участвует в двух глобальных организациях общего характера (из двух имеющихся — Совета Безопасности ООН и «восьмерки»), в шести из семи региональных организаций (за исключением НАТО), в 12 из 14 разоруженческих форумов (кроме Дополнительного протокола Международного агентства по атомной энергии и Австралийской группы), в 13 из 14 соглашений по борьбе с терроризмом, во всех шести пактах, посвященных правам человека, в трех из пяти договоренностей о защите окружающей среды. Наиболее слабо обстоят дела в экономической области, где Россия не представлена в ВТО, ОЭСР и «семерке», т. е. в половине важнейших форумов¹.

Чтобы реализовать национальную идею XXI в. — стать успешно развивающейся, конкурентоспособной страной, Россия в условиях углубляющейся и расширя-

ющейсЯ глобализации должна не только максимально полно интегрироваться в мировые экономические процессы, но и стремиться занять место как можно ближе к ядру мировой системы, т. е. сделаться составной частью международного общества, его авторитетным и уважаемым членом. Это масштабная задача, решение которой требует концентрации интеллектуальных способностей и политической воли элит, выработки адекватной национальной стратегии и стимулирования участия всех слоев общества в ее реализации.

В экономической области задача — после ожидаемого в ближайшем будущем вступления России в ВТО — заключается в формировании таких моделей отношений с ведущими экономиками мира, которые позволили бы России перейти к инновационному развитию. Долговременным — на десятилетия вперед — результатом такого развития, в свою очередь, должно стать новое качество российской экономики, а его отражением — членство России в ОЭСР, т. е. ее формальное признание в качестве современной развитой страны. Продвижение по этому пути невозможно без продолжения глубокой трансформации отечественной экономики и всего общества.

В политической области задача состоит в укреплении системы партнерств России с ведущими государствами и союзами — США, ЕС, Японией, а также с возвышающимися державами Азии — Китаем и Индией, усилении позиций России в важнейших международных институтах — ООН, региональных организациях для Европы, Азии и Большого Ближнего Востока, которое обеспечило бы России полноправное участие в системе глобального политического управления. Достижение этих целей потребует нового качества внешней политики страны, внешнеполитической модернизации.

В области международной безопасности задачей является устойчивая демилитаризация отношений с ведущими государствами, с соседними странами, создание вместе с партнерами эффективной международной системы

борьбы с современными и перспективными угрозами и вызовами. В этой связи требуется адекватная условиям XXI в. национальная система обеспечения безопасности и обороны, современные структуры безопасности и вооруженные силы.

Наконец, общественная интеграция призвана создать условия для того, чтобы различные группы российского общества — политическая элита, бизнес-сообщество, профессиональные круги, студенчество, интеллигенция, средние слои в целом — получили максимальные возможности удовлетворять свои частные и групповые интересы путем международного общения. Для этого необходимы глобализация мышления, всемирный русский взгляд на процессы и явления, умение находить перспективные ниши в расширившемся мире.

Цель этой главы — проанализировать существующие механизмы интеграции в каждой из этих областей и предложить пути их совершенствования или возможные альтернативы.

Экономическая интеграция

В 2006 ГОДУ РОССИЯ СТОИТ НА ПОРОГЕ вступления во Всемирную торговую организацию. Присоединение к ВТО постепенно распространит на Россию правила и нормы современных экономических отношений, будет способствовать качественной модернизации экономической системы страны. Членство в ВТО будет означать, что российская экономика формально интегрирована в мировую. Но это только первый крупный шаг. Достижение Россией инвестиционного рейтинга станет следующим важным этапом на пути повышения качества интеграции страны в мировую экономику.

Качество интеграции напрямую зависит от конкурентоспособности экономики. По состоянию на 2005 г. Россия по этому показателю находилась на 70-м месте в мире

(для сравнения: Индия — на 56-м, Бразилия — на 54-м, Китай — на 44-м)².

Чтобы продвигнуться к этому рубежу, необходимо решить проблемы, тормозящие развитие национальной экономики и влекущие за собой плохой инвестиционный климат в стране. К ним относятся: нереструктурированные сектора промышленности и сельского хозяйства, неконкурентоспособный финансовый сектор, слабое развитие мелкого и среднего бизнеса³, недостаточно развитая инфраструктура, но прежде всего коррумпированная и неэффективная чиновная система, архаический волюнтаристский характер власти, подрывающие доверие инвесторов — как отечественных, так и иностранных⁴. Россия остро нуждается в современной эффективной системе государственного управления.

Россия непосредственно граничит с ведущими экономическими центрами современного мира — Европейским союзом на западе, Североамериканской зоной свободной торговли на востоке, формирующимся восточноазиатским экономическим пространством (Китай, Япония, Корея) на юго-востоке. Наиболее продвинутыми являются отношения с ЕС. С 1997 г. действует Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Россией и ЕС, которое провозглашает цель создания зоны свободной торговли. С 2001 г. была выдвинута идея формирования общего экономического пространства России и объединенной Европы, а в 2005 г. заключено соглашение о четырех общих пространствах (экономики, внешней безопасности, внутренней безопасности и правосудия, науки и образования). Именно все более тесное экономическое сотрудничество России с ЕС будет иметь в ближайшие десятилетия решающее значение, убежден бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт⁵.

Эти цели могут быть достигнуты к концу первой четверти XXI в. Пока общее экономическое пространство не стало реальностью, роль главной сцепки между Россией и ЕС будет играть энергетическая взаимозависимость.

Россия, вероятно, сохранит доминирующее положение на рынке энергоносителей (сейчас 21% нефти и 41% природного газа покупаются Евросоюзом у России⁶). При сохранении нынешних тенденций к 2030 г. европейцам придется перейти почти полностью на импортное топливо (94% по нефти, 81% по газу), и Россия останется главным поставщиком и того, и другого⁷. В то же время сама Россия зависит от экспорта нефти и газа, дающего примерно половину доходной части федерального бюджета⁸.

Вопрос о членстве России в Европейском союзе не стоит на повестке дня. Россия начала XXI столетия далеко не соответствует Копенгагенским критериям членства в ЕС — таким как наличие стабильных институтов, гарантирующих демократию, правовое государство, соблюдение прав человека и защиту прав национальных меньшинств. Российская экономика в целом неконкурентоспособна на рынках ЕС. Решающим фактором, однако, является не это (ряд новых членов ЕС принципиально не отличаются от России в этом отношении), а неспособность Евросоюза выступать в роли «локомотива» российской трансформации и нежелание России жертвовать значительной долей своего суверенитета в пользу наднациональных органов ЕС.

В принципе, конечно, Россия заинтересована в доступе на внутренний рынок ЕС, улучшении инвестиционного климата, развитии финансовых рынков, субсидиях из аграрного и регионального фондов Европейского союза, экономическом обеспечении демократического развития, а также в усилении своего влияния в мире. В то же время очевидно, что членство в ЕС сопряжено с рядом ограничений государственного суверенитета в области законодательства, финансовой и кредитно-денежной политики, внешней торговли, на которые российские элиты идти пока не согласны. Важно понимать, что нынешняя модель российской экономики — не европейская и что ее европеизация потребует болезненной ломки. Наконец, Россия, до сих пор выдающая себя великой державой, не

готова «растворить» свою державность в политическом, экономическом и валютном союзе так, как это сделали Германия и Франция⁹.

Парадокс ситуации в том, что когда Россия будет соответствовать критериям членства в ЕС, это членство не будет ей нужно с экономической точки зрения. В отличие от стран Центральной и Восточной Европы Россия нуждается не в международно-политическом оформлении результата системной трансформации (членстве в ЕС), а в ее процессе (модернизации). Природные ресурсы, геополитическое положение и международный статус позволят России, как минимум, в течение еще примерно 20 лет действовать в качестве самостоятельного субъекта экономических и политических отношений.

В принципе с точки зрения Европы интеграция России в ЕС могла бы иметь важные плюсы. В области безопасности, таким образом, Европа решила бы наконец вслед за германской также и русскую проблему. Евросоюз получил бы доступ к богатому рынку сырья и сравнительно крупному рынку сбыта. Сибирь могла бы стать «новым фронтиром» Европы. Тем самым ЕС приобретал бы важные конкурентные преимущества перед Америкой и Китаем.

Несмотря на это, минусы от включения России в Европейский союз не менее очевидны. Россия с ее сочетанием колоссальных проблем и сохраняющихся претензий не только «перегрузила бы» Европу, но и кардинально разбалансировала ее. В результате ЕС должен был бы превратиться в довольно рыхлое образование, внутри которого существовали бы не столько ядро и периферия, сколько альтернативные центры силы.

С другой стороны, гипотетическое включение России в ЕС могло бы заменить существующий европейский проект новым, евроазиатским, с гораздо более амбициозными (но пока неясными) целями и перспективами. Попытка реализации такого проекта («Европа от Дублина до Владивостока») неизбежно привела бы к кризисам внутри Европы и России, трениям между отдельными стра-

нами и вероятному противодействию со стороны США (а также, возможно, и Китая). Такой проект вряд ли созреет в ближайшие 15–20 лет, но даже в дальнейшем может встать на повестку дня только при условии впечатляющих экономических успехов России (и одновременного ощущения ее элитами угроз и вызовов с юга и востока и неспособности России справиться с этими угрозами и вызовами самостоятельно), а также готовности европейцев сделать решительный шаг к политической федерации и военному союзу. В этом случае может появиться совершенно новая Евразия, бросающая дружеский вызов «Атлантиде»-Америке.

Пока же отличительной особенностью отношений России и ЕС является то, что они не нацелены на эвентуальное членство России в объединенной Европе. Таким образом, в них отсутствует важный стимул, который двигал другими партнерами Евросоюза — от Польши до Турции и от Украины до Грузии, — проводившими сложные преобразования и шедшими на жертвы в надежде вступить в ЕС. Для России, однако, «главный приз» (членство) может быть гораздо менее значимым, поскольку цена — отказ от существенной части суверенитета — оказывается слишком высокой. С другой стороны, такое сближение с ведущим торговым партнером, которое делает российскую экономику, социальную жизнь и политическую систему совместимыми с европейской, стимулирует дальнейшие реформы в России, но при этом не ведет к односторонней зависимости Москвы от Брюсселя, однозначно в ее интересах. Таким образом, «движение» (избирательная «европеизация» экономики, социальной и политической сфер) оказывается «всемер», а конечная цель (вступление в ЕС) — «ничем».

Есть несколько важных причин, по которым европеизация российской экономики может быть не только избирательной, но и ограниченной. Одни причины имеют отношение к стадии развития, на которой находится российская экономика в начале XXI в. Социальное государство современного европейского образца России не толь-

ко не по средствам. Оно лишило бы ее существенных конкурентных преимуществ (в стоимости рабочей силы) и стимулировало развитие страны. Другие причины носят геоэкономический характер. Одна из них — тесные экономические связи России с рядом сопредельных стран, прежде всего с Белоруссией и Казахстаном. Другая — положение российского Дальнего Востока и Восточной Сибири, обращенных к Азии и Тихому океану.

Белоруссия и Казахстан — естественные экономические партнеры России. Пережив потрясения, вызванные распадом Советского Союза, они налаживают экономические связи на новой основе. Две соседние страны являются привлекательными рынками для вложения российских капиталов; сама Россия — емкий рынок для товаров, производимых соседями, а также для их избыточной рабочей силы. Сходство политических и правовых систем, общность политической и деловой культуры, единство языка делового общения и многочисленные личные связи делают эти страны полем активного экономического взаимодействия.

Известно, что «спущенные сверху» схемы интеграции в СНГ работают плохо или не работают вообще. Тем не менее в случае России и ее основных соседей речь может пойти об «интеграции снизу» — на уровне компаний и предприятий, что сделает процесс реальным и перспективным. Вероятно, полномасштабный экономический союз не будет включать Украину, ориентированную на Европу. Очевидно, что перспективы действительной интеграции России и Белоруссии зависят от экономических и политических реформ в Белоруссии. Для начала Россия могла бы образовать единое экономическое пространство с Казахстаном, в дальнейшем способное трансформироваться в экономический и валютный союз, к которому в перспективе могла бы присоединиться Белоруссия.

Вопрос о том, как ЕЭП может сочетаться с общим экономическим пространством, создание которых провозглашено целью России и ЕС, не проработан из-за того,

что оба проекта пока слишком гипотетичны. Можно предположить несколько сценариев: ЕЭП конституируется в некую экономическую ассоциацию, являющуюся коллективным партнером ЕС; ЕЭП остается рыхлым образованием, члены которого развивают особые отношения с ЕС; ЕЭП раскалывается на тех, для кого приоритетом является Евросоюз, и тех, кто либо не хочет, либо не может претендовать на членство в ЕС. В свою очередь, такой раскол может привести к новому сплочению на более узкой основе и возвращению к первому сценарию.

Некоторые российские экономисты призывают к отказу от «нерыночных» — иначе говоря, основанных на политике и идеологии — представлений о сотрудничестве с Западом¹⁰. На самом деле это требование давно уже реализовано. Существует другая проблема — редукции отношений до простого обмена российских энергоносителей на промышленные товары из ЕС. Ясно и то, что характер отношений между Россией и Европейским союзом является сугубо «договорным». Это даже не брак по расчету, а взаимный расчет. Целью российской стороны является привлечение ресурсов Европы для модернизации российской экономики, но при сохранении преимуществ, которые дают России ее отношения со странами СНГ.

Как бы далеко ни продвинулись, однако, российско-европейские экономические связи, в ближайшие годы Европейский союз вряд ли может стать главным партнером в модернизации наиболее проблемного из всех крупных регионов России — Дальнего Востока и Восточной Сибири. Москва постепенно осознаёт, что Россия — страна не только европейская, но и тихоокеанская, член Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС), и стремится развивать отношения с ведущими экономика-ми Азиатско-Тихоокеанского региона.

Таких потенциальных партнеров два — Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА), куда входят США, Канада, Мексика, и формирующееся Восточно-Азиатское экономическое сообщество (Китай, Япония,

Южная Корея). В отношениях с НАФТА России имеет смысл стремиться к достижению соглашения о свободной торговле с США, что позволит получить доступ на главную национальную рыночную площадку в мире и, кроме того, подвести экономическую базу под традиционно трудные политические отношения с США (такой статус получил уже ряд государств в разных регионах — от Иордании до Чили). Главная же задача — стимулировать участие американских компаний в развитии инфраструктуры тихоокеанского побережья России — от Чукотки и Камчатки до Сахалина и Курил, а также внутренних районов Восточной Сибири.

Еще более тесное взаимодействие необходимо с азиатскими соседями — Китаем, Японией, Кореей, а также с Индией. Формирующееся в Восточной Азии общее экономическое пространство еще институционально не оформлено, и у России есть пока хотя бы теоретическая возможность участия в данном проекте. Для этого имеются существенные предпосылки. Азиатские страны заинтересованы в российских энергоносителях, а также — в принципе — в российской транспортной инфраструктуре для сухопутной связи с Европой. Задача России заключается в том, чтобы использовать эту заинтересованность для подключения к интеграционным процессам, развивающимся пока что в треугольнике Китай — Япония — Корея¹¹.

Для этого нужна долгосрочная стратегия развития российского Дальнего Востока и Сибири (РДВС), которая исходила бы из необходимости «двойной интеграции» региона — одновременно в общероссийское и азиатско-тихоокеанское экономическое пространства. Предпосылками такой интеграции должны были бы служить кардинальное улучшение бизнес-климата в РДВС (совершенствование функционирования судебной системы, обуздание коррупции и организованной преступности, развитие инфраструктуры) и общей системы управления регионом. Уже сейчас формы участия России в восточноазиатской экономической интеграции должны идти дальше энергетиче-

ских (нефте- и газопроводы из Восточной Сибири в Японию, Китай и Корею) и инфраструктурных проектов, таких как идея соединения Транскорейской железной дороги с Транссибирской магистралью и создание таким образом трансконтинентального железнодорожного коридора Западная Европа — Восточная Азия. Необходимо участие в региональном банке развития. В перспективе РДВС должно быть ориентировано на «точечное» производство наукоемкой продукции, развитие очагов индустрии знаний. Наука и образование (прежде всего как фактор развития самой Восточной России) плюс природные ресурсы и трансконтинентальная транспортная инфраструктура — такой может быть оптимальная специализация России в рамках Восточно-Азиатского экономического сообщества.

Для успеха усилий России на азиатском направлении необходимо соблюдение баланса в экономических отношениях с Китаем и Японией. В отличие от современной Европы в Восточной Азии межгосударственные противоречия и соперничество остаются сильными и иногда приобретают острые формы. Значение Китая (в том числе в экономической сфере) для России велико и продолжает расти. По мере роста уровня жизни в КНР повышается привлекательность китайского рынка. Параллельно возрастает риск односторонней зависимости от Китая и встает в практическую плоскость вопрос китайской трудовой миграции в Россию. В этих условиях России требуется политика взаимозависимости, которая позволяла бы пользоваться выгодами китайского рынка, но сохраняла за российскими властями формальный и фактический контроль над РДВС. Важными компонентами такого курса могли бы стать внятная иммиграционная политика, нацеленная на привлечение иностранной рабочей силы, интеграцию и натурализацию иммигрантов, а также закрепление российских компаний в важных секторах китайской экономики (энергоснабжение, энергетика включая ядерную, металлургия, авиационная промышленность и т. д.).

При всем своем значении и даже величии Китай не должен заслонять от России Японию. Именно Япония может при определенных условиях стать экономическим локомотивом для РДВС. В качестве партнера России Япония располагает рядом важных преимуществ. Она обладает развитой промышленностью и передовой технологией, а также большими финансовыми ресурсами. Между Россией и Японией существует территориальный спор из-за островов Малой Курильской гряды, но современная Япония не претендует на роль регионального гегемона. Более того, в одном отношении российско-японские отношения достигли в целом того же уровня, что и российско-европейские: война в качестве инструмента политики в них больше не присутствует. Если россиянам удастся сделать Восточную Россию привлекательной для капиталовложений, то японский капитал вряд ли захочет оставаться в стороне — безотносительно к решению территориального вопроса. В то же время закрепление России в Азии, по-видимому, потребует более тесного партнерства с Японией и окончательного решения островной проблемы¹². Можно предположить, что в долгосрочной перспективе возвышение Китая и объединение Кореи будут также подталкивать Токио к какому-то варианту соглашения с Москвой.

Наиболее перспективной областью интеграции на уровне компаний считалась энергетика. Россия вступила в энергетический диалог с ЕС и США. Речь шла как о перспективах расширения присутствия российских компаний на западных рынках, так и о формировании транснациональных корпораций. В 2003 г. была создана англо-американо-российская нефтяная компания ТНК-ВР. В то же время надежды на более широкое участие западного капитала в российских нефтяных компаниях (в частности, путем продажи ЮКОСа американцам) были разрушены действиями российских властей, опасавшихся, что приобретенные энергетического гиганта ЮКОС-«Сибнефть» может превратить американцев в неприемлемо влиятельных экономических и политических игроков на внутрироссийской

сцене. В дальнейшем, несмотря на успешный старт ТНК-ВР (по формуле 50 : 50) и на приобретение компанией «СopocoPhillips» 10% акций «ЛУКойла», российско-американский энергетический диалог стал вялым. «Оживить» его может развитие в России технологии сжижения газа и выход российского газа на американский рынок.

Будущее российско-западного энергетического сотрудничества в большой степени зависит от политики российского руководства. Рост добычи и экспорта нефти и газа требует новых технологий и новых ресурсов, которые могут быть получены благодаря большей свободе деятельности отечественных и иностранных компаний. В свою очередь, это поднимает вопрос о доступе иностранных компаний на российский рынок и либерализации рынков акций российских энергетических гигантов¹³.

Несмотря на то что Россия является одним из крупнейших производителей нефти в мире, интересы России и Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) скорее сталкиваются, чем совпадают. До сих пор Россия была одним из наиболее неконфликтных поставщиков энерго-ресурсов. Подобно тому как, даже распадаясь, СССР не прекращал отгрузку нефти и газа, Россия не «перекрывала трубу» даже в периоды серьезных внутренних кризисов. В то же время усиление позиций государства в энергетике начиная с 2003 г. фактически привело к тому, что крупнейшая газовая монополия «Газпром» фактически стала контролироваться государством, а частные нефтяные компании начали чутко прислушиваться к мнению высших государственных чиновников.

Политическая интеграция

ДЕВЯНОСТЫЕ ГОДЫ продемонстрировали невозможность интеграции России в политические институты Запада без глубокой внутренней трансформации страны. В начале XXI в. положение России в миро-

вой политической системе амбивалентно. Формально Россия является демократической федеративной республикой. Несмотря на то что ее Конституция 1993 г. наделяет президента исключительно широкими полномочиями, в целом она отвечает всем стандартам основного закона правового демократического государства. Фактически же в России установился умеренно-авторитарный политический режим, реальная власть принадлежит бюрократии, сросшейся с бизнесом и научившейся манипулировать народным волеизъявлением. По своему политическому устройству Россия 2000-х годов выступает все больше как унитарное государство, чем как федерация — несмотря на объективную потребность в децентрализации многих управленческих функций в стране, протянувшейся на 11 часовых поясов. Все это в совокупности мешает России обрести тот статус по отношению к остальным членам международного общества, который российская элита считает достойным для страны.

Проблему недискриминационного участия в международных отношениях российские лидеры стремятся решить несколькими способами. Один из них — установление «особых отношений» с мировой державой — Соединенными Штатами Америки.

Новые «особые отношения» с США

ИДЕЯ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО СОЮЗА, родившаяся немедленно после распада СССР, по инерции сохраняет определенную привлекательность в глазах небольшой части представителей российской элиты. Их аргументация¹⁴ такова: формальная договорная база российско-американских отношений (договоры о контроле над вооружениями плюс декларации о партнерстве) не соответствует новому характеру двусторонних отношений. У США имеются договоры и соглашения в области взаимного обеспечения обороны и/или безопасности более чем с 80 государствами. России в этом перечне нет. Такое положение формально не позволяет российской

стороне перестать считать США потенциальным противником. Наоборот, подписание договора, т. е. фактическое заключение союза, послужит мощным стимулом для позитивных изменений в российской военной доктрине, военном планировании и строительстве вооруженных сил. Кроме того, союз с ведущим государством мира сделает Россию не только более влиятельной силой, но и поднимет ее престиж. Здесь присутствует невысказанная надежда на то, что этот союз будет восприниматься как союз «почти равных». Сторонники договора делают важную оговорку о том, что предлагаемое ими соглашение не должно носить характер военного пакта: в противном случае он будет восприниматься в Пекине как направленный против Китая.

В аргументах российских сторонников *договора о взаимной безопасности* говорит сила традиции, в том числе память о союзничестве времен Второй мировой войны. Упор делается прежде всего на силовое взаимодействие России и США. Присутствует стремление превратить «холодную войну» в ее противоположность — новое союзничество, обязательно хотя бы формально на равноправной основе. Есть и расчет таким образом реализовать сравнительные преимущества России перед другими союзниками США (наличие ядерного арсенала, сравнимого с американским, геостратегическое положение в центре Евразии с «выходом» к Европе, Азии и Большому Ближнему Востоку, предполагаемая готовность нести жертвы во имя общего дела и т. п.). Некоторые российские сторонники союза стремятся гарантировать при помощи США территориальную целостность страны на Дальнем Востоке. Их предложение Соединенным Штатам сводится к тому, чтобы США предоставили России статус «крупного союзника за пределами НАТО» (*major non-NATO ally*) подобно Японии, Австралии, Южной Корее и др.

Идея союза Российской Федерации и США, однако, основана на подходе, который после 11 сентября 2001 г. окончательно устарел. Постоянные союзы в мирное вре-

мя — характерная черта «холодной войны». Подвижность коалиций, их ситуативный характер — черта новой стратегической эры. Даже если бы формальное союзничество с США было возможно, оно скорее всего не удовлетворило бы Россию. В 2002 г. США предоставили соответствующий статус Пакистану, но это не сказалось решающим образом на международном статусе Пакистана или даже его восприятии внутри самих США. О «почти равном статусе» с мировой державой и говорить нечего — для этого у России (как и у любой другой страны в настоящее время) нет никаких оснований.

Сторонники союза ставят форму содержания впереди самого содержания. Реальные интересы двух стран и современные российско-американские отношения не таковы, чтобы США были готовы пойти на союз такого качества, который существует со странами объединенной Европы. Россия еще долго будет восприниматься в Америке с большей или меньшей настороженностью. Она — уже не противник, но далеко еще не «своя». С другой стороны, формальный союз с Америкой практически не создает новых возможностей для России, зато предвещает проблемы. Прежде всего в отношениях с Китаем, который рассматривает сближение России с США как часть американской стратегии окружения КНР.

Неопределенность идеи российско-американского **стратегического партнерства** сделала ее особенно популярной у спичрайтеров и составителей дипломатических коммюнике. Партнерство, с одной стороны, меньше, чем союз, но больше, чем «обычное» сотрудничество: определение «стратегическое» одновременно указывает на долгосрочный и «приоритетный» характер отношений. Вместе с тем партнерство формально ни к чему не обязывает. Джордж Буш-старший на встрече с Ельциным в 1992 г., Билл Клинтон с 1993 г. говорили о партнерстве: первый — в международных делах, второй — в трансформации России. Реально партнерство Вашингтона и Москвы на международной арене оставляло желать

большого. Збигнев Бжезинский справедливо писал в 1994 г. о «преждевременном» партнерстве¹⁵. Вскоре после этого «партнерство» стало затухать, фактически так и не развившись. После финансового кризиса 1998 г. и последовавших в 1999 г. внутривластных разборок в США на тему, «кто потерял Россию», о партнерстве уже никто всерьез не вспоминал.

Новое оживление тематики партнерства связано с формированием после 11 сентября 2001 г. **антитеррористической коалиции**. Появилось ощущение общей угрозы нового типа, возник образ общего врага. Немедленно возникла основа для практического сотрудничества — в Афганистане и за его пределами. Помимо прочего, благодаря участию России в возглавляемой США неформальной коалиции появилась «подушка безопасности», своего рода амортизатор на случай столкновений конкретных интересов. Можно было утверждать, как это делал президент Путин и его сотрудники в ходе иракского кризиса 2003 г., что в главном — т. е. в борьбе с международным терроризмом — Россия и США едины, а их расхождения, даже самые острые (как, например, по Ираку), носят «частный характер».

Тем не менее попытка расширить сферу российско-американского взаимодействия посредством **стратегического диалога** на высоком уровне (в рамках созданной в 2002 г. группы в составе глав внешнеполитических и военных ведомств двух стран) фактически окончилась ничем. Диалог на уровне президентских администраций в 2002–2003 гг. также не привел к позитивным результатам. В принципе потенциал для диалога и стратегического взаимодействия существует, но он ограничивается узостью понимания сторонами своих интересов, излишней фокусировкой чиновников на деталях, отсутствием у лидеров масштабного мышления, а главное — постоянно уменьшающейся возможностью абстрагировать внешнюю политику от внутренней.

Характер российско-американских отношений будет во многом определяться выбором внешнеполитической

стратегии США. Если Вашингтон возьмет на себя лидерство в организации усилий мирового сообщества, и прежде всего ведущих держав, в решении глобальных проблем, Россия может стать важным и ценным партнером США в Евразии. Если, напротив, США будут продолжать действовать преимущественно в одностороннем порядке, это будет способствовать воссозданию системы отношений в мире, основанной на балансе сил. В результате будет упущен шанс использовать исторически уникальную ситуацию, в которой ни одна из великих держав не рассматривает другую в качестве вероятного противника¹⁶. В таком случае России придется опираться на Европейский союз и Китай, но выполнять такой «шпагат» длительное время может оказаться делом очень болезненным¹⁷.

Ядерные отношения России и США до сих пор основываются на взаимном ядерном сдерживании и взаимном гарантированном уничтожении. Основные черты этого режима в изложении ведущего специалиста по военно-политическим вопросам Сергея Рогова, состоят в следующем: примерный численный паритет; наличие контрсилового потенциала; готовность к нанесению упреждающего удара; зависимость от системы раннего предупреждения о ракетном нападении; стратегия ответного (или ответно-встречного) удара; наличие ограниченных систем ПРО; различие между стратегическим и тактическим ядерным оружием; неотвратимость ядерного возмездия при неопределенности характера, способа и времени нанесения такого удара, отсюда — создание постоянной угрозы для всех стратегических объектов предполагаемого противника.

В ядерной области инерция «холодной войны» после ее окончания поддерживается как политическими потребностями российского политического и военного руководства, так и консерватизмом военного истеблишмента США. В конце 1999 г., в момент ухудшения отношений с Западом (Косовский кризис, вторая чеченская кампания), Борис Ельцин, уже принявший решение досрочно

уйти в отставку, напоследок публично «напомнил» президенту Клинтону о том, что Россия остается ядерной державой¹⁸. Весной 2004 г. в ходе предвыборной кампании Владимир Путин говорил о новых российских боеголовках, способных преодолевать американскую систему ПРО. С самого начала 1990-х годов российское военное командование видит в ядерном оружии «компенсатор» слабости России в области обычных вооружений. Проблема ядерного сдерживания подробно рассматривается в так называемой Белой книге Министерства обороны России (октябрь 2003 г.)¹⁹. Со своей стороны, ядерная стратегия США причисляет Россию — наряду с Китаем — к числу потенциальных ядерных угроз для США, а американское военное командование противится любым предложениям о сокращении стратегических наступательных вооружений, которые ставят под угрозу реализацию плана широкомасштабных ядерных ударов по территории России.

Задача перехода от взаимного гарантированного уничтожения (ВГУ) потенциального противника к взаимной гарантированной безопасности (ВГБ) с ним была сформулирована еще в 1992 г. Уильямом Перри, Эштоном Картером и Джеймсом Стайнбруннером. Тем не менее до сих пор попытки выйти за пределы сдерживания дали скромные результаты. Меры укрепления доверия, такие как договоры о контроле над вооружениями (не вступивший в силу СНВ-2 от 1993 г. и так называемый Московский договор о сокращении наступательных потенциалов от 2002 г.), продолжили линию «холодной войны» на кодификацию и регулирование сдерживания. Декларации о ненацеливании замедлили нанесение ядерного удара всего лишь на несколько минут или даже секунд²⁰. Предложения групп экспертов — ИСКРАН и РЭНД (2004 г.) — представляют собой сумму шагов, реализация которых существенно уменьшила бы угрозу для России и США со стороны друг друга (прежде всего путем беспрецедентной взаимной транспарентности в ядерной области и снижения уровней боеготовности

ядерных вооружений), но в принципе сохранила бы ситуацию ВГУ.

Вероятно, для формального параллельного отказа от ВГУ требуется качественно более высокий уровень доверия между Россией и США. Этот новый уровень не может быть достигнут за одно-два десятилетия. В то же время у России и США фактически отсутствует потребность в том, чтобы постоянно держать ядерный потенциал другой стороны под прицелом. В принципе у России нет оснований опасаться ядерного удара со стороны США. Американские опасения связаны не с российским ядерным потенциалом как таковым, а с безопасностью ядерных объектов России и сохранностью имеющихся в распоряжении России расщепляющихся материалов. У обеих стран есть гораздо больше оснований опасаться захвата ядерных объектов террористами, чем политического давления с использованием ядерного фактора, не говоря уже о подготовке к ядерному нападению. Более реальны в таких условиях односторонние шаги, основывающиеся на скорректированных после окончания «холодной войны» и особенно после 11 сентября 2001 г. представлениях о том, что является «неприемлемым ущербом», и соответственно о том, какой сдерживающий потенциал можно считать достаточным.

Что касается российско-американского ядерного сотрудничества, то наиболее продуктивным было создание договорной и организационной основы для взаимодействия против угрозы ядерного (химического, биологического) терроризма и ликвидации последствий применения ОМУ террористами или какими-либо другими третьими сторонами. Не менее важным направлением является сотрудничество для сдерживания или противодействия распространению ядерного оружия. Такое сотрудничество, однако, может быть эффективно лишь с учетом конкретного для каждого рассматриваемого случая геополитического, стратегического, экономического контекста. В частности, совместно с США Россия могла бы сыг-

рать важную роль в предотвращении создания Ираном ядерного оружия, в решении северокорейской ядерной проблемы, а также в укреплении режима сдерживания в Южной Азии.

Региональное сотрудничество. Интересы России и США в том, что касается поддержания региональной стабильности в Центральной Азии, Закавказье, а также в отдельных районах Ближнего и Среднего Востока — от «квартета» по израильско-палестинской проблеме до Афганистана — совпадают или параллельны. В принципе Москва и Вашингтон могли бы быть естественными союзниками друг для друга. Однако геополитическое соперничество на постсоветском пространстве, обострившееся к середине 2000-х годов, делает такое партнерство проблематичным. США не признают «особых полномочий» России в СНГ, а она отказывается выступать в качестве младшего партнера Америки. Максимум, чего сторонам удастся добиться, это сдерживание конфликтов (в частности, в Грузии).

Итак, центральный характер отношений Москвы и Вашингтона для системы международных отношений уже в прошлом. Между США и Россией имеют место функциональное партнерство и ограниченное соперничество. Российско-американские отношения отмечены явной асимметрией. США по-прежнему (или даже больше, чем прежде) нужны России, а Россия может быть полезна Америке в важных для нее областях и в конкретных ситуациях. Союз — устаревшая форма отношений. Он предполагает статику, позиционное противостояние по типу «холодной войны», наличие конкретного врага — агрессивного государства. В современной ситуации для этого нет достаточных оснований.

Для оценки психологического климата российско-американских отношений важно то, что Россия и Америка никогда не воевали друг с другом и, более того, в обеих великих войнах XX столетия были союзниками. На протяжении первого столетия американской истории Петербург

относился к Вашингтону вполне благожелательно (что объяснялось постоянным соперничеством с Лондоном).

При этом, конечно, не стоит совершенно игнорировать мелкие вооруженные столкновения в 1918 г. во время американской интервенции в России и особенно участие советского военного персонала в Корейской и Вьетнамской войнах. Важно то, что Россия не обязана Америке своей свободой и независимостью (в отличие от Франции и ряда других стран «старой Европы»), демократией (свержение коммунистического режима — дело рук самих россиян) или постоянным патронажем (как страны «новой Европы»).

В российско-американских отношениях со времен Второй мировой войны традиционно велика роль контактов на высшем уровне, особенно встреч в верхах (**саммитов**). Отношения президентов остаются важным фактором — в отсутствие традиций дружества и разветвленных связей во многих областях (как, например, между США и Францией, США и Германией и т. п.). Разумеется, личные отношения глав государств нельзя отождествлять с межгосударственными отношениями: «дружба в верхах» часто оказывается поверхностной. Президентский канал не будет эффективен, если он не будет постоянно поддерживаться каналом высокого уровня — между старшими президентскими помощниками, пользующимися доверием своего главы государства. В принципе наиболее естественным «сопровождающим каналом» для президентской дипломатии является канал между Советом безопасности России и Советом национальной безопасности США. Проблема состоит в том, что российский Совет безопасности с момента своего создания чаще являлся слабым, а не сильным звеном системы органов исполнительной власти. Контакты в масштабе правительств двух стран и финансово-экономические контакты на правительственном уровне принадлежат определенной эпохе американской сверхвовлеченности и российской первичной постсоциалистической трансформа-

ции. Целесообразность оживления группы по стратегической стабильности зависит от того, удастся ли создать необходимый для ее функционирования политический контекст тесного и доверительного сотрудничества между Россией и США. Отношения с США имеют ключевое значение для закрепления и углубления участия Российской Федерации в работе Группы восьми.

«Восьмерка»: от первичной социализации лидеров к полномасштабному участию

ПРЕВРАЩЕНИЕ «СЕМЕРКИ» В «ВОСЬМЕРКУ» уже заняло полтора десятилетия, и процесс еще полностью не завершен. Намеченный на 2006 г. первый саммит восьми лидеров в России — важный, но не последний шаг на этом пути.

К «восьмерке» как к клубу ведущих мировых держав у российского руководства особое отношение. В «мировом Политбюро» российские лидеры не претендуют на роль «генсека», не оспаривают этот пост у США, но «действительное членство» считают оправданным и обязательным. В «восьмерке» продолжается модель Священного союза, Европейского концерта, «большой тройки» времен Второй мировой войны, Совета Безопасности ООН, Координационной группы по бывшей Югославии. Неприемлемым, напротив, считают в Кремле вечное «кандидатство», а даже намек на перспективу «вывода из состава» группы вызывает там резкое раздражение.

Участие России в «восьмерке» имеет важные особенности. В отличие от семи остальных партнеров Россия не обладает развитой современной экономикой и не является демократией. Участие в работе группы было призвано привязать Россию к Западу и гармонизировать ее устремления с общей линией Запада, а также компенсировать потери в статусе, которые Москва понесла после распада СССР, и способствовать личной социализации российских лидеров. В то же время Россия отвергает использование механизмов «восьмерки» для целей «улучшения

российской демократии». Российские лидеры заявляют, что «восьмерка» может функционировать лишь на основе взаимного доверия и полного уважения.

Характер дальнейшего участия России в работе группы и само это участие зависит прежде всего от вектора политического развития страны. Сохранение не только буквы, но и духа Конституции 1993 г.; расширение политического участия граждан, в том числе через формирование дееспособной партийной системы; свободный и честный характер выборов парламента и президента, их легитимность; расширяющаяся независимость судебной системы, прежде всего от исполнительной власти; свобода средств массовой информации; защита прав собственности; уважение прав человека — эти «критерии соответствия» будут применяться к России с постепенно нарастающей жесткостью. Западным правительствам ясно, конечно, что Россия сможет достичь качества консолидированной демократии в лучшем случае спустя несколько десятилетий. Для них важнее всего то, в каком направлении Россия движется. В отличие от правительств, общественное мнение западных стран не готово к бесконечному пассивному ожиданию и требует от своих правительств «сделать что-то», чтобы «приблизить наступление демократии в России». Это обстоятельство делает позицию правительств стран Запада сложной и деликатной. Они вынуждены добиваться от своих российских визави хотя бы формального соблюдения известных «клубных» норм и правил не только на международной арене, но и во внутренних делах. Эти усилия не всегда приводят к желаемому результату.

От третьего президента России его западные коллеги будут ожидать прежде всего личной легитимности. При всей критике в адрес политики Путина никто на Западе не сомневался в том, что второй президент России реально располагал поддержкой большинства российских избирателей. От следующего главы России потребуют по крайней мере декларативной приверженности принципам либеральной демократии, зафиксированным в российской

Конституции. Путин был выбором в чрезвычайной ситуации. Он сумел «вырасти на своей должности». Чтобы «быть почти своими» в кругу демократически избранных и демократически сменяемых лидеров западного мира, будущие руководители России должны будут являться политиками, а не чиновниками. Им потребуются также широкое образование, свободное владение иностранными языками (оптимально английским), знакомство с внешним миром, естественность общения с иностранцами.

Все большее значение будет иметь готовность России не только формально участвовать в ежегодных саммитах, но и разделять общие ценностные и политические установки ее участников. «Восьмерка» — это клуб, члены которого — несмотря на различия конкретных интересов и противоречия по частным проблемам — объединены узами солидарности по основным вопросам экономики, политики, прав человека и гражданских свобод. Чтобы успешно действовать в этом клубе и продвигать таким образом свои интересы, России необходимо также рассматривать общие интересы участников клуба, как и свои собственные. Способность к солидарным с партнерами действиям станет серьезной проверкой на зрелость не столько президента, сколько российских элит.

Наконец, взаимодействие в рамках «восьмерки» требует модернизации российской бюрократии, ее готовности и способности действовать наравне с бюрократическими аппаратами ведущих государств. Организация саммита «восьмерки» в России в 2006 г. является первым испытанием на эту готовность и способность, из которого предстоит сделать важные выводы на будущее.

Реформированная ООН

ВОЗМОЖНО, В БУДУЩЕМ состав Группы восьми расширится (например, в результате включения в ее состав Китая и Индии), но более вероятно, что эта группа сохранит свое качество клуба лидеров демократических государств. В то же время, несмотря на неудачу юбилейного

саммита ООН в сентябре 2005 г., давление в пользу реформы формально ведущего международного института — ООН — сохраняется²¹. Задача, которую ставят в этой связи российские руководители, — сохранить свое исключительное положение постоянного члена Совета Безопасности ООН, обладающего правом вето. Для Москвы ООН — это Совет Безопасности, а Совет Безопасности — это Россия, располагающая правом вето. Несмотря на риторику российской дипломатии, Москва стремится не столько к демократизации международных отношений (расширению Совета Безопасности, увеличению числа постоянных членов, увеличению роли Генеральной Ассамблеи), сколько к их «олигархизации» (ограничению американской гегемонии и утверждению многополюсности).

Главное отличие ООН от любых других международных организаций — в ее универсальности и легитимирующей способности. Решения Генеральной Ассамблеи ООН обладают несравненной моральной силой, решения Совета Безопасности — высшей политической легитимностью. Проблема неспособности Совета Безопасности принимать решения, как это имело место в ходе кризисов в Косово в 1999 г. и в Ираке в 2003 г., коренится в разногласиях между США и некоторыми другими крупными странами (в первую очередь Россией и Китаем²²). Выход из сложившейся ситуации может быть найден в рамках формулы «США плюс ООН». При этом идеальный механизм «глобального управления» выглядел бы следующим образом: идеи иницируются и обсуждаются в Группе восьми (или, лучше, в G-10), после чего вносятся на обсуждение Совета Безопасности, принимаются в качестве решений ООН и реализуются. Для успеха такой формулы требуется встречное движение со стороны США (от гегемонии к активному лидерству), а также со стороны критиков односторонних действий США (Франции, Германии) и сторонников многополярного мира — России и Китая. Конечно, идеальная схема, как правило, наиболее трудно реализуема. Для реформы мироуправления необходимо прежде

всего наличие у американской правящей элиты просвещенного эгоизма. К исходу первой четверти XXI в. США уже не будут так доминировать в мире, как в самом начале столетия. У них есть два десятилетия для того, чтобы подготовить новую итерацию международной системы и обеспечить свое место в ней. Для этого США нужно активно организовывать международную среду²³.

Российская Федерация унаследовала от СССР положение одного из столпов системы глобальной безопасности. В настоящее время Россия — постоянный член Совета Безопасности ООН, один из депозитариев Договора о нераспространении ядерного оружия, участник Режима контроля за распространением ракетных технологий, Лондонского клуба ядерных поставщиков, Комитета Цангера, Вассенаарских соглашений, Инициативы по контролю над распространением ОМУ и других соглашений. Содержание понятия «международная безопасность» изменилось после окончания «холодной войны» и продолжает меняться. Активное участие России в укреплении соответствующих режимов и работе созданных для этого органов поднимает авторитет России как государства с мировым кругозором. Наоборот, безынициативность Москвы, утрата ею интереса к тому, что прямо, непосредственно и немедленно не затрагивает интересы России, ведет к провинциализации российского политического мышления и действия и, как следствие, маргинализации страны во все более взаимозависимом мире.

Первостепенное значение для «включенности» России в систему международной безопасности, причем не только в Европе, имеют ее отношения с Организацией Северо-Атлантического договора.

Россия — НАТО

ЗАЯВКА — ХОТЯ И ЗАКАМУФЛИРОВАННАЯ — на членство в НАТО стала одним из первых внешнеполитических движений постсоветской России. Это движение было естественным: в годы «холодной войны» в Москве

сложилось представление о НАТО как о «главном» западном клубе. Очевидным был также и российский расчет занять в НАТО положение «вице-президента»: арсенал ядерного оружия, равный американскому, многочисленные обычные вооруженные силы, геостратегическое положение с выходом одновременно к Атлантике и Тихому океану и с позициями, непосредственно примыкающими к Ближнему и Среднему Востоку, делали такие претензии вполне обоснованными в глазах россиян.

Неудача «мгновенного членства» отрезвила, но оставила ощущение «отверженности». Совет североатлантического сотрудничества и сменивший его Совет евроатлантического партнерства (СЕАП) оказались формальными площадками «при НАТО». В этих форумах Россия принимала участие на общих основаниях с остальными республиками бывшего СССР и странами бывшего Варшавского договора. Контактная группа по бывшей Югославии, функционировавшая с 1992 по 1999 г., имела целью удерживать Россию «внутри палатки» по принципу «пусть дуется, только бы не мешала» (Уоррен Кристофер)²⁴.

Участие Российской Федерации в программе НАТО «Партнерство во имя мира» принесло скромные результаты. В то время как для стран Центральной и Восточной Европы, Балтии эта программа стала практической подготовкой к вступлению в НАТО, Россию угнетало сотрудничество с НАТО «на равных» со странами Центральной и Восточной Европы и СНГ — при том, что прием России в НАТО оставался весьма гипотетической перспективой. Российских политиков, желавших статуса, не привлекал «мелкий масштаб» практического сотрудничества (от учений спасателей до совместного миротворчества). Российский генералитет определенно противился перестройке военной организации по западному образцу, включавшему гражданский контроль над вооруженными силами, открытый бюджет и т. п.

Принятие основополагающего акта Россия — НАТО в 1997 г. в принципе создало основу для более широкого и

продуктивного сотрудничества. Тем не менее работа впервые созданного совместного органа — Постоянного совместного совета оказалась неудовлетворительной. В системе ПСС отсутствовало политическое содержание. Приоритетность направлений сотрудничества не была определена. В организационном отношении ПСС демонстрировал исключительную ригидность. По любому вопросу Россия постоянно сталкивалась с согласованной позицией НАТО. Официальная формула «16 плюс 1» на поверку оказывалась подмененной формулой «16 минус 1». Косовский кризис 1998–1999 гг. стал тестом, который тогдашние российско-натовские отношения не прошли.

После 11 сентября 2001 г. ситуация резко изменилась. В созданном в 2002 г. Совете Россия — НАТО появилось уже некоторое содержание: совместная борьба с терроризмом и новыми вызовами. Организационно инклюзивный характер совета (в формате «20», затем «27») определенно способствует сотрудничеству.

В 2000-х годах членство России в НАТО не является актуальным. Аргументы, выдвигавшиеся в пользу ее вступления в альянс в предыдущее десятилетие, выглядят наивными или устаревшими. Постепенно стало ясно, что НАТО перестало быть синонимом «Запада» и клубом избранных, что присоединение к НАТО не тождественно модернизации страны, что «выбор между Западом и Востоком» в условиях XXI в. весьма условен и требует серьезных уточнений, что защита страны от современных угроз требует иных инструментов и организаций и т. п.

Россия также стала постепенно преодолевать комплекс неполноценности. Иллюзия насчет приобретения через НАТО новых рычагов влияния, а также насчет возможности контроля над НАТО изнутри ослабевает. Пришлось скорректировать представления о праве вето, которое на поверку оказалось механизмом консенсусного согласования принимаемых решений. Пришлось задуматься не только о правах и возможностях, открываемых членством, но и об обязанностях, что привело к понима-

нию различных реальных интересов безопасности между Россией, США и Европой.

Тем не менее вопросы остаются. Зачем России отношения с НАТО? С точки зрения ее национальных интересов практическое сотрудничество с НАТО ведет к демилитаризации российско-западных отношений и к возникновению ситуации «стабильного мира» между Россией и Западом в целом. К началу 2000-х годов такие отношения де-факто сложились между Россией и ведущими европейскими странами. Расширение сотрудничества с НАТО будет способствовать демилитаризации российско-американских отношений, формированию условий, при которых вооруженный конфликт между Россией и США станет столь же немыслимым, как между Россией и Германией.

Наряду с поэтапным достижением этой важнейшей политической цели развитие отношений с НАТО способствует модернизации российской военной организации. НАТО в целом и его отдельные члены обладают огромным опытом реформирования военных организаций в условиях меняющейся стратегической ситуации в мире и политической ситуации в конкретных странах. Этот опыт имеет огромное значение для Вооруженных сил и других российских силовых структур, которые в большей мере продолжают оставаться организациями, предназначенными для мирного функционирования и военных действий в условиях, которых давно не существует.

Наконец, практическое взаимодействие России и НАТО является инструментом обеспечения взаимных интересов безопасности в конкретных ситуациях новых угроз и вызовов. Полем такого взаимодействия уже стал Афганистан. И российские представители ведут речь о «постепенном создании однородного в плане безопасности пространства», в рамках которого на основе договоренностей, подобных соглашению о статусе сил, обеспечиваются «примерно одинаковые модальности функционирования вооруженных сил, сил чрезвычайного реагирования»²⁵. В далекой перспективе практическое сотрудниче-

ство может быть распространено на более широкий регион Большого Ближнего Востока.

В то же время у российско-натовского сотрудничества есть и очевидные пределы. Вопрос о членстве России в НАТО в обозримой перспективе не стоит, а периодические расширения состава членов альянса приводят к росту скептицизма в отношении НАТО, особенно в российской военной среде²⁶. Приоритетность НАТО в политике не только США, но и ведущих европейских стран существенно снижена. Склонность США к односторонним действиям и стремление Франции и ряда других государств создать собственно европейскую военную структуру снижают степень поддержки НАТО. Отсутствует консенсус в отношении новых целей и задач НАТО. В то же время ряд новых членов НАТО (Польша, страны Балтии) относится к России скептически и даже подозрительно, а в России отсутствует готовность к сотрудничеству с НАТО для урегулирования конфликтов в странах Южного Кавказа и Центральной Азии.

В среднесрочной (до 2010 г.) перспективе тестом для российско-натовских отношений, вероятно, станет вопрос о членстве Украины, Грузии, Азербайджана в НАТО. С одной стороны, очевидно, что такой шаг может привести к существенному охлаждению отношений, с другой — если российское руководство сможет посмотреть дальше привычных стереотипов — украинское членство в альянсе может рассматриваться как гарантия того, что НАТО уже никогда не станет антироссийской организацией. Такое новое видение требует политики открытости в отношении Украины, всестороннего сотрудничества с ней, в том числе в военно-технической области.

Политическое взаимодействие с Европейским союзом и его членами

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ с Евросоюзом осуществляется по двум колеям — национально-страновой и «союзной». Отношения России с *членами*

ЕС стали весьма близкими. Рассматривая Россию в качестве одной из ведущих стран Европы, российские руководители наладили тесные связи с лидерами Евросоюза — правительствами Германии, Франции, Великобритании, Италии. Этот канал считается также важнейшим для воздействия на позицию наднациональных органов Европейского союза.

Механизмы российско-германских отношений имеют разветвленный характер. На их вершине располагается сфера «личной дипломатии» президента и канцлера. Эти отношения по значимости для внешней политики России уступают лишь каналу Кремль — Белый дом. В отличие от российско-американских отношений, однако, российско-германские обладают более широкой институциональной базой. Существует практика совместных заседаний ключевых министров двух правительств. Более тесный характер носят связи между парламентариями двух стран. Есть несколько крупных общественных форумов, наиболее престижным из которых является Петербургский диалог. Роль мотора германо-российских отношений играет крупный бизнес. Связка «Газпром» — германские партнеры («Рургаз», БАСФ и др.) имеет системообразующее значение для всей совокупности двусторонних отношений. Внутри Германии крупный бизнес, разрабатывающий стратегию развития на длительную перспективу, помогает правительству и канцлеру выработать политическую стратегию, в том числе в сфере отношений с Россией.

«Особые» отношения с Францией продолжают в новых условиях традицию, установившуюся при президенте де Голле. Выдающуюся роль в этих связях играет геополитика. Если во время «холодной войны» отношения с Францией давали возможность Москве демонстрировать свою принадлежность к Европе, то со второй половины 1990-х годов блокирование с Парижем — прежде всего по иракскому вопросу — стало инструментом «мягкого оппонирования» всемирной гегемонии США. Речь идет

не только о ситуативном совпадении интересов двух стран в Ираке. Между французской концепцией многополярности в международных отношениях XXI в. и российскими взглядами на многополюсный мир много общего. Франция стремится к созданию в Европе независимого от США центра силы, Россия пытается создать такой центр в Евразии.

Ведущим элементом российско-французских отношений являются контакты на уровне президентов. Более, чем любые другие двусторонние связи в современной Европе, они напоминают отношения прежних монархов. Особую роль играют регулярные контакты на уровне министров обороны и командования вооруженных сил. Развивается — пока еще на довольно скромном уровне — сотрудничество в военно-технической области.

Начиная с конца 1990-х годов формируется неформальное сотрудничество России, Германии и Франции. Когда в 1998 г. их лидеры впервые встретились в трехстороннем формате, комбинация Париж — Берлин — Москва рассматривалась главным образом как инструмент вовлечения России в проект «Большой Европы». Считалось, что в компании с Германией и Францией Россия будет чувствовать себя достаточно комфортно для того, чтобы осуществлять внутренние реформы и продолжать адаптацию к изменившимся внешним условиям, сохраняя при этом общую ориентацию на Европу и Запад в целом. Иракский кризис 2003 г. усилил появившиеся еще в конце 1990-х годов подозрения об антиамериканской направленности «оси» трех европейских столиц.

В обозримой перспективе блок, направленный против США, вряд ли возможен. Прежде всего потому, что он «взорвет» Европейский союз, часть членов которого как на западе (Британия), так и на востоке (Польша), выступают за сохранение и укрепление нынешней международной роли США и поддерживают внешнюю политику Вашингтона. Для России тесные отношения с Германией и Францией важны не для призрачного геополитическо-

го соперничества с США, а в первую очередь для продвижения российских интересов в отношениях между Россией и ЕС в целом.

После расширения Европейского союза в 2004 г. его отношение к России претерпело существенные изменения. Новые члены ЕС из числа стран Центральной и Восточной Европы относятся к России гораздо более скептически и настороженно, чем западноевропейцы. Многие в этих странах вслед за бывшим президентом Чехии Вацлавом Гавелом считают Россию «евроазиатской», а не европейской страной, отказывая ей в перспективе интеграции в международное общество. Историческая память здесь такова, что даже демократическая Россия не является, с их точки зрения, достаточной гарантией безопасности. Это лишь «лучшее из зол»²⁷. Со своей стороны, Россия болезненно реагирует на посредничество Польши в разрешении политического кризиса на Украине (2004 г.)²⁸, а также на требования стран Балтии признать факт оккупации Латвии, Литвы и Эстонии Советским Союзом.

Повышение уровня европейской интеграции заставляет Москву все больше общаться с руководством Комиссии европейских сообществ и брюссельскими «еврократами». Дважды в год проводятся саммиты между президентом Россией и руководством Еврокомиссии. Это общение дается сторонам гораздо тяжелее, чем традиционные межгосударственные отношения²⁹. Еще бóльшие трудности существуют в гармонизации интересов России и Европейского союза.

Создание четырех общих пространств — экономического; внутренней безопасности; внешней безопасности; образования и культуры, — провозглашенное как совместная цель на саммите ЕС — Россия в 2003 г., остается политическим лозунгом. Стороны расходятся в принципиальных вопросах.

В начале 2000-х годов европейцы выдвинули идею Широкой Европы (в рамках Совета Европы). Это — настоящая, географически и исторически «полная» Европа.

В этих рамках Евросоюз будет стремиться к «европеизации» соседей по Европе как специфической форме модернизации стран с авторитарным прошлым. Европеизация рассматривается как процесс глубокой экономической, политической и общественной трансформации. Идеология европеизации — демократическая, либеральная (с социал-демократическим оттенком), негегемонистская, многонациональная, мультикультурная, инклюзивная и интегративная. При этом предусматривается задействовать три группы механизмов: конкретные обязательства государств в процессе присоединения к ЕС; объективные изменения в соседних странах как результат интеграции с Европой; субъективные изменения, ведущие к восприятию европейских норм. Широкая Европа — именно матрица, а не втулка (Брюссель) со спицами, связывающим ее с периферийными странами³⁰. Брюссель не предлагает России ни вступления в Союз, ни совместного лидерства в Широкой Европе. Если Россия не хочет «европеизироваться» таким образом, это ее дело; Брюссель не намерен стимулировать ее поведение.

В России исходят из принципиально иной концепции — Большой Европы. Фактически Россия имеет в виду двусоставную конструкцию, одним из центров которой является Брюссель, а вторым становится Москва. Руководство России настроено не столько на внутреннюю европеизацию России, т. е. «подстраивание под Европу», сколько на внешний паритет с ЕС и признание Брюсселем стран СНГ в качестве сферы российских интересов. Такой взгляд основывается на традициях российского внешнеполитического мышления и развивает их в условиях глобализации.

Противоположность концепций Широкой Европы и Большой Европы очевидна и вряд ли может быть устранена путем переговоров. Решение вопроса будет зависеть от того, какой вектор развития и интеграции выберут для себя страны, которые Россия видит в качестве сферы своих интересов. По результатам президентских

выборов 2004 г. Украина выбрала путь европеизации и сближения с Евросоюзом вплоть до присоединения к ЕС в долгосрочной перспективе. Если этот вектор будет в дальнейшем закреплён, это существенно повлияет на исход «концептуального противостояния» Широкой и Большой Европы. Молдавия и Грузия провозгласили общий курс на европеизацию — прежде всего как альтернативу возвращению в орбиту Москвы. Если процесс интеграции Турции в Европейский союз будет идти поступательно, это даст серьёзный импульс проевропейским тенденциям не только в Азербайджане, но и в Армении. В конечном счёте — хотя и в очень отдалённой перспективе — армяно-азербайджанский конфликт может быть решён в условиях параллельной интеграции двух стран с Европейским союзом³¹.

Таким образом, «московская» часть Большой Европы могла бы включить наряду с Россией Белоруссию и Казахстан. Проблема с Белоруссией, однако, сводится к тому, что до тех пор, пока у власти остается Александр Лукашенко, Белоруссия, конечно, не двинется в сторону Европы, но она и не пустит Россию (прежде всего российский капитал) на свою территорию. Уход же Лукашенко — в зависимости от обстоятельств завершения его правления — может стать как толчком к экономической интеграции с Россией, так и стимулом к ускоренной европеизации. Скорее всего обе тенденции проявятся одновременно, и тогда Белоруссия может стать ареной острой конкуренции между ними.

Развитие Казахстана и его ориентация также зависят от решения проблемы власти. В принципе Россия и Казахстан могут пойти по пути глубокой экономической интеграции, но устойчивость их интегративного образования будет зависеть от того, удастся ли постепенная политическая модернизация обоих государств. С точки зрения Европейского союза, однако, Казахстан находится за пределами Широкой Европы, и характер его связей с Россией не имеет прямого отношения к отношениям Россия — ЕС.

Особую проблему представляет собой Калининградский анклав. Характерно, что в 2002–2003 гг. российское руководство, озаботившись калининградской проблемой в свете предстоявшего тогда расширения Европейского союза, истолковало ее в терминах государственного престижа и паспортно-таможенных формальностей. В итоге было достигнуто соглашение о транзите, урегулировавшее практические вопросы. В то же время главная проблема была проигнорирована. В условиях, когда Литва и Польша, которые до рубежа 1990-х годов составляли однородное в социально-экономическом отношении и примерно одноуровневое с Калининградом пространство, начинают — благодаря реформам и членству в ЕС — уходить в быстрый «отрыв», угроза калининградского сепаратизма становится реальностью. Если бы Москва проигнорировала эту угрозу, то на каком-то этапе ей пришлось бы прибегнуть к силе для подавления сепаратизма. Почти неизбежные в таком случае эксцессы привели бы к протестам со стороны Евросоюза и его членов и охлаждению отношений России с объединенной Европой. Действия федеральной власти в 2004–2005 гг.³² дают основание полагать, что она эту угрозу видит и стремится выправить ситуацию.

В итоге, вероятно, процесс формирования Широкой Европы (по сути, название концепции может быть иным) будет развиваться, причем довольно быстрыми темпами. Россия в этом процессе не будет принимать активного участия, хотя, разумеется, будет вынуждена считаться с изменением ситуации на своих границах. Европеизация самой России тоже будет происходить — скорее объективно, под влиянием расширения отношений и увеличения «элементов Европы» внутри России, чем субъективно. Концепция Большой Европы в той интерпретации, которая была дана выше, перспектив не имеет.

В долгосрочной перспективе (2020–2025 гг.) возможно другое развитие. Россия, с одной стороны, добившаяся существенного прогресса в экономическом, социальном

и, что очень важно, политическом развитии, становится в ценностном отношении более совместимой с Евросоюзом. С другой стороны, российская элита окончательно разочаровывается в идее имперской реинтеграции. Стремясь стабилизировать положение страны по отношению к растущей мировой державе Китаю, а также к пришедшему в движение мусульманскому миру, Москва «разворачивается» в сторону Европейского союза.

Со своей стороны, Европейский союз в процессе собственного развития и в соответствии с логикой позиционирования на международной арене может прийти к выводу, что Россия с ее природными ресурсами, геополитическим положением и военным потенциалом может быть важным, даже решающим дополнением в усилиях Европы утвердиться в качестве центра силы и влияния, равного Америке и Китаю.

Результатом роста обоюдной заинтересованности друг в друге может стать более или менее устойчивая ассоциация России с Европейским союзом, о которой в общих чертах писали разные исследователи³³. В этом случае «четыре пространства» могли бы наполниться содержанием, возникли бы и соответствующие механизмы российско-европейского взаимодействия в экономической, политической, военной, экологической и других областях. При этом, однако, ассоциация, если она возникнет, по духу и форме будет гораздо ближе к концепции европеизации, чем к идее дуополии.

В этой связи существующие общеевропейские структуры — Совет Европы (включая его Парламентскую ассамблею), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также региональные советы сотрудничества в бассейнах Баренцева, Балтийского, Черного морей являются инструментами европеизации России. При всей ограниченности своего влияния на внутривнутрироссийские процессы они ясно указывают, в каком направлении меняется характер международных отношений в важнейшем регионе, не только примыкающем к границам

России, но и включающем Россию. Традиционные концепции баланса сил, великодержавности, сфер влияния, геополитических буферов, паритета и т. п., на которые продолжает ориентироваться российская внешняя политика, вытесняются идеями господства правовых отношений, составляющими основу «нормативной империи» Европейского союза³⁴.

Европейский вызов политике России, таким образом, является не менее масштабным и при этом более сложным, чем вызов со стороны США. Москва пока протестует против фактического изменения функций ОБСЕ (упор на контроль над качеством выборов в государствах бывшего СССР)³⁵, пристального внимания Совета Европы к ситуации в Чечне³⁶, деятельности Международного трибунала по бывшей Югославии. При этом, однако, чем дальше, тем более очевидным становится изменение повестки дня общеевропейских отношений. К уже утвердившимся в ней проблемам демократии и прав человека добавляются проблемы ответственности должностных лиц за преступления, совершаемые от имени государства, качества окружающей среды и др. Россия не сможет дать «адекватный ответ» Европе, не изменившись внутренне.

Наряду с общими проблемами отношений России с ее западными партнерами в каждой функциональной сфере существуют комплексы частных проблем.

Политико-бюрократическая сфера

ИНТЕРЕСНЫМ ОПЫТОМ СОЕДИНЕНИЯ российской бюрократии с западными стала межправительственная комиссия по экономическому и научно-техническому сотрудничеству между Россией и США («комиссия Гор — Черномырдин»), функционировавшая в 1993–1998 гг. В тех условиях залогом успеха был хороший личный контакт вице-президента и премьер-министра. Когда Черномырдина уволили, исчез важный канал, при помощи которого США привлекали внимание российского правительства к трудным вопросам и добивались их ре-

шения³⁷. В сущности, речь шла о канале уровня, уступавшего лишь президентскому. В этом заключалась опасность. Ельцин ревниво относился к Черномырдину, в том числе из-за его контактов с Альбертом Гором — кандидатом на пост президента США. Отставка Черномырдина в марте 1998 г. и последовавшее вслед за августовским финансовым кризисом того же года разочарование в США привели к закрытию этого канала.

Вряд ли в будущем можно ожидать возрождения подобной комиссии между Россией и США: слишком велика дистанция между ними и слишком низка степень вовлеченности США в российские дела. Тем не менее аналогичный механизм может работать между Россией и другими крупными членами международного общества, прежде всего в Европе. Наиболее естественной по форме была бы российско-французская группа, возглавляемая премьер-министрами обеих стран и докладывающая о результатах работы непосредственно президентам. Другой двусторонней бюрократической структурой — уже практиковавшейся между Россией и Германией — являются совместные заседания групп ключевых министров под председательством первых лиц.

Сказанное не умаляет роль Министерства иностранных дел — по-прежнему ведущего государственного органа, не только проводящего, но и в значительной части формирующего внешнюю политику. Это один из самых профессиональных институтов российского правительства, хранитель и продолжатель вековых традиций отечественной внешней политики и дипломатии. Более чем какое-либо другое ведомство, Министерство иностранных дел связано с внешним миром, обладает уникальными знаниями о нем и пониманием идущих в мире процессов. В то же время МИД является консервативным по духу институтом великой державы, больше ориентированным на интеграцию других стран в возглавляемое Москвой объединение, чем на интеграцию самой России в международное общество.

Канал связи и взаимодействия Совет безопасности России — Совет национальной безопасности США в прошлом работал неровно. Во многом это зависело от конкретных функций российского Совбеза, постоянно менявшихся в зависимости от потребностей «текущего момента». При Юрии Скокове (1992–1993 гг.) Совет безопасности был неудачной копией Политбюро ЦК КПСС. При Иване Рыбкине (1997–1998 гг.) он фактически стал министерством по делам Чечни. Лишь при Сергее Иванове (2000–2001 гг.) Совет функционировал в качестве концептуального центра и одновременно оперативного штаба политики безопасности.

Способность Совета безопасности выполнять роль канала связи во многом зависит также от личных качеств его секретарей. У профессионалов (Сергей и Игорь Ивановы, Андрей Кокошин), как правило, было хорошее взаимопонимание, деловой контакт с иностранными коллегами. «Пары» Кокошин — Бергер, С. Иванов — Райс, И. Иванов — Райс оказались удачными, у ряда других деятелей (В. Рушайло) контакт с иностранными партнерами просто не складывался.

В известной степени альтернативным Совету безопасности каналом является президентская администрация. Ее главы Чубайс и Волошин играли ключевую роль на некоторых этапах российско-американских отношений. Усилиями Чубайса в 1997 г. был сформирован «денверский пакет» договоренностей, в результате которых Россия получила приглашение в «семерку», а также в Парижский и Лондонский клубы кредиторов. Волошин в 2002–2003 гг. курировал очередную попытку российско-американского сближения. Внешнеполитический потенциал администрации зависит прежде всего от фигуры ее главы, характера его отношений с президентом.

Все большую роль в международных отношениях играют международные институты. Для России с точки зрения интеграции в международное общество ключевое значение имеют Группа восьми, Совет Россия — НАТО и

регулярные саммиты Россия — ЕС. Круг проблем, которые поднимаются на этих форумах, вовлекает в международный обмен значительную часть государственного аппарата, что фактически подрывает монополию МИДа на осуществление межгосударственных контактов. Новая ситуация требует, чтобы в результате углубления административной реформы широкий круг государственных ведомств был в состоянии активно способствовать международной интеграции страны.

Военное сотрудничество

В ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» советско-американские военные отношения были в ряде аспектов чрезвычайно тесными: стратегические наступательные вооружения обеих стран находились в постоянной готовности к нанесению массированного ядерного удара по территории вероятного противника, а обычные вооруженные силы противостояли друг другу вдоль границы ФРГ с ГДР и Чехословакией, в нейтральных водах Мирового океана и в ходе патрулирования в воздушном пространстве. Полагая друг друга вероятными противниками в Третьей мировой войне, вооруженные силы СССР и США постоянно изучали военные доктрины, стратегию, тактику, вооружение и военную технику друг друга и т. п. В то же время непосредственные официальные контакты между военнослужащими двух стран были редчайшим исключением.

Эти контакты стали быстро развиваться в конце 1980-х годов в результате серьезных успехов в области контроля над вооружениями. В 1988 г. состоялся первый визит начальника советского Генерального штаба маршала С. Ахромеева в США. Договоры по ракетам средней и меньшей дальности (1987 г.), обычным вооруженным силам в Европе (1990 г.), стратегическим наступательным вооружениям (1991 г.) предусматривали глубокие инспекции и обеспечивали беспрецедентный уровень открытости в военной области. Распад СССР имел в этой связи неоднозначные последствия.

С одной стороны, и это главное, «холодная война» ушла в прошлое, Россия и США на политическом уровне уже не рассматривали друг друга как вероятных противников. С другой стороны, инфраструктура противостояния не была демонтирована. Ядерное сдерживание продолжает существовать. Обычные вооруженные силы в течение 1990-х годов были в основном нацелены на противоборство с бывшим «вероятным противником». В этих условиях США и страны НАТО предприняли попытку расширения контактов между военными. Эти контакты, целью которых было ознакомить бывших советских офицеров с реалиями американской и западноевропейской жизни, привить им новые демократические ценности, в том числе в сфере гражданско-военных отношений, были в целом полезны, но оторваны от действительности, в которой приходилось жить и служить россиянам.

Со своей стороны, российское военное командование, болезненно ощущая собственную слабость, страдая от недостаточного финансирования и сохраняя подозрительность к противникам-партнерам (особенно в условиях расширения НАТО и военных действий НАТО на Балканах), не поощряло военные контакты. Идя на них неохотно, оно не продвигало по службе офицеров, стажировавшихся в западных военных колледжах и академиях.

Несмотря на то что Министерство обороны (а не МИД) стало головным ведомством в миротворческих операциях на территории бывшей Югославии, сотрудничество российских и западных военных получило ограниченный, локальный характер. Запад по сути стремился интегрировать Россию в НАТО, де-факто подчинить российских миротворцев решениям верховного главнокомандования НАТО. Российские военные отвергали такой подход. За такое повесят, говорил тогдашний министр обороны Павел Грачев, а на выборах победят коммунисты и возобновится «холодная война»³⁸. В конце концов формулу участия России в операции НАТО (без подчинения командованию альянса) удалось найти, но сотрудничество оказа-

лось неглубоким и непрочным. Резкая размолвка по Косово, в которой российские военные не только симпатизировали Белграду, но и помогали ему, рейд на Приштину стали запоздалым ответом на подчиненное положение в Боснии. В 2003 г. российские миротворцы покинули Балканы.

К началу 2000-х годов разрыв в уровнях развития и приоритетах вооруженных сил России, США и стран НАТО стал огромным. В то же время удалось наладить ограниченные деловые контакты с НАТО, формирующимися военными структурами ЕС. Эти контакты полезны, но их значение для сторон невелико. Между тем военная модернизация является актуальной проблемой для России. Преодоление серьезного отставания в военной области от ведущих стран требует не только перевооружения вооруженных сил, оснащения их новой техникой, но и внимательного изучения опыта иностранных армий. Необходимость взаимодействия в предупреждении, нейтрализации и отражении общих угроз безопасности предполагает формирование культуры доверия между военнослужащими. Все это до сих пор отсутствует.

Изменению положения могло бы способствовать создание — в рамках реформы военного образования — Президентской военной академии для офицеров высшего звена. Слушатели академии получали бы возможность знакомства с самым современным международным военным опытом, общения с коллегами в армиях стран НАТО и других государств, стажировались бы в их войсках и штабах. Специально для целей развития взаимодействия между Россией и НАТО имеет смысл создать на ее территории военный колледж Россия — НАТО, в котором проходили бы совместную подготовку офицеры российской и западных армий.

Сотрудничество разведывательных и правоохранительных органов

ОСЕНЬЮ 1991 ГОДА последний глава КГБ СССР Вадим Бакатин по указанию президента Горбачева совершил

символический и беспрецедентный шаг — передал послу США схемы расположения подслушивающих устройств в здании американского посольства в Москве. Окончание «холодной войны» положило начало сотрудничеству спецслужб России и бывших противников СССР — США, Великобритании и других западных государств.

Первоначально в этой сфере были достигнуты успехи³⁹. Представители спецслужб установили официальные контакты. Предпринимались попытки сотрудничества в противостоянии новым угрозам — незаконной торговле ядерными материалами, организованной преступности и т. п. Дело Эймса (1994 г.) перечеркнуло эти успехи, по существу вернув разведки и контрразведки на привычные позиции противостояния, хотя и менее интенсивного, чем в период «холодной войны». Периодически в России, США и Европе проходили процессы над агентами, завербованными иностранными спецслужбами, высылались дипломаты, обвинявшиеся в незаконной деятельности, и т. п.

Толчком к реальному практическому сотрудничеству стало развитие ситуации на Среднем и Ближнем Востоке. Еще в конце 1990-х годов была создана российско-американская рабочая группа по Афганистану, контролировавшемуся талибами. После 11 сентября 2001 г. практика борьбы с терроризмом создала потребности в тесном сотрудничестве, прежде всего между Россией и США. Успех операции в Афганистане осенью 2001 г. был обеспечен помощью и поддержкой, оказанными Россией и ее союзниками в регионе Соединенным Штатам.

Общественная интеграция

РЕАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ТРЕБУЕТ не только экономических обменов, сотрудничества правительств, но и сближения обществ. В отличие от «дружбы народов» советского периода российские граждане имеют возможность практически беспрепятственно общаться-

ся с иностранцами, выезжать за пределы России и возвращаться домой. Наибольшей проблемой в этой связи являются ограничения на въезд, вводимые иностранными правительствами. Начиная с 2000 г. несколько стран Центральной и Восточной Европы ввели визовый режим для поездок российских граждан. Со своей стороны, российское правительство добивается от стран Шенгенского соглашения либерализации визового режима. К 2005 г. с Германией, Францией и Италией достигнуты соглашения об ослаблении этого режима для ученых, студентов, деятелей культуры и бизнесменов. Отмена виз зависит от готовности России заключить соглашение с ЕС о реадмиссии нелегальных иммигрантов, способности России осуществлять эффективный контроль на собственных границах (что потребует заключения соответствующих соглашений со многими сопредельными и соседними государствами, в основном в Азии) и качества российских документов, удостоверяющих личность.

С другой стороны, Европейскому союзу необходимо — в собственных интересах — преодолеть страх перед наплывом иммигрантов с востока Европы. Еще в 1991 г. в Западной Европе боялись, что распад СССР приведет к многомиллионной эмиграции на Запад. Этого не произошло ни тогда, ни позже, в период болезненных перемен. Лишь незначительное число россиян (за исключением этнических немцев, греков, а также евреев) переселились в страны ЕС. Страх тем не менее остается, как это продемонстрировал разразившийся в 2005 г. скандал в Германии вокруг выдачи виз посольством ФРГ в Киеве. В то же время Европа оказывается практически беззащитной перед фактом увеличения числа жителей арабского происхождения. Неспособность к интеграции выходцев из бедных стран европейского востока может оказаться опасным дефектом европейской конструкции. России же для целей собственного развития абсолютно необходимо превратиться в страну, привлекающую иммигрантов и интегрирующую их, причем в массовых масштабах⁴⁰.

Интеграция политических элит

ЛИЧНЫЕ КОНТАКТЫ КРЕМЛЕВСКИХ ЛИДЕРОВ играют ведущую роль. Если для российских императоров после Петра I контакты с европейскими монархами были контактами людей одной культуры, то для советских вождей встречи с западными лидерами стали встречами «представителей противоположных миров» — не только в политическом и идеологическом, но также в культурном и даже бытовом смысле. Михаил Горбачев положил начало новой традиции — открытого диалога. Лауреат Нобелевской премии мира, самый известный отечественный политик современности, он сумел установить доверительные отношения с Р. Рейганом, Дж. Бушем-старшим, Г. Колем, М. Тэтчер. Эти контакты перестали быть встречами идеологических противников, как это было во времена Сталина, Хрущева и Брежнева, и приобрели «клубный» характер. Такому повороту способствовали личные качества Горбачева: его интеллект, живой, гибкий ум, открытость новому. Имели значение образование, полученное на юридическом факультете МГУ, а также знакомство с иностранными студентами и дружба с некоторыми из них (включая будущего деятеля Пражской весны Зденека Млынаржа). Поездки за рубеж в еще достаточно молодом возрасте расширили его кругозор. Став генеральным секретарем ЦК КПСС, Горбачев эволюционировал от коммунизма в сторону социал-демократии, и это не могли не замечать его зарубежные партнеры. Тем не менее у Горбачева, с их точки зрения, были серьезные ограничения. Вплоть до августовского путча 1991 г. он оставался лидером коммунистической партии. Учредив президентство, он отказался от всенародных выборов и получил вместо этого мандат не вполне демократического Съезда народных депутатов. Сковывало общение и незнание советским руководителем иностранных языков.

Борис Ельцин, герой российской демократической революции, считал принадлежность России к клубу демократий вполне заслуженной. Он рассматривал своих за-

падных партнеров — Клинтона, Коля, Накасонэ и других — как коллег и личных друзей. Дружеский неформальный стиль общения («встречи без галстуков») сыграл роль в сокращении разрыва между российским лидером и его собеседниками. В глазах последних Ельцин обладал важными достоинствами. Бывший кандидат в члены Политбюро вышел из КПСС, а затем настоял на ее запрете. Он стал первым всенародно избранным главой Российского государства⁴¹. Легитимность Ельцина была подтверждена и позднее. Президент России отверг в 1996 г. маневр с переносом выборов, а в 1999 г. — с получением третьего мандата. Он обрел, таким образом, возможность общаться с иностранными руководителями и как демократически избранный лидер, и как «могильщик коммунизма». Ельцину повезло с Клинтонем. 18 «встреч Бориса и Билла» в 1993–1999 гг. способствовали тому, что Россия стала естественным участником контактов в «высшем эшелоне». При Ельцине Россия из специально приглашенной к столу «семерки» стала участницей «восьмерки». Впав в эйфорию, Ельцин даже говорил Клинтону, что их отношения — больше чем дружба, совместное руководство (co-leadership)⁴². Тесный личный контакт Ельцина с Кодем помог выводу из Германии российских войск и становлению новых российско-германских отношений.

Тяжелое положение России в 1990-е годы, а также очевидные личные слабости Ельцина, особенно сильно проявившиеся в период его второго президентства, ограничили, однако, его эффективность не только как мирового, но и как национального лидера. С учетом персонализации российской политики западными правительствами разочарование лично в Ельцине способствовало разочарованию в перспективах России. На Западе о Ельцине стали все чаще говорить с издевкой, как о капризном ребенке, в России многие стали стыдиться неадекватности поведения первого лица государства. Создалась ситуация, когда любой новый руководитель страны, который проявлял бы способность и желание работать, счи-

тался бы внутри страны и за рубежом лучшим лидером и партнером, чем недавний герой Ельцин.

Владимир Путин в отличие от Горбачева и Ельцина был вынужден начинать с «низкого старта», что, без сомнения, сыграло в его пользу. На рубеже 2000 г. Запад был глубоко разочарован в России и ее перспективах. «Происхождение» Путина из рядов КГБ СССР было серьезнейшим личным минусом второго российского президента в глазах его западных партнеров. Тем не менее Путину удалось сделать следующий шаг на пути вхождения в клуб лидеров ведущих мировых держав. Первому отечественному лидеру после 1917 г., родившемуся в одной из российских столиц, помогли личные качества: образование, полученное на юридическом факультете ЛГУ, логичность аргументации, правильный русский язык, отсутствие претенциозности, простота и естественность поведения. Помогли также опыт жизни и работы за границей и свободное владение немецким языком. Реализм, прагматизм, гибкость (качества, полученные на службе в КГБ) делают российского президента в глазах наблюдателей «немцем» в Кремле⁴³. Проведение заседания «восьмерки» в России может стать личным триумфом Путина.

Активная международная деятельность бывших руководителей (президентов, премьеров, министров) может быть важным международным ресурсом страны. Бывшие лидеры могут и должны помогать своей стране. Российский опыт в этом отношении до сих пор невелик. Сама возможность вначале частной жизни после отставки (Хрущев), затем — общественной жизни (Горбачев и его фонд) стала фактом только в последние десятилетия. Участие бывшего главы государства в политической жизни до сих пор негласно не приветствуется (Ельцин при Путине). Вместе с тем международные контакты бывших «первых лиц» приносят некоторую пользу. Наиболее ярким примером служат международные контакты Горбачева, в том числе с Дж. Бушем-старшим в президентство Дж. Буша-младшего. В дальнейшем, когда

Путин уйдет в отставку, но, вероятно, не из общественной сферы, он сможет остаться влиятельным и активным международным игроком.

Назначение отставных российских деятелей на важные посты в международных организациях — пока редкая практика (за исключением некоторых позиций в ООН). Здесь есть две крупные проблемы. Во-первых, большинство «отставников» не соответствуют квалификационным требованиям (знание иностранных языков и т. п.). Во-вторых, россияне не только воспринимаются, но и воспринимают себя сами в качестве представителей государства, что несовместимо с положением международного чиновника. Участие в ассоциациях отставных государственных деятелей приносит пользу, хотя и ограниченную (Совет взаимодействия, членами которого являются Горбачев и Примаков; совет бывших министров иностранных дел, одним из основателей которого является А. Бессмертных).

Особенно важно войти в закрытые клубы, в которых нынешние и бывшие лица, принимающие решения, обсуждают важнейшие международные проблемы и варианты их решений — например, в Бильдербергский клуб. Участие в этих клубах, однако, требует соответствующей политической культуры, владения современным политическим и экономическим языком и, как само собой разумеющееся, свободное владение английским как языком глобального общения.

Российское лобби в Америке?

СОЗДАНИЕ В США РОССИЙСКОГО ЛОББИ, однако, вряд ли является реальной задачей — по крайней мере до тех пор, пока между Россией и США не установятся действительно партнерские, устойчиво дружеские отношения (когда этот момент настанет, сама нужда в лобби может исчезнуть). Действительно, этнические лобби в США играют важную роль в процессе принятия решений, прежде всего (хотя не исключительно) в Конгрессе

США. Роль израильского лобби стала легендарной. Наряду с ним успешно действуют армянское, польское, греческое, ирландское, китайское, арабское лобби. В США проживает около 1 млн выходцев из России и других бывших советских республик. Многие из них по-прежнему эмоционально связаны с Россией. Есть проекты их «мобилизации» в интересах России как государства. Тем не менее существуют серьезные сомнения в реализуемости и даже полезности этого плана.

Во-первых, большинство эмигрантов уехали в Америку от советского (как раньше от имперского, а позже от современного российского) государства. Оно либо угнетало их как представителей национальных и религиозных меньшинств или политических диссидентов, либо сдерживало их деловую активность, либо не могло обеспечить достойный уровень жизни. Во-вторых, значительная часть русскоязычных эмигрантов в США — евреи. В-третьих, и это самое важное, современные русские эмигранты стремятся по возможности скорее ассимилироваться, стать «стопроцентными» американцами. Идентификация с Россией как с государством им ни к чему.

С другой стороны, становление российского лобби в США неизбежно вызвало бы серьезное сопротивление влиятельных кругов. Одно дело — терпеть лоббистов из небольших стран, народы которых были долгое время в угнетении или подвергались угрозе внешней агрессии и даже истребления. Другое дело — лобби ядерной сверхдержавы, еще сравнительно недавно являвшейся главным противником США в «холодной войне» и проводящей с тех пор независимую внешнюю политику. Можно предположить, что многие в США — в первую очередь те, кто связан с лоббистами стран, расположенных по периметру Российской Федерации, — увидят в попытках создания российского лобби потенциальную угрозу своим интересам и будут активно сопротивляться этим планам. Можно ожидать, что еще не созданному российскому лобби приклеят ярлык «пятой колонны», сравнивая

его с тем, что существовало во времена СССР и управлялось ЦК КПСС и КГБ СССР (коммунисты, «прогрессивные силы», «попутчики»). В результате не только будет скомпрометирована идея, но и могут быть упущены важные возможности.

Наличие «собственного лобби» в США, кроме того, не является непременным условием интеграции. Некоторые лобби представляют интересы «неинтегрированных» и «неинтегрируемых» стран — например, Китая или государств Арабского Востока. У крупных стран Западной Европы (Великобритании, Германии, Франции), Японии лобби нет, и трудно представить, чтобы они появились. Отношения с этими странами не подправляются «со стороны», а обсуждаются и решаются непосредственно в центрах принятия решений — в общей атмосфере тесных и многообразных политических, деловых и общественных связей между ними. На это, по-видимому, стоит ориентироваться и России — понимая, естественно, что достижение такого качества российско-американских связей, какое существует в отношениях США с Францией и Германией, — задача по меньшей мере нескольких десятилетий.

Формирование позитивного образа России на Западе

НА ПРОБЛЕМЕ ИМИДЖА стоит остановиться особо. С конца 1990-х годов она стала рассматриваться в России как нечто самодовлеющее и одновременно технологичное — по аналогии с российским внутривнутриполитическим пиаром. Действительно, конкретные проблемы имиджа могут быть более или менее успешно решены при помощи технологий в сфере public relations. Ошибкой, однако, было бы считать, что все дело — в PR. Это старое заблуждение, известное еще со времен потемкинских деревень и многократно испытанное советской пропагандой. Появившееся на рубеже XXI в. стремление вновь воспользоваться советским опытом и соответствующими техноло-

гиями свидетельствует о глубине заблуждения. Главная проблема международного «образа» России — это сама российская действительность. Образ страны создают не профессиональные технологи, а повседневные действия ее руководителей, чиновников, бизнесменов, простых граждан, формируемый ими политический, деловой, общественный климат *внутри* страны.

Важнейшую внутривнутриполитическую, но также и внешнеполитическую проблему представляет собой модернизация бюрократии. По существу отставание России от ведущих стран в этой области измеряется столетиями. Качество бюрократического аппарата имеет критическое значение, от управленческого персонала зависит реализация всех решений внутреннего и международного характера. Вероятно, административная реформа в России при условии ее последовательного проведения займет целую эпоху. Удержать реформаторский настрой будет трудно. Внешними стимулами модернизации бюрократии могут служить потребности внешней политики. Примером такой потребности является, например, проведение в 2006 г. заседания «восьмерки» в Москве. Возлагать решение всех вытекающих из этого задач на одно лишь дипломатическое ведомство означало бы упущенную возможность в плане осовременивания отечественной бюрократии.

Воспитание новых элит

В УСЛОВИЯХ, КОГДА ФОРМИРОВАНИЕ международного общества перестало быть уделом правительств⁴⁴, России требуется новая система воспитания национальной политической (а также деловой) элиты, которая была бы с самого начала встроена в элиту международную. Советская система подготовки и воспитания (МГИМО, КГБ, МИД/Министерство внешней торговли, Комитет молодежных организаций при ЦК ВЛКСМ) давала определенные результаты, но являлась плотью от плоти советской системы и была полностью подчинена ее целям и

задачам. Выходцы из этой системы до сих пор составляют костяк высшего чиновничества. Советская система, однако, была предназначена для подготовки кадров специалистов и государственных служащих, которые, контактируя с иностранцами, должны были выступать «бойцами идеологического фронта». Партийная верхушка рекрутировалась по другому принципу. Публичная политическая жизнь отсутствовала.

Революционный период конца 1980-х — начала 1990-х годов «призвал» советскую интеллигенцию. С 1993 г. существует Московская школа политических исследований Елены Немировской. Молодые политики, бизнесмены, общественные деятели, ученые со всей России, принадлежащие к различным политическим направлениям, получают возможность обсуждать актуальные и перспективные проблемы своей страны и мира на современном политическом языке. Им читают лекции виднейшие политики, общественные деятели, экономисты, политологи из многих стран. Слушатели учатся вести цивилизованную дискуссию. Семинары проводятся по всей России — от Астрахани до Перми и от Ленинградской области до Иркутска. Слушатели путешествуют со Школой по Европе и США. Их принимают в международных организациях, парламентах и правительствах ведущих стран⁴⁵. Опыт Московской школы применяется в других странах (Болгария, Грузия).

Идея Школы Немировской нашла развитие в проекте Михаила Ходорковского, инициировавшего создание сети школ публичной политики под эгидой Фонда «Открытая Россия». Проект, начатый в 2003 г., не был полностью реализован из-за «дела ЮКОСа».

Слабость российских политических партий, искусственность многих партийных образований не создают возможности нормального воспроизводства политической элиты. Соответственно слабы межпартийные связи с единомышленниками из Европы, хотя участие в таких форумах, как Парламентская ассамблея Совета Европы, созда-

ет возможности для этого. Особенно перспективно развитие отношений со странами, где имеется опыт молодежного диалога с бывшими противниками — Германией, Францией, Польшей, а также со странами, где присутствует устойчивый интерес к России, — Финляндией, Швецией.

Партнеры России могли бы помочь интеграции российского общества путем открытия стипендий для обучения российских студентов в университетах Европы и США. Пока что количество российских студентов в США невелико. Что еще важнее, большинство российских выпускников американских университетов остаются в Америке, многие впоследствии натурализуются. Лишь немногие вузы практикуют стажировки в иностранных университетах во время обучения. Расширение этой практики, ее распространение могло бы привести к сокращению все еще значительного разрыва в понимании между будущими лидерами России и передовых стран.

Особую роль могли бы сыграть дискуссионные клубы для всестороннего обсуждения международных проблем. Пример — английский Уилтон-парк, созданный первоначально как школа для «реориентации» западных немцев после Второй мировой войны, приобщения их к западным ценностям. В годы «холодной войны» этот институт стал ведущим общезападным дискуссионным клубом для перспективных политиков, дипломатов, журналистов, а с окончанием противостояния открыл свои двери перед бывшими противниками. Правда, в России пока пошли по традиционному пути возрождения внешнеполитической пропаганды. На улучшение «имиджа» страны направлены крупные суммы денег, не давшие видимой отдачи. В отличие от советской пропаганды нынешняя включает критический элемент. В 2004 г. по поручению кремлевской администрации РИА «Новости» создало международный Валдайский клуб политиков, политологов, журналистов, иностранные члены которого ежегодно встречаются с президентом России. Появился журнал «Russia Profile», призванный объяснять ситуацию в России кри-

тически настроенным западным читателям. В середине 2005 г. объявлено о «запуске» проекта круглосуточного телевизионного канала на английском языке. Подобные проекты свидетельствуют о том, как современное имиджмейкерство продолжает традиции внешнеполитической пропаганды. Этот путь вряд ли сделает Россию более понятной современному Западу или приблизит ее к нему.

С другой стороны, большие потенциальные возможности существуют у организаций гражданского общества в приграничных регионах⁴⁶, особенно на северо-западе России. Петербург, основанный как «окно в Европу», должен стать звеном «балтийского кольца», мощным генератором российско-европейского взаимодействия в экономической, культурной, гуманитарной областях. Калининград, жители которого ездят в Польшу, Литву, другие страны ЕС в несколько раз чаще, чем на «российский материк», просто обязан стать «сцепкой» между Россией и ЕС, своего рода пилотом сотрудничества в различных сферах⁴⁷. В Новгороде и Пскове, Архангельске и Мурманске, а также в Петрозаводске существует исторический интерес к связям с Северной Европой, который после «открытия России» актуализировался. Региональные российские элиты постепенно становятся активными и автономными участниками международных обменов.

Дальнейшая интеграция России в важнейшие институты современного мира зависит прежде всего от успешности ее внутренних преобразований. В то же время очевидная необходимость интеграции в мировые пространства — это дополнительный стимул и ускоритель трансформации страны. Поскольку локомотивом трансформации является именно экономическое развитие, интеграция в мировую экономику, мировые и региональные экономические институты приобретает безусловный приоритет. Открытие российской экономики, в том числе посредством создания специальных экономических зон, вступление в ВТО и последующая долгосрочная цель членства в ОЭСР

являются важнейшими вехами как развития страны в целом, так и ее «позиционирования» в мире.

Открытие экономики и начало движения к рынку в российских условиях изначально были исключительно политическими решениями. В начале XXI в. политическая интеграция России в структуры международного общества реализуется главным образом на путях развития партнерских отношений — институционализированного диалога и структурированного сотрудничества, но без непосредственного вхождения России в состав какого-либо регионального «центра силы» или жесткого военно-политического союза. В этой связи важнейшей долгосрочной целью является реализация — например, к 2025 г. — соглашения о формировании четырех общих пространств с Европейским союзом⁴⁸.

Ближайшей целью политической интеграции является вхождение России в зону «стабильного мира», внутри которой конфликты и противоречия гарантированно разрешаются без применения военной силы. Достижение этой цели одновременно означало бы вступление России в стабильно-доверительные отношения с ведущими государствами, полное преодоление наследия прошлой конфронтации. В дальнейшем по мере формирования системы коллективного мироуправления Россия становилась бы важным участником такой системы.

Политическая интеграция, однако, невозможна без преодоления ценностного разрыва, который хотя и не является, как в советские времена, непреодолимым, тем не менее ощущается остро. Поскольку нынешний разрыв в ценностях между Россией и Западом носит исторический, т. е. временной характер, он может стать временным явлением — при условии быстрого социального развития в результате распространения капитализма вширь и вглубь. Разумеется, интеграция любых экономических, политических и социальных величин — это прежде всего общение людей, их взаимодействие и сотрудничество в достижении общих целей. Ключевую роль

в этом играет сближение элит, их готовность и способность играть ведущую роль внутри своих обществ. Историческая ответственность российской элиты состоит в том, чтобы осознать свою роль в сокращении отставания страны от лидеров мирового развития и обеспечении ей выгодного положения внутри и возможно ближе к центру формирующейся международной системы XXI в.

¹ *Haass R. The Opportunity: America's Moment to Alter History's Course.* — New York: Public Affairs, 2005. — P. 212–219. Общий индекс интеграции составляет у России 45 пунктов. Для сравнения: у ЕС — 50, у США — 45, у Японии — 45. Существенно отстают Китай и Индия — 36 и 27 пунктов соответственно. Разумеется, эти сравнения очень механистичны: разные «пункты» (ср. членство в ВТО, тем более в ОЭСР, и подписание одного из многих соглашений по борьбе с терроризмом) имеют неравный «вес»; формальное присоединение к тем или иным соглашениям (например, по правам человека) не означает их выполнения на практике; ряд важнейших качественных параметров (общность ценностей, интеграция обществ) не учитывается и т. д.

² *Lopez-Claros A. Russia: Competitiveness, Growth, and the Next Stage of Development* // World Economic Forum: The Global Competitiveness Report 2005–2006. — Geneva, 2005. — Chap. 2.6. — P. 137–152.

³ На долю которого приходится только 11% ВВП и 14% занятых (2004 г.).

⁴ *Гуриев С., Горбань М., Юдаева К. Россия в ВТО: мифы и реальность* // Россия между вчера и завтра. — Кн. 1: Экспертные разработки / Общ. ред. В. Преображенского и Д. Драгунского; Клуб «2015», Ин-т нац. проекта «Обществ. договор». Группа «Сценарии для России-2». — М., 2003. — С. 314.

⁵ *Schmidt H. Die Mächte der Zukunft: Gewinner und Verlierer in der Welt von Morgen.* — München; Siedler Verl., 2004. — S. 186.

⁶ Данные (за 2003 г.) приведены Джеффом Пайрером, сотрудником координационной группы Энергетического диалога ЕС — Россия. См.: <http://www.iea.org>.

⁷ Данные Международного энергетического агентства (Новые Известия. — 2004. — 6 дек.).

⁸ Данные федерального бюджета России за 2004 г.

⁹ *Буторина О. Россия и Европа* // Россия между вчера и завтра. — Кн. 1: Экспертные разработки / Общ. ред. В. Преображенского и Д. Драгунского; Клуб «2015», Ин-т нац. проекта «Обществ. договор». Группа «Сценарии для России-2». — М., 2003. — С. 185–186.

¹⁰ *Буторина О. Указ. соч.* — С. 212.

- ¹¹ *Михеев В.* Восточно-Азиатское сообщество: китайский фактор и выводы для России. — М., 2004. — (Раб. материалы / Моск. Центр Карнеги; № 1).
- ¹² *Тренин Д., Михеев В.* Россия и Япония как взаимный ресурс развития: [Доклад] / Моск. Центр Карнеги. — М., 2005.
- ¹³ *Алекперов В.* Смотреть в будущее // Известия. — 2005. — 1 сент.
- ¹⁴ В частности, в изложении Сергея Рогова, директора Института США и Канады РАН и члена научного совета при Совете безопасности России.
- ¹⁵ *Brzezinski Z.* *Premature Partnership* // *Foreign Affairs*. — 1994. — March/Apr. — Vol. 73. — № 2. — P. 67–82.
- ¹⁶ *Haass R.* *The Opportunity: America's Moment to Alter History's Course*. — New York: Public Affairs, 2005. — P. 10.
- ¹⁷ *Schmidt H.* *Op. cit.* — S. 187.
- ¹⁸ Это заявление Ельцина следует трактовать не как угрозу США, а как выражение фрустрации лидера, завершавшего свою политическую карьеру в сложных условиях.
- ¹⁹ Актуальные задачи развития Вооруженных сил Российской Федерации. — М.: М-во обороны РФ, 2003 (<http://www.mil.ru>).
- ²⁰ С. Рогов, выступая в Фонде Карнеги за Международный Мир в Вашингтоне 20 мая 2004 г., говорил о 8–15 секундах.
- ²¹ См. доклад генерального секретаря ООН Кофи Аннана, апрель 2004 г.
- ²² Позиция Франции в принципе ближе к позициям США и Великобритании; расхождения между Парижем, с одной стороны, и Вашингтоном и Лондоном — с другой, носят тактический, переходящий характер в отличие от разногласий США с Россией и Китаем. В первом случае речь идет о фракциях внутри западного общества, во втором — об оппозиции в рамках мирового сообщества. Многополярность, как ее понимают во Франции, имеет во многом иное содержание, чем ее пекинский и московский аналоги (между которыми также существуют серьезные различия).
- ²³ В этом направлении идут размышления Ричарда Хаасса (*Haass R.* *Op. cit.*).
- ²⁴ *Talbot S.* *The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy*. — New York: Random House, 2002. — P. 123.
- ²⁵ См. реплику Андрея Келина в кн.: Россия и НАТО в новом контексте международной безопасности / Ин-т Европы РАН. — М., 2005. — С. 66–67.
- ²⁶ См. доклад генерал-лейтенанта Владимира Останкова, начальника Центра военно-стратегических исследований Генерального штаба Вооруженных сил (Там же. — С. 70–74).
- ²⁷ *Kissinger H.* *Diplomacy*. — New York: Simon & Schuster, 1994. — P. 821.
- ²⁸ См., например, соответствующие ремарки президента Путина в ходе пресс-конференции в Москве 23 декабря 2004 г.
- ²⁹ Осенью 2002 г. президент Путин публично противопоставил межгосударственных партнеров России в ЕС — европейской бюрократии, тормозящей развитие отношений.
- ³⁰ *Emerson M.* *The Wider Europe Matrix*. — Brussels: Centre for European Policy Studies, 2004. — P. 2.

- ³¹ Ни о каком автоматизме не может быть и речи, конечно. Достаточно посмотреть на то, как тяжело решается кипрская проблема в контексте расширения ЕС. Тем не менее вектор развития направлен в пользу эвентуальной договоренности.
- ³² В частности, оживление проблематики специальной экономической зоны, обновление областного руководства, назначение энергичного губернатора и др.
- ³³ *Gowan D.* How the EU Can Help Russia. — London: Centre for European Reform, 2001. — P. 44.
- ³⁴ *Cooper R.* The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century. — London: Atlantic Books, 2003.
- ³⁵ См. выступление министра иностранных дел России Сергея Лаврова на сессии ОБСЕ в Софии, ноябрь — декабрь 2004 г.
- ³⁶ См. выступление заместителя министра иностранных дел России Владимира Чижова, май 2004 г.
- ³⁷ *Talbott S.* Op. cit. — P. 265.
- ³⁸ *Ibid.* — P. 178.
- ³⁹ *Примаков Е. М.* Годы в большой политике. — М.: Совершенно секретно, 1999.
- ⁴⁰ Федеральная миграционная служба определяет потребности России в 1 млн человек в год. Интеграция такого числа иммигрантов требует колоссальных усилий и четкой работы государственного аппарата.
- ⁴¹ Строго говоря, в 1991 г. Ельцин был избран президентом РСФСР в составе СССР, а его переизбрание в 1996 г. уже президентом России вызывает много вопросов по поводу «чистоты» кампании. Тем не менее легитимность Ельцина была реальной, подтвержденной в августе 1991 г. (разгром путча ГКЧП) и апреле 1993 г. (референдум о доверии).
- ⁴² *Talbott S.* Op. cit. — P. 271.
- ⁴³ *Rahr A.* Wladimir Putin: Der «Deutsche» im Kreml. — 2. überarbeitete und ergänzte Auflage. — München: Universitas Verl., 2000.
- ⁴⁴ *Mathews J. T.* Power Shift: The Rise of Global Civil Society // Foreign Affairs. — 1997. — № 76. — Jan.—Febr. — P. 50–66.
- ⁴⁵ Подробнее о Школе см.: <http://www.msps.ru>.
- ⁴⁶ См., например: Порог Европы: Влияние европейского трансграничного и приграничного сотрудничества на региональное экономическое развитие Псковской области / Под общ. ред. Л. М. Шлосберга. — Изд-во АНО «Центр социального проектирования “Возрождение”», 2004.
- ⁴⁷ *Кортунов С.* Калининград: Мегaproект для Большой Европы // Вестн. аналитики. — 2003. — № 4 (14). — С. 33–64.
- ⁴⁸ По итогам московского саммита Россия — ЕС 10 мая 2005 г. были утверждены «дорожные карты» четырех общих пространств: «Дорожная карта» по общему экономическому пространству, «Дорожная карта» по общему пространству свободы, безопасности и правосудия; «Дорожная карта» по общему пространству внешней безопасности; «Дорожная карта» по общему пространству науки и образования включая культурные аспекты (<http://www.mid.ru>).

Заключение ОТ РОССИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ, НО НЕ ЗАПАДНОЙ — К РОССИИ ЗАПАДНОЙ, НО НЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ

В ПЕРВЫЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ 250 ЛЕТ Россия вступила в новое столетие не как традиционная великая держава. Самоуничтожение советской коммунистической системы и распад уникальной империи, однако, дали возможность стране обратиться, наконец, к самой себе. Таким образом, история конца XX — начала XXI в. — это не только и не столько история «упадка России», постигшей ее «геополитической катастрофы», сколько история «перезагрузки» ее матрицы. Где будет находиться Россия на международной арене и в каком ранге, зависит прежде всего от того, какой она будет внутри.

Нынешняя Россия идет естественным для себя путем постепенных органичных изменений, прерванных революцией 1917 г. Сейчас главное дело России — ее собственная успешная трансформация, а не традиционное соперничество за власть и влияние с другими государствами. Внешняя политика — ресурс для внутреннего развития, а не ристалище геополитических или идеологических битв. Современная Россия живет «для себя», а не «для всего мира». Все, что помогает трансформации,

полезно. То, что мешает, должно преодолеваться. Противопоставление «Восток или Запад» — на самом деле неточное описание проблемы «традиция — модернизация». В условиях глобальной среды степень и уровень интегрированности страны в ведущие международные институты — важнейший фактор, обеспечивающий повышение конкурентоспособности и, следовательно, общий успех.

Россия — безусловно европейская страна. Географически, этнографически, культурно, исторически Россия — составная часть европейского цивилизационного ареала. Россия специфична, самобытна и своеобразна — но все это особенности в рамках единого целого, не делающие ее уникальной цивилизацией, отдельной от европейской. В современном расширившемся Европейском союзе присутствуют многие элементы, составляющие основу «российской специфики», — православная вера, славянские корни, историческое наследие традиционного авторитаризма и десятилетий коммунистического тоталитаризма. Традиция, однако, не тождественна идентичности. Нет ничего особенно позитивного в наследии крепостничества, самодержавия или ксенофобии. С другой стороны, никакая модернизация не превратит россиян в американцев, австрийцев или австралийцев.

Россия — наиболее выдающийся (после Византии) представитель европейского Востока, но европейский Восток неправильно смешивать с другим, неевропейским: Ближним, Средним или Дальним. Перед Россией не стоит вопрос, к кому примыкать. Вместо этого стоит другой: какой быть? Рубеж XXI столетия — время воссоединения Европы, преодоления тысячелетнего раскола единой греко-римской цивилизации на восточную и западную составляющие. Расширение Европейского союза и НАТО — процесс, имеющий фундаментальное цивилизационное, а не только экономическое, политическое и военное значение. Еще большее значение, однако, имеет распространение современных экономических и полити-

ческих институтов. Принципиально важно в этой связи то, как будут развиваться процессы в России.

На наших глазах формируется новый, третий по счету (после европоцентричного, «романо-германского» Запада XV — начала XX в. и американоцентричного Запада «холодной войны») мировой Запад. Он уже включает Европейский союз, Северную Америку, Японию, Южную Корею, Австралию и — во все большей степени — старый европейский Восток и Турцию. Островки Запада существуют в китайском мире (Тайвань, Сингапур, Гонконг, Шанхай), в Индии. Вестернизация начинает затрагивать Ближний и Средний Восток, вызывая там болезненную и резкую реакцию. В XX в. Япония была исключением. В XXI столетии «японский феномен» станет глобальным. Его наиболее зримым выражением станут «тайванизация» политического режима в континентальном Китае и всемирный размах деятельности китайских транснациональных корпораций.

В течение большей части XX в. советская Россия противопоставляла себя Западу в рамках коммунистического проекта. Реализация этого проекта причинила России огромный, до сих пор полностью не подсчитанный ущерб. Сбросив одряхлевшую коммунистическую систему, Россия к началу XXI в. вернулась практически в ту историческую точку, где в 1917 г. она сбилась на трагический путь. Перед страной вновь стоит двойная задача всесторонней — не только экономической — модернизации и соответственно интеграции в общество передовых государств. Стать частью «нового Запада» — не идеологический, а социально-экономический и политический проект, цель которого — повысить эффективность всех институтов общества и конкурентоспособность страны. Чтобы успешно справиться с этой задачей, предстоит выучить уроки прошлого — не только начала и середины XX в., но и последних 20 лет.

Главный вывод из недавней истории состоит в необходимости соединения модернизаторских устремлений и

реформаторских программ с духом здорового российского патриотизма. В сущности, русские западники — это несентиментальные патриоты. Их созидательный постимперский патриотизм может стать движущей силой российской трансформации. Реформаторы 1980-х годов во главе с Горбачевым потерпели неудачу, поскольку, справедливо сосредоточившись на политике и идеологии, они упустили экономику и национальную проблематику. Попытка интеграции на основе конвергенции ценностей и кондоминиума на мировой арене оказалась несостоятельной. Реформаторы 1990-х годов, поддерживавшиеся Ельциным, сосредоточились на экономике («строительстве капитализма»), преуспели больше. В то же время макроэкономическая стабилизация не способна сама по себе создать ни современной политической системы, ни современного общества. Попытка интеграции на основе встраивания России в существующие западные институты — вначале преимущественно на условиях Запада, затем на условиях России — оказалась нереалистичной, поскольку этот проект требовал чересчур многого соответственно от России и от Запада.

Путинская стабилизация, неразрывно связанная со становлением в России бюрократического «национал-капитализма», сочетает ограниченные реформы с патриотизмом, традиционным по содержанию и устаревшим по форме. Современный российский патриотизм требует прежде всего формирования современных институтов государства, т. е. выхода за пределы существующей «царской» модели управления.

Ситуация в России, однако, развивается довольно динамично. В то время как судьба миллиардных состояний остается неопределенной, в стране постепенно укрепляются основы частной собственности снизу. В то время как элитные группировки сражаются за куски бывшей государственной собственности, частные интересы миллионов людей становятся все более четко выражены. Эти крепнущие и все более конкретные интересы вступают в

столкновение с косной, унаследованной от царизма и коммунизма системой управления, прежде всего на местах. Коррупция, высокий уровень которой, по-видимому, сохранится в России еще надолго, не может быть «вечной смазкой» российской экономики и политики. Требования большей прозрачности власти, личной ответственности чиновников и публичного контроля за их действиями будут усиливаться.

Для потенциальных движущих сил будущих российских перемен лозунги освобождения от гнета «системы» и установления в стране демократии, по-видимому, не будут актуальными. «Освободительная» повестка дня себя исчерпала еще в начале 1990-х годов, «демократическая», как стало ясно в последние годы, требует наличия субъекта — демоса, который в России пока не сформировался. Для того чтобы такой субъект наконец появился и проявил себя, требуются преобразования либерально-конституционалистского характера. Их суть — в углублении экономических реформ в их органичном соединении с развитием конституционализма (реализацией принципа законопавия, функционирующей судебной системой и т. п.). Надо четко понимать: для того чтобы любая страна была успешной в условиях глобального пространства XXI в., она должна обладать универсальным набором основных экономических, общественных, политических институтов: свобода и ответственность личности, частная собственность, верховенство права, ограниченное правительство, контролируемое избирателями, развитое гражданское общество и т. д. Именно наличие этого набора, а не формальное подобие конституционных установлений, имеет решающее значение.

Новые общественные силы — средние и мелкие предприниматели, профессионалы, другие представители средних слоев — активны в основном на местном и региональном уровнях. В отличие от общенациональных элит они не борются за власть как таковую, тем более за власть верховную, а озабочены продвижением своих ин-

тересов на том уровне, где сами живут и действуют. В отличие от элит они менее космополитичны: живут и владеют собственностью в России, уезжать из страны не собираются. Им свойственен традиционный и более или менее умеренный национализм: им «обидно за Россию», хотя причины обид и имена «обидчиков» они не всегда хорошо себе представляют.

Становление нового (постимперского) национализма в России — это факт. Перестав быть империей, Россия становится государством-нацией. В таком государстве, как Россия, однако, этнический или этнорелигиозный (т. е. русско-православный) национализм является губительным и разрушительным. Демографическая ситуация в России такова, что для развития экономики требуется масштабная трудовая иммиграция. Потребности страны таковы, что они не могут быть удовлетворены исключительно за счет привлечения русскоязычных граждан бывшего СССР. В XXI в. в составе населения России значительно увеличатся мусульманский и азиатский (китайский, корейский) компоненты и, соответственно, относительно сократится этническая русская составляющая. Привлечение миллионов гастарбайтеров предполагает необходимость их интеграции в российское общество, а также перспективу натурализации, превращение в россиян.

Даже сегодня понятие «россиянин» еще довольно расплывчато. Требуется нечто большее, чем формальная общность гражданства, — тем более в условиях, когда население еще не превратилось в корпус граждан и когда (как результат многочисленных потрясений, от краха советской системы социального обеспечения до Чеченской войны) в России быстро и широко распространяются ксенофобия, шовинизм и расизм. Как минимум, необходимо остановить этот процесс, получивший возможность развиваться благодаря бездействию или даже подыгрыванию со стороны властей. Как максимум, необходимо создать новый для России вариант межэтнической общности, не предполагающий наличия для групп новых имми-

грантов каких-либо территориальных автономий или мест компактного проживания.

Идея общенационального единства не чужда новым экономическим слоям, а дух индивидуальной соревновательности имманентно присущ им. Создается основа для соединения либерально-конституционной повестки дня и современного патриотизма. Последнее предполагает, разумеется, соответствующую «огранку» и «обрамление» традиционного национализма.

Такое сочетание может быть мощным фактором внутренней трансформации России. Существует, однако, опасность того, что национализм, вместо того чтобы поддаться обработке, будет дегенерировать в сторону «особого русского пути», предполагающего возобновление противоборства с Западом. Такая опасность велика вследствие того, что национальное, государственное, патриотическое начиная с 1980-х годов осталось практически без внимания реформаторов и было по сути приватизировано теми, кто изо всех сил сопротивлялся реформам и обновлению. От того, удастся ли изменить эту ситуацию в обозримой перспективе, зависит будущее страны.

Российские либералы и демократы не смогли найти достойного выхода из дилеммы: «Россия — великая страна или великая держава?». Их ответ сводился к тому, что для того, чтобы стать великой страной, России нужно перестать быть (или считать себя) великой державой. При этом демократы ссылались на опыт современной Европы, где, действительно, после 1945 г. нет великих держав, зато достигнут высочайший уровень благосостояния. Эта аргументация — при всей ее внешней убедительности — не была воспринята, однако, большей частью российского общества. Основным референтом для россиян и после 1991 г. продолжали оставаться США — не только великая страна, но и великая держава, даже империя *sui generis*. В этих условиях «державникам» не так уже трудно было представить демократов в качестве антироссийской силы, стремящейся к дальнейшему ослаблению страны.

На самом деле антизападное «позиционирование» было проявлением не столько национального, сколько реакционного. Исторический опыт эксплуатировался для решения актуальных задач, не только не имевших никакого отношения к российским национальным интересам, но прямо противоречивших им. Возрождение конфронтации с США в «фантомной» — не опасной и ни к чему не обязывавшей — форме позволяло успешно аргументировать необходимость восстановления элементов авторитарного режима, усиления государственного (т. е. на деле бюрократического) контроля над экономикой, ограничения гражданских прав и политических свобод (в первую очередь свободы средств массовой информации и доступа к информации вообще, что на практике означало несменяемость, безответственность и бесконтрольность правящей верхушки). Точно так же тезис о том, что США продолжают оставаться основным источником военной угрозы для России в XXI в., на деле является основанием для отказа от глубокой военной реформы и консервации неэффективной для государства и опасной для общества военной машины.

В новом столетии национальную идею России предстоит освободить от «антизападного комплекса». Главная цель общих усилий заключается не в сдерживании удачливого бывшего противника, а в превращении страны в современное, успешно развивающееся общество. Тому, что модернизация не требует ни от одной страны утраты своей самобытности, существует множество примеров. С одной стороны, это Канада, не только расположившаяся по соседству с США, но и имеющая их своим единственным соседом, практически полностью интегрированная в общую североамериканскую экономику, живущая в условиях практически открытой границы, в языковом, этническом, религиозном и культурном отношении чрезвычайно близкая населению Соединенных Штатов и т. д. (список длинный) и при этом остающаяся поразительно самобытным, мгновенно отличаемым от США обществом. Другим, ставшим уже

классическим примером является Япония, сумевшая стать частью политического, экономического и военного Запада, не утратив национальной самобытности.

Страны Центральной и Восточной Европы, недавно вступившие в Европейский союз и НАТО, отнюдь не растворяются в европейском или атлантическом «плавильных тиглях», а наоборот, сохраняют свою индивидуальность и даже проявляют настойчивость в отстаивании своих национальных интересов внутри западных институтов (как, например, Польша в ходе переговоров по Европейской Конституции в 2004 г., в период украинского кризиса в том же году). Даже в том случае, если Украина станет членом европейских и евроатлантических структур, она также будет стремиться сохранить и свое лицо, и свою душу и скорее всего преуспеет и в том, и в другом.

В отличие от стран Центральной и Восточной Европы, Турции, даже Украины у России отсутствует вариант использования интеграции в западные структуры в качестве своего рода «лифта», помогающего быстрее и с меньшими потерями преодолеть «этажи» трансформации. Интеграция такой страны, как Россия, очевидно не под силу современному Европейскому союзу. Со своей стороны, российские элиты не думают отказываться от суверенитета в пользу Брюсселя. НАТО, которое в принципе могло бы включить в свой состав Россию, в таком случае оказывалось бы перед угрозой превращения в «многополярную» организацию, что прежде всего не соответствует интересам США. Для России понятие интеграции, таким образом, оказывается связанным не с конкретными региональными организациями, а с глобальной средой.

Знание отечественной истории помогает понять, почему для российских элит понятие равенства с Западом имеет принципиальное значение. Элиты, однако, должны уяснить, что вхождение в международное общество «на равных» — это не просто «присоединение к золотому миллиарду», т. е. достижение определенных показателей ВВП, а приобретение равенства качества экономики, по-

литической и социальной систем, гражданских обществ России и стран-партнеров, что создает основу для конкурентоспособности. Только опираясь на такую основу, Россия могла бы постепенно повышать свой статус («рейтинг») в рамках международного общества.

Сосредоточившись в качестве главного показателя на величине подушевого ВВП, Россия, таким образом, последовательно продвигалась вперед и вверх. Егор Гайдар говорит о возможности сокращения отставания России от лидеров современного экономического роста с двух до одного поколения в ближайшие 50 лет¹. Прогноз инвестиционного банка «Goldman Sachs», в соответствии с которым Россия уже в 2017 г. догонит Италию по ВВП (по паритету покупательной способности), а затем к 2050 г. выйдет на первое место в Европе по объему ВВП и превзойдет средний европейский уровень подушевого ВВП, мог бы стать ориентиром при реализации общенациональной программы. Надо только иметь в виду, что условиями реализации прогноза являются реформы, обеспечивающие подлинное законоправие, транспарентность, а также наличие экономических и политических институтов, аналогичных тем, которые функционируют в странах — членах международного общества. Иными словами, равенство с Западом может быть достигнуто только тогда, когда сама Россия станет частью Запада.

Согласие с тем, что главное общенациональное дело России на обозримую перспективу — это ее собственное обустройство, предполагает соответствующую внешнюю политику. Ее основные принципы включают:

- Утверждение неконфликтных, дружественных, партнерских отношений с мировым лидером — США при сохранении достаточной автономии от глобальной политики Вашингтона: асимметричное партнерство. Россия учитывает центральное положение и ведущую роль США в современной системе международных отношений. Она не рассматривает это положение и эту роль как таковые в качестве угрозы или даже вызова

для себя. В то же время Россия не отказывается от самостоятельности в пользу США взамен на формальное включение в систему американских союзов. Членство в НАТО, в принципе полезное, не имеет для России высшей ценности. У нее на обозримую перспективу нет потребности в гарантированной защите от традиционных внешних угроз. Противодействие новым угрозам можно успешно осуществлять на внеблоковой основе. В случаях актуализации гипотетических угроз Россия может рассчитывать на сотрудничество на основе национальных интересов, а не формальных обязательств.

- Достижение экономической, социальной, политической совместимости с Европейским союзом, адаптация к его нормам и принципам, реализация идеи общих пространств — своего рода свободной евроросийской ассоциации без формального вхождения России в состав Евросоюза. В XXI в. Россия становится страной западной, но не европейской (в смысле принадлежности к ЕС). Оставаясь — наряду с США, Канадой, Австралией — частью мировой Европы в культурно-цивилизационном отношении, Россия не входит в состав Европы политической, т. е. Европейского союза. При этом она широко открыта объединенной Европе, тесно сотрудничает с ней на основе базовых ценностей современного («западного») общества и т. п.
- Партнерство в области модернизации с Японией, нацеленное на ускоренное экономическое и социальное развитие российского Дальнего Востока и Сибири, их вхождение на выгодных для России условиях в формирующийся экономический комплекс Восточной Азии и бассейна Тихого океана. Россия, таким образом, утверждает себя как евротихоокеанская страна.
- Добрососедские и по возможности равновесные отношения с Китаем — мировой державой XXI в. Подобные отношения с Китаем призваны надежно обеспечить безопасность России на основе взаимного доверия и гарантий, способствовать экономическому развитию рос-

сийского Дальнего Востока и Сибири благодаря закреплению российских компаний на китайском рынке, а также китайским инвестициям и китайской миграции в России — в рамках национальной миграционной политики и миграционных программ.

- Стратегическое взаимодействие с Индией, направленное на тесное экономическое и технологическое сотрудничество, поддержание азиатского и глобального балансов и совместное обеспечение региональной безопасности.
- Интеграция экономических пространств России и Казахстана, а при условии благоприятных политических изменений — также Белоруссии, создание на этой основе экономического союза. Создание современной системы безопасности на центральноазиатском направлении в сотрудничестве со странами региона, а также США, НАТО, Китаем и Индией.
- Открытость внешнему миру — не только по отношению к другим государствам, но и по отношению к иммигрантам. Россия — континентальная империя XVIII–XIX вв. и мировая держава XX в. — должна стать мировой страной (*puys monde*²), способной в массовых масштабах интегрировать на своей территории выходцев из разных стран и носителей разных культур. Российским элитам потребуется новое глобальное мышление, основанное на реальностях XXI в.

Итак, гипотетическое членство России в ЕС и НАТО было бы важно главным образом как «лифт» для российской модернизации. Однако Евросоюз по объективным причинам, НАТО по причинам субъективным не стали в 1990-е годы таким «лифтом». К середине 2000-х Россия прошла наиболее опасный период постсоветского развития. К этому же времени ЕС и НАТО существенно изменились и выглядят из Москвы гораздо менее привлекательно. Так, ЕС все больше воспринимается как сверхбюрократизированное образование, проводящее социалистическую экономическую политику, препятствующую

экономическому росту. НАТО же после 11 сентября 2001 г. оказалось в стороне от главного направления обеспечения международной безопасности — борьбы с международным терроризмом. Когда Россия будет соответствовать критериям членства в этих организациях, это членство не будет ей нужно. Со своей стороны, и ЕС, и НАТО смотрят на сегодняшнюю Россию гораздо критичнее, чем на Россию 1990-х. В будущем, когда Россия объективно приблизится к стандартам приема, ее членство в этих институтах может быть сочтено — как в Евросоюзе, так и в США — дестабилизирующим.

В этих условиях Россия должна не присоединяться к Западу, а сама становиться им. Запад — не Америка и не Европа, вообще не географическое понятие, а некий набор ценностей, норм и технологий. Фактически это синоним понятия «международное общество». Такая интеграция не несет угрозы идентичности. Более того, именно сейчас, когда дело России — это сама Россия. Критерий ее успехов — это повышение ВВП на душу ее населения. Этого успеха не получится без формирования новых институтов правового государства, основная функция которого заключается в том, чтобы обеспечивать безопасность и гарантировать свободу развития для всех. От России царской — к России «кайзеровской» (Rechtsstaat) и дальше — к России свободной, демократической и, разумеется, суверенной: такой может быть траектория «вестернизации» России в XXI в.

¹ Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. — М.: Дело, 2005. — С. 44.

² Minc A. Ce monde qui vient: Essai. — Paris: Bernard Grasset, 2004.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. — М.: М-во обороны РФ, 2003.
- Арбатов А. Г. Национальная идея и национальная безопасность // Мировая экономика и междунар. отношения. — 1998. — № 5, 6.
- Арбатов А. Г. Безопасность: Российский выбор. — М.: ЭПИцентр, 1999.
- Арбатов А. Г. Трансформация российской военной доктрины — уроки Косово и Чечни. — [Б. м.], 2000. — (Публ. / Центр им. Маршалла; № 2).
- Арбатов Г. А., Олтманс В. Вступая в 80-е: Книга интервью. — М., Изд-во АПН, 1983.
- Афанасьев Ю. Н. Опасная Россия: Традиции самовластия сегодня. — М.: РГГУ, 2001.
- Ахизер А. С. Россия: Критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). — Т. 1: От прошлого к будущему. — Изд. 2-е. — Новосибирск: Сиб. хронограф, 1997.
- Бовин А. Пять лет среди евреев и мидовцев. — М.: Захаров, 2000.

- Богатуров А. Д.* Кризис миросистемного регулирования // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): Хрестоматия в 2 т. / Сост. Т. И. Шаклеина. — М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999.
- Богатуров А. Д.* Плюралистическая однополярность и интересы России // Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): Хрестоматия в 2 т. / Сост. Т. И. Шаклеина. — М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999.
- Богатуров А. Д.* Синдром поглощения в международной политике // Pro et Contra. — 1999. — Т. 4. — № 4. — Осень.
- Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. — М.: Междунар. отношения, 1991.
- В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией:* В 2 ч. — М.: Наука, 1994.
- «Вестник Европы»: Избранное. 1802–1881: Приложение к 4-му, юбилейному тому журнала «Вестник Европы». — М., 2002.
- Внешняя политика и безопасность современной России (1991–1998): Хрестоматия в 2 т. / Сост. Т. И. Шаклеина.* — М.: Моск. обществ. науч. фонд, 1999.
- Волков В.* Силовое предпринимательство. — СПб.: Европ. ун-т в С.-Петербурге; Летний сад, 2002.
- Гаджиев К. С.* Введение в геополитику. — М.: Логос, 1998.
- Гайдар Е. Т.* Долгое время. Россия в мире: Очерки экономической истории. — М.: Дело, 2005.
- Горбачев М.* Жизнь и реформы. — М.: Новости, 1995. — Кн. 1–2.
- Грачев А. С.* Кремлевская хроника. — М.: ЭКСМО, 1994.
- Давыдов Ю. П.* Норма против силы: Проблема мирорегулирования. — М.: Наука, 2002.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. — М.: ЭКСМО, 2003.
- Девятков А.* Под девизом «величие и достоинство» // Независимое воен. обозрение. — 2004. — Окт.

- Дугин А.* Основы геополитики: Геополитическое будущее России. — М.: Арктогея, 1997. — 608 с.
- Загорский А., Лукас М.* Россия перед европейским выбором. — М.: Междунар. отношения; Ин-т Восток — Запад, 1993.
- Заславская Т. И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. — М.: Дело, 2004.
- Ивашов Л. Г.* Россия или Московия? Геополитическое измерение национальной безопасности России. — М.: ЭКСМО, 2002.
- История внешней политики России (конец XV в. — 1917 г.): В 5 кн. / Отв. ред. А. Н. Сахаров. — М.: Междунар. отношения, 1997.
- Квицинский Ю. А.* Время и случай: Заметки профессионала. — М.: ОЛМА-пресс, 1999.
- Китай: угрозы, риски, вызовы развитию / Под ред. В. Михеева; Моск. Центр Карнеги. — М., 2005. — С. 371.
- Козырев А. В.* Преображение. — М.: Междунар. отношения, 1994.
- Козырев А. В.* Стратегия партнерства // Междунар. жизнь. — 1994. — № 5.
- Колосов В. А.* Геополитическое положение России. — М., 2000.
- Корниенко Г. М.* Холодная война: Свидетельство ее участника. — М.: Междунар. отношения, 1995.
- Кортунов А. В.* Россия и Запад: модели интеграции. — М.: РНФ-РОПЦ, 1994.
- Кортунов С. В.* Имперские амбиции и национальные интересы: Новые измерения внешней политики России. — М.: МОНФ, 1998.
- Левинсон А.* Опыт социологии: Статьи. — М.: Новое лит. обозрение, 2004.
- Максимычев И. Ф.* Угрозы безопасности России, связанные с началом расширения НАТО (внешнеполитические аспекты). — М.: Ин-т Европы РАН, 1998.
- Малашенко А.* Исламская альтернатива и исламистский проект / Моск. Центр Карнеги. — М., 2006.

- Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Избр. произв. в 3 т. — Т. 1. — М.: Политиздат, 1983. — С. 106–138.
- Масарик Т. Г. Россия и Европа: эссе о духовных течениях в России. — СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитарн-та, 2004.
- Мау В. Российская модернизация // <http://www.gazeta.ru> (июль 2005 г.).
- Михайлов В. Н. Я — «ястреб». — М.: Крон-Пресс, 1993.
- Михеев В. Восточно-Азиатское сообщество: китайский фактор и выводы для России. — М., 2004. — (Работ. материалы / Моск. Центр Карнеги; № 1).
- Млечин Л. МИД. Министры иностранных дел: Тайная дипломатия Кремля. — М.: Центрполиграф, 2003.
- Нарочницкая Н. А. Россия и русские в мировой истории. — М.: Междунар. отношения, 2004.
- НАТО: Справочник. — Brussels: NATO Office of Information and Press, 2001.
- Ослунд А. Строительство капитализма. — М.: Логос, 2003.
- Паин Э. А. Этнополитический маятник: динамика и механизмы этнополитических процессов в постсоветской России. — М.: Ин-т социологии РАН, 2004.
- Палеолог М. Царская Россия накануне революции: Репринтное воспроизведение издания 1923 г. — М.: Политиздат, 1991.
- Панарин А. С. «Вторая Европа» или «Третий Рим»? // Вопр. философии. — 1996. — № 10.
- Паршев А. П. Почему Россия не Америка. — М.: Крым. Мост; Форум, 2003.
- Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская Система и реформы // Pro et Contra. — 1999. — Т. 4. — № 4. — Осень.
- Пиндер Дж., Шшиков Ю. Евросоюз и Россия: перспективы партнерства. — М.: Ком. «Россия в объединенной Европе», 2003.
- Поздняков Э. А. Геополитический коллапс и Россия // Междунар. жизнь. — 1992. — № 8–9.

- Порог Европы: Влияние европейского трансграничного и приграничного сотрудничества на региональное экономическое развитие Псковской области / Под общ. ред. Л. М. Шлосберга. — Изд-во АНО «Центр социального проектирования “Возрождение”», 2004.
- Примаков Е. М.* Годы в большой политике. — М.: Совершенно секретно, 1999.
- Примаков Е. М.* Восемь месяцев плюс... — М.: Мысль, 2001.
- Примаков Е. М.* Мир после 11 сентября. — М.: Мысль, 2002.
- Программа обновления. Американо-российские отношения: Доклад Российско-Евразийской программы Фонда Карнеги за Международный Мир. — Вашингтон, 2000.
- Прорыв. Становление нового мышления: Советские и западные ученые призывают к миру без войн / Под ред. Анат. Громько и М. Хеллмана. — М.: Прогресс, 1988.
- Публичная политика в сфере мягкой безопасности: балтийское измерение. Сборник статей / Под ред. А. Ю. Сунгурова, Л. Н. Проскураковой, Д. О. Торхова. — СПб.: Норма, 2003.
- Пути мира на Северном Кавказе. Независимый экспертный доклад / Под ред. В. А. Тишкова. — М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999.
- Рогов С. М.* Контуры новой российской стратегии // НГ-Сценарии. — 1998. — № 3. — Март.
- Россия и НАТО в новом контексте международной безопасности / Ин-т Европы РАН. — М., 2005.
- Россия и расширившийся Европейский Союз: Трудные перспективы сближения: Доклад Комитета «Россия в объединенной Европе». — М., 2004.
- Россия между вчера и завтра. — Кн. 1: Экспертные разработки / Общ. ред. В. Преображенского и Д. Драгунского; Клуб «2015», Ин-т нац. проекта «Обществ. договор». Группа «Сценарии для России-2». — М., 2003.
- Россия между Западом и Востоком: мосты в будущее. — М.: Междунар. отношения, 2003.

- Сазонов С. Д. Воспоминания. — М.: Международ. отношения, 1991 (воспр. репринт. изд. 1927 г.).
- Сахаров А. За и против. 1973 год: документы, факты, события. — М.: ПИК, 1991.
- Смеляков Н. Деловая Америка (записки инженера): 2-е изд. — М.: Политиздат, 1969.
- Солженицын А. И. Россия в обвале. — М.: Рус. путь, 1998.
- Солженицын А. И. Двести лет вместе (1795–1995). — М.: Рус. путь; 2001–2002. — Ч. 1–2.
- Средние классы в современной России: Коллектив. монография / Под ред. Т. Малевой; Моск. Центр Карнеги. — М.: Гендальф, 2003.
- Степанова Е. Россия и антикризисная стратегия НАТО после окончания «холодной войны» // Россия и основные институты безопасности в Европе: вступая в XXI век / Под ред. Д. Тренина; Моск. Центр Карнеги. — М., 2000.
- Столыпин А. П. А. Столыпин. 1862–1911. — Париж, [б. г.]. Репринт. изд.: М.: Планета, 1991.
- Тишков В. А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). — М.: Наука, 2001.
- Тренин Д., Михеев В. Россия и Япония как взаимный ресурс развития: [Доклад] / Моск. Центр Карнеги. — М., 2005.
- Троицкий М. А. Трансатлантический союз: Модернизация системы американско-европейского партнерства после распада биполярности. 1991–2004. — М.: Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2004.
- Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. — М.: Аграф, 2000.
- Тэлботт С. Билл и Борис: Записки о президентской дипломатии. — М.: ОАО Изд. дом «Городец», 2003.
- Уткин А. И. Россия и Запад: История цивилизаций. — М.: Гардарики, 2000.
- Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. — М.: Республика; Современник, 1999.

- Федоров В. П. Трагедия России (Вымирание народа и его территориальная незащищенность): Ст. 1 // *Соврем. Европа.* — 2004. — № 1. — Янв.—март.
- Цымбурский В. Народы между цивилизациями // *Pro et Contra.* — 1997. — Т. 2. — № 3.
- Цымбурский В. Геополитика для «евразийской Атлантиды» // *Pro et Contra.* — 1999. — Т. 4. — № 4. — Осень.
- Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избранные письма: В 2 т. — М.: Наука, 1991.
- Черномырдин В. С. Вызов. — М.: Моск. писатель, 2003.
- Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. — М.: Изд. группа «Прогресс» — «Культура», 1993.
- Шанин Т. Умом Россию понимать надо: Тезис о триединстве России // *Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год.* — М.: Логос, 1999.
- Шевцова Л. Откат, или Как Владимир Путин начинает второе президентство. — М., 2005. — (Брифинг / Моск. Центр Карнеги; Вып. 1).
- Шлейфер А., Трейсмэн Д. Обычная страна. — М., 2004. — (Раб. материалы / Моск. Центр Карнеги; Вып. 7).
- Эдамура Сумио. Как распадалась империя: Воспоминания посла Японии в Москве, 1990–1994 гг. — М.: Япония сегодня, 2003.
- Явлинский Г. А. Периферийный капитализм. — М.: ЭПИцентр; Интеграл-Информ, 2003.
- Яковлев А. Н. Сумерки. — М.: Материк, 2003.
- Янов А. Л. Россия: У истоков трагедии 1462–1584: Заметки о природе и происхождении русской государственности. — М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Янов А. Л. Патриотизм и национализм в России: 1825–1921. — М.: Академкнига, 2002.
- After the Fall* / A. C. Kuchins (ed.); Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington, 2002.
- Albright M. Madam Secretary: A Memoir. With Bill*

- Woodward. — New York: Miramax Books, 2003.
- Ash T. G.* Free World. America, Europe, and the Surprising Future of the West. — New York: Random House, 2004.
- Barysch K.* The EU and Russia: Strategic partners or squabbling neighbours? / Centre for European Reform. — London, 2004.
- Between Dictatorship and Democracy / M. McFaul, N. Petrov, A. Ryabov (eds.); Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington, DC, 2004.
- Billington J. H.* Russia in Search of Itself. — Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2004.
- Bjorkman T.* Russia's Road to Deeper Democracy. — Washington: Brookings, 2003.
- Blackwill R. D., Braithwaite R. Tanaka A.* Engaging Russia: A Report to the Trilateral Commission 46. — New York; Paris; Tokyo: The Trilateral Commission, June 1995.
- Braithwaite R.* Russia in Europe. — London: Centre for European Reform, 1999.
- Braithwaite R.* Across the Moscow River: The World Turned Upside Down. — New Haven; London: Yale Univ. Press, 2002.
- Brown A.* The Gorbachev Factor. — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 1996.
- Brzezinski Z.* Premature Partnership // Foreign Affairs. — 1994. — March/Apr. — Vol. 73. — № 2.
- Brzezinski Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. — New York: Basic Books, 1997.
- Brzezinski Z.* The Choice: Global Domination or Global Leadership. — New York: Basic Books, 2004.
- Bull H.* The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. — New York: Columbia Univ. Press, 1977.
- Churchill W. S.* A History of the English-Speaking Peoples. — Vol. 1–4. — London: Cassell, 1956.

- Communique issued by the NAC meeting in ministerial session, 19 December 1991 // NATO Rev. — 1992. — Iss. 1. — Febr. — P. 26–29.
- Conquest R.* The Dragons of Expectation: Reality and Delusion in the Course of History. — New York: W.W. Norton and Company, 2005.
- Cooper R.* The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century. — London: Atlantic Books, 2003.
- Cox Commission Report // U.S. Government Printing Office. — Washington, DC, 1999.
- Craig G. A., George A. L.* Force and Statecraft: Diplomatic Problems of Our Time: Third edition. — New York; Oxford: Oxford Univ. Press, 1995.
- Davies N.* Europe: A History. — London: Pimlico, 1997.
- Delors J.* European Unification and European Security // European Security After the Cold War: Conference Papers. — [S. l.], 1994. — (Adelphi Paper; 284).
- Determinanten der westdeutschen Restauration / E.-U. Huster, G. Kraiker, B. Scherer, F.-K. Schlotmann, M. Weltecke. — Frankfurt a/M: Suhrkamp Verlag, 1975.
- Dunn L.* The Super-Power Dialogue: Prospects and Limitations // IISS Annu. Conf. Winter 1990–1991. — [S. l.], 1991. — (Adelphi Paper; 248).
- East-West Relations: Report by the Trilateral Commission. — New York; Paris; Tokyo, Apr. 1989.
- Eekelen W. van.* The Future of NATO and Warsaw Pact Strategy // IISS Annu. Conf. Winter 1989–1990. — [S. l.], 1990. — (Adelphi Paper; 247).
- Emerson M.* The Wider Europe Matrix. — Brussels: Centre for European Policy Studies, 2004.
- Fischer S.* Russlands Westpolitik in der Krise 1992–2000. Eine konstruktivistische Untersuchung. — Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2003.
- Fukuyama F.* State-Building: Governance and World Order in the 21st Century. — Ithaca, New York: Cornell Univ. Press, 2004.

- Fukuyama F.* The End of History and the Last Man. — [S. l.]: Simon and Schuster, 1992.
- Godzimirski Ja.* Russian national security concepts. 1997–2000. — [S. l.], 2000. — (Security Policy Library / The Norwegian Atlantic Committee; № 8-2000).
- Goldeiger J., McFaul M.* Power and Purpose: U.S. Policy Toward Russia after the Cold War. — Washington: Brookings Institution Press, 2003.
- Gowan D.* How the EU Can Help Russia. — London: Centre for European Reform, 2001.
- Grabbe H.* The Constellations of Europe: How enlargement will transform the EU. — London: Centre for European Reform, 2004.
- Haass R.* The Opportunity: America's Moment to Alter History's Course. — New York: Public Affairs, 2005.
- Hill F., Gaddy C.* The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. — Washington: Brookings Institution Press, 2003.
- Holst J.* The Strategic Implications of Change in the Soviet Union // IISS Annu. Conf. Winter 1989–1990. — [S. l.], 1990. — (Adelphi Paper; 247).
- Hopkirk P.* The Great Game: On Secret Service in High Asia. — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 2001.
- Huntington S. P.* Who Are We? The Challenges to America's National Identity. — New York: Simon and Schuster, 2004.
- Kissinger H.* The White House Years. — Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1979.
- Kissinger H.* Diplomacy. — New York: Simon & Schuster, 1994.
- Kissinger H.* Years of Renewal. — New York: Simon & Schuster; 1999.
- Lieven A.* Chechnya: Tombstone of Russian Power. — New Haven; London: Yale Univ. Press, 1999.
- Lieven D.* Empire: The Russian Empire and Its Rivals from the Sixteenth Century to the Present. — London: Pimlico, 2003.

- Lloyd J.* Re-engaging Russia. — London: The Foreign Policy Centre, 2000.
- Lo B.* Russian Foreign Policy in the Post-Soviet Era: Reality, Illusion and Mythmaking. — London: Palgrave, 2002.
- Lopez-Claros A.* Russia: Competitiveness, Growth, and the Next Stage of Development // World Economic Forum: The Global Competitiveness Report 2005–2006. — Geneva, 2005. — Chap. 2.6.
- Mandelbaum M.* The Ideas That Changed the World: Peace, Democracy, and Free Markets in the Twenty-first Century. — New York: Public Affairs, 2002.
- Mapping the Global Future: Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. — Washington: Government Printing Office, Dec. 2004.
- Matlock J.* Autopsy on an Empire: The American Ambassador's Account of the Collapse of the Soviet Union: 1st edition. — [S. l.]: Random House, 1995.
- Meade W. R.* Power, Terror, Peace, and War: America's Grand Strategy in a World at Risk. — New York: Alfred Knopf, 2004.
- The Military Balance 2004–2005 / IISS. — London: Oxford Univ. Press, 2004.
- Military Forces in Transition: A Report by US Department of Defense. — [S. l.], 1991.
- Minc A.* Ce monde qui vient: Essai. — Paris: Bernard Grasset, 2004.
- Montbrial Th. de.* Implications and Options for the West // IISS Annu. Conf. Winter 1990–1991. — [S. l.], 1991. — (Adelphi Paper; 248).
- The North Atlantic Treaty Organization: Facts and Figures. — Brussels: NATO Information Service, 1989.
- Osgood R. E.* NATO: The Entangling Alliance. — Chicago: The Univ. of Chicago Press, 1962.
- Patten Ch.* Not Quite the Diplomat: Home Truths about World Affairs. — London: Allen Lane, 2005.

- Rahr A.* Wladimir Putin: Der «Deutsche» im Kreml. — 2. überarbeitete und ergänzte Auflage. — München: Universitas Verl., 2000.
- Russia and Europe // Ed. by V. Baranovsky. — [S. l.]: Oxford Univ. Press, 1998.
- Russia Between East and West: Russian Foreign Policy on the Threshold of the Twenty-First Century / Ed. Gabriel Gorodetsky. — London; Portland, OR: Frank Cass, 2003.
- Russia's Engagement With the West: Transformation and Integration in the Twenty-First Century / Ed. by A. J. Motyl, B. A. Ruble and L. Shevtsova. — Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 2005.
- Savel'yev A. G., Detinov N. N.* The Big Five: Arms Control Decision Making in the Soviet Union / Ed. G. Varhall; Transl. D. Trenin. — Westport: Praeger, 1995.
- Schleifer A., Treisman D. A.* Normal Country // Foreign Affairs. — 2004. — May—June.
- Schmidt H.* Die Selbstbehauptung Europas: Perspektiven für das 21. Jahrhundert. — Stuttgart; München: Deutsche Verl.-Anstalt, 2000.
- Schmidt H.* Die Mächte der Zukunft: Gewinner und Verlierer in der Welt von Morgen. — München; Siedler Verl., 2004.
- A Secure Europe in a Better World. European Security Strategy: Document proposed by Javier Solana and adopted by the Heads of State and Government at the European Council in Brussels on 12 December 2003. — Paris: Inst. of Security Studies of the European Union, 2003.
- Shevtsova L.* Putin's Russia / Carnegie Endowment for Intern. Peace. — Washington, 2003.
- Shulman M.* Can the Change Be Sustained? // IISS Annu. Conf. Winter 1989–1990. — [S. l.], 1990. — (Adelphi Paper; 247).
- Simes D.* After the Collapse: Russia Seeks its Place as a Great Power. — New York: Simon & Schuster, 1999.

- Soviet Military Power: Prospects for Change. 1989 / US Government Printing Office. — Washington, 1989.
- Talbott S.* The Russia Hand: A Memoir of Presidential Diplomacy. — New York: Random House, 2002.
- Taubman W.* Khrushchev: The Man and His Era. — New York: W.W. Norton and Company, 2003.
- Text of the Report of the Committee of Three on Non-Military Cooperation in NATO. Approved by the North Atlantic Council on December 13, 1956 // North Atlantic Treaty Organization: Facts and Figures. — 11th ed. — Brussels: NATO, 1989.
- Thatcher M.* Statecraft: Strategies for a Changing World. — New York: Harper and Collins, 2002.
- Trenin D.* The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization. — Moscow: Carnegie Endowment, 2001; Washington, 2002.].
- Trenin D.* Traditionalism Makes a Comeback // Russia Profile. — 2004. — Oct. 20 (<http://www.russiaprofile.org>).
- Trenin D.* Gold Eagle, Red Star // *Miller S. E., Trenin D.* Russian Military: Power and Policy. — Cambridge, Mass.: MIT Press, 2005.
- UN World Investment Report 2004. The Drift Towards Services. United Nations Conference on Trade and Development. — New York; Geneva, 2004.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдулатипов Р. Г. 214
Аденауэр Конрад 39, 40
Акаев Аскар 277
Александр I 62, 161
Александр II 161
Александр III 63, 161-163
Александр Невский 172
Александров-Агентов А. А. 92
Алексей Михайлович 160
Алексий II (Ридигер) 193
Аллисон Грэм 114
Амбарцумов Е. А. 87
Андропов Ю. В. 85, 86, 162, 220
Аннан Кофи 357
Арбатов А. Г. 83, 133, 175, 246
Арбатов Г. А. 86, 87
Армель Пьер 222
Ататюрк Кемаль 17
Афанасьев Ю. Н. 61
Афанасьевский Н. Н. 295
Ахиезер А. С. 167
Ахромеев С. Ф. 340
Ахтисаари Марти 258
- Бакагин В. В. 342
Безбородко А. А. 161

- Бергер Сэмюел 339
Бердяев Н. А. 83
Березовский Б. А. 100, 127, 198, 215
Бернс Уильям 152
Бессмертных А. А. 348
Бжезинский Збигнев 69, 175, 315
Блэр Энтони 272
Блок А. А. 171
Бовин А. Е. 86-88
Богатуров А. Д. 238
Богомолов О. Т. 87, 132
Браун Арчи 91, 218, 222
Брежнев Л. И. 68, 77, 85, 88, 90, 91, 112, 131, 150, 167, 185, 212, 220, 345
Булл Хедли 21
Бурлацкий Ф. М. 85
Бухарин Н. И. 121
Буш-младший Джордж 27, 54, 71, 72, 77, 196, 198, 241, 243, 247, 248, 272, 285, 347
Буш-старший Джордж 71, 223, 232, 233, 247, 250, 290, 314, 345, 347
- Валенса Лех 253
Вернер Манфред 244
Вильсон Вудро 33
Витте С. Ю. 155
Волошин А. С. 339
- Гавел Вацлав 332
Гайдар Е. Т. 96, 113, 115, 117, 120, 136, 181, 182, 229, 265, 294, 368
Гельбрас В. Г. 199
Георг III 38
Герек Эдвард 151
Гинденбург Пауль фон 96
Гитлер Адольф 34, 64, 65
Глазьев С. Ю. 136

Говорухин С. С. 213
Голль Шарль де 35, 169, 330
Гор Альберт 117, 207, 338
Горбачев М. С. 19, 69, 70, 85, 87, 90-95, 102, 103, 111, 113-115, 121, 122, 125, 131, 143, 145, 150, 181, 204, 205, 219-224, 227, 250, 261, 277-279, 342, 345, 347, 348, 362
Горбачева Р. М. 121
Горчаков А. М. 162
Грачев А. С. 87, 95, 203
Грачев П. С. 198, 341
Громыко Анатолий А. 132
Громыко Андрей А. 88, 92, 162
Грэм Том 98
Гумилев Л. Н. 177
Гусинский В. А. 100, 127, 198

Даалдер Иво 77
Даниил Галицкий 172
Данилевский Н. Я. 173, 175, 176
Девятов А. 213
Делор Жак 235
Дерипаска О. В. 137
Джоулван Джордж 296
Добрынин А. Ф. 92
Дугин А. Г. 177
Дэн Сяопин 191

Екатерина II 160, 161
Елизавета Петровна 161
Ельцин Б. Н. 19, 29, 70, 95-100, 102, 103, 106, 114, 116, 127, 133, 136, 145, 179, 181, 204-207, 221, 224, 227-229, 231-235, 238, 246, 247, 252, 253, 258, 263, 278, 283-291, 294, 296, 314, 316, 338, 345-347, 358, 362

Жириновский В. В. 194
Жискар д'Эстен Валери 222
Журкин В. В. 87, 132

Загладин В. В. 87
Зайончковская Ж. А. 199
Заславская Т. И. 100
Зюганов Г. А. 194

Иван III 157, 158, 178, 211
Иван IV (Грозный) 144, 158, 160, 168, 211
Иванов И. С. 162, 295, 339
Иванов С. Б. 240, 296, 339
Ивашов Л. Г. 78
Иден Энтони 272
Илиеску Ион 47
Ильин И. И. 83
Иноземцев В. Л. 77
Иноземцев Н. Н. 132

Камдессю Мишель 117
Караганов С. А. 246
Каримов Ислам 75
Карл Великий 156
Картер Эштон 317
Касьянов М. М. 136
Келин А. В. 357
Кеннан Джордж 83
Ким Ир Сен 24
Киссинджер Генри 77, 222, 234, 235, 256
Клинтон Уильям 71, 201, 233, 234, 238, 239, 246, 247, 278,
284, 291, 295, 296, 314, 317, 346
Клямкин И. М. 150
Кобзон И. Д. 137
Козырев А. В. 145, 194, 224-229, 232, 236, 237, 254, 277,
294, 296
Кокошин А. А. 339
Кокс Кристофер 99
Коль Гельмут 76, 206, 235, 271, 345, 346
Кортунов А. В. 221
Кортунов С. В. 174

Косыгин А. Н. 91
Котошихин Г. К. 173
Кристофер Уоррен 326
Курбский А. М. 173

Лавров С. В. 358
Лантос Томас 279
Лацис О. Р. 113
Лейк Энтони 27
Лелюш Пьер 77
Ленин (Ульянов) В. И. 121, 136, 146, 163, 174, 185, 204,
212, 262, 280
Либерман Е. Г. 91
Лигачев Е. К. 144
Лизичев А. Д. 144
Линдсей Джеймс 77
Лисичкин Г. С. 113
Ло Бобо 295, 297
Лугар Ричард 284
Лукашенко А. Г. 25, 26, 178, 334
Лукин В. П. 87, 234, 297

Маккейн Джон 149, 279
Маккиндер Хэлфорд 176
Макмиллан Гарольд 272
Макфол Майкл 149
Малашенко А. В. 152
Маркс Карл 178
Маршалл Джордж 40, 66, 115, 116, 223
Масарик Томаш 210
Маслюков Ю. Д. 120
Медведев В. А. 92
Мечъяр Владимир 209
Милошевич Слободан 25, 209, 251, 257, 258, 267, 268
Михеев В. В. 217
Млынарж Зденек 345
Молотов (Скрябин) В. М. 123, 162, 165

Монбриаль Тьерри де 262
Мугабе Роберт 25, 26
Муссолини Бенито 272
Мэтлок Джек 70, 92

Назарбаев Нурсултан 178
Накасонэ Ясухиро 222, 346
Нанн Сэм 284
Наполеон I 62, 161
Нарочницкая Н. А. 176
Невзлин Л. Б. 198
Немировская Е. М. 104, 352
Немцов Б. Е. 120, 136
Нетаньяху Беньямин 198
Николай I 63, 161, 162
Николай II 32, 108, 136, 163, 174
Никонов В. А. 75, 205, 297
Никсон Ричард 186, 226
Ниязов Сапармурат (Туркменбаши) 75
Нурғалиев Р. Г. 178, 214

Ослунд Андерс 151
Останков В. Н. 357

Пайрер Джефф 356
Палеолог Морис 63, 77
Парфенов Л. Г. 180
Перри Уильям 317
Петр I 62, 108, 160, 161, 178, 182, 191, 345
Петров Н. В. 149
Пивоваров Ю. С. 59, 100
Пиночет Аугусто 128
Питовранов Е. П. 152
Пономарев Б. Н. 92
Потанин В. О. 215
Примаков Е. М. 87, 106, 120, 132, 136, 145, 162, 177, 213,
236-238, 253, 294, 348

Путин В. В. 49, 58, 61, 65, 74, 77, 78, 101-103, 107, 108, 110, 127, 128, 134, 136, 145, 148, 151, 182, 184, 191, 196-198, 201, 202, 208, 209, 213-215, 221, 240-244, 247, 265, 268, 271, 272, 279, 282, 295, 297, 298, 317, 322, 323, 47, 348, 357

Райс Кондолиза 77, 339
Рамсфельд Дональд 272
Рейган Рональд 122, 167, 222, 345
Риббентроп Иоахим фон 123
Рогов С. М. 316, 357
Рузвельт Франклин 43, 64, 67
Румянцев О. Г. 176, 213
Русаков К. В. 92
Рушайло В. Б. 339
Рыбкин И. П. 339
Рябов А. В. 149

Савицкий П. Н. 66
Сазонов С. Д. 63
Саймс Димитрий 235
Сахаров А. Д. 90, 122
Селюнин В. И. 113
Скоков Ю. В. 339
Софья Алексеевна 160
Стайнбруннер Джеймс 317
Сталин (Джугашвили) И. В. 63, 65-68, 84-86, 111, 112, 114, 121, 130, 146, 151, 162, 165, 174, 180, 281, 345
Станкевич С. Б. 176
Столыпин П. А. 57, 108, 182
Струве П. Б. 176
Сурков В. Ю. 61, 103, 151
Сухарто 128

Токвиль Алексис де 36
Трисман Дэниел 243
Троцкий (Бронштейн) Л. Д. 146, 163, 185, 212
Трубецкой Н. С. 66

- Трумэн Гарри 67
Туджман Франьо 251
Тэлботт Струуб 215, 233, 234, 258
Тэтчер Маргарет 122, 167, 218, 222, 272, 345
Тютчев Ф. И. 169
- Форд Джеральд 77
Фрадков М. Е. 136, 198
Фрост Дэвид 247
Фурсов А. И. 59, 100
- Хаасс Ричард 299, 357
Хасимото Рютаро 206
Ходорковский М. Б. 107, 127, 135, 137, 152, 288, 352
Хрущев Н. С. 68, 85, 112, 131, 146, 165, 167, 185, 345, 347
Хусейн Саддам 25, 221, 268
- Цзян Цземинь 206
Цымбурский В. Л. 213
- Чаадаев П. Я. 62
Чаушеску Николае 24
Черненко К. У. 85
Черномырдин В. С. 117, 206, 241, 257, 258, 263, 337, 338
Черняев А. С. 69, 87, 92, 121
Черчилль Уинстон 36, 37, 43, 67, 272
Честертон Гилберт 38
Чижов В. А. 358
Чичерин Г. В. 130
Чубайс А. Б. 120, 136, 181, 229, 279, 339
- Шаймиев М. Ш. 214
Шапошников Е. И. 284
Шарон Ариэль 198
Шаталин С. С. 114
Шахназаров Г. Х. 86, 87, 92
Швецов Л. Ф. 150, 296

Шеварднадзе Э. А. 70, 92, 224, 227

Шевцова Л. Ф. 150

Шелов-Коведяев Ф. В. 213

Ширак Жак 206

Шишлин Н. В. 87

Шлейфер Андрей 243

Шмелев Н. П. 113, 132

Шмидт Гельмут 302

Шрёдер Герхард 58, 297

Шуман Робер 41, 137

Щаранский Натан 198

Эймс Олдрич 343

Экелен Виллем ван 293

Энгельс Фридрих 178

Явлинский Г. А. 114, 183, 255

Яковлев А. Н. 92, 131, 132, 152, 174, 203

Яковлев Е. В. 87

Янов А. Л. 63, 167

Янукович В. Ф. 268

Ярослав Мудрый 158

Summary

The new book continues the theme of Trenin's *The End of Eurasia: Russia Between Geopolitics and Globalization*, published two years ago, but enlarges its horizons. Whereas most champions of Russia's integration with the West and critics of Russia's behavior focus on Kremlin politics, Trenin sees the impersonal forces of economics, and above all property rights, as the locomotives of history. He believes that Russia's openness to the outside world and the growth of Russian capitalism will gradually transform Russian society. In his view, over time capitalism will create the need for rule of law, and the middle class it will produce will lay the foundation for a democratic polity.

Trenin cites numerous parallels between different epochs in an attempt to elaborate options for the future. He comes to the paradoxical conclusion that Russia, as a result of its capitalist evolution followed by a liberal and democratic breakthrough, has a real chance of becoming Western (in the sense of its institutions), but will probably not become European (i.e. a member of the EU). That is, Russia will not integrate formally into the West, but Russians' habits and predilections as well as domestic institutions will gradually come to resemble those of the West, thanks to identity-forming economic life and interests. And this would be one answer to the dilemma of integration vs. identity.

О Фонде Карнеги

Фонд Карнеги за Международный Мир является неправительственной, внепартийной, некоммерческой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне (США). Фонд был основан в 1910 г. известным предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений. Фонд не занимается предоставлением грантов (стипендий) или иных видов финансирования. Деятельность Фонда Карнеги заключается в выполнении намеченных его специалистами программ исследований, организации дискуссий, подготовке и выпуске тематических изданий, информировании широкой общественности по различным вопросам внешней политики и международных отношений.

Сотрудниками Фонда Карнеги за Международный Мир являются эксперты мирового уровня, которые используют свой богатый опыт в различных областях, накопленный ими за годы работы в государственных учреждениях, средствах массовой информации, университетах и научно-исследовательских институтах, международных организациях. Фонд не представляет точку зрения какого-либо правительства, не стоит на какой-либо идеологической или политической платформе, и его сотрудники имеют самые различные позиции и взгляды.

Решение создать Московский Центр Карнеги было принято весной 1992 г. с целью реализации широких перспектив сотрудничества, которые открылись перед научными и общественными кругами США, России и новых независимых государств по-

сле окончания периода «холодной войны». С 1994 г. в рамках программы по России и Евразии, реализуемой одновременно в Вашингтоне и Москве, Центр Карнеги осуществляет широкий спектр общественно-политических и социально-экономических исследований, организует открытые дискуссии, ведет издательскую деятельность.

Основу деятельности Московского Центра Карнеги составляют публикации и циклы семинаров по внутренней и внешней политике России, по проблемам нераспространения ядерных и обычных вооружений, российско-американских отношений, безопасности, гражданского общества, а также политических и экономических преобразований на постсоветском пространстве.

**CARNEGIE ENDOWMENT
FOR INTERNATIONAL PEACE**

1779 Massachusetts Ave., NW, Washington, DC 20036, USA

Tel.: +1 (202) 483-7600; Fax: +1 (202) 483-1840

E-mail: info@CarnegieEndowment.org

<http://www.CarnegieEndowment.org>

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

Россия, 125009, Москва, Тверская ул., 16/2

Тел.: +7 (495) 935-8904; Факс: +7 (495) 935-8906

E-mail: info@carnegie.ru

<http://www.carnegie.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Джессика Мэтьюз)	3
Благодарность автора	7
Введение	9
Глава первая	
Интеграция и идентичность в XXI веке	15
Глава вторая	
Направления внутренней трансформации России и их влияние на международный статус страны	81
Глава третья	
Просто Россия: эволюция российской международной идентичности	155
Глава четвертая	
Политические отношения России с США и Евросоюзом: союзники, партнеры, соперники?	217
Глава пятая	
Пути и инструментарий дальнейшей интеграции ...	299
Заключение	
От России европейской, но не западной — к России западной, но не европейской	359
Библиография	373
Указатель имен	387
Summary	396
О Фонде Карнеги	397

CONTENTS

Foreword (by Jessica Mathews)	3
Acknowledgements	7
Introduction	9
Chapter One	
Integration and identity in the XXIst century	15
Chapter Two	
Vectors of Russia's internal transformation and their impact on the country's international status	81
Chapter Three	
Simply Russia: the evolution of Russia's international identity	155
Chapter Four	
Russia's political relations with the US and the European Union: allies, partners or rivals?	217
Chapter Five	
Ways and means of further integration	299
Conclusion	
From European, yet not western, Russia to Russia western, yet not European	359
Bibliography	373
Index of names	387
Summary (in English)	396
About the Carnegie Endowment	397

Дмитрий Витальевич Тренин

ИНТЕГРАЦИЯ И ИДЕНТИЧНОСТЬ
Россия как «новый Запад»

Ответственный редактор *Т. Рапопорт*

Редактор *А. Иоффе*

Художественный редактор *С. Захаров*

Корректоры *Л. Васильева, В. Кинша*

Дизайн *А. Монахов*

Верстка *П. Борисова, О. Павловский*

Подписано в печать 17.04.2006. Формат 60X84/16
Гарнитура Journal. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 23,72. Тираж 3000 экз.

Издательство «Европа»
119180, г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1.
тел. 745-52-25, факс 725-78-67
e-mail: info@europublish.ru

Отпечатано с оригинал-макета в
типографии «Баккара-принт»
Заказ № 181